

НАРОДЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ

Сборник материалов Международной
научно-практической конференции

Чебоксары 2018

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова»

НАРОДЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РОССИИ

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции,
посвящённой 90-летию со дня рождения
Петра Владимировича Денисова
(28–29 сентября 2018 г.)

PEOPLES OF THE VOLGA-URAL REGION IN THE HISTORY AND CULTURE OF RUSSIA

Collection of materials of the International Conference devoted
to the 90th Anniversary of the birth of Petr Vladimirovich Denisov
(September 28–29, 2018)

Чебоксары 2018

УДК 94(470+571):008 (082)

ББК 63.3(2Рос)+71я43

Н30

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук, профессор Л.А. Таймасов
канд. ист. наук, доцент О.Г. Вязова
старший преподаватель М.И. Федулов

Ответственный редактор:
канд. ист. наук, доцент Н.А. Петров

*Печатается по решению Учёного совета Чувашского
государственного университета им. И.Н. Ульянова*

Н30 **Народы Волго-Уралья в истории и культуре России:** материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня рождения П.В. Денисова (Чебоксары, 28–29 сент. 2018 г.). – Чебоксары: ИД «Среда», 2018. – 396 с.

ISBN 978-5-6042304-0-4

В сборнике представлены материалы конференции «Народы Волго-Уралья в истории и культуре России». Рассматриваются вопросы истории, этнографии народов Волго-Уральского региона и научно-педагогическая деятельность П.В. Денисова.

Предназначен для этнографов, историков, археологов, краеведов, студентов гуманитарных дисциплин, а также широкого круга читателей.

ISBN 978-5-6042304-0-4

DOI 10.31483/г-22098

DOI 10.31483/г-47

УДК 94(470+571):008(082)

ББК 63.3(2Рос)+71я43

©ФГБОУ ВО «Чувашский
государственный университет
имени И.Н. Ульянова», 2018

© ИД «Среда», 2018

Кодыбайкин Сергей Николаевич
Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

**ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЁНОГО:
К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П.В. ДЕНИСОВА¹**

Двадцать восьмого августа исполнилось 90 лет со дня рождения выдающегося чувашского этнографа и историка Петра Владимировича Денисова. Впервые юбилей исследователя отмечался без него: его земной путь завершился в 2014 г. Согласно устоявшейся традиции, юбилей человека, внёсшего значительный научный вклад, отмечается форумом, собирающим широкий круг учёных. Такая практика позволяет ещё раз акцентировать внимание на наиболее проблемных аспектах научных изысканий, подвести определённые итоги в разрешении научных вопросов, возможно, даже переосмыслить отдельные научные задачи и выводы в свете новых достижений и определиться с новыми направлениями этнографических и исторических исследований. Нынешняя конференция уже вторая, посвящённая П.В. Денисову, первая была проведена в 2013 г. В этот раз были расширены международные рамки форума: к участникам из Израиля и США присоединились коллеги из Беларуси и Украины; увеличилось число исследователей, принявших в ней участие. Пленарное заседание началось с воспоминаний об учёном, о своеобразных чертах его исследовательской деятельности и его характера; многогранной личности П.В. Денисова как этнографа и историка была посвящена отдельная секция конференции.

Начало становления Петра Владимировича как учёного во многом сходно с путём многих представителей чувашской интеллигенции советского периода. Выходец из многолетней крестьянской семьи, плоть от плоти чувашского народа, Пётр Владимирович родился в 1928 г. в д. Бахтигильдино Первомайского (ныне – Батыревского) района Чувашской АССР. На всю жизнь он запомнил богатство народной чувашской культуры, в том числе через семейные предания многочисленного рода, члены которого отличались трудолюбием и любовью к знаниям; мужчины которого воевали за советскую родину. Через всю жизнь пронёс он любовь к малой родине и, будучи уже известным учёным, часто приезжал в родные края с семьёй, друзьями и коллегами.

На тяжёлые годы Великой Отечественной войны выпало взросление юноши, когда после окончания Бахтигильдинской средней школы в 1944 г. в

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №17-11-21009 а(р).

шестнадцать лет Пётр Владимирович стал студентом исторического факультета Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина – одного из старейших вузов страны, славного своими богатыми научными традициями. Именно здесь начинается становление будущего учёного-этнографа, здесь обозначились его первые исследовательские успехи. Значительная роль в этом процессе принадлежала его учителю – крупному учёному, этнографу, профессору Николаю Иосифовичу Воробьеву, заложившему в начинающего учёного основы теории и практики этнографических исследований.

Большую роль оказала на начинающего учёного встреча, а затем многолетняя дружба с профессором Николаем Васильевичем Никольским, проживавшим в Казани. Фигура этого учёного, его исследовательская деятельность имеет особое значение для развития гуманитарных наук в Чувашии, и не только в ней. Н.В. Никольский становится старшим товарищем и, в какой-то мере, наставником П.В. Денисова: беседы с известным учёным, его труды по истории и этнографии народов Поволжья, поддержка советами и книгами сыграли немаловажную роль в становлении его личности. Именно изучение трудов Н.В. Никольского по христианизации нерусских народов Поволжья подтолкнуло в дальнейшем Петра Владимировича к продолжению исследований по этой проблематике. Близкое знакомство с редактором первой чувашской газеты «Хыпар» (т.е. с Н.В. Никольским) пробудило в нём интерес к ее истории и сбору научного материала по ней; позже П.В. Денисов опубликовал статьи и книгу о первой чувашской газете «Хыпар» (1961). Наконец, именно в Казани начинающий учёный увлёкся изучением жизни и деятельности выдающегося земляка, первого русского китаеведа – И.Я. Бичурина (отца Иакинфа).

Осенью 1949 г., после окончания университета, Петр Денисов был принят по рекомендации Н.И. Воробьева в целевую аспирантуру по специальности «Этнография народов СССР» при Казанском филиале АН СССР. Н.В. Никольский отмечал, что среди семи чуваш, подавших заявление в аспирантуру, Денисов был самым сильным².

После завершения аспирантуры в 1952 г. П.В. Денисов возвращается в Чувашию. Его дальнейшая деятельность была связана с малой родиной, где на разных участках научной деятельности и системы образования шло становление учёного и педагога, выкристаллизовывался талант выдающегося чувашеведа. С 1952 по 1957 г. в качестве научного сотрудника сектора истории и этнографии П.В. Денисов работал в Научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики при Совете Мини-

² Димитриев В.Д. Н.В. Никольский – учёный, просветитель, общественный деятель / В.Д. Димитриев, А.П. Леонтьев, Г.Б. Матвеев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. – С. 247.

стров Чувашской АССР (ныне – ЧГИГН). С 1957 по 1962 г. Пётр Владимирович работал редактором, а затем старшим редактором научно-популярной литературы Чувашского книжного издательства. Редакционная работа по изданию трудов многих известных чувашских историков (И.Д. Кузнецова, В.Ф. Каховского, И.Е. Петрова и др.) обогатила молодого учёного знаниями в области редакторского дела. Эта деятельность позволила выработать оригинальный авторский стиль изложения научного материала, отличающийся строгой научностью в сочетании с доступным для широких читательских кругов языком.

В 1962 г. состоялась защита кандидатской диссертации на тему «Религиозные верования чуваш» в Институте этнографии академии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. В качестве диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук была принята монография П.В. Денисова «Религиозные верования чуваш (историко-этнографические очерки)» (Чебоксары, 1959), ставшая крупным событием в научной и культурной жизни Чувашии, вызвавшая большой резонанс самых широких кругов специалистов и любителей истории далеко за пределами родной республики.

С 1962 г. Пётр Владимирович, уже дипломированный учёный, связал свою жизнь с научно-педагогической деятельностью: сначала работал старшим преподавателем и доцентом кафедры истории в Чувашском государственном педагогическом институте имени И.Я. Яковлева, а с 1967 г. – в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова. С 1973 по 1988 г. П.В. Денисов – заведующий кафедрой истории СССР; в марте 1990 г. по его инициативе была создана кафедра археологии, этнографии и региональной истории, которую он и возглавил.

Авторитет учёного, его скрупулёзная и активная научная деятельность позволили П.В. Денисову установить тесные и широкие научные связи с ведущими учёными нашей страны и зарубежья, среди которых С.А. Токарев, Ю.В. Бромлей, А.И. Клибанов, Л.Н. Гумилев, В.И. Козлов, Р.Ф. Итс, Т.А. Крюкова, Р.Г. Кузеев, Н.Ф. Мокшин, В.Е. Владыкин, С.И. Руденко, К.И. Козлова, Н.И. Гаген-Торн, Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин, Г.А. Сепеев, И. Шишманов, И. Коев, М. Велев, А. Рона-Таш, А. Каппелер и многие другие.

В 1973 г. за монографию «Религия и атеизм чувашского народа» решением специализированного совета Института этнографии АН СССР ему присвоена учёная степень доктора исторических наук, а в 1976 г. Пётр Владимирович получил учёное звание профессора. Данная монография стала логичным продолжением темы религиозного фактора развития чувашского этноса в условиях распространения атеизма. Монографии и десятки научных статей по религиозной теме выдвинули П.В. Денисова в ряды авторитетных учёных-религиоведов.

Другой научной проблемой, в решение которой Петром Владимировичем был внесён значительный вклад, явилось исследование этногенеза чувашского народа. На основе широкого этнографического материала учёный успешно доказывал теорию болгарского происхождения чувашского этноса в работе «Данные этнографии к вопросу о происхождении чувашской народности» (Чебоксары, 1957). Продолжением научных изысканий в этом направлении явилась монография «Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей» (Чебоксары, 1969), где на основе опубликованных источников и полевых этнографических материалов, собранных в разных районах Чувашской АССР и Народной Республики Болгарии, были сделаны глубокие выводы о генетическом родстве чувашей через их тюркоязычных предков с аспаруховыми болгарями. Этот оригинальный труд получил высокую оценку как отечественных, так и зарубежных специалистов.

Важным направлением научных изысканий П.В. Денисова являлось изучение жизни и творчества учёных-этнографов, чья деятельность была связана с исследованием культуры и истории чувашского народа. Обстоятельные работы были опубликованы им о В.А. Сбоеве, В.К. Магницком, Н.М. Охотникове, Н.И. Ашмарине, Н.В. Никольском.

Значительная часть творческой жизни была посвящена П.В. Денисовым изучению личности Н.Я. Бичурина (отца Иакинфа), выдающегося сиолога, основоположника российского востоковедения. В 1977 г. вышло первое исследование, посвящённое этому замечательному уроженцу Чувашии, «Никита Яковлевич Бичурин», с большим интересом встреченная читателями. Тема жизни и творчества отца Иакинфа так захватила Петра Владимировича, что дальнейшим результатом исследований стали ещё две монографии: «Жизнь монаха Иакинфа Бичурина» (Чебоксары, 1997), удостоенная Государственной премии Чувашской Республики в области науки в 1998 г., и «Слово о монахе Иакинфе Бичурине» (Чебоксары, 2007), признанная лауреатом и включенная в число «Лучших книг года» на Всероссийском конкурсе Ассоциации книгоиздателей (Санкт-Петербург) в 2008 г. Воссоздание подробной биографии выдающегося ориенталиста, глубокий анализ его научного наследия сделали имя П.В. Денисова известным всем современным китаистам.

Профессор П.В. Денисов является автором более 150 научных работ, в том числе 12 монографий, десятков журнально-газетных статей на исторические и этнографические темы; под его научной редакцией было издано свыше 50 научных монографий, учебников, тематических сборников по вопросам истории и этнографии чувашского народа. Пётр Владимирович проявил себя как многопрофильный исследователь. Его важнейшие труды по этнографии, истории и вопросам культуры чувашского народа

получили широкую признательность. Имя П.В. Денисова не раз включалось в библиографические справочники и энциклопедии как в России, так и за рубежом.

Особого внимания заслуживает педагогическая деятельность П.В. Денисова. Энциклопедические знания учёного и постоянное стремление к их обновлению, богатый личный опыт, доброжелательность и уважение чужого мнения, своеобразная «мягкая» манера ведения лекции в сочетании с удивительным даром рассказчика делали его занятия по этнографии и историографии неповторимыми и запоминающимися. Подобный творческий подход проявлялся не только в стенах университета, Пётр Владимирович много лет организовывал и возглавлял этнографические экспедиции, где наряду с «профессорскими» достоинствами особенно ярко проявлялись любовь к родной земле и её жителям.

Огромные знания и опыт, накопленные профессором П.В. Денисовым, были востребованы при создании этнографического музея на историческом факультете Чувашского государственного университета. Он оказывал помощь в организации этнографического музея под открытым небом в п. Ибреси. Петр Владимирович, являясь крупнейшим специалистом научного наследия выдающегося учёного-китаеведа Н.Я. Бичурина, выступал в качестве консультанта при формировании экспозиций музея «Бичурин и современность» в п. Кугеси Чувашской Республики.

П.В. Денисов по праву может считаться создателем школы чувашской этнологии: значительное число этнологов Чувашии – его ученики. Большинство историков Чувашского государственного университета также являются его учениками. Под его руководством было подготовлено 27 учёных, в числе которых восемь исследователей защитили докторские диссертации по этнологии народов Поволжья и Приуралья; они успешно трудятся не только в вузах Чувашии, но и за её пределами. Деятельность по подготовке научных кадров заключалась и в активной работе в качестве члена диссертационного Совета по истории в Горьковском государственном университете (1978–1986) и члена регионального Совета по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора исторических наук при Чувашском государственном университете (1993–2008). П.В. Денисов многократно выступал официальным оппонентом на защитах кандидатских и докторских диссертаций на специализированных советах в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Уфе и Казани. П.В. Денисов вёл активную общественную работу в составе различных организаций: являлся председателем Чувашского филиала Географического общества СССР (1967–1980), был членом правления Российского международного фонда культуры (1989–1998), возглавлял его отделение в Чувашской Республике.

Научно-педагогическая деятельность учёного была отмечена многочисленными наградами: Почётными грамотами Президиума Верховного

Совета Чувашской АССР, Государственного Совета Чувашской Республики и др. В 1980 г. ему было присвоено почётное звание «Заслуженный деятель науки Чувашской АССР».

Достойными продолжателями научного творчества профессора П.В. Денисова стали дочери, пошедшие по его стопам: Олеся Петровна и Нарспи Петровна стали по примеру отца учёными-этнографами. Традицию исторических исследований семьи продолжает внук профессора Пётр, унаследовавший вместе с именем деда не только исследовательские способности, но и пытливость ума, широкий кругозор и высокую работоспособность.

Многочисленные ученики профессора П.В. Денисова продолжают дело Учителя по разным направлениям научно-педагогической деятельности. Одним из подтверждений этого служит очередная конференция памяти выдающегося учёного и рост числа её участников.

Литература

1. Петров Н.А. Пётр Владимирович Денисов (85 лет со дня рождения) / Н.А. Петров, О.Г. Вязова // Чуваши: этнические связи и этнокультурные параллели: Сб. мат. межрег. науч.-практ. конф., посв. 85-летию со дня рождения П.В. Денисова (Чебоксары, 12 сентября 2013 г.). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. – С. 36–42.

СЕКЦИЯ 1

**П.В. ДЕНИСОВ: ЛИЧНОСТЬ УЧЁНОГО
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ**

Данная секция посвящается памяти видного историка и этнографа П.В. Денисова, внесшего огромный вклад в исследование вопросов чувашской религии и подготовившего учеников, которые продолжили его научное дело. Небольшой историографический экскурс, показывает научную преемственность в развитии регионального религиоведения, роль П.В. Денисова в изучении вопросов этнографии и истории религии.

П.В. Денисов

**ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧУВАШСКОГО
НАРОДА ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ³**

В дореволюционной историографии значительное место занимают работы по этнографии чувашского народа, однако труды даже таких видных исследователей, как В.К. Магницкий, Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров и др., носят лишь описательный характер. Ряд разделов этнографии чувашей оставался совершенно не изученным, а по многим проблемам начиналось только собирание материалов, но и то без соблюдения научной паспортизации.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции создала небывало благоприятные условия для национального, культурного и политического развития чувашского народа. В ходе социалистического преобразования всех сфер жизни чувашский народ, естественно, стремился познать свое историческое прошлое, историю своей борьбы за национальное и политическое освобождение, историю своей материальной и духовной культуры. Важную роль в создании научно-объективной истории чувашского народа должна была сыграть этнография, предоставив в распоряжение исследователей конкретный материал, характеризующий основные стороны культуры и быта чувашей в прошлом. Однако на первом этапе своего развития советская этнографическая наука испытывала серьезные затруднения в разрешении первоочередных задач, выдвинутых в связи с хозяйственным и культурным строительством народов СССР. Среди научных работников, специализировавшихся в области этнографии народов Поволжья, отсутствовали марксистски образованные кадры. Местные научные общества и краеведческие музеи, призванные осуществлять этнографические исследования, нередко возглавлялись представителями буржуазно-националистических группировок. Деятельность

³ Статья опубликована в журнале: Советская этнография. – 1971. – №6. – С. 28–37. Оформление полностью сохранено.

такого крупного научного объединения, как Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, в силу традиции по существу базировалась на методологии дореволюционной этнографической школы.

Советская этнографическая наука не игнорировала достижений дореволюционной этнографии, стремясь критически освоить её наследие и привлечь к работе специалистов старшего поколения. Под влиянием революционных событий и развития марксистской историографии в среде историков-этнографов, прошедших школу буржуазной методологии, произошел раскол. Часть из них оказалась в стане контрреволюционных сил, а лучшие представители старой интеллигенции, такие, как Н.И. Ашмарин, Н.В. Никольский, Н.Ф. Катанов и другие крупные специалисты в области истории, этнографии и языка чувашского народа отдали все свои силы и знания народу, строительству социалистического общества.

Н.И. Ашмарин создал целый ряд работ, имеющих комплексный лингвистический и этнографический характер. Считая необходимым широкое привлечение данных языка в историко-этнографических исследованиях, учёный писал, что «самым обильным источником, из которого мы можем почерпнуть понимание чувашского прошлого, является разговорный язык, который, передаваясь из поколения в поколение и подвергаясь непрерывным изменениям соответственно переменам как в жизни личности, так и в жизни всего народа, сохраняет в своем составе отрывки древней истории и обломки древних воззрений»⁴. На основе комплексного изучения филологических и этнографических материалов им были созданы работы, заслужившие признание в мировой науке⁵.

Велики заслуги Н.И. Ашмарина в собирании фольклорных произведений и материалов по этнографии чувашского народа. Его рукописный фонд, хранящийся в Научно-исследовательском институте при Совете Министров Чувашской АССР, содержит более 30 томов фольклорно-этнографических записей, собранных им лично, его многочисленными корреспондентами и учениками⁶.

⁴ Ашмарин Н.И. Незаконченные рукописи. Научный архив Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики (далее – Научный архив ЧНИИ). Инв. №47. Л. 197–198.

⁵ Ашмарин Н.И. Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш // Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани. – Т. II. – Казань, 1921; его же, Словарь чувашского языка. – Т. I–XVII. – Казань: Чебоксары, 1928–1950; его же, Введение в курс чувашской народной словесности: Рукопись // Научный архив ЧНИИ. Инв. №1070.

⁶ Об этнографических исследованиях Н.И. Ашмарина более подробные сведения содержатся в нашей статье «Проблемы устного народного творчества и этнографии чувашского народа в произведениях Н.И. Ашмарина» // Уч. зап. ЧНИИ. – Вып. X. – Чебоксары, 1954.

Одним из наиболее активных организаторов историко-этнографического изучения чувашей был Н.В. Никольский. В 1919–1922 гг. он возглавлял этнографический факультет Северо-Восточного археологического и этнографического института, с 1922 по 1931 г. заведовал кафедрой чувашеведения Восточного педагогического института в Казани. Он принимал активное участие и в создании чувашского отдела Государственного музея Татарской АССР. Учитывая большую потребность в учебных пособиях по этнографии чувашей и музыкальному фольклору народов Поволжья, Н.В. Никольский в тяжелой обстановке гражданской войны работал над созданием «Конспекта по истории народностей Поволжья» (Казань, 1919), «Краткого конспекта по этнографии чуваш» (Казань, 1919), «Конспекта по истории народной музыки у народностей Поволжья» (Казань, 1920). Несмотря на некоторые ошибки методологического характера, эти труды содержали большой фактический материал⁷.

В 20-х годах, после образования Чувашской автономной области, когда усилился размах культурно-просветительной и политико-воспитательной работы, научно-краеведческие организации возникли и в самой Чувашии. В феврале 1921 г. в Чебоксарах был открыт Чувашский краеведческий музей и организовано Общество изучения Чувашского края, которые проводили активную работу по собиранию, хранению и изучению историко-археологических памятников, этнографических материалов. В создании этнографического отдела краеведческого музея – большая заслуга художника М.С. Спиридонова, этнографа А.П. Прокопьева-Милли, краеведов М.П. Петрова, К.В. Элле и др.

М.С. Спиридонов занимался главным образом изучением чувашского народного изобразительного искусства, собирал чувашские вышивки, создал серию картин, изображающих быт и различные хозяйственные занятия чувашских крестьян. В эти же годы он приступил к работе над этнографическим альбомом «Чувашский орнамент».

А.П. Прокопьев-Милли в 1922–1923 гг. по заданию Чувашского краеведческого музея вел собирательскую работу в селениях Цивильского и Чебоксарского уездов и приобрел для музея богатую коллекцию чувашской национальной одежды (около 400 предметов). В 1923 г. он был одним из организаторов чувашской этнографической экспозиции на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве.

В эти же годы сбором этнографических материалов среди чувашского населения активно занимался К.В. Элле. Помимо сбора и изучения предметов материальной культуры, его внимание было сосредоточено на изучении дохристианских религиозных верований чувашей и топонимики

⁷ Леонтьева А.М. К вопросу об исторических взглядах Н.В. Никольского // Уч. зап. ЧНИИ. – Вып. XXXI. – Чебоксары, 1966.

Чувашского края. Он собрал богатый топонимический материал, который, к сожалению, до конца научно не обработал.

Обществу изучения Чувашского края и Краеведческому музею удалось привлечь к своей деятельности широкий круг сельской интеллигенции, учащихся⁸.

В целях активизации краеведческой работы и пропаганды историко-этнографических знаний Общество изучения Чувашского края проводило лекции и доклады, опубликовало серию научно-популярных брошюр по вопросам археологии, истории, этнографии и языка чувашского народа. В лекциях и популярных изданиях в период с 1920 по 1927 г. преобладала тематика о происхождении чувашского народа⁹. В большинстве публикаций проводилась теория болгарского происхождения чувашей, которая была выдвинута и научно обоснована в трудах русских ученых ещё до Великой Октябрьской социалистической революции. Однако в целом ряде работ, изданных в 1920-х годах, допускалась идеализация эпохи государства Волжской Булгарии. В работах Д.П. Петрова (Юман), М.П. Петрова, Г.И. Комиссарова и других краеведов болгарский период изображался как «золотой век» в истории чувашского народа, игнорировались социально-классовые противоречия и наличие эксплуататоров в этом государстве.

О необходимости углубленного и планомерного этнографического изучения культуры чувашского народа говорилось на I Всечувашском краеведческом съезде в Чебоксарах в 1928 г. Однако как в докладе Н.В. Никольского «Этнография чуваш», так и в выступлениях на этнографической секции данного съезда преобладало влияние дореволюционной историографии и намечались лишь первые признаки обращения к марксистской теории. Работы, изданные в конце 1920-х годов, свидетельствовали о неумении чувашских этнографов применять марксистскую методологию в конкретном этнографическом исследовании¹⁰.

С 1925 г., после преобразования Чувашской автономной области в автономную республику, значительно расширяются научно-экспедиционные исследования на территории Чувашской АССР, устанавливаются тесные связи с Комиссией экспедиционных исследований Академии наук

⁸ Милли А.М. Этнографическая работа среди чуваш в годы революции // Этнография. – 1926. – №1–2.

⁹ Катанов Н.Ф. Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. – Казань, 1920; Смолин В.Ф. К вопросу о происхождении народности камско-волжских болгар (Разбор главнейших теорий). – Казань, 1921; его же, Чăвашсен тĕп аслашĕсем. – Хусан, 1921; Комиссаров Г.И. Чăваш халăхĕн историйĕ. – Хусан, 1921; Петров М.П. О происхождении чуваш. – Чебоксары, 1925; его же, Чăваш историйĕ сĕнчен кĕсен каласа кăтартни. – Шупашкар, 1928; Марр Н.Я Чуваши-яфетиды на Волге. – Чебоксары, 1926; Поппе Н.Н. Чуваши и их соседи. – Чебоксары, 1926.

¹⁰ Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. – Чебоксары, 1929; его же, Народная медицина у чуваш. – Чебоксары, 1929.

СССР и научно-исследовательскими учреждениями Москвы, Ленинграда, Казани и др.¹¹

В эти годы в Чувашии широко развернули этнографическую работу Центральный музей народов СССР (Москва), Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР (Ленинград), Академия истории материальной культуры (Ленинград), Яфетический институт (Ленинград). В составе этих комплексных экспедиций под руководством видных советских антропологов, археологов и этнографов Г.Ф. Дебеца, П.П. Ефименко, Т.С. Пассек, Б.М. Соколова, Б.А. Латынина и др. проходили научную стажировку чувашские аспиранты и студенты.

В течение 1925–1929 гг. сотрудниками этнографических учреждений были изучены центральные и северные районы Чувашии, в результате чего в музей поступили богатые коллекции. Благодаря совместной работе в этих экспедициях этнографов, археологов, языковедов и фольклористов стало возможным по-новому поставить ряд вопросов при изучении материальной и духовной культуры чувашского народа. Полевые материалы, собранные этими экспедициями, вошли в научный оборот, сыграли важную роль в становлении чувашской советской этнографии и помогли преодолеть идеалистические концепции в разработке основных тем по этнографии чувашского народа.

Значительную собирательную и исследовательскую работу среди чувашского населения за пределами Чувашской АССР проводили в 1920-х годах Государственный музей Татарской АССР и сотрудники Саратовского государственного университета под руководством Б.М. Соколова. Фонды этнографических коллекций Государственного музея Татарской АССР пополнялись в результате многолетних экспедиционных работ Н.И. Воробьева, М.Е. Евсевьева, Н.В. Никольского, а также в связи с передачей экспонатов из закрытого в 1920 г. Музея народов Востока. В 1926 г. в музей поступили богатые коллекции по народам Поволжья из собраний Селькредитсоюза¹².

Этнографические исследования Т.М. Акимовой, П.Д. Степанова, А.С. Говорова, посвященные чувашам Саратовской области, дали конкретный материал для характеристики особенностей материальной и духовной культуры этой группы чувашского населения, процессов изменения национальных форм культуры и быта в условиях социалистической перестройки деревни. Из научных публикаций саратовских этнографов

¹¹ Более подробно об этом см.: Григорьев П.Г. Научно-исследовательская работа в Чувашии за 30 лет // Зап. ЧНИИ. – Вып. V. – Чебоксары, 1950.

¹² См. Крюкова Т.А. Указатель этнографических коллекций народов Поволжья. – Казань, 1958.

следует особо отметить обстоятельные статьи Т.М. Акимовой, посвященные женской национальной одежде¹³.

В начале 30-х годов наметился существенный перелом в этнографическом изучении чувашского народа. Воплощая в жизнь решения Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) по вопросам исторической науки (1934 г.), учитывая выводы теоретических дискуссий, проведённых в 1930-х годах в центральных институтах по гуманитарным наукам и на страницах исторических и этнографических журналов, научные работники направляли свои усилия на подготовку новых кадров для ведения исследовательской работы в области истории и этнографии чувашского народа. В августе 1930 г. решением правительства Чувашской АССР был создан Чувашский научно-исследовательский институт.

В борьбе за творческое применение марксистско-ленинской теории в изучении истории и этнографии чувашского народа большую положительную роль сыграли большевистская научная критика буржуазно-националистических концепций на страницах центральной и республиканской печати и организация творческих дискуссий в Чувашском научно-исследовательском институте¹⁴. Борьбе против буржуазно-националистической историографии много внимания уделял историк И.Д. Кузнецов, выступивший с критическим разбором ряда работ по чувашской этнографии¹⁵.

В 1930-х годах ученые С.С. Кутяшов, Н.Я. Золотов, К.В. Элле приступили к изучению верований чувашского народа¹⁶. Однако их работы были посвящены лишь дохристианским религиозным верованиям чувашей.

Весьма ценным пособием для пропагандистов атеизма явилась монография одного из видных специалистов в области атеизма – Н.М. Маторина¹⁷. В работе содержится обобщенный материал об основных религиозных течениях в Поволжье. В 1933–1934 гг. ученый предпринял ряд этнографических поездок в национальные районы Поволжья с целью

¹³ Акимова Т.М. Эволюция женского костюма у саратовских чуваш. – Саратов, 1928; ее же, Женские головные уборы саратовских чуваш // Труды Нижне-Волжского краевого музея. – Вып. 1. – Саратов, 1929. – С. 45–56; ее же, Чувашские вышивки // Искусство народов СССР. – М., 1930.

¹⁴ Кутяшов С.С. Против национализма в чувашской этнографии // Сов. этнография. – 1931. – № 1–2.

¹⁵ См. работы И.Д. Кузнецова в сб. «Очерки по истории и историографии Чувашии». – Чебоксары, 1960.

¹⁶ Кутяшов С.С. Против национал-демократического уклона в анализе религии чуваш // Сов. этнография. – 1931. – № 3–4; его же, Тётгёмлехе хирёс, тёнсёр сёне пурна́шшан (Против темноты, за новую жизнь без религии). – Шупашкар, 1930; Золотов Н. Тёне хирёс, кёрешесине вайлатар (Усилить антирелигиозную работу). – Шупашкар, 1931; Элле К.В. Акатуй. – Чебоксары, 1935.

¹⁷ Маторин Н. Религия у народов Волжско-Камского края. – М., 1929.

сбора полевых и архивных материалов по верованиям народов Волжско-Камского края и предварительные итоги своего исследования опубликовал в печати¹⁸.

Значительный вклад в изучение дохристианских форм религиозных верований чувашей внесли в эти годы советские этнографы Т.С. Пассек и Б.А. Латынин. Используя полевые этнографические материалы, собранные ими в 1920-х годах в Чувашии, и критически подходя к дореволюционному литературному источникам, они создали ряд научных исследований¹⁹.

Свидетельством дальнейшего роста чувашской советской этнографии явилась экспедиция по изучению социально-культурного и бытового состояния чувашских деревень, организованная Чувашским научно-исследовательским институтом в соответствии с решениями директивных органов республики от 14 ноября 1933 г. Члены экспедиции провели конкретно-социологические исследования в 21 деревне (из них 18 чувашских, 1 русская, 1 татарская и 1 мордовская) с 4885 хозяйствами и общим числом населения 23032 человека. Предварительные итоги этой экспедиции подробно освещались в республиканской печати, а в более обобщенном виде были представлены в работах И.Д. Кузнецова и С.С. Кутяшова²⁰. В широком масштабе возобновились исследования этнографов после Великой Отечественной войны. С 1949 г. развернула свою работу совместная экспедиция Чувашского научно-исследовательского института, Чувашского краеведческого музея и Казанского филиала Академии наук СССР. Эта экспедиция под руководством Н.И. Воробьева детально изучила все основные этнографические группы и подгруппы чувашского народа, сосредоточив основное внимание на вопросах современного быта и культуры чувашского колхозного крестьянства. Научно обработанные материалы экспедиции легли в основу монографии «Чуваши»²¹, а также были

¹⁸ Маторин Н.М. Две поездки в Поволжье // Сов. этнография. – 1934. – №4; его же, Развернем по-большевистски работу по Чувашии // Красная Чувашия. – 16 сентября 1933.

¹⁹ Пассек Т.С. Заметки по Поволжью / Т.С. Пассек, Б.А. Латынин // Яфетический сборник. – VI. – Л., 1930; их же, Анализ чувашского мифа о происхождении керемети, там же; Пассек Т.С. Круг чувашских праздников // Сборник АН СССР, посвященный акад. Н.Я. Марру. – М.–Л., 1935; Латынин Б.А. Мировое дерево – древо жизни в орнаменте и фольклоре Восточной Европы // Изв. ГАИМК. – Вып. 69. – Л., 1933.

²⁰ См. Кузнецов И.Д. Колхозниксен культурăлахĕ хăпарать. Колхозниксен кил – суртĕнчи культурăлахĕ синчен (Чувашская деревня на путях культурного подъема). – Шупашкар, 1934; Кутяшов С. Чувашская колхозная деревня на пути культурного подъема. Очерки по материалам экспедиции 1933 г. / С. Кутяшов, И. Кузнецов. – Чебоксары, 1934; Кутяшов С.С. Экспедиция по изучению социально-культурного состояния Чувашии // Сов. этнография. – 1934. – №4. – С. 113–115.

²¹ Воробьев Н.И. Чуваши. Этнографические исследования. Ч. I. Материальная культура / Н.И. Воробьев, А.Н. Львова, Н.Р. Романов, А.Р. Симонова. – Чебоксары, 1956 (см. рецензии на это издание: В.Н. Белицер в журн. «Сов. этнография», 1957, №6; И.Д. Кузнецова в журн. «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XVI, Чебоксары, 1958).

использованы в ряде научных статей участников экспедиции²². В 1970 г. авторский коллектив, успешно завершил работу над второй частью этой монографии, в которой подведены итоги этнографического исследования общественного и семейного быта, духовной культуры, устно-поэтического творчества и изобразительного искусства чувашского народа.

К 50-м годам был накоплен большой материал по археологии, антропологии, этнографии и лингвистике чувашей Поволжья, что позволило провести в январе 1950 г. в Москве научную сессию Отделения истории и философии Академии наук СССР и Чувашского научно-исследовательского института, посвященную вопросам этногенеза чувашей²³. Но в выводах ряда ученых были допущены ошибки. Многие докладчики без достаточных оснований старались доказать теорию автохтонного происхождения чувашей и отрицали роль болгарских племен в формировании чувашской народности. В связи с этим Чувашский НИИ в мае 1956 г. провел новую научную сессию, участники которой, опираясь на исследования последних лет, доказали несостоятельность теории автохтонного происхождения чувашей и подчеркнули определяющую роль тюркоязычных болгар в складывании чувашской народности²⁴.

В 50-х годах уделялось значительное внимание и вопросам критического использования дореволюционного культурного наследия чувашского народа. Помимо издания ряда популярных брошюр и статей о дореволюционных исследователях истории и культуры чувашского народа, Чувашский научно-исследовательский институт провел в апреле 1956 г. научную сессию на тему «Культура и культурное наследство чувашского народа второй половины XIX и начала XX в.»²⁵.

Новый этап развития этнографических исследований в Советской Чувашии протекает в условиях строительства коммунизма в нашей стране. За последнее десятилетие умножились полевые экспедиции и конкретно-социологические исследования, создан ряд работ комплексного,

²² Воробьев Н.И. Этнографические исследования в Чувашской АССР // Сов. этнография. – 1950. – №2. – С. 205–208; его же, Краткие итоги изучения материальной культуры чуваш // Сов. этнография. – 1952. – №4; его же, К истории сельского жилища у народов Среднего Поволжья // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. – 1956. – Вып. XXV; его же, Резьба по дереву у чувашей // Сов. этнография. – 1956. – №4; его же, Украшения и внутреннее убранство жилища народов Среднего Поволжья // Изв. Казанского филиала АН СССР. – Вып. 2. – Казань, 1957; его же, Национальные традиции в прикладном искусстве народов Среднего Поволжья // Художественная самодеятельность. – 1960. – №6; Денисов П.В. Национальная одежда низовых чуваш южных районов Чувашской АССР // Уч. зап. ЧНИИ. – Вып. XI. – Чебоксары, 1955.

²³ Материалы научной сессии опубликованы в журнале «Сов. этнография». – 1950. – №3.

²⁴ См. сб.: «О происхождении чувашского народа». – Чебоксары, 1957.

²⁵ См. сб.: «О дореволюционной культуре чувашского народа» // Уч. зап. ЧНИИ. – Вып. XV. – Чебоксары, 1957.

историко-этнографического характера, усилились связи с центральными этнографическими учреждениями Москвы и Ленинграда.

Особенно ценные материалы были собраны экспедицией Чувашского научно-исследовательского института в мае 1960 г. Основной задачей экспедиции являлось повторное обследование быта и культуры чувашских деревень, изученных экспедицией 1933 г. В разных районах Чувашской АССР был обследован 21 населенный пункт с населением около 20 тыс. человек. Полученные данные позволяют детально характеризовать многие стороны материальной и духовной культуры. Экспедиционные материалы 1933 и 1960 г. научно обработаны и широко используются в историко-этнографических исследованиях и публикациях²⁶.

В июле 1970 г. кафедра истории СССР Чувашского государственного университета и Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР организовали в районах, изученных во время двух предыдущих экспедиций, подворное обследование по обновленной программе и приступили к обобщению материалов всех трех экспедиций. В ходе экспедиции 1970 г. были собраны коллекции для учебного музея по этнографии народов Поволжья, организованного при Чувашском государственном университете.

С 1961 г. Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР приступил к этнографическому изучению материальной и духовной культуры чувашского населения Татарской и Башкирской АССР, Куйбышевской, Ульяновской и Оренбургской областей, что весьма важно для выяснения вопросов этнической истории чувашского народа²⁷. Значительный фактический материал, характеризующий современный быт и культуру сельского чувашского населения, собран во время экспедиции 1963–1969 гг.²⁸ Этнографические материалы по чувашской народной архитектуре широко представлены в работе Г.Н. Павлова²⁹.

²⁶ См. Кузнецов И.Д. Итоги экспедиции по изучению быта и культуры сельского населения Чувашии 1960 г. – Чебоксары, 1960; Сергеев Т.С. Культурное строительство и формирование социалистического быта в чувашской деревне в годы предвоенных пятилеток (1928–1941 гг.): Автореф. дис. ... канд. – М., 1965; его же, Старые и Новые Ходары. – Чебоксары, 1965.

²⁷ См. Румянцев М.В. Современная материальная и духовная культура чувашского населения Татарской АССР, Куйбышевской и Ульяновской областей // Научная сессия, посвященная итогам исследовательских работ института за 1961 г. – Чебоксары, 1961; Иванов Л.А. Поселения и жилища чувашского населения Прикамского Заволжья и Южного Урала // Уч. зап. ЧНИИ. – Вып. XXIX. – Чебоксары, 1965; его же, Национальная одежда и украшения прикамских и южноуральских чувашей // Уч. зап. ЧНИИ. – Вып. XXXI. – Чебоксары, 1966.

²⁸ Иванов Л.А. Современный быт и культура сельского чувашского населения: Автореф. дис. ... канд. – М., 1970.

²⁹ Павлов Г.Н. Чувашская народная архитектура (Эволюция, особенности и связи с русской народной архитектурой): Автореф. дис. ... канд. – М., 1963.

Значительные сдвиги произошли в области сравнительного изучения материальной и духовной культуры тюркских и финно-угорских народов Поволжья. Историки и этнографы при разработке проблем этнографии народов Поволжья стали уделять серьезное внимание изучению процессов культурного взаимодействия этих народов и формирования общерегиональных черт хозяйства, культуры и быта³⁰.

С 1967 г. в соответствии с научным планом Комитета по социологическим проблемам села Социологической ассоциации СССР в Поволжье начались конкретно-социологические исследования современных социально-этнических процессов. В работе комплексной экспедиции, организованной Институтом этнографии АН СССР и Московским государственным университетом, принимали участие и научные организации республик Поволжья. О предварительных итогах этих этносоциологических исследований рассказали в своих сообщениях сотрудники Института этнографии АН СССР на зональной научной сессии Отделения истории АН СССР и Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР³¹.

Проблемы этнокультурного взаимодействия народов Поволжья тесно связаны с вопросами этногенеза. Результаты исследований, посвященных важнейшим вопросам этногенеза, были обсуждены на специальных научных сессиях и изложены в многочисленных публикациях³².

Ценные материалы, связанные с этой проблемой, содержатся также в трудах языковедов и фольклористов. Из таких работ прежде всего должна быть названа монография М.Р. Федотова об исторических связях чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками³³. Для более детального изучения истории формирования основных этнографических групп чувашского народа и их этнокультурных контактов с соседними народами немаловажное значение имеют диалектологические исследования чувашского языка³⁴.

³⁰ См., напр., Вопросы этнической истории мордовского народа // Тр. Мордовской этнографической экспедиции. – Вып. I. – М., 1960; Исследования по материальной культуре мордовского народа // Тр. Мордовской этнографической экспедиции. – Вып. II. – М., 1963 и др.

³¹ См. Кондратьев В.С. Научная сессия «Торжество ленинской национальной политики» // Сов. этнография. – 1970. – №6.

³² См., напр., Этногенез мордовского народа // Материалы научной сессии (8–10 декабря 1964 г.). – Саранск, 1965; Происхождение марийского народа // Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 г.). – Йошкар-Ола, 1967.

³³ Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Ч. I. Чувашско-марийские связи. – Чебоксары, 1965; Ч. II. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. – Чебоксары, 1968.

³⁴ См.: Материалы по чувашской диалектологии. – Вып. I. – Чебоксары, 1960; Вып. II. – Чебоксары, 1963; Вып. III. – Чебоксары, 1969; Сергеев Л.П. Диалектологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1968; его же, Чăваш чĕлхин вырăнти калаçăвĕсем (Местные говоры чувашского языка) (на чувашском языке). – Чебоксары, 1969.

В последние годы в Советской Чувашии заметен усиленный интерес исследователей к малоразработанным проблемам этнической демографии. Из числа этнодемографических работ следует отметить обстоятельные исследования П.А. Сидорова, посвященные определению численности, национального состава и динамики населения Чувашии конца XVIII – первой половины XIX в.³⁵ Интересные сведения о населении Чувашской АССР (по данным Всесоюзных переписей 1926, 1939, 1959 г.) содержатся в популярной работе этого же автора³⁶. В работах К.К. Сидорова подробно анализируются социально-экономические и социально-культурные факторы, влияющие на процессы естественного воспроизводства населения³⁷.

Сложные этнодемографические вопросы обсуждались на Всесоюзном симпозиуме «Порайонные особенности воспроизводства населения», состоявшемся в мае 1968 г. в Чебоксарах³⁸.

Чувашскими историками и этнографами успешно разрабатываются вопросы религии и атеизма. Работы автора настоящей статьи посвящены происхождению и эволюции религии чувашей с древнейших времен до начала XX в. На основе историко-этнографического материала он показывает, как менялись формы религии с развитием человеческого общества, анализирует данные о распространении атеизма среди чувашского крестьянства в процессе революционной борьбы против самодержавия³⁹.

В книгах Г.Е. Кудряшова разрабатываются вопросы преодоления пережитков дохристианских религиозных верований чувашей, выясняются причины существования этих пережитков, обобщается опыт научно-атеистического воспитания трудящихся Советской Чувашии⁴⁰.

³⁵ Сидоров П.А. Численность, состав и динамика населения Чувашии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Уч. зап. ЧНИИ. – Вып. XXI. – Чебоксары, 1962; его же, Численность, состав и динамика населения Чувашии в капиталистический период // Уч. зап. ЧНИИ. – Вып. XXIII. – Чебоксары, 1963.

³⁶ Сидоров П.А. Население Чувашии за сорок лет социалистической автономии. – Чебоксары, 1960.

³⁷ Сидоров К.К. Увеличение средней продолжительности жизни населения в Чувашии // Уч. зап. ЧНИИ. – Вып. XXIX. – Чебоксары, 1965; его же, Воспроизводство населения Чувашии и его санитарная оценка: Автореф. дис. ... канд. – М., 1967; его же, Динамика возрастного состава населения Чувашской АССР и задачи органов здравоохранения // Уч. зап. ЧНИИ. – Вып. XL. – Чебоксары, 1968; его же, Здоровье населения Чувашии. – Чебоксары, 1969, и др.

³⁸ См.: Всесоюзный симпозиум «Порайонные особенности воспроизводства населения // Уч. зап. ЧНИИ. – Вып. XL. – Чебоксары, 1968. – С. 329–332.

³⁹ Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. – Чебоксары, 1959; его же, Тён пусланса кайни (Происхождение религии). – Шупашкар, 1962, его же, Тён тёммешё тата унән сиенё (Религиозные суеверия и их вред). – Шупашкар, 1955; его же, Антиклерикальные выступления чувашского крестьянства и православная церковь накануне Великой Октябрьской социалистической революции // Вопр. истории и историографии чувашского народа. – Чебоксары, 1970.

⁴⁰ Кудряшов Г.Е. Пережитки религиозных верований и их преодоление. – Чебоксары, 1961; его же, Атеизм и молодежь. – Чебоксары, 1968.

Тема религии и атеизма в произведениях устного народного творчества рассматривается в исследованиях И.И. Одюкова⁴¹ и А.И. Петрухина⁴². С 1965 г. все исследования по проблемам научного атеизма координируются Опорным пунктом Института научного атеизма общественных наук при ЦК КПСС. Теоретическая разработка вопросов научного атеизма стала все более базироваться на материалах конкретно-социологических исследований, проводимых Опорным пунктом в районах республики. Итоги этих исследований будут обобщены в коллективном труде, а часть материалов уже опубликована в предварительных отчетах⁴³.

Следует особо отметить, что в Советской Чувашии за последнее десятилетие издан ряд монографий, посвященных различным проблемам чувашской этнографии. В работе автора данной статьи впервые сделана попытка исследовать в сравнительном плане материальную и духовную культуру, общественный и семейный быт дунайских болгар и чувашей, в труде В.Ф. Каховского освещены основные этапы этногенеза чувашского народа⁴⁴. Вопросы национальной одежды и изобразительного искусства чувашского народа весьма подробно разработаны в книгах Н.И. Гаген-Торн, Г.А. Никитина и Т.А. Крюковой⁴⁵.

Взаимосвязям этнопедагогике чувашского народа с педагогической культурой других народов посвящены работы Г.Н. Волкова. Эта же тема разработана в его докторской диссертации «Этнопедагогика чувашского народа»⁴⁶. Большой интерес для этнографов представляют написанные

⁴¹ Одюков И.И. Халăх сáмахлăхĕ тĕне хирĕс (Устное народное творчество против религии). – Шупашкар, 1961; его же, Чувашские народные песни социального протеста и революционной борьбы. – Чебоксары, 1965.

⁴² Петрухин А.И. Материализм и атеизм в устном творчестве чуваш. – Чебоксары, 1959; его же, Отражение мировоззрения народных масс в их устно-поэтическом творчестве (на фольклорном материале народов Поволжья): Автореф. дис. ... д-ра. – Казань, 1966.

⁴³ Плечов Г.Н. Некоторые итоги изучения уровня атеизма жителей чувашского села // Уч. зап. ЧНИИ. – Вып. XXXVI. – Чебоксары, 1967; Кудряшов Г.Е. Социологические исследования и задачи атеистов // Блокнот агитатора (изд. Чувашского обкома КПСС). – 1968. – №1; Павлов П.П. К вопросу о влиянии религиозной среды на мировоззрение школьника // Уч. зап. ЧНИИ. – Вып. XL. – Чебоксары, 1968.

⁴⁴ Денисов П.В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. – Чебоксары, 1969; Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. – Чебоксары, его же, Волжская Болгария и формирование чувашской народности // Древности Восточной Европы. – М., 1969.

⁴⁵ Гаген-Торн Н. Женская одежда народов Поволжья (Материалы к этногенезу). – Чебоксары, 1960; Никитин Г.А. Чувашское народное изобразительное искусство / Г.А. Никитин, Т.А. Крюкова. – Чебоксары, 1960.

⁴⁶ Волков Г.Н. Чувашская народная педагогика. – Чебоксары, 1958; его же, О традициях чувашского народа в эстетическом воспитании. – Чебоксары, 1965; его же, Этнопедагогика чувашского народа (В связи с проблемой общности народных педагогических культур). – Чебоксары, 1966; его же, Трудовые традиции чувашского народа. Этнопедагогический очерк. – Чебоксары, 1970.

М.Я. Сироткиным, В.Я. Канюковым и Н.Р. Романовым книги по чувашскому фольклору⁴⁷, в которых развитие традиционных жанровых форм устно-поэтического творчества прослеживается в тесной связи с жизнью и бытом чувашского народа. Материальной культуре русского сельского населения на территории Чувашской АССР посвящена работа Е.П. Бусыгина и Н.В. Зорина⁴⁸.

За истекшие годы подробные статьи и очерки по этнографии чувашского народа опубликованы в сводных трудах и учебниках для вузов. Значительное внимание уделяется этнографическим вопросам и в «Истории Чувашской АССР»⁴⁹. Высокой оценки заслуживает монография В.Д. Дмитриева, в которой рассматриваются вопросы быта и культуры чувашского крестьянства периода феодализма⁵⁰. На основе скрупулезного анализа документальных источников этим же автором написаны статьи, посвященные таким малоразработанным темам чувашской этнографии, как происхождение сложных общин в Чувашии, расселение чувашей после присоединения их к России на новых территориях, влияние русской материальной и духовной культуры на чувашскую⁵¹.

На большом фактическом материале показаны быт и культура чувашского крестьянства периода капитализма в докторской диссертации И.Д. Кузнецова⁵².

Таким образом, чувашские этнографы заняты изучением важнейших процессов, происходящих в материальной и духовной культуре чувашского народа. Активизировались и исследования в области религии и ате-

⁴⁷ Сироткин М.Я. Чувашский фольклор. Очерк устно-поэтического народного творчества. – Чебоксары, 1965; Канюков В.Я. Чувашский детский фольклор (на чувашском языке). – Чебоксары, 1964; Чувашские пословицы, поговорки и загадки / Сост. Н.Р. Романов. – Чебоксары, 1960.

⁴⁸ Бусыгин Е.П. Русское население Чувашской АССР / Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин // Материальная культура. – Чебоксары, 1960; см. также Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья. – Казань, 1966.

⁴⁹ См., напр., Воробьев Н.И., Чуваши // Народы Европейской части СССР. – Ч. II. – М., 1964; Белицер В.Н. Чуваши / В.Н. Белицер, П.В. Денисов // Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. – М., 1968; Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. – М., 1958 (о чувашах стр. 162–170; Козлова К.И. Этнография народов Поволжья: Учебное пособие. – М., 1964; Основы этнографии / Под ред. С.А. Токарева. – М., 1968. – С. 271–278; История Чувашской АССР. –Т. I. – Чебоксары, 1966; Т. II. – Чебоксары, 1967.

⁵⁰ Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII в. – Чебоксары, 1959.

⁵¹ Дмитриев В.Д. К вопросу о сложных общинах в Чувашии // Уч. зап. ЧНИИ. – Вып. XXIII. – Чебоксары, 1963; его же, К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии // Уч. зап. ЧНИИ. – Вып. XIV. – Чебоксары, 1956; его же, Общениа чувашей с русскими и влияние русской культуры на чувашскую в конце XIX – начале XX в. // Уч. зап. ЧНИИ. – Вып. XL. – Чебоксары, 1968.

⁵² Кузнецов И.Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма // Уч. зап. ЧНИИ. – Вып. XXIV. – Чебоксары, 1963.

изма. Необходимо приступить к созданию историко-этнографических атласов, крайне важных для решения вопросов этногенеза и истории культуры чувашского народа. Наконец, пришло время начать работу над историографией чувашской этнографии.

Таймасов Леонид Александрович
Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИИ ЧУВАШСКОГО НАРОДА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Аннотация: в статье освещены этапы развития чувашского религиоведения. Показана преемственность в научной разработке вопросов чувашской религии. Центральной фигурой статьи является П.В. Денисов, внесший значительный вклад в исследование истории религии чувашского народа, давший импульс возрождению научного религиоведения в условиях господства атеистической идеологии, ставший связующим звеном между дореволюционной и современной историографией.

Ключевые слова: историография, наука, религиоведение, религия, чуваша, Среднее Поволжье, преемственность, научная школа.

Leonid Aleksandrovich Taymasov
I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary

THE STUDY OF THE RELIGION OF THE CHUVASH PEOPLE: A HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

Abstract: the article traces the stages of development in Chuvash religious studies. the continuity in the development of scholarship regarding the Chuvash religion is shown. P.V. Denisov, the central figure in the article, made significant contributions to the study of the history of the religion of the Chuvash people and provided the impetus for the revival of scientific religious studies under conditions of the dominance of atheistic ideology. Denisov's work serves as a link between pre-revolutionary and modern historiography.

Keywords: historiography, science, religious studies, religion, Chuvash, Middle Volga region, continuity, scientific schools.

Вопросы религии чувашского народа всегда являлись объектом внимания исследователей. Еще в XVIII в., когда стали появляться первые научные публикации о чувашах, в них содержались сведения о религиозных верованиях. В разные исторические эпохи авторы расширяли и дополняли религиоведческую тематику. До 1917 г. различные вопросы ре-

лигии чувашского народа получили отражение в трудах В.П. Вишневского, В.К. Магничского, С.М. Михайлова, А.Ф. Можаровского, Н.В. Никольского, В.А. Сбоева, С.В. Чичериной и др. [8; 28; 30; 35; 39; 53; 62]. Теории и практике христианского просвещения чувашей были посвящены работы Н.А. Бобровникова, И.А. Износкова, Н.И. Ильминского, Е.А. Малова, М.А. Машанова [6; 17–18; 19–20; 31; 33]. Динамику трансформации религиозных представлений своих прихожан изложили сельские священники Н.А. Архангельский, А.С. Иванов, К.П. Прокопьев, А.В. Рекеев, Д.Ф. Филимонов [2; 16; 43; 49; 59]. Тема чувашской традиционной религии стала предметом исследования зарубежных ученых Д. Месароша и Х. Паасонена [34; 70]. Следует отметить, что досоветская историография накопила, систематизировала и обобщила большой фактический материал, не утративший своего значения до настоящего времени.

После Октября 1917 г. религия и церковь в нашей стране оказались под прессом марксистско-атеистической идеологии, что привело к кардинальному пересмотру идейно-теоретических и методологических подходов при освещении религиоведческих тем. Цели и задачи историко-этнографической науки в данном направлении были обозначены Коммунистической партией и советским руководством ясно и четко: критика религии и церкви, пропаганда атеизма, воспитание нового советского человека. Конкретно-историческое изучение религии отошло на второй план. В 1920-е г. продолжали издаваться работы авторов, которые занимались исследованием народов Среднего Поволжья еще до революции [24; 39]. В эти же годы создавались сочинения, в которых с атеистических позиций пытались пересмотреть историю религии народов региона [32]. В 30–40-е г. XX в. специальных научных исследований по религиоведческой тематике в Чувашской Республике не проводилось.

В годы «хрущевской оттепели» тема истории религии и церкви снова стала подниматься в историко-этнографической науке. В этот период активизировалось формирование национальных научных кадров в области истории и этнографии. Чувашеведческие исследования тогда осуществляли Научно-исследовательский институт и Чувашский государственный педагогический институт им. И.Я. Яковлева. Значительную помощь в подготовке профессиональных историков оказывали крупные научно-образовательные центры Москвы, Ленинграда, Горького, Куйбышева. Важная роль в развитии научных знаний в регионе Среднего Поволжья еще с XIX в. принадлежала Казанскому государственному университету им. В.И. Ульянова-Ленина. Его выпускник П.В. Денисов в 1952 г. начал трудовую деятельность в родной Чувашии. В годы учебы в Казани он близко общался с известным чувашским учёным и общественным деятелем Н.В. Никольским, который оказал значительное воздействие на формирование его знаний по истории и культуре чувашского народа и во мно-

гом определил выбор религиозной темы в качестве его будущей диссертации. В научном творчестве П.В. Денисова исследование истории религии и атеизма чувашского народа заняло центральное место. Сначала он опубликовал книгу, в которой подробно изложил историю религии чувашского народа с древнейших времен до начала XX в., а позже материалы своей докторской диссертации издал отдельной монографией [10–11]. Эти фундаментальные исследования до настоящего времени сохраняют свое научное значение, хотя установки официальной идеологии той поры не могли не отразиться на обобщениях и выводах автора. Труды П.В. Денисова дали новый импульс развитию религиоведческого направления не только в Чувашии, но и во всём регионе. Его почин в изучении истории религии и церкви подхватили учёные из Чувашии и соседних национальных республик [27; 36; 42; 55].

В советском обществе отношение к религии и церкви стало существенно меняться в позитивную сторону с началом «перестройки». Празднование 1000-летия крещения Руси и провозглашение свободы совести в СССР в 1988 г. сопровождалось значительным ростом интереса широкой общественности к истории религии и церкви в нашей стране, что привело к появлению ряда научных публикаций [50; 62]. В Среднем Поволжье исторический юбилей русского православия также не был обойден вниманием. Вопросы религии обсуждались на региональной научной конференции в Чебоксарах [60]. Хотя на ней большинство докладчиков продолжало придерживаться прежних позиций, но ряд ученых региона в своих выступлениях предложил делать несколько иной акцент в изучении этой тематики, пересмотрев концептуальные подходы.

Распад СССР и разрушение атеистической идеологии создали благоприятные условия для возрождения религии в нашей стране. Изменения в сфере духовной жизни вызвали рост общественного интереса к истории религии и церкви. Возникла необходимость с новых методологических позиций пересмотреть и переосмыслить многие устоявшиеся в предыдущую эпоху положения и выводы, приступить к исследованию ранее непопулярных тем. Изменение отношения к религии со стороны власти и общества наглядно проявилось в совместных государственно-церковных изданиях христианских, православных энциклопедий, словарей и другой массовой печатной продукции [46]. Новая политическая система страны остро нуждалась в формировании общенациональной идеи, одним из столпов которой должно было вновь выступить русское православие.

Общественный интерес к многовековому духовному наследию актуализировал религиоведческое направление в сфере гуманитарных наук. Исследование вопросов религии чувашского народа получило новое дыхание. Опираясь на опыт историков-религиоведов предшествующих эпох, авторы постсоветского периода обогатили историографию научного религиоведения теоретическими и фактологическими исследованиями. Так,

этноконфессиональные процессы среди чувашей были освещены в монографиях Е.А. Ягафовой [64; 65]. Проблемы межэтнических, межконфессиональных взаимоотношений поднимались в работах Г.А. Николаева [38]. Иллюстрированные научно-популярные издания о церквях и монастырях, мечетях подготовил Л.Ю. Браславский [4; 5]. Также он обобщил уникальный материал о религиозных сектах Чувашии [6]. Отдельные аспекты христианского просвещения чувашского народа нашли отражение в работах Г.А. Александрова, Л.А. Ефимова и др. [1; 14].

Позитивную роль просветителей эпохи буржуазной модернизации в развитии просвещения и культуры народов Среднего Поволжья отметили в своих трудах учёные региональных научных центров. В последнее десятилетие в связи с современными задачами развития образования значительно возрос интерес к историческому опыту деятельности просветителей из народа. В частности, при Чувашском государственном университете с 1995 г. действует лаборатория (с 1997 г. институт) И.Я. Яковлева, занимающаяся изучением научно-педагогического наследия видного просветителя. Данный институт подготовил и издал десятки монографий, сборники статей и материалов о жизни и творчестве И.Я. Яковлева и его соратниках [15; 25; 26].

В рамках торжественных мероприятий в честь 2000-летия Рождества Христова были проведены специальные научные и научно-практические форумы по религиозно-культурным проблемам как международного, всероссийского, так и регионального уровня. Их материалы были опубликованы в ряде сборников [44; 45]. Вопросам христианизации народов Среднего Поволжья была посвящена конференция в Йошкар-Оле и Чебоксарах, материалы которой обобщены в отдельных сборниках статей [61]. В канун всемирного юбилея вышла из печати фундаментальная монография Д.М. Макарова, в которой исследованы вопросы христианизации народов Среднего Поволжья в XVI–XVIII вв. [29].

Продолжателями дела П.В. Денисова в исследовании вопросов религии и церкви в Чувашии стали А.К. Салмин, Л.А. Таймасов, Ф.Н. Козлов, А.Н. Павлова, А.Н. Евдокимова и др. Признанным специалистом в области чувашской традиционной культуры является А.К. Салмин. В ряде фундаментальных работ он проанализировал религию в системе традиционной обрядности чувашского народа [51; 53]. Под научным руководством П.В. Денисова изучением исторических этапов христианизации народов Среднего Поволжья занимались Л.А. Таймасов, Е.Н. Мокшина. Их публикации по истории религии и этноконфессиональным процессам в регионе стали заметным явлением в научном религиоведении [56; 58; 37]. Ф.Н. Козлов издал содержательные монографии по истории религии и церкви в условиях насаждения атеистической идеологии в первые десятилетия советской власти [22–23]. Важную работу по восстановлению доброй памяти репрессированных священнослужителей проделал протоиерей Иосиф

(Ключников) [21]. Отдельные вопросы истории религии и церкви в Чувашии были рассмотрены в диссертационных исследованиях [13; 14; 41]. Многим соискателям ученых степеней, избравшим тему религии, П.В. Денисов дал ценные советы и консультировал.

История христианизации народов Среднего Поволжья получила отражение в исследованиях зарубежных ученых. Отдельные аспекты религии чувашского народа рассматривались в трудах А. Каппелера [67; 69]. В 1996 г. в Мичиганском университете (США) П. Верт защитил диссертацию о взаимодействии государства и православной миссии по утверждению православия в Волго-Камском регионе в 1825–1881 г. [72] В последующем он опубликовал монографию по теме своей диссертации, расширив хронологию до 1905 г. [73]. В исследованиях П. Верта содержатся сведения о реализации церковно-государственной миссионерской политики среди поволжских народов, в том числе и чувашей. Монографию о роли Казани в христианском просвещении народов Среднего Поволжья опубликовал Р. Джераси [66]. Внимание к этноконфессиональным взаимоотношениям в Среднем Поволжье было вызвано религиозной активностью населения региона в последние десятилетия. Результаты научных изысканий зарубежных авторов были обобщены в сборнике статей о религии в царской России, изданном под редакцией Р. Джераси и М. Ходарковского [70]. Изучением истории и культуры российских регионов занимается Славянский исследовательский центр Хоккайдского университета в Саппоро (Япония) под редакцией К. Мацузато издал серию научных сборников, в которых затрагиваются и вопросы религии [7; 40; 47–48]. Зарубежные авторы при написании своих трудов пользовались научными публикациями наших ученых, в том числе и П.В. Денисова.

Таким образом, в историографии чувашского религиоведения П.В. Денисов является как бы связующим звеном между исследователями разных эпох, народов и государств. При написании своих трудов по религии он пользовался материалами предшественников, а в последующем передавал свои знания, опыт коллегам и ученикам. Во многом благодаря его научно-педагогической деятельности в Чувашии сложилась школа исторического религиоведения, студенты и многие любители истории знакомы с религией чувашского народа по его книгам. Уверен, еще многие годы труды Петра Владимировича будут востребованы как учёными-исследователями, так и широкой аудиторией читателей.

Литература

1. Александров Г.А. Чувашская интеллигенция: истоки. – Чебоксары, 1997.
2. Архангельский Н.А. Александринский чувашский женский монастырь // Известия по Казанской епархии. – 1912. – №12–13. – С. 393–407.
3. Браславский Л.Ю. Ислам в Чувашии. – Чебоксары, 1997.
4. Браславский Л.Ю. Православные храмы Чувашии. – Чебоксары, 1998.

5. Браславский Л.Ю. Религиозные и оккультные течения в Чувашии (культы, церкви, секты, деноминации, духовные школы). – Чебоксары, 2000.
6. Бобровников Н.А. Инородческое население Казанской губернии. – Казань, 1899.
7. Весна народов: этнополитическая история Волго-Уральского региона: Сб. документов / Науч. ред. К. Мацузато. – Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University. – 2002.
8. Вишневецкий В.П. О религиозных поверьях чуваш: из записок миссионера протоиерея В.П. Вишневецкого. – [Б.м.: б.и.], 1850.
9. Грачев С.В. Геополитика и просвещение нерусских народов Поволжья (60-е г. XIX – начало XX в.). – Саранск, 2000.
10. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. – Чебоксары, 1959.
11. Денисов П.В. Религия и атеизм чувашского народа. – Чебоксары, 1972.
12. Димитриев В.Д. Просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев. – Чебоксары, 2002.
13. Евдокимова А.Н. Приходское духовенство и прихожане Чувашского края в конце XVIII – первой половине XIX веков: Дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2004.
14. Ефимов Л.А. Системы просвещения нерусских народов и чувашские школы Поволжья и Приуралья в последней трети XIX – начале XX века. – Чебоксары, 1998.
15. И.Я. Яковлев и духовный мир современного многонационального общества. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1998.
16. Иванов А.С. Инородцы-чуваш // Самарский вестник. – 1894. – №115, 223, 244, 247, 269.
17. Износков И.А. Материалы для истории христианского просвещения инородцев Казанского края. – М., 1893. – Вып. 1–3.
18. Износков И.А. Об образовании инородцев и о миссионерстве в Казанской епархии. – Казань, 1909.
19. Ильминский Н.И. О переводах православных христианских книг на инородческие языки. – Казань, 1875.
20. Ильминский Н.И. Опыт переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. – Казань, 1883.
21. Иосиф (Ключников). Синодик Чебоксарско-Чувашской епархии. – Чебоксары, 2012.
22. Козлов Ф.Н. Голод 1921–1922 г. и изъятие церковных ценностей в Чувашии. – Чебоксары: Новое время, 2011.
23. Козлов Ф.Н. Православие в Чувашском крае: внутрицерковная ситуация в конце 1910-х – 1920-е годы. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014.
24. Комиссаров Г.И. Чуваша Казанского Заволжья. – Казань, 1911.
25. Краснов Н.Г. Иван Яковлев и его потомки. – Чебоксары, 1998.
26. Краснов Н.Г. Педагогическое наследие И.Я. Яковлева и становление национальной школы чувашского народа. – Казань, 1995.
27. Кудряшов Г.Е. Динамика полисинкретической религиозности. – Чебоксары, 1974.

28. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. – Казань: Тип. Императ. ун-та, 1881.
29. Макаров Д.М. Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья во второй половине XVI–XVIII веках. – Чебоксары, 2000.
30. Михайлов С.М. Собрание сочинений. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004.
31. Малов Е.А. Миссионерство среди мухаммедан и крещеных татар. – Казань, 1892.
32. Маторин М.Н. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язычество, ислам, православие, сектантство. – М., 1929.
33. Машанов М.А. Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим инородцам. – Казань, 1910.
34. Месарош Д. Памятники старой чувашской веры. – Чебоксары: ЧГИГН, 2000.
35. Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1551 по 1867 г. – М., 1880.
36. Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968.
37. Мокшина Е.Н. Мордва и вера. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005.
38. Николаев Г.А. Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX в. – Чебоксары: ЧГИГН, 2016.
39. Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т. 1–4. – Чебоксары: ЧГИГН, 2004–2009.
40. Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона / Науч. ред. К. Мацузато. – Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003.
41. Павлова А.Н. Система Н.И. Ильминского и её реализация в школьном образовании Востока России: Дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2004.
42. Попов Н.С. Православие в Марийском крае. – Йошкар-Ола, 1988.
43. Прокопьев К.П. Школьное просвещение инородцев Казанского края в XIX веке до введения просветительной системы Н.И. Ильминского. – Казань, 1905.
44. Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: итоги этнографических исследований. – М., 2002.
45. Православие и культура этноса // Исторический вестник. – 2001. – №2–3 (13–14).
46. Православная энциклопедия. Т. 1–51. – М.: Церковно-научный центр Русской православной церкви «Православная энциклопедия», 2000–2018.
47. Регионы России: хроника и руководители: Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Республика Мордовия / Под ред. К. Мацузато. Т. 7. – Sapporo: Slavic Research Center Hokkaido University, 2000.
48. Регионы России: хроника и руководители: Республика Марий Эл, Чувашская Республика, Республика Башкортостан / под ред. К. Мацузато. – Т. 8. – Sapporo: Slavic Research Center Hokkaido University, 2003.
49. Рекеев А.В. Из чувашских преданий и верований // Известия по Казанской епархии. – 1913. – №15–16, 18, 21.
50. Русское православие: вехи истории. – М., 1989.
51. Салмин А.К. Духи требуют жертв. – Чебоксары, 1989.
52. Салмин А.К. Народная обрядность чувашей. – Чебоксары, 1994.

53. Сбоев В.А. Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях: их происхождение, язык, обряды, поверья, преданья и пр. – М., 1865.
54. Смирнов П. (протоиерей). История христианской православной церкви. – М.: Православ. беседа, 1994.
55. Солдаткин М.П. Политика царизма по христианизации мордвы. – Саранск, 1974.
56. Таймасов Л.А. Монастырское движение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016.
57. Таймасов Л.А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004.
58. Таймасов Л.А. Христианизация чувашского народа в первой половине XIX в. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992.
59. Филимонов Д.Ф. Об инородческих монастырях и общинах Волжско-Камского края // Сотрудник. – 1910. – №48. – С. 757–763; №49. – С. 778–781; №50. – С. 790–795; №52. – С. 827–830.
60. Христианизация народов Среднего Поволжья и её марксистско-ленинская оценка. – Чебоксары, 1988.
61. Христианизация народов Среднего Поволжья и её историческое значение. – Йошкар-Ола, 2001.
62. Христианство и церковь в России феодального периода. – Новосибирск, 1988.
63. Чичерина С.В. У приволжских инородцев: путевые заметки. – СПб., 1905.
64. Ягафова Е.А. Самарские чувашы. – Самара, 1998.
65. Ягафова Е.А. Чуваши-мусульмане в XVIII – начале XXI вв. – Самара: ПГСГА, 2009.
66. Geraci R. Window on the East: National and Imperial identities in Late Tsarist Russia. – Ithaca; London, 2001.
67. Kappeler A. Die Tschuwaschen & Tin Volk im Schatten der Geschichte. – Koln; Weimar; Wien, 2016.
68. Kappeler A. Russland als Vielvoelkerreich. Entstehung – Geschichte – Zerfall. Verlag C.H. Beck. Munchen, 1993 (рус. пер.: Россия как многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 1997).
69. Kappeler A. Ruslands erste Nationalitäten. Des Zarenreich und die Volker der Mittleren Wolga vom 16 bis 19 Jahrhundert. Koln; Wien, 1982.
70. Of Region and Empire. Missions, conversion, end tolerance in Tsarist Russia / Edited by Robert P. Geraci and Michael Khodarkovsky // Cornell University press. – Itaca; London, 2001.
71. Paasonen H. Gebrauche und Volksdichtung der Chuwasen // Memoires de la Societe Finno-Ougrienne. – XCIV. – Helsinki, 1949.
72. Werth P. Subjects for Empire: Orthodox Mission and Imperial Governance in the Volga-Kama Region, 1825–1881. Ph. D. diss. – University of Michigan, 1996.
73. Werth P. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. – Ithaca; London, 2001.

Иванов Виталий Петрович
Чувашский государственный
институт гуманитарных наук
г. Чебоксары

ИСЛАМ И ЧУВАШИ: ПОРАЖЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЦИФРАХ

Аннотация: в статье освещается малоизученная проблема отатаривания чувашей в XVIII – начала XX в. На основании статистических материалов автор приходит к выводу, что главным фактором данного процесса являлась исламизация некрещенных чувашей.

Ключевые слова: динамика численности, ассимиляция, отатаривание, исламизация, язычники, идентичность.

Ivanov Vitaly Petrovich
Chuvash State Institute of the Humanities
Cheboksary

ISLAM AND THE CHUVASH: CHANGING OF IDENTITY AS SHOWN IN NUMBERS

Abstract: the article highlights the little-studied problem of Chuvash becoming Tatars from the eighteenth to the early twentieth century. On the basis of statistical materials, the author comes to the conclusion that the main factor in this process was the Islamization of unbaptized Chuvash.

Keywords: population dynamics, assimilation, Tatarization, Islamization, pagans, and identity.

Согласно данным ревизий (переписей) на протяжении всего XVIII в. миграционные перемещения и этнодемографические процессы у чувашей Казанской губернии носили неравномерный, «пульсирующий» характер, что, по-видимому, отражало также и латентные этноконфессиональные процессы. На территории одних уездов численность чувашей повышалась, на других, наоборот, неожиданно и резко убывала, причем в ряде случаев весьма значительно и в течение короткого времени. В этом отношении интересно выявленное В.М. Кабузаном резкое изменение численности чувашей в Мензелинском уезде буквально за период между двумя последними ревизиями XVIII в. Если по IV ревизии (1782) здесь было зафиксировано 12656 чувашей, то по данным V ревизии (1795) их осталось всего 2435 человек «Мензелинский уезд всегда притягивал чувашей. Только в 60–70-х годах сюда официально переселилось более 1 тыс. душ мужского пола. III и IV ревизии зафиксировали здесь соответственно 12656 и 14462 человека «новокрещенных чувашей», однако по пятой ревизии их тут оказалось 2485 человек, и даже перепись 1897 г. учла всего

3154 человека. При этом именно с V ревизии резко увеличиваются численность и удельный вес башкир (с 1045 до 1795 человека).

Сохранившиеся источники не позволяют уточнить, что же произошло в Мензелинском уезде, почему с конца XVIII в. здесь почти исчезает многочисленное чувашское и появляется башкирское население? – задается вопросом учёный: «Трудно представить, что произошло обашкиривание уже крещеных чувашей. Возможно, что имели место какие-то миграционные процессы или повышенная естественная убыль» [8, с. 246].

Многие исследователи истории и культуры чувашского этноса (Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров, В.Д. Димитриев и др.) сходятся во мнении, что прирост численности чувашей в XVIII–XIX вв. был бы более значительным, если бы не их частичное отатаривание. По наблюдениям Н.В. Никольского, «в отношении прироста стоят на первом месте уезды: Ядринский, Цивильский, Чебоксарский, Козьмодемьянский уезды и, главным образом, чисто чувашские селения» [11, с. 19].

Процесс отатаривания чувашей через принятие ислама начался еще во времена Казанского ханства. Однако поскольку ислам в тот период был религией господствующего класса, то «язычествующие» поволжские этносы сопротивлялись его распространению. В России же он стал религией, оппозиционной господствовавшей православной церкви. Для них теперь отпадение в ислам стало формой выражения социального протеста эксплуатации русских светских и духовных феодалов, против гнета русского военно-феодального государства. Во второй половине XVI–XVII вв. отпадение восточных чувашей в ислам и переход их в татары приняли очень большие размеры. Во второй половине XVII в. многие из бывших чувашских селений считались уже татарскими. Только в первой половине XVII в. бывшие ясачные чуваша, уже отатарившиеся, стали именоваться в официальных документах ясачными татарами [4, с. 170].

Татарская ассимиляция чувашей-язычников особенно интенсивно шла до середины XVIII в., то есть до начала христианизации чувашей. Но и в XIX в., даже в начале XX в., масштабы перехода уже «новокрещенных» чувашей в ислам оставались значительными как в Уфимской, Оренбургской и Самарской губерниях, так и в Казанской. Более того, как считает В.М. Кабузан, в Казанской губернии процесс отатаривания имел вообще массовый характер [7, с. 189].

Произведем сравнительный анализ соотношения чувашей и татар в населении Казанской губернии за 1763–1897 г. (таблица 1).

Таблица 1

Ревизии и перепись	Чуваши, %	Татары, %
III (1763 г.)	26,6	23,7
V (1795 г.)	27,0 (224,0 тыс.)	24,5 (214,7 тыс.)

X (1858 г.)	21,6 (333,1 тыс.)	28,8 (444,5 тыс.)
Перепись 1897 г.	23,1 (502 тыс.)	31,1 (675,5 тыс.)
Прирост с 1795 по 1897 г.	224,1	314,6

По мнению Р.Г. Фахрутдинова, «высокие темпы роста численности татар нельзя объяснить только естественным приростом. Именно интенсивные процессы татарской ассимиляции привели к тому, что в настоящее время чувашских селений осталось в Закамье небольшое число» [13, с. 83–84]. Д.М. Исхаков считает, что только в течение первой половины XIX в. в Буинском, Симбирском, Цивильском и Тетюшском уездах отатарилось несколько тысяч чувашей [6, с. 30, 38].

Данный процесс весьма активный характер имел в Свияжском уезде. Еще в 70-х г. XIX в. И.А. Износков отмечал: «Несколько селений Свияжского уезда, например, Агасыры, Большое Русаково, Янгильдино и многие татарские селения, занимающие юго-западную часть Тетюшского уезда, по уцелевшим в них памятникам и народным сказаниям, были первоначально заселены чувашами, из которых многие отатарились» [3, с. 245]. По метрическим книгам церковей Казанской епархии можно доказать, что к западу от реки Свияга татар не было совсем, а в настоящее время числится значительное количество татар к западу от Свияги в Свияжском, Цивильском, Чебоксарском и Буинском уездах, – писал Г.И. Комиссаров. – Оказывается, все это чувашаи, переименованные в татар при принятии или отступлении их в ислам.

... Перед покорением Казани много чуваш жили вблизи Казани, главным образом в Арской округе. Впоследствии здесь не осталось ни одного чувашенина» [10, с. 320].

Итак, если на рубеже конца XVIII – начала XIX вв. доля чувашей в Казанской губернии была выше удельного веса татар, то в XIX в. татар становится больше. Только с 1795 г. по 1858 г. прирост татарского населения здесь составил 107%, мордвы – 59,4, мари – 58,6, чувашей – 48,7 и удмуртов – 40,3. Сравнительно более чем высокие темпы увеличения численности татар за относительно короткое время определенно объясняются ассимиляцией татарами башкир, мишарей, чувашей, а также удмуртов, бесермян и марийцев. В.М. Кабузан особо подчеркивает, что имеющиеся материалы подтверждают этот вывод: «Тептяри и бобыли Оренбургской губернии по происхождению принадлежали в основном к мордве, чувашам и вотякам, но уже в XIX в. их не без некоторой доли основания относили к татарам. Еще в начале XVIII в. в Казанской губернии чувашаи численно превосходили татар, но в середине 30-х г. XIX в эти два народа поменялись местами» [9, с. 33].

Сравнительная динамика численности чувашей и татар в Средневолжских губерниях в XIX в., (тыс. чел.) [1, с. 24–26]

Губерния	1834 г.		1857–1861 г.		1897 г.	
	чуваш	татары	чуваш	татары	чуваш	татары
Казанская	300,1	363,1	333,1	455,3	502,0	675,4
Симбирская	84,7	67,7	97,8	90,1	159,8	134,0
Самарская	29,9	85,4	80,3	131,6	91,8	159,8
Всего	414,7	616,2	491,2	677,0	753,0	1069,2

Переход части чувашей в исламскую религию и отатаривание их представляли исторически длительный процесс. Еще до начала массовой насильственной христианизации чувашей-язычников в XVIII в. часть из них (прежде всего булгаро-чувашское население Приказанья и Заказанья), начиная с обозримых XV–XVII вв., была уже отатарена. В ходе принудительного крещения в середине и во второй половине XVIII в. чувашаи «уходили в татары» весьма большими группами, что свидетельствовало о больших симпатиях к мусульманству, нежели православию, а это, в свою очередь, указывало на очевидные успехи проповедников ислама среди них. «По крайней мере, – подчеркивает Е.А. Ягафова, – в христианство чувашаи с таким рвением не переходили, и православному духовенству стоило тяжких трудов уговаривать креститься даже 1–2 семьи» [16, с. 298].

Исламизация чувашей имела продолжение и в XIX в., особенно в его первой половине, хотя и в сравнительно меньших масштабах. Новая вспышка отатаривания чувашей имела место в начале XX в. и связана она была отчасти с изданием известных царских манифестов 1905 г.

Американский исследователь Франк Аллен приводит выдержки из статьи С. Бобровниковой, опубликованной в Нью-Йорке в 1911 г.: «Если некоторые местные жители из других народов (чувашаи, черемисы и т. д.) принимают ислам, то они немедленно начинают называть себя татарами. Я сама пыталась убедить принявших ислам чувашей, что они, как и их отцы, не татары, а чувашаи. Но они сердито и упрямо настаивали на своем: «Нет, мы татары, и наши отцы были татарами». Все представители местных народностей без исключения, когда принимают ислам, разрывают свое отношение со своими народами, забывают свои родные языки и становятся татарами по языку, одежде и обычаям. Такие люди являются более фанатичными, чем те, кто родился в мусульманской семье. Татары

убеждены в собственном превосходстве. Они имеют высокое самомнение и такое высокомерное независимое поведение, что представители других местных народов соглашаются, что татары и религия ислам превыше всего существующего. Только те народности, придерживающиеся христианства и обладающие сетью христианских школ, способны сопротивляться этому притяжению со стороны татар. Но те племена и народности, которые находятся в промежуточном положении между христианством и исламом, подвержены сильному влиянию со стороны татар» [2, с. 146–155].

Среди причин омульманывания чувашей священник Д. Филимонов, основываясь на примере деревни Старое Афонькино, называет, например, следующие: «1. Близость татарских селений. 2. Прекрасное знание чувашами татарского языка. 3. Экономическая зависимость от мусульман. 4. Сравнительно позднее возникновение здесь православной миссии, когда некоторые чуваша успели уже совершенно отатариться. 5. Довольно высокая культурность здешних татар, сравнительно не только с чувашским, но и с коренным русским населением. Среди татар число грамотных значительно больше. 6. Хитрость, пронырливость мусульман, которые не стесняются никакими средствами для достижения цели. 7. Гостеприимство, ласковое, приветливое обращение татар с чувашами. 8. Пренебрежительное, высокомерное отношение здешних русских людей к чувашам, которых русские простолюдины нередко называют «орда», «азиат» и т.п. эпитетами. Со стороны татар этого не наблюдается. 9. Совершенно равнодушное формально-холодное отношение к отатариванию чувашей со стороны местных интеллигентных православных людей. 10. Оказание чувашам в трудные минуты жизни материальной и нравственной поддержки среди мусульман» [14, с. 623–624].

При вербовке чувашей в ислам татарские муллы часто завлекали их легендами о мусульманском рае. А. Иванов приводит одну из них в пересказе священника Г. Перепелкина: «Недавно появился один фанатик-татарин и в каждом доме рассказывает о мусульманском рае. Рай этот описывает он весьма заманчивыми штрихами и причем в чисто чувашском вкусе; например, он говорит чувашам, что в раю будут именно такие кушанья, какие они любят и употребляют, как-то: кислое молоко, творог с маслом, ширтан (копченое мясо), блины, юсман (лепешки), яйца, мед, пиво, вино и т.д. и затем говорил, что каждому чувашину, исповедующему ислам, будет в раю по несколько красивых жен, будет спать на пышных пуховых перинах с 12 подушками». Вот такими-то беседами и рассказами чуваша постепенно пропитываются и в конце концов делаются совершенно неспособными воспринимать высшие истины христианства [5, с. 572]. Однако, надо признать тот факт, что «уходу в татары» способствовали (особенно в регионах чересполосного расселения чувашей с татарами) кроме всего прочего и определенное генетическое родство, сходство языков и, в какой-то мере, общность исторических судеб двух народов.

Таким образом, в течение XVIII – начала XX вв. определенная часть тех чувашей, что проживали за пределами основной зоны обитания этноса, т.е. условно вне современных границ Чувашии (особенно те его локальные группы, которые продолжали пребывать в язычестве и языческо-православном синкретизме), достаточно значительными группами переходила в исламскую веру. По наблюдениям Н.В. Никольского, «это движение было значительным среди закамских чуваш и чуваш нынешних Свияжского, Тетюшского, Симбирского и Буинского уездов» [12, с. 20]. По видимому, указывают С.И. Брук и В.М. Кабузан, «неспроста прирост численности чувашей в дореволюционный период по сравнению со всеми другими урало-поволжскими этносами был крайне низким». И вправду, цифры говорят сами за себя. Так, с 1719 по 1917 г. число чувашей в целом увеличилось в 5,2 раза, в то время как у татар – 10,3, мордвы – 11,1, башкир – 10,1, удмуртов – 11,1, марийцев – 7,4 раза. [1, с. 24]. Выводы налицо.

Литература

1. Брук С.И. Этнический состав населения России (1719–1917 г.) / С.И. Брук, В.М. Кабузан // СЭ. – 1980. – №6.
2. Ватандаш. – Уфа, 2002. – №6.
3. Дмитриев В.Д. О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII – начала XX вв. // УЗ ЧНИИ. – Чебоксары, 1969. – Вып. 47.
4. Дмитриев В.Д. Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: Сб. ст. – Чебоксары, 2004.
5. Иванов А. Отступническое движение крещеных и некрещеных чувашей Самарской губернии в магометанство // Самарские епархиальные ведомости: часть неофиц. – 1 августа 1908. – №15.
6. Исхаков Д.М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVII–XIX вв. // СЭ. – 1980. – №4.
7. Кабузан В.М. Изменения в удельном весе и территориальном размещении русского населения России в XVIII – I пол. XIX в. // Проблемы исторической демографии. – Таллинг, 1977.
8. Кабузан В.М. Народы России в XVIII в.: численность и этнический состав. – М., 1990.
9. Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: численность и этнический состав. – М., 1992.
10. Комиссаров Г.И. Чуваша Казанского Заволжья // ИОАИЭ. – Казань, 1911. – Т. 27. – Вып. 5.
11. Никольский Н.В. Краткий аспект по этнографии чуваш. – Казань, 1919.
12. Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. – Чебоксары, 1928 (1929). – Вып. 1.
13. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. – Казань, 1975.
14. Филимонов Д. Успехи ислама среди чувашей-язычников деревни Старо-Афонькиной Бугульминского уезда // Самарские епархиальные ведомости: часть неофиц. – 15 августа 1908. – №16.
15. Франк Алэн. Справочники-путеводители (каталоги) для паломников к могилам «святых» шейхов и мусульманская общинная география в Волго-Уральском

регионе: 1788–1917 // Journal of Islamic Studies. – July 1996. – Vol. 7. – №2 (Исламские исследования. Великобритания, Оксфорд) / Перепечатка журн. «Ватандаш». Уфа, 2002. – №6. – С. 146–155.

16. Ягафова Е.А. Самарские чуваша (Историко-этнографические очерки). Конец XVIII – начало XX вв. – Самара, 1998.

Зильберг Нарспи Петровна
этнограф
Израиль, Иерусалим

О ПЕТРЕ ВЛАДИМИРОВИЧЕ ДЕНИСОВЕ. СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ МОЕГО ОТЦА

Аннотация: история жизни Петра Владимировича Денисова – это яркий пример становления уникального поколения чувашской интеллигенции, интеллектуальная работа и знания которой сыграли важную роль в развитии национальной культуры Чувашии в 1960-х гг.

Ключевые слова: интеллигенция, национальная культура и национализм в Чувашии в 1960–1970-х гг.

Narspy Zilberg
anthropologist
Jerusalem

ON PETR VLADIMIROVICH DENISOV. PAGES FROM THE BIOGRAPHY OF MY FATHER

Abstract: the life story of Petr Vladimirovich Denisov is a vivid example of the emergence of a unique generation of Chuvash intelligentsia, whose intellectual work and knowledge played an important role in the development of Chuvashia's national culture in the 1960s.

Keywords: intellectuals, national culture and nationalism in Chuvashia in the period of 1960–1970.

Всю свою жизнь мой отец Пётр Владимирович Денисов посвятил изучению этнографии родного чувашского народа. Он был человеком, имеющим глубокие корни в чувашской земле, её истории и культуре. Два начала лежали в основе его личности: то, что он был чуваш, плоть от плоти своего народа, и то, что он был учёным-этнографом. Его личная история стала частью его профессиональной жизни. Свою связь с прошлым, с поколениями своих предков, свои чувства и мысли он вложил в труды о чувашской культуре и истории, которые так важны и сегодня.

Хотя отец опубликовал немало статей и книг биографического характера, он никогда не писал о самом себе и своей семье. Только летом 2011 г., уже после тяжелой болезни, мне удалось записать с его слов несколько страниц, в основном о родителях, а также о днях его детства и

юности. Эти личные заметки имеют очень интимную интонацию (чтобы сохранить особенности речи отца, его собственное повествование выделено курсивом). Некоторые детали дополняют сведения из нашей переписки, какие-то подробности удалось уточнить в беседах с сёстрами отца – Елизаветой Владимировной Георгиевой и Ангелиной Владимировной Денисовой, за что я выражаю им свою благодарность. Сердечное спасибо моей двоюродной сестре Галине Турхановой, помогавшей мне в сборе и подготовке материалов.

Приводимый ниже рассказ о жизни и становлении моего отца как этнографа охватывает период с 1940-х гг. до 1967 г., когда он начал свою работу в Чувашском государственном университете. То, что осталось за рамками этих воспоминаний, дополняют рассказы его друзей, учеников и коллег по работе в период с 1970 по 2010 г., которые публикуются в этой же книге.

Фамилия Денисовых идёт от имени деда моего отца – Дениса (1865 г.р.). По рассказам родственников также удалось восстановить имена его прадеда Анисима (1842 г.р.) и прапрадеда Гаврила Семенова (1804 г.р.). Все они жили в деревне Бахтигильдино, где, по словам отца, ещё с XVII века поселились их предки. Вот как рассказывал отец о своих родных:

«У моего деда и его жены Ксении Трофимовны, которая была родом из М. Батырева, было четыре сына. Старший сын, Алексей (1892 г.р.), был мобилизован на Первую мировую войну. Он попал в плен в Австрии, но выжил. Второй сын, Михаил, во время Гражданской войны служил во флоте в Кронштадте, а третий сын, Иван, – был в армии Котовского. Поэтому, хотя семья Денисовых была зажиточной, когда происходило раскулачивание, их не выслали, а только забрали скот и вывезли зерно. Мой отец, Владимир, был четвертым сыном Дениса. Младшие сыновья, Иван и Владимир, проживали вместе со своим отцом, моим дедом, в большом родовом доме. Брат отца, Иван, уже обзаведясь семьей, долго не мог поставить свою собственную избу, но в дедовском доме было много места. Дом был большой, из шести комнат, под шатровой крышей. Он служил центром притяжения всей многочисленной родни. Здесь, во время праздников, собирались родственники, которых было чуть ли не полдеревни. В этом дедовском доме, где жили мои родители Владимир Денисович и Анастасия Львовна Денисовы, я родился и провел свое детство.

Дед был человек умный, но крутого нрава. Вот что случилось во время его сватовства. Прадедушка на ярмарке договорился с богатыми родственниками. Нашли невесту для Дениса, взяли угощение и поехали свататься. Сидит жених Денис наряженный, а невеста не выходит, стесняется. Наконец уговорили её вынести пиво гостям. Вот невеста предлагает пиво, а сама от волнения заикается. Денис решил, что невеста-заика ему не нравится, вышел во двор, оседлал коня и, даже не одев кафтан, ускакал за 30 километров домой в Бахтигильдино».

Моя бабушка Анастасия Львовна (в девичестве Зверева) была очень доброй и радушной хозяйкой. Она хорошо знала все чувашские обычаи и обряды. Её отец Лев Акимович Зверев был человеком религиозным, много времени проводил на своей пасеке, в уединении. Был мобилизован на Первую мировую войну. В армию ушел как Акимов, а вернулся домой в Бахтигильдино как Зверев. По семейной легенде он был таким храбрым солдатом, что командир решил наградить его новой фамилией: «Ты сражался как лев, и имя у тебя подходящее – Лев, вот и фамилию тебе запишем Зверев – будешь Лев Зверев, как царь зверей».

В доме Денисовых всегда было много гостей, особенно на пасху, когда по традиции родные и близкие навещали родовое гнездо.

«Отец Владимир Денисович за религиозные обряды и обычаи не держался, был очень инициативным, быстро воспринимал все новое: выписывал газеты, покупал книги, в доме была красивая чайная посуда, радио, велосипед, мясорубка и пр. Он вообще стремился к городской жизни и уговаривал мать перебраться в Алатырь, где подыскивал жилье для всей семьи. После коллективизации отец продал большой родовой дом, который вывезли в село Тарханы (этот дом из шести комнат стоял там и после войны, в одной из комнат всегда жили учителя), семья переехала в обычную избу».

В семейной истории коллективизация была самым драматическим моментом. Отец вспоминал (по рассказам своих родителей), как это происходило, вплоть до мельчайших деталей:

«В тот самый день, когда в деревне шло раскулачивание, дедушка Денис, спрятав в носки все свои сбережения, серебряные и золотые монеты, надел свои нарядные татарские валенки (такие «романовские» валенки валяли недалеко от Казани в Кукмарах). Вот пришли в дом комиссары с обыском, начали вывозить хлеб, вдруг увидели деда в красивых белых с красными узорами валенках и говорят: «Дед Денис! Снимай валенки! Мы тоже такие хотим!» Дед валенки снимает, а сам боится, что выпадут монеты...»

В колхозное стадо забрали весь домашний скот, четырех коров и четырех лошадей, вывезли все запасы зерна. Отец был обижен на новую власть за разорение семьи, хотел уехать из Бахтигильдина... Он спорил с матерью, которая боялась переезда. Потом отец все-таки смирился и решил остаться в родной деревне.

После обыска дед Денис спрятав дореволюционные бумажные деньги и николаевские серебряные рубли в поленницу: просверлил бревно и засунул их в отверстие. Монеты эти обнаружили уже после его смерти в 1939 году, когда пилили дрова».

В январе 1953 г. мои родители праздновали свою свадьбу в деревне отца по чувашскому обряду. Мои дед и бабушка подарили молодоженам «на счастье» эти серебряные царские монеты, которые достались им от

деда Дениса. Родители бережно хранили свой свадебный подарок много лет. Я в детстве часто брала и рассматривала двуглавых орлов и корону на этих старинных монетах. Помню свое чувство, навеянное папиными рассказами, как будто держу в своих руках концы этой семейной истории своего деда и прадеда. Так, через устные рассказы, анекдоты и памятные подарки из поколения в поколение передавалась память о жизни семьи, рода и народных обычаях.

Ещё до войны дед какое-то время был председателем колхоза, а когда вернулся после ранения в конце войны, стал председателем сельпо. После войны и до самой смерти он работал в деревне Бахтигильдино лесником. Дед был хорошим хозяином. По рассказам отца, став председателем, он купил в Алатыре у бывших богачей современную по тем временам молотилку. Её стоимость оправдалась уже в первый год, потом на ней молотилось зерно соседних сёл и колхозов. Но, самое главное, дед стремился дать своим детям высшее образование: первым отправился учиться в Казань Петр, затем его сестра Ксения, а потом, вслед за ними, и другие братья и сестры.

Я хорошо помню деда Владимира Денисовича. Он был человеком умным и решительным. Дед Владимир Денисович говорил со мной по-русски, тогда как бабушка Анастасия Львовна русского не знала. По словам отца и его сестер, дедушка умел объясняться по-татарски и по-мордовски. Деревня отца находилась в юго-западной части Чувашии, где ещё с XVI–XVII веков происходило заселение так называемого «дикого поля». Эти места, особенно в бассейне реки Булы, отличались этнической и религиозной пестротой, которая сохранилась до наших дней. Здесь были чувашские, татарские (мишарские) и мордовские (эрзянские) деревни. Возникло и немало смешанных поселений, где в разных концах жили чуваша, татары-мишари и мордва, как, например, в с. Трехбалтаево, русское название которого подчеркивает его многоязычие. Активно шла русская крестьянская колонизация (много лет спустя, в начале 1980-х гг., занимаясь изучением чувашской общины, я описывала и картографировала распространение таких этнически смешанных сел в южной Чувашии).

«У отца Владимира Денисовича было много друзей и знакомых среди русских, мордвы и мишарей. Перед войной дед решил перестроить старый дом, семья переехала жить в баню. Начали стройку, пригласили печника из татар-мишарей, который работал на ветряной мельнице и жил в Балабаш-Нурусове. Этот татарин старую печь разобрал, а новую сложил неудачно, кирпичи не связал, не укрепил их как следует, а просто замазал глиной. Уже во время войны отец оказался с этим печником рядом в одном окопе, и тот обещал печь переложить».

Неизвестно вернулся ли этот земляк-татарин с войны, но в и начале 1950-х гг. эта печь все ещё требовала починки. Конец этой странной истории положила моя бабушка со стороны мамы, Нина Ильинична, когда

она переехала из Дрогобыча в Западной Украине в Чебоксары. Посетив Бахтигильдино, чтобы познакомиться с семьей своего зятя, она отремонтировала эту печку своими руками, удивив своих новых родственников. Бабушка была мастерицей на все руки, а во время войны, овдовев, научилась делать и мужскую работу по ремонту дома (красила, белила, могла выложить кафель). Она постоянно что-то шила на своей старой швейной машинке «Зингер»: то строчила фуфайки, то перелицовывала пальто для папиных младших братьев и сестер.

В самом начале 1991 г., когда моя семья оказалась далеко в Израиле, отец писал в письме своим внукам Пете и Илюше:

«У меня нередко возникает желание написать для внуков воспоминания о своей жизни: ведь, оставив в возрасте шестнадцати лет родное Бахтигильдино, я ушел в Казань. Это было в 1944 году. В Казани я провел свои юношеские годы, преодолевая премудрости науки, получил диплом университета, работал в академии, где повстречал много оригинальных личностей, а самое главное – нашел свое счастье – Вашу бабушку Розу... В нашей семье было 9 детей, которых мои родители воспитывали по простой народной педагогике: сочетать труд, учёбу и отдых. А какой отдых может быть в глухой деревне? Лето проводили у речушки Булы, ныряли в воду совершенно голыми. Мы не знали что такое трусы, майки, носки, и вообще, нижнее белье я стал носить только тогда, когда стал студентом. Зимой мы катались на самодельных лыжах и коньках. Как бы все это ни было примитивно, но я и ныне вспоминаю свои детские годы с восхищением. Как я ценил первый подарок отца – летние ботинки, купленные мне, когда я уже пошел в 5-й класс, а до этого носил только лапти. Кстати, я научился их плести в 6 классе. Сейчас уже позабыл технику плетения лаптей. А жаль! Быть может, следует вспомнить и восстановить сие умение и заняться плетением лаптей: можно продавать их на базаре, будет прибавка к окладу профессора университета. Однако беда: не достать лыка, придется летом в Бахтигильдине драть в лесу кору молодой липы!..

У нас в деревне кyeti и дома вообще не запирали. Уходя на работу в поле, в ручку дверей вставляли лишь палку, что означало отсутствие хозяев дома. Конечно, случаи воровства были, крали хороших коней, но преступников судили сурово по законам обычного права при всем честном народе, и это наказание запоминалось на долгие годы.

... Я так хочу пожить пару недель в крестьянской избе. Побегав на лыжах в лесу, вернуться в теплую избу, нырнуть, как в детстве, под теплый тулуп и уснуть, забыв все горести и печали!»

Отец был вторым ребенком. Всего в семье было десять детей (дочь Мария умерла в трехлетнем возрасте). По рассказам родственников, отец очень выделялся своими способностями. Больше всего ему нравилось читать книги, к чему он пристрастился с детства. Он старался урывать для

чтения любую возможность: брался пасти гусей, чтобы можно было спокойно читать, а чаще просто прятался с книгой за печкой или на сеновале. Электричества в Бахтигильдино не было до 1954 г., поэтому вечерами можно было читать только при свете керосиновой лампы, если была такая возможность. Читал он все подряд. Перечитал половину школьной библиотеки. Работая деревенским почтальоном во время войны, прочитывал все газеты и журналы, которые приходили на почту. Повзрослев, стал покупать книги по своему вкусу, положив начало собственной библиотеке. Любовь к литературе ему привил дядя Яков Львович Зверев, который был, по словам отца, знатоком книг и любителем поэзии. Дядя, несомненно, сыграл важную роль в воспитании своего племянника, открыв ему много литературных имен, но больше всего отец полюбил поэзию Васлея Митта (позже они с отцом подружились, когда он уже работал в Чувашском государственном издательстве). Яков Львович Зверев и Васлей Митта дружили с ранних лет. В 1931 г. в Батырево они вместе работали сотрудниками первой районной газеты «Знамя Октября», выходившей на двух языках: чувашском и татарском. Митта, став ответственным секретарем редакции, взвалил на себя всю организационную работу: привез из Чебоксар на лошади ручную пишущую машинку, шрифты, краску, бумагу, писал статьи, организовал сеть корреспондентов для своей газеты, проводил литературные вечера. Вскоре Митта, а вслед за ним – и Яков Львович Зверев, переехали в Чебоксары.

«Мой дядя со стороны мамы Яков Львович был очень активным комсомольцем, работал сотрудником радиокомитета и в редакциях разных газет, где познакомился с Ильбеком и Хузангаем, был другом Васлея Митты. Во время репрессий, в конце 1930-х гг., дядя бежал из Чебоксар в деревню и привез с собой хорошую библиотеку (книги он давал читать нам – своим племянникам за то, что мы пилили ему дрова). Дядя наставлял меня, как писать стихи и рассказы, развивал наблюдательность, заставлял описывать природу, жизненные ситуации и разные вымышленные истории (например, я написал рассказ о том, как охотник напал на следы преступников). Я был большой фантазер, и за склонность рассказывать байки меня прозвали Мюнхгаузенom. Я умел по-своему пересказывать прочитанные книги всем, кто готов был слушать, – матери нравились легенды о Робин Гуде, братьям и сестрам пересказывал «Декамерон» Бокаччо. В школе одноклассники, если были не готовы к уроку, просили меня отвлечь учителя вопросами и разговорами на разные интересные темы».

Как все дети в семье, он умел косить сено, пасти стадо, пилить и рубить дрова, хорошо знал лес и работу в поле. Любопытный с детства, он пристрастился наблюдать разные деревенские занятия и промыслы:

«Мне нравилось ходить по соседям, слушать деревенские новости и истории, ведь полдеревни были родственниками. Мама мне часто говорила: «Ну что тебе дома не сидится!» Я бегал смотреть, как женщины ваяли в банях сукно разных цветов, делали войлок. Любил наблюдать за работой бондаря. Бондарь был зажиточный, у него конфисковали дом, но он все равно в колхоз не вступил и пришлось ему жить с семьей в большом двухэтажном амбаре. Моим другом детства был Макар Пыркин, который был старше и сильнее, всегда меня защищал. Он остался сиротой и воспитывался у тети. Вместе мы ходили на киреметище, пасли там коров. В детстве я Верил в духов йерехов, которые меня «охватили» на этом киреметище (помню, что потом у меня долго болел живот). Лазили мы и на старое, окруженное легендами, кладбище семи деревень (в деревне говорили, что оно существует с 17 века, и там захоронены женщины с ножами). Много лет спустя мы с профессором Василием Филипповичем Каховским во время студенческой полевой практики организовали там археологические раскопки».

Учеба в школе пришлась на годы войны.

«В классе было 50 человек, сидели в тесноте на лавках. Во время войны в деревне Бахтигильдино появилось около 20 семей эвакуированных. В школе работали учительницы математики и немецкого языка из Ленинграда. Самая лучшая была Евгения Модестовна Лучинская, она преподавала русский язык и литературу. У нее было двое любимчиков – Люба Грайвер из семьи эвакуированных и Петр Денисов. Люба мне очень нравилась и, чтобы завоевать её внимание, я стал выступать в школьном клубе, читал со сцены стихи Есенина и Маяковского по-русски. Перебороть чувашский акцент было непросто, особенно трудно было произнести слово «железо». Дети из эвакуированных семей были способные. Уже через несколько месяцев овладели чувашским языком».

Для отца это была первая встреча с людьми из другого мира. Яркие детские впечатления нашли свое место потом в его этнографических работах по религии, истории и культуре чувашского народа.

Во время войны наш дед и старший брат отца Михаил были на фронте. Семья голодала, были дни, когда еды совсем не было, но оставалась соль, и бабушка Анастасия Львовна давала детям сосать кристаллики соли, чтобы притупить голод. Когда дед вернулся домой после ранения, стало немного легче. В 1944 г. в семье решили отправить Петра учиться в Казань, хотя ему было всего 16 лет. Без денег, с мешком печеной картошки, который дала ему в дорогу мать, он отправился на учёбу в Казанский университет. После детства в глухой чувашской деревне отец оказался один в большом городе, имея смутное представление о том, чему и где ему нужно учиться. Он начал учёбу в Авиационном институте, потом перешел в Медицинский институт. Проучившись там целый семестр, решил оставить медицину, не выдержав испытания в «анатомичке». Выбор

учебы на историческом факультете Казанского университета был необычным для его окружения. Хотя у отца были явно гуманитарные способности, родители считали его занятие историей и этнографией странным, они ожидали, что он, как самый способный, освоит что-нибудь более практическое для жизни. Кстати, все дети в семье Денисовых получили высшее образование и реальные профессии. Старший сын, Михаил, был офицером, Ксения работала фармацевтом, Лина стала биологом, Юрий был химиком, а остальные дети – Лиза, Леонид, Иван и Александр – освоили инженерно-технические специальности.

В послевоенные годы в Казани жизнь была очень тяжелая. В 1947 г. к отцу в Казань приехала сестра Ксения. Она успела окончить лишь семь классов, как вдруг сгорела деревенская школа, и ей негде было продолжать учёбу. Сестра стала студенткой фармацевтического училища. Отец жил в общежитии университета, а Ксения снимала жильё. Питались они вместе: Ксения готовила еду из тех продуктов, которые привозили из родного дома. Послевоенные годы были голодные, продукты продавались по карточной системе. Папина младшая сестра Лина вспоминает: «Однажды Петр потерял карточки, которые выдавались по месяцам, денег не было, и тогда, чтобы купить еду, Ксения сдала кровь и купила продукты... Родители присылали из деревни в холщовых домотканых мешочках продукты: крупу, сушеную в печке картошку, приправленную конопляным маслом и солью. С осени, когда забивали скот, мама готовила шартан. Однажды мама попросила меня помочь зашивать шартан. Я отказалась, сказав, что все равно я не буду это кушать, увезут в Казань Петру и Ксению. Мама ответила: «Лина, у нас есть молоко, творог, турах, картошка и хлеб, а они в Казани голодные». Эти слова мамы я запомнила на всю жизнь. Когда от Петра получили письмо о том, что его приняли в аспирантуру, у мамы вместе с радостью вырвались такие слова: «Значит ещё три года надо шить мешки, готовить топленое масло, крупы, а мешки они забывают привозить».

Для нас – младших братьев и сестер, был всегда большой праздник, когда студенты Петр и Ксения приезжали на каникулы. Они говорили по-русски. Мы понимали, но говорить не умели и потихоньку завидовали...»

Когда Ксения только начинала свою учёбу в Казани, она тоже плохо говорила по-русски, на занятиях она ничего не понимала и с трудом сдавала зачеты. Отец очень поддерживал её в этот период, помогая с пересдачей экзаменов и убеждая продолжать учёбу. Ксения закончила с отличием сначала училище, а потом и Фармацевтический институт в Перми. Став фармацевтом, заведующей аптекой, она забрала к себе из деревни младшую сестру Лину и брата Юру, чтобы они смогли закончить учёбу в школе и поступить в университет. Лина и Юра стали кандидатами наук, а Ксения – заслуженным работником медицины Литвы. Когда в 1957 г. умерла мать Анастасия Львовна, Ксения взяла на воспитание и самого

младшего брата Ваню, который с её помощью окончил школу и Казанский Авиационный институт.

Студенческие годы в Казани были самыми важными в профессиональном становлении отца. Следует отметить, что довоенные и военные годы были сложным периодом для этнографии и этнографов. Вот как описывает это близкий друг и коллега отца, профессор Евгений Прокопьевич Бусыгин, учившийся в Казанском университете до войны, а после войны проходивший вместе с отцом аспирантуру у профессора Воробьёва: «В 1930-е годы уменьшение интереса к национальной культуре прослеживалось очень четко. За время учебы в Казанском университете я ни разу не слышал слово «этнография», а ведь в этом университете с 1884 г. существовали кафедра географии и этнографии и старейший в стране этнографический музей; лекции читал крупный учёный, этнограф, профессор Николай Иосифович Воробьёв, автор известной монографии «Материальная культура казанских татар», изданной в 1929 г. Слово «этнография» было вычеркнуто из научного лексикона. Всякий интерес к национальной культуре расценивался как проявление национализма».

В период 1930-х г. этнография стала пониматься очень узко, как прикладная дисциплина в рамках общей исторической науки. Это время знаменовалось гонениями, репрессиями, очень многие учёные были вынуждены уйти из этой дисциплины. Однако с конца 1940-х – начала 1950-х гг., в этнографии постепенно появились признаки изменений к лучшему. Правда, этнографы боялись затрагивать «деликатные» национальные проблемы, поэтому активизировалось изучение традиционной материальной культуры и современного быта колхозной деревни. Эти темы были в те годы предметом исследований учителя отца – Николая Иосифовича Воробьёва. Отец любил вспоминать, как на первом курсе, ещё не вполне владея русским языком, он три раза сдавал ему экзамен по этнографии, пока не получил пятерку: *«Профессор Воробьёв, спустя годы, признался, что хотел заставить меня всерьёз заинтересоваться его предметом. Потом он всегда отмечал, что кроме него самого лучше всех в университете материалом по этнографии Поволжья владеют аспирант Бусыгин и студент Денисов».*

В годы учебы в Казанском университете отец не только слушал лекции Воробьёва по этнографии, но и участвовал в этнографических экспедициях под его руководством. От Николая Иосифовича он приобрел свои первые навыки полевой этнографии. Профессор Воробьёв обладал исключительно богатым опытом экспедиционной работы. Ещё в дореволюционное время он проводил этнографические исследования в Сибири и на Дальнем Востоке, собирая там коллекции для Казанского этнографического университетского музея. В 1950 г. Воробьёв начал свои исследования в Чувашии. Отец, будучи его аспирантом, ассистентом и переводчиком, ездил с ним по всей Чувашии. Работали они и в родном Батыревском

районе, где он познакомил учителя со своей семьей. В архиве отца сохранились записи и многочисленные фотографии, сделанные им в годы обучения в аспирантуре.

Отец очень полюбил яркую и многонациональную Казань с её богатой историей и культурой. Ему нравилось жить в большом городе, и он всегда с теплотой вспоминал свои казанские годы. Когда я стала студенткой Московского университета, он повёз меня в город своей молодости. Вместе с Евгением Проккопьевичем Бусыгиным они вспоминали своих учителей, (многие из которых были преподавателями МГУ, эвакуированными в военное время в Казань), показывали мне университет, знаменитый Этнографический музей, восстановлением которого Евгений Проккопьевич занимался после войны. Этот музей Казанского университета обладает уникальными коллекциями разных народов мира, составление которых началось с самого основания университета. Бусыгин рассказывал, как во время войны в помещении музея разместили эвакуированные лаборатории МГУ, и на музейных каменных зернотерках лаборанты мололи желуди для кофе. Он щедро поделился со мной уникальными снимками-дагерротипами тувинцев в начале XX века, этнографией которых я тогда занималась, показал ценнейшие китайские коллекции, привезенные в музей в первой половине XIX в. Иакинфом Бичуриным и профессорами О.М. Ковалевским и В.П. Васильевым. Никита Яковлевич Бичурин до конца своей жизни поддерживал связи с Казанью и завещал свой архив Казанской духовной семинарии и университету. Отец рассказывал мне, как ещё в годы учебы в Казани он увлекся изучением наследия знаменитого земляка.

Занимаясь своей дипломной работой, отец заинтересовался историей первой чувашской газеты «Хыпар». Он познакомился с её основателем и редактором, профессором Николаем Васильевичем Никольским, который был уникальной личностью в чувашской культуре. Один из первых чувашей, получивший высшее образование, он стал преподавателем Казанской духовной академии, а позднее – профессором Казанского университета и Восточного педагогического института. Его работы по религии, истории и этнографии были важнейшим этапом в изучении чувашей и других народов Поволжья. В конце 1940-х гг. Никольский был одинок, отлучен от нормальной академической жизни и жил за счет того, что распродавал свой уникальный архив. Он увидел в любознательном чувашском юноше своего ученика. Ему было важно, что нашелся человек, способный продолжить его дело в изучении чувашей и их культуры.

Никольский отнесся к Петру по-отечески, поддержал его решение заняться этнографией, стал снабжать советами и литературой (в библиотеке отца сохранились книги с автографами и дарственными надписями Никольского), а когда отец заболел, даже навещал его в больнице. Он

убеждал отца продолжить академические занятия и поступить в аспирантуру. Встреча с Никольским была для отца подарком судьбы, она восстановила прерванную связь поколений чувашских этнографов. Он стал для отца примером чувашского учёного и интеллигента. Беседы с ним помогли глубже понять проблемы и задачи этнографического изучения чувашского народа. Влияние Н.В.Никольского проявилось в том, что Пётр стал заниматься вопросами религии и духовной культуры чувашей, опубликовал статьи и книгу о первой чувашской газете «Хыпар» (1961 г.), а также статьи о научной деятельности Никольского.

Годы учебы и аспирантуры в Казани дали ему не только широкое профессиональное образование, они сформировали его как личность. Это было время интенсивной внутренней работы, он становится не просто образованным человеком, а интеллигентом в традиционном русском понимании этого слова. Отец стал вникать в научные проблемы и споры, глубоко понимать литературу и искусство. Он вышел из университета, имея ясную жизненную цель – стать учёным и заниматься этнографией родного народа.

Предстояло пройти ещё немало испытаний трудных первых лет в Чебоксарах, поисков своего пути, но к тому времени он уже был не один. Родители познакомились случайно в библиотеке Казанского университета. Мама приехала в Казань в гости к своей тёте. Она заканчивала исторический факультет Черновицкого университета. Собирая материалы для завершения своей дипломной работы, она оказалась в университетской библиотеке. Там ей рекомендовали обратиться за помощью к знатоку книг, молодому аспиранту Петру Денисову, для которого библиотека была вторым домом. Их встреча произошла в 1950 г. Мама вернулась в Черновцы, но завязалась переписка. Отец только начал работать в Чувашском научно-исследовательском институте. В январе 1952 г. мама переехала к отцу в Чебоксары. Не дав ей опомниться от вида заваленных снежными сугробами Чебоксар, он закутал свою невесту в тулуп и увез в родную деревню. Свадьба родителей отмечалась по традиционным чувашским обычаям (свой брак в ЗАГСе они зарегистрировали уже после моего рождения). Мама устроилась на работу директором лекционного бюро, затем стала учителем истории в школе, но самое главное – она стала помогать отцу в его работе.

Начало жизни в Чебоксарах было очень сложным: своего жилья не было – снимали комнату в частном деревянном доме без каких-либо удобств, потом получили комнату в коммунальной квартире на улице Ленина. Папа заказал для этой комнаты большие, от пола до потолка, книжные шкафы, которые тут же наполнились книгами. В этой комнате мы жили вчетвером, с бабушкой Ниной, а какое-то время даже и впятером, когда в Чебоксары переехала папина младшая сестра Лиза. В этой тесноте

у отца не было собственного письменного стола, и писать ему приходилось вечерами на коммунальной кухне. Дом целиком держался на бабушке, так как родители с головой окунулись в свою работу. Бабушка для него стала очень близким и важным человеком. Она, в свою очередь, очень любила отца и относилась к нему по-матерински.

После XX съезда началась эпоха «оттепели». Поднялась волна оптимизма и надежд, которая докатилась и до Чувашии. В среде, где родители общались, начали говорить о таких вещах, которые ещё недавно были под запретом. В кругу друзей и знакомых отца выделялись две группы: первую группу составляли его ровесники, чьё детство и юность пришлось на военное время, а вторую – люди старшего поколения, чья молодость прошла в бурные 1920–1930-е гг. Среди отцовских друзей старшего поколения, были и те, кого репрессировали как чувашских «буржуазных националистов». Они стали возвращаться на родину из ссылок и лагерей после реабилитации с середины 1950-х гг. В жизни отца роль таких людей была важной, поэтому мне хочется рассказать о них подробнее.

Большим другом отца в те годы был журналист Гурий Макарович Титов. Они сблизились на почве общей любви к книгам, встречались каждую неделю у нас дома, беседовали, пили чай и делились книжными новинками. Гурий Макарович рассказывал, как он сотрудничал в газете «Хыпар», как учился в Москве, в Институте Красной профессуры. После окончания учебы он работал заместителем редактора газеты «Красная Чувашия», но был репрессирован и попал в ГУЛАГ. Лагерные годы стали для него большим испытанием, но он, вспоминая об этом времени, никогда не говорил ничего о тех лишениях, которые ему выпало пережить. Напротив, он рассказывал только о том, что помогло ему выжить, о встречах и невероятных знакомствах с разными удивительными людьми, общение с которыми дало ему уникальные знания и опыт. Гурий Макарович был большим спорщиком, и отцу всегда с ним было интересно.

В 1954 г. после десяти лет лагерей и ссылки за «контрреволюционную националистическую деятельность» вернулся в Чувашию поэт Васлей Митта. До восстановления в правах он жил то в своей родной деревне, то у дяди отца, Якова Львовича Зверева. В 1955 г. Васлея Митта реабилитировали. Он переехал в Чебоксары, стал работать в журнале «Таван Атал». Отец в эти годы был редактором научно-популярной литературы в Чувашском книжном издательстве и публиковался в «Таван Атал». Они познакомились и подружились. Деревня Большие Арабузи (Первомайское), откуда был родом Васлей Митта, находилась рядом с отцовской деревней Бахтигильдино. Они вместе ездили навещать родных и близких. Так случилось, что смерть Митта наступила во время их поездки в родные места на праздник песни Акатуй. Отец очень любил Васлея Митта как поэта и как человека. Его смерть была для него большой утратой.

Я помню, как-то вечером мы вдвоем сидели на берегу Волги. Был удивительный закат, и вдруг отец начал читать наизусть стихи. Я сказала ему, что не понимаю по-чувашски. Но он ответил: «Это не важно. Ты послушай – это очень красиво!» Это были стихи Васлея Митта, который был любимым поэтом отца и во многом служил для него примером. Как-то я спросила у отца, почему меня назвали Нарспи, и тогда он рассказал мне, что так назвал свою старшую дочь Васлей Митта.

В 1955 г. был реабилитирован за «отсутствием состава преступления» и возвратился на родину после 18 лет лагерей и ссылки видный чувашский общественный деятель, историк и публицист Иван Данилович Кузнецов. Ещё находясь на поселении в Коми, он написал отцу о своей реабилитации, и они встретились сразу же, как только Иван Данилович приехал в Чебоксары. Он был человеком острого ума и необычайной энергии, инициатором важных научных, образовательных и общественных начинаний в Чувашской Республике. Иван Данилович стал для отца близким другом, помогал ему выстоять в сложных перипетиях академической политики. Отец работал под руководством Ивана Даниловича, сначала в Чувашском книжном издательстве, а потом в Чувашском педагогическом институте и в университете. Несмотря на то, что они были очень разными людьми, у них сложилось плодотворное сотрудничество, которое длилось много лет. Иван Данилович видел отца своим преемником. Когда он вышел на пенсию, то передал ему заведование кафедрой истории СССР. Они много общались и вне работы, часами обсуждали возникавшие проблемы, обменивались идеями, книжными новинками. Я вспоминаю их беседы, всегда в густых клубах папиросного дыма, у нас дома или у Ивана Даниловича, который в начале 1960-х г. жил в доме напротив. Часто встречались наши семьи и позднее, когда Кузнецовы переехали в большую квартиру на Ленинградской улице. Там нередко устраивали застолье с песнями: жена Ивана Даниловича Анна Владимировна пела русские песни, а он исполнял чувашские, часто в собственной импровизации. Помню его песню о зайчике, который прыгает на свободе и дрожит от страха, а потом погибает. Я тогда не понимала скрытых намеков и удивлялась, почему отец называл эту песню философской. Одно лето я провела вместе с младшим сыном Ивана Даниловича, Володей, на Украине, сначала на хуторе, а потом в Киеве, где мы останавливались на квартире у художника Петра Чичканова (остался хороший графический портрет отца его работы).

Для отца было большим удовольствием общение с чувашскими интеллигентами старшего поколения: учёными, журналистами, писателями и поэтами. Среди них были неординарные личности. Конечно, в довоенное время в Чувашии таких людей было мало. В конце 1950-х гг. в Чебоксарах появилась новая когорта чувашской интеллигенции. Это был массовый приток специалистов, получивших высшее образование и учёные

степени после войны. Поскольку вузы Чувашии были тогда ещё слабыми, многие из них, как и отец, учились за пределами республики в Казани, Москве и в других престижных учебных заведениях страны.

«Потепление» общественной жизни с конца 1950-х гг. распространилось и на отношение к проблемам национальной культуры. Началось творческое брожение в разных группах молодой чувашской интеллигенции, особенно заметное в среде писателей, журналистов, деятелей науки и искусства. В 1960-е гг. годы в Чебоксарах происходил быстрый экономический рост, повсюду шло строительство и техническая модернизация города, развивались научные и образовательные учреждения, театры, искусство, появились первая чувашская опера и балет. Отец оказался среди тех молодых чувашских интеллигентов, которые были в центре этих преобразований. Их всех объединяло стремление сделать что-то важное для развития национальной культуры. Они интенсивно общались между собой в редакциях газет и журналов, на работе, но главным образом неформально, в дружеском кругу. В Чувашском книжном издательстве, а с 1962 г. в Чувашском педагогическом институте им. Яковлева у отца сложился широкий круг друзей и знакомых. В нашем доме бывали чувашские писатели, поэты, журналисты, художники и искусствоведы, с которыми отец был связан общими интересами (Екатерина Ефремова, Фаина и Виктор Романовы, Александр и Валентина Галкины, Педер Хузангай, Микулай Ильбек, Нинель Ургалкина, Юрий Илюхин, Виктор Немцев и многие другие). Были у него и друзья, которых он приобрел ещё во время учебы в Казани, как, например, биолог Николай Платонович Воронов, часто приезжали земляки.

Особенно теплая дружба сложилась у родителей с известной чувашской художницей по вышивке Екатериной Иосифовной Ефремовой. В те годы отец с увлечением занимался чувашским народным костюмом и старинным национальным орнаментом. В 1955 г. он выпустил свою первую работу о национальной одежде низовых чувашей, был научным редактором замечательной книги ленинградского этнографа Н.И. Гаген-Торн о женской одежде народов Поволжья, которая была опубликована в 1960 г. В 1969 г. вышла в свет его монография «Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей», в которой народная одежда и орнамент, наряду с данными языка, фольклора и религии, рассматривались как важнейшие источники для изучения этногенеза чувашей. Отец поддерживал связи и переписку с Татьяной Александровной Крюковой, специалистом по этнографии народов Поволжья и, в частности, по чувашскому народному искусству, сотрудником Музея этнографии народов СССР. Крюкова была другом известного российского историка, археолога и этнолога Льва Николаевича Гумилева который вместе с ней работал в Музее этнографии до своего ареста. После ссылки и реабилитации Гумилева, она много по-

могала ему (прописала в своей квартире, готовила его работы к публикации, даже вела его деловую переписку). Через Крюкову отец познакомился с Л.Н. Гумилевым. Они стали вместе готовить к изданию в Чувашском книжном издательстве рукопись книги Н.Я. Бичурина (Иакинфа) «Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии», которая вышла в свет в 1960 г. (отец был научным редактором, а Л.Н. Гумилев – автором предисловия и комментария).

Крюкова вместе с Ефремовой собирали образцы старинной чувашской вышивки в музеях и экспедициях. На основе традиционных узоров Екатерина Иосифовна с большим вкусом создавала современные стилизованные композиции для одежды и интерьера. Национальные мотивы в декоре в 1960-е гг. и 1970-е гг. были очень популярны. Наш дом украшали скатерти и салфетки с чувашскими узорами, а мы с мамой ходили в платьях с национальной вышивкой, которые заказывали у мастериц Альгешевской фабрики.

Когда в 1963 г. родилась моя сестра Олеся, родители стали счастливыми обладателями собственной трехкомнатной квартиры. Они купили современную мебель, развесили эстампы, а стены детской покрасили в разные цвета. В этой квартире всегда собиралось много гостей. Дом родителей был очень гостеприимным. На праздники собирались большой компанией, устраивали розыгрыши, капустники, лотереи с призами и шутивными пожеланиями (с афоризмами из Козьмы Пруткова или собственного сочинения). Все затеи принадлежали режиссеру Русского драматического театра Виктору Романову, а душой компании была его жена – театральный критик и историк театрального искусства в Чувашии Фаина Александровна Романова (оба они были выпускниками ГИТИСа). Иногда по вечерам играли в карты. Это тоже было представление, так как играли в «девятку» на деньги, чтобы было азартнее. Помню, как приходил Педер Хузангай, было очень интересно наблюдать, как он играл, входя в образ то шулера, то скупердяя, пересчитывая и складывая в маленький мешочек копеечную мелочь. Бабушка готовила в большом казане плов, секреты приготовления которого она освоила в совершенстве за годы, проведенные на Кавказе, а потом в Туркмении. В этой шутивной атмосфере шли интересные разговоры. Прочные личные связи скрепляли общие интересы: например, отец, закончив редакционную подготовку и издание трудов Бичурина, вынашивал замысел своей книги об основоположнике русского китаеведения, а Виктор Романов работал над исторической драмой «Вольнодумец в рясе. (Никита Бичурин)».

Для отца смысл жизни заключался в его работе. Не было таких профессиональных тем, которые бы его не интересовали: от истории этнографии до описания самых экзотических народов, но при этом самым главным всегда являлось изучение народов Поволжья и чувашей. Я помню, с

каким вдохновением отец работал над книгой «Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей», используя все возможности для сбора материалов в Болгарии и Поволжье. Для него это были самые наполненные творческие годы его жизни, теплые воспоминания о которых он сохранил до последних дней. В процессе подготовки книги он расширил круг своих профессиональных и дружеских контактов, завязав тесные связи с болгарскими и венгерскими специалистами. В нашем доме стали появляться зарубежные учёные: музыковед Стоян Петров, этнограф Иван Коев из Болгарии, лингвист Андраш Рона-Таш из Венгрии и др. Отец сохранял эти творческие связи на протяжении многих лет.

Очень важную роль в его профессиональной жизни занимало сотрудничество с ведущими этнографами и историками Поволжья и Приуралья, среди которых у него было немало личных друзей: Р.Г. Кузеев из Уфы, Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин и Г.Р. Столярова из Казани, Н.Ф. Мокшин из Саранска, В.Е. Владыкин из Ижевска и др.

Отца хорошо знали в Москве, у него сложились теплые дружеские отношения с коллегами, учёными из Института этнографии Академии наук Л.Н.Терентьевой, В.Н. Белицер, Э.Л. Нитобургом, И.С. Гурвичем, В.И. Козловым, Р.Ф. Итсом, с коллегами из Института Истории Академии наук СССР, с преподавателями этнографии в университетах Москвы и Ленинграда. Среди московских этнографов особое место занимал Сергей Александрович Токарев. Он был настоящим энциклопедистом, знатоком многих народов и культур. На его учебниках и книгах по истории этнографии, религии, теории этнографии воспитывалось не одно поколение студентов. Токарев очень тепло и с большим интересом относился к отцу, поддерживал его во всем, начиная с первой книги «Религиозные верования чуваш», которой он дал высокую оценку и предложил представить как кандидатскую диссертацию. Когда я стала его студенткой, то к своей гордости обнаружила эту монографию отца в списке обязательной литературы для студентов-этнографов. Отец считал Сергея Александровича своим учителем. Он очень дорожил его мнением. Токарев являлся для отца примером и высшим авторитетом, причем не только в науке. Для него было большой радостью принимать Токарева у себя дома, когда тот приезжал с лекцией в Чебоксары.

Отец всегда много писал, но 1960-е гг. были для него особенно плодотворными. Он испытывал необычайный подъем, работал, не отрываясь. В этот период им опубликованы три книги («Религиозные верования чуваш», «Хыпарсасем» – публикация материалов о первой чувашской газете «Хыпар», «Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей»), две брошюры и ряд важных статей: «Данные этнографии к вопросу о происхождении чувашского народа» (1957), разделы в обзорных работах о чувашах в фундаментальных коллективных трудах по этнографии из се-

рии «Народы мира» (1968), статьи о чувашах в энциклопедиях и справочниках. В эти же годы им было отредактировано 15 книг по истории и этнографии, написана работа, посвященная этнографическому изучению чувашского народа за годы Советской власти (напечатана в журнале «Советская этнография» в 1971 г.), подготовлена книга «Религия и атеизм чувашского народа», которая была опубликована в 1972 г. и стала его докторской диссертацией. В последующие годы в жизни отца все большее место стала занимать педагогическая деятельность в Чувашском государственном университете, где он трудился с момента его открытия в 1967 г. и до своего выхода на пенсию. Преподавал он с полной самоотдачей, любил читать лекции и работать со студентами.

Развитие этнографии в Чувашии 1960–70-х гг. было связано с общим подъемом национальной культуры. Творческая интеллигенция искала вдохновение в народных традициях и остро нуждалась в тех знаниях, которые могла дать этнография. Этнографические работы были очень востребованы. Отец был глубоко вовлечен в эти процессы, чувствовал общественный интерес к тому, что становилось предметом его исследований, будь то религия, материальная культура, происхождение или история чувашского народа. Он не просто изучал чувашскую культуру, он в ней жил. Любил чувашский язык, покупал все главные чувашские издания и новинки, постоянно выписывал чувашские газеты и журналы. Отец очень ценил любую возможность поговорить по-чувашски, особенно если встречал хорошего собеседника. Он всегда отмечал тех студентов, у кого была красивая чувашская речь.

Пётр Владимирович Денисов вступил в академическую жизнь в очень благоприятную для этого эпоху. Время его становления как самостоятельного этнографа пришлось на период «оттепели», когда появились возможности для самовыражения в профессии, а этнографическая наука получила новые импульсы к развитию. В этот период советской истории статус ученых в обществе был высок, а выбор академических профессий считался престижным. В Чувашии и других национальных республиках создавались условия для подготовки своих профессиональных кадров в разных областях знания, включая этнографию. Работы отца выражают устремления уникального поколения чувашской творческой интеллигенции 1960-х гг., на долю которой выпала задача становления и развития профессиональной чувашской культуры и национальной жизни. Я убеждена, что мой отец Пётр Владимирович Денисов смог реализовать свои замыслы и мечты как этнограф чувашского народа.

Рис. 1. Семья Владимира Денисова

Рис. 2. Дом Денисовых в д. Бахтигильдино. 1969 г.

Рис. 3. П.В. Денисов на демонстрации (конец 1960-х гг.)

Рис. 4. П.В. Денисов с друзьями В.Е. Мигга и Н.К. Еремеева-Мигга, 1955 г.

Рис. 5. Поездка по р. Волга. И.Д. Кузнецов с женой и детьми и П.В. Денисов с дочерью Нарспи. 1962 г.

Рис. 6. П.В. Денисов. г. Казань. 1949 г.

Рис. 7. П.В. Денисов в этнографической экспедиции в Чувашии. 2001 г.

Рис. 8. С казанскими этнографами Е.П. Бусыгиным и В.И. Яковлевым. г. Чебоксары. Июнь 1997 г.

Рис. 9. П.В. Денисов с женой Розалией Тарасовной, внуком Ильей, внучкой Ниной, дочерью Нарспи, Самуилом Зильбергом и Натаниэлем Найтом. г. Чебоксары. Июль 2007 г.

Рис. 10. П.В. Денисов с женой Розалией Тарасовной, внуком Ильей, внучкой Ниной, дочерью Олесей. г. Чебоксары. Август 2001 г.

Вовина (Денисова) Олеся Петровна

Университет Сетон Холл

Департамент Антропологии, США

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

Аннотация: жизненный путь и профессиональная деятельность Петра Владимировича Денисова, известного чувашского этнографа, прослеживается в очерке его дочери, Олеси Петровны Вовиной (Денисовой). Воспоминания позволяют воссоздать многогранность личности П.В. Денисова, его яркие человеческие качества и одновременно освещают научные исследования учёного.

Ключевые слова: Чувашская Республика, интеллигенция, учёные, история этнографии, высшее образование, воспоминания.

Olesya Petrovna Vovina (Denisova)

Seton Hall University

Department of Anthropology, USA

MEMORIES OF MY FATHER

Abstract: the life and career of the famous Chuvash ethnographer, Petr Vladimirovich Denisov are traced in this essay by his daughter, Olesya Petrovna Vovina (Denisova). the memoir recollects P.V. Denisov's multifaceted personality, his sharply etched human features and, at the same time sheds light on his scholarly research.

Keywords: Chuvash Republic, Intellectuals, Scholars, History of Ethnography, Higher Education, Memoirs.

Воспоминания о моем отце постоянно воспроизводят картины, в которых сконцентрированы события и встречи, разговоры и обсуждения, сопутствующие им настроения и чувства. Они уведят в разные географические и временные пространства...

Зимний Ленинград. Мы неторопливо идем по Невскому проспекту, возвращаясь из Публичной библиотеки. Спокойно падает мягкий снег, и отец воодушевленно рассказывает про Иакинфа Бичурина, о новых материалах к его биографии, только что обнаруженных им в фондах библиотеки. Каждая находка – огромная ценность для детального воссоздания исторического портрета выдающегося учёного-синолога. Его повествование уносит нас в Кяхту, в оживленные кварталы Пекина, мы слушаем рассказы Бичурина про Китай в литературных салонах Петербурга, переживаем дни его заточения в Валаамском монастыре...

Прошло много лет научного поиска и напряженного труда, и отец опубликовал солидные монографии о Н.Я. Бичурине – «Жизнь монаха

Иакинфа Бичурина» (1997), «Слово о монахе Иакинфе Бичурине» (2007), получившие большое признание у специалистов и широкого круга читателей.

Жаркое лето в чувашском Заволжье, запах соснового леса, освежающий ветер с реки и яркая красота закатов. Дни насыщены общением с друзьями, купанием, прогулками по лесу. Отдых за Волгой у отца постоянно совмещается с работой. «Ни дня без строчки!» – его девиз. Он читает нам вслух, в разговорах рождаются новые идеи и оригинальные трактовки. Нередко беседы переходят в лекции, и перед нами раскрывается уникальная картина религиозных представлений древних тюрков, духовной жизни волжских булгар, архаики чувашской мифологии. Во время летних отпусков за Волгой отцу удавалось много писать, осуществлять свои научные замыслы, продумывать новые проекты, среди которых и проблема хазарского влияния на религию предков чувашей.

Чебоксары. Наша семья живет в квартире в Коммунальном переулке. С этим домом связаны мои самые ранние воспоминания детства. Здесь папа и моя мама, Розалия Тарасовна, моя старшая сестра Наташа и всеми нами любимая бабушка, Нина Ильинична. В доме тепло и уютно. Бабушка ведет домашнее хозяйство, маленькая кухня полна ароматов, на столе – румяные пироги. Дом открыт для многочисленных гостей, приезжают родные, друзья и коллеги. Праздничные застолья проходят шумно и весело, звучит музыка, декламируются стихи, атмосфера насыщена интересными разговорами. Часто приходят близкие друзья родителей – Екатерина Иосифовна Ефремова, известная чувашская художница и дизайнер, видный историк Чувашии Иван Данилович Кузнецов, супруги Романовы – театровед Фаина Александровна и режиссер-драматург Виктор Павлович. Среди гостей много писателей, музыковедов, художников. Обаятельный и живой, отец со всеми находит общий язык, становится душой компании.

Дом погружается в размеренные будни и тишину. Отец напряженно работает, и беспокоить его нельзя. Я тихонько проникаю в его кабинет, забираюсь к нему на колени. Он вручает мне ручку, и я начинаю активно «помогать»...

Книги, которые отец написал в то время – «Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей», «Религия и атеизм чувашского народа», – обобщая результаты многолетних научных поисков, работы в архивах и полевых наблюдений, стали ценным вкладом в исследование проблем истории чувашского народа, развития чувашской традиционной культуры и религии в контексте межэтнических взаимосвязей.

Эти работы отца я прочитала намного позже, но хорошо помню, какое сильное впечатление производили на мое детское воображение его рассказы об экспедициях и поездках, и особенно о встречах с болгарскими

коллегами – известном этнологе Иване Коеве, музыковедке Стояне Петрове и другими учёными. Болгария представлялась мне волшебным миром – яркая и солнечная. Папа показывал фотографии болгар в национальных костюмах, их обрядов и праздников, мы рассматривали красочные этнографические альбомы, слушали записи болгарского фольклора.

В эти годы отец был полон энергии и творческих замыслов и, помимо преподавания в университете и экспедиций, интенсивно работал над докторской диссертацией, защита которой блестяще прошла в Институте этнографии АН СССР.

Благодаря отцу этнография органично вплеталась в жизнь нашей семьи, создавая особую атмосферу в доме. Отец не только посвящал нас в свои научные планы, но делал соучастниками самого процесса исследования. Этнографические сцены жизни, исторические события, в папином образном нарративе становились почти реальными и навсегда откладывались в памяти. В этом был не только особый дар отца как рассказчика, но и его магическая способность очаровывать и располагать к себе людей, что, несомненно, определялось его человеческими качествами – бесконечной добротой, обаянием и тактичностью. Эти черты проявлялись в самых разных ситуациях и особенно во время наших поездок – экспедиций в чувашские деревни. В родной среде отец всегда чувствовал себя комфортно, оживлялся и наполнялся энергией. Куда бы мы ни приезжали, везде у отца были знакомые и друзья. Казалось, что нет такого места в Чувашии, где его не знают. Стоило ему начать беседу, и его сразу обступали люди, слушали, задавали вопросы. Открытый, увлеченный, он покорял эрудицией и глубоким знанием своих любимых предметов – истории и этнографии. Часто нас приглашали в дом, угощали, и застолье в разговорах и песнях затягивалось до полуночи.

Благодаря отцу произошло много ярких встреч с интересными людьми в Чувашии, Татарстане, Марийской Республике. Неизгладимое впечатление оставили картины «этнографического поля» – это и наши паломничества к священным местам, и живописные сельские пейзажи – деревенские дома, поля, лес. Путешествия всегда сопровождаются папиными рассказами, он становится и гидом, и лектором, вспоминает увлекательные истории, навеянные ассоциациями его прежних экспедиций. Каждая совместная поездка становилась и ценным уроком, где этнографическое изучение культуры не было простым накоплением материала и фиксацией реликтов прошлого, а представляло собой процесс – общение, диалог, в ходе которых возникали разнообразные интерпретации и оригинальные идеи.

Село Ковали Урмарского района. Мы в экспедиции, расспрашиваем о восприятии традиционной религии и обрядовой практики. В местной школе пожилой учитель знакомит нас с экспозициями музея по истории и

географии края, рассказывает о знаменитых уроженцах села, их судьбах. Временами его экскурсия переходит в оживленную беседу с отцом, и мир вещей обретает интригующий контекст. Отец интересуется ранней историей района, древнеболгарским населением, и учитель (он же директор музея) указывает на стоящий в углу большой камень. При ближайшем рассмотрении мы замечаем выбитые на нём знаки, и перед нами оказывается редкий артефакт – старинный эпиграфический надгробный памятник Болгарского периода. Наша экскурсия продолжилась на окраине села – заброшенном кладбище, где был обнаружен камень. Отец внимательно осматривал местность, переживал, что нет достаточно ресурсов для проведения раскопок и масштабного исследования, думал как оживить археологическую программу. Попутно у него возникали идеи о создании этнопарков – музеев как способа сохранения знаний о прошлом через презентацию материального и духовного наследия. Нам удалось побеседовать и с местными жителями. Их воспоминания о пережитом в период раскулачивания и коллективизации, в тяжелые военные годы, впечатления об отношениях с соседним татарским населением, открыли нам иной «археологический» пласт и позволили ощутить дух того времени.

В этой поездке, как и многих других, проявлялся особый талант отца как этнографа – его умение читать ландшафт, фиксировать малейшие детали в ходе обследования, искусство вести диалог, извлекая новое значение материала. Благодаря этим способностям перед нами развернулась богатая историко-этнографическая картина жизни села, которая могла бы остаться незамеченной.

Если основные темы и сюжеты работ отца посвящались проблемам исторической этнографии и персоналиям прошлого, то вдохновение часто приходило из настоящего – повседневных событий и встреч с людьми. В этом плане он не был кабинетным учёным и даже без экспедиций мог разглядеть в самых обычных вещах скрытый смысл.

Улица Университетская, Чебоксары. Возвращаясь домой, мы с отцом случайно оказываемся участниками свадебного действия, происходящего около подъезда нашего дома. Большая группа празднично одетых в национальные костюмы женщин и мужчин, прибывшая на украшенных лентами автобусах, устроила гуляние с танцами и песнями в сопровождении гармошки и традиционным угощением пивом. Свадебный поезд родственников и друзей из села присоединяется к городской свадебной партии, увлекает соседей и зрителей. Как истинный этнограф отец начинает беседу с участниками действия и попутно фиксирует ценный материал.

Дома мы обсуждаем этот случай как пример сохранности этнических традиций, их трансформации в процессе создания новых обрядов. В ходе таких бесед отец часто вспоминал свой прошлый экспедиционный опыт и

участие в антропологических конференциях и выездных сессиях Института этнографии Академии наук. В его рассказах о многочисленных поездках по стране и научных контактах с коллегами-этнографами было много интересных, подчас анекдотичных эпизодов, которые также иллюстрировали процесс «изобретения традиции». Так, на одной из научных конференций этнографов, происходившей на Северном Кавказе, участники пригласили на осетинскую свадьбу. Учёные остались под большим впечатлением от яркого обряда. Когда отец подошел поздравить жениха с невестой и завязал с ними разговор, они раскрыли ему секрет. Оказалось, что они не молодожены, а профессиональные актеры, имеют семью и детей, а свою свадьбу играют уже много раз – для официальных делегаций и почётных гостей.

Кабинет отца. Папа очень гордился своей библиотекой, которую целенаправленно собирал всю свою жизнь. Уникальное собрание книг отражало и его разнообразные научные интересы, и большую любовь к поэзии, классической литературе, искусству. К книгам он относился очень бережно, как к одушевленным существам, с трудом расставался со старыми журналами, которые накапливались и хранились годами, переезжая с нами на разные квартиры. Он внимательно следил за книжными новинками и приобретал их, как правило, в нескольких экземплярах, привозил в большом количестве из поездок, выписывал по каталогам, заказывал друзьям. По сложившейся годами рутине папа неизменно заходил в книжные магазины, где его знали и всегда оставляли необходимые ему публикации, и, конечно, заглядывал в газетный ларек на Университетской, к Наташе, с которой он поддерживал дружеские отношения.

Благодаря отцу с самого раннего детства состоялось мое посвящение в мир увлекательных путешествий в дальние страны, интригующих обрядов и инициаций. Прекрасные издания сказок и мифов народов мира, которые дарил отец, будили мое воображение и развивали интерес к этнографии. Я любила «бродить» по папиным книжным полкам, выискивая тома с фотографиями и иллюстрациями племен Африки и Амазонии, живым описанием «экзотических» культур Австралии и Океании. Часто мы всей семьей совершали виртуальные путешествия, собираясь у экрана телевизора на просмотр передачи «Клуб кинопутешествий» с ведущим Юрием Сенкевичем. Папа, конечно, сопровождал программу своими комментариями и, в дополнение к разным темам, приобретал издания популярной этнографии, исторической беллетристики, переводные работы зарубежных антропологов. Так мы узнавали о теориях и экспедициях Тура Хейердала, загадках острова Пасхи и древних пирамид, мореплавателей Таити. Позже, в школьные годы, папа часто консультировал меня по истории. Нередко его мнение расходилось с материалом школьной про-

граммы, а книги, которые он давал мне для прочтения, содержали альтернативные официальным трактовкам точки зрения. Среди такой литературы была, например, монография известного историка Александра Некрича «1941. 22 июня» – о причинах и начале Великой Отечественной войны, ставшая библиографической редкостью, впоследствии запрещенная и изъятая из библиотек.

Порядок и аккуратность проявлялись у отца во всем. Все вещи в его рабочем кабинете имели свое место – книги расставлены по темам, на столе – перекидной календарь-ежедневник, который он очень любил, страницы расписаны на недели вперед; часы в доме исправно ходят, телефон беспрерывно звонит. Папа заранее планировал дела – встречи, поездки и многие вопросы быстро и оперативно решал по телефону. Все в доме подчинялось заведенному ритму и ритуалу.

Папа был привязан к старым вещам и обращался с ними бережно, как с артефактами. Если что-то ломалось, то любил сам чинить, особенно шариковые ручки. С годами их накопилось очень много, целая коллекция, но зная его «увлечение», мы продолжали их ему дарить. Вместе с тем он всегда очень решительно, почти с азартом приобретал разную технику, будь то новый радиоприемник, фотоаппарат или стиральная машина, а потом почти по-детски долго радовался покупке.

Часто бывало, что если ему что-либо нравилось, то он старался ввести это в обиход и ежедневную практику. Так, папа всем нам привил любовь к хорошему чаю, заварка которого превратилась у нас в особый ритуал. Обычно, возвратившись домой с работы после напряженного дня, он говорил: «Завари-ка мне, пожалуйста, крепкого чаю, а то я сегодня как «выжатый лимон». Нередко, когда мы принимали гостей на нашей маленькой кухне, папа сам молот и варил кофе в армянской турке, предпочитая его растворимому.

Отец всегда старался помогать бабушке и маме по хозяйству и сам проявлял инициативу – убирал в доме, часто ходил за продуктами, любил ездить по выходным на центральный рынок, где у него был свой маршрут посещения разных отделов.

Мои родители умели создать уют и теплую душевную атмосферу в доме. В квартире всегда было много комнатных цветов, которые цвели круглый год. Папе особенно нравились фиалки, их разводила ещё наша бабушка. Природа у папы всегда вызывала большое восхищение, и общение с ней придавало ему жизненную силу. Он не переставал любоваться красотой Волги и леса, расстраивался, если в отсутствие дождей летом пересыхала растительность, река «цвела», а овраги разъедали почву.

С таким же почтением относился отец и к Чебоксарам – городу, с которым была связана большая часть его жизни. Он прекрасно знал его историческую часть, архитектуру старинных построек и во время наших

прогулок непременно «оживлял» его топографию своими воспоминаниями и рассказами о замечательных людях, интересных событиях, происшествиях и встречах. Дома и улицы представлялись в ином свете, папа как бы снимал с них археологические слои, раскрывая уникальный исторический контекст. Конечно ему было больно смотреть на запущенные здания и разрушенные церкви, колокольни, затопленную при постройке ГЭС старую часть города, и он считал это невосполнимой утратой. Также, в 1990-е годы он расстраивался, когда видел, что город наводнила пестрая кричащая реклама и типовые новостройки.

Отец был человеком богатой души, благородным и очень добрым. Это проявлялось в его особой манере говорить и обращаться к людям, выражении его лица и жестикуляции, своеобразном и тонком чувстве юмора, отсутствии сарказма. Невозможно было представить, что он может кого-либо обидеть грубым словом. Часто он любил цитировать или повторять особенно понравившиеся ему шутки и выражения, что создавало хорошее настроение и разряжало атмосферу. У него были свои любимые слова, которые как-то естественным образом перешли в наш семейный лексикон – «миленькая», «голубчик», «салам», «юрать», «капр»...

От природы папа был очень артистичным, а многолетний опыт преподавания способствовал развитию этого дара. Нередко в ходе рассказов, увлекаясь, он перевоплощался в своих героев. Перед нами представляли то просветитель И.Я. Яковлев среди учеников своей школы, то отец Иакинф в разные этапы его жизни, то степной кочевник-тюрок.

Обладая прекрасной памятью, он свободно, в контексте беседы или дискуссии мог пересказать понравившийся ему эпизод литературного произведения. Отец не переставал удивлять нас своим глубоким знанием чувашского фольклора. В кругу друзей или в экспедиционных застольях мог исполнить песню и, даже не обладая сильным голосом, донести до слушателей и красоту языка, и глубину текста. Музыка и поэзия были частью его самого, как бы естественно заложены в характере. Иногда это проявлялось в несколько оригинальной форме. Так, папа рассказывал, что на одном из официальных банкетов в Болгарии, устроенном после окончания этнографической экспедиции, приглашенный оркестр музыкантов продемонстрировал искусство игры на старинных инструментах, исполнялись народные болгарские песни, и все присутствующие были вовлечены в традиционный танец хоро. Отца попросили показать и чувашский танец. Он не растерялся, напел музыкантам основную тему чувашской плясовой, на ходу симпровизировал движения, которые все начали за ним повторять, и разогретые ракией участники приема продолжили веселье под чувашские мотивы. Так наглядно была продемонстрирована устойчивость традиций болгаро-чувашской этнокультурной общности.

Ленинград. Аэропорт Пулково. Прилетает самолет из Чебоксар, и я среди встречающих, с нетерпением жду появления папы. Улыбающийся, счастливый, подвижный он отделяется от толпы. Прошло совсем немного времени с моей летней поездки домой, но столько всего надо обсудить, поделиться новостями, посоветоваться. Папа, как всегда, с чемоданом подарков и продуктов – тут и мамины заготовки, и пирожки, деревенский мёд и маринованные огурцы, и даже гусь на праздничный стол. Но самый ценный подарок, конечно, книги, бережно извлекаемые из портфеля. За столом с чувашскими дарами собрались гости, и, не прекращаясь ни на секунду, развернулась увлекательная беседа. Отец любит общаться с молодежью, его интересуют наши проблемы, чем мы живем, что обсуждаем, о чем думаем. Вспоминая годы своей учебы, он говорил как радуется за студентов – взрослеющих, «расправляющих крылья», набирающихся знаний и уверенности.

С большим уважением отец относился к моим друзьям и коллегам, интересовался сферой их занятий и научных исследований. Ему доставляло удовольствие дискутировать с ними по самым разным проблемам археологии, лингвистики, этносоциологии, обсуждать новые теории и подходы в истории и антропологии. Часто беседы переходили в лекцию, он «экзаменовал» моих друзей и с удовлетворением отмечал, что «погонял их по разным темам» и в целом они хорошо знают свой предмет. Попутно он подсказывал, где и в каких архивах найти материал, советовал, к каким специалистам обратиться. Он дарил моим друзьям книги, включая свои работы, приглашал в гости. Встречи в Чувашии и поездки по районам республики для многих стали радостным и счастливым воспоминанием.

В душе отец и сам оставался молодым, иногда казалось, что часть своих детских восприятий и мечтаний, умение радоваться моменту он смог пронести через всю жизнь, не разрушенными и цельными. Особенно трогательно это проявлялось в его общении с внучкой Ниной, к которой он относился нежно и постоянно окружал заботой и любовью. Разговаривая с ней, он как будто погружался в мир детства, представляя себя маленьким. «Дедушка, мы будем ловить бабочек?» – спрашивала Нина. «Будем! – с радостью отвечал дедушка, «... и бабочек, и в речке будем плавать, и собирать ягоды и грибы в лесу». «Дедушка, а правда, что чувашки любят петь и танцевать, ты мне покажешь?» – «Конечно, я тебя научу чувашским песнями!». Нина расспрашивала про деревню, а дедушка объяснял, как жили в чувашской избе – без электричества, топили печь и спали «на полатах»; ходили в школу через лес, лакомились яблоками с медом.

Когда Нина подросла и стала серьезно заниматься музыкой и рисованием, папа старался поощрять её интересы, дарил книги по искусству и

музыковедению, всегда расспрашивал, как идёт учеба, и невероятно радовался любым успехам. Наблюдая за ними, я невольно вспоминала свое детство и мою бабушку, мамину маму, Нину Ильиничну.

У бабушки и отца сложились очень теплые отношения, проникнутые взаимным уважением и любовью. С ней он был предельно тактичным, а она всегда поддерживала его в трудную минуту. Она удивлялась и не могла поверить, что папа – автор научных книг и часто спрашивала: «Петя, неужели ты все это сам написал?».

По линии своей мамы бабушка была родом из терских казаков. Её детство прошло в казацкой станице, и она прекрасно помнила местные обычаи и фольклор, была замечательной рассказчицей и умела образно передать сцены бытовой жизни казачества и чеченцев. Она часто вспоминала об Иране, где её отец работал горным инженером, и о годах, проведенных в Туркмении и на Западной Украине, где они жили с моей мамой. Естественно, что для гостей нашего дома и ученых-этнографов беседы с ней были настоящим подарком.

Бабушка умело вела хозяйство, за что бы она ни бралась, все у неё выходило быстро и ладно. Она прекрасно готовила, шила, любила работать в саду и даже во дворе нашего дома на Коммунальном переулке высаживала деревья и цветы. Несмотря на все пережитые горести и невзгоды, а их было немало, бабушка оставалась очень жизнелюбивым и светлым человеком. Она могла выслушать, успокоить, оказать помощь. Неудивительно, что не только родные и друзья, но и соседи и знакомые часто заходили в наш дом – пообщаться, отвести душу и посоветоваться с Ниной Ильиничной. Для всей нашей семьи бабушка была опорой и защитой, и мы всегда делили с ней печали и радости.

Казань, 1949 год. Здесь встретились мои родители. Мама в то время заканчивала исторический факультет Черновицкого университета и приехала летом навестить свою тетьку, Веру Ильиничну, и поработать в библиотеке Казанского университета над дипломной работой. Её научный руководитель, профессор М.Н. Голубуцкий, который преподавал там в военные годы, рекомендовал ей своего бывшего студента Петра Денисова как лучшего знатока архивов и библиотек. «Он все тебе найдет!» – напутствовал маму её профессор. Отец помог ей в поиске необходимых материалов, а помимо того стал «путеводителем по Казани», показывая достопримечательности старинного города. Так они познакомились и, как оказалось позднее, по словам мамы, «без расставания».

Зимой 1953 г. мама с бабушкой переехали из Дрогобыча в Чебоксары. Отец после окончания аспирантуры приступил к работе в Научно-исследовательском институте, а мама устроилась на работу директором Республиканского лекционного бюро. В этом же году они отметили свадьбу в

родной папиной деревне, по канонам традиционных обрядов, с пением, танцами, шутками, обильным угощением и демонстрацией способностей молодой жены как хозяйки. С тех самых пор вся жизнь родителей – и семейная, и профессиональная – была неразрывно связана с Чебоксарами.

В столице Чувашии родители оказались в водовороте интеллектуальной жизни периода оттепели и тесно общались и дружили с известными представителями чувашской интеллигенции – поэтами, писателями, художниками – П. Хузангаем, В. Миттой, Я. Ухсаем, М. Ильбеком, М. Спиридоновым, Н. Сверчковым, были знакомы с кинорежиссером И. Максимовым-Кошкинским – создателем студии «Чувашкино», его женой, чувашской актрисой Татьяной Юн и др. В кругу самых близких друзей отца были П. Хузангай и В. Митта – народные поэты Чувашии, вместе они проводили и будни, и праздники. Позже отец познакомился и с Геннадием Айги, ныне всемирно известным поэтом.

Родители очень любили друг друга, их многое объединяло – в характерах, интересах, в отношении к людям и в целом к жизни. Часто они шутили, что их этнические предки, возможно, имеют общие генетические корни, уходящие к кочевым племенам степей Приазовья. Мама всегда высоко ценила не только эрудицию и способности отца, но и его интеллигентность, тактичность, спокойный и уравновешенный характер. Она во всем его поддерживала, радовалась успехам, могла вдохновить и настроить на творческую волну. Отец восхищался мамой, нежно называл её «Рози» и очень о ней заботился и оберегал.

Отношения моих родителей были проникнуты благородством, добротой и взаимным уважением на протяжении всего их долгого союза. Богатство и красота их души проявлялись во многом – любви к поэзии и классической литературе, музыке, живописи, природе. Родители часто перечитывали своих любимых поэтов – Пушкина, Тютчева, Ахматову, Пастернака и Цветаеву. Мама сама обладала прекрасным литературным стилем и сочиняла стихи. Свой талант к эпистолярному жанру она использовала, помогая папе, всегда просматривала черновые варианты его работ, корректировала и подсказывала, как оживить научный текст.

Московский проспект в Чебоксарах. В 1975 г. мы переехали в новую квартиру с прекрасным видом на Волгу и старую часть города с её уникальными архитектурными памятниками, ещё не разрушенными до затопления деревянными домами, соляным лабазом, высокой колокольней. Мы часто любимся и красотой неба, и меняющей настроение рекой – то спокойной, то суровой, закованной во льды зимой и светливой летом, с пароходами, баржами, парусниками, старинными причалами вдоль берега. Волга всегда ассоциируется с летним отпуском и приездом друзей. Отец любит общаться с коллегами не только в формальной обстановке и часто приглашает ученых из разных городов, сочетая научную работу и отдых.

Он всегда высоко ценил дружеские связи со специалистами-этнографами, и круг его контактов постоянно расширялся.

Начиная со времени обучения в Казанском университете отец близко общался и сотрудничал с ведущими этнографами и учёными Татарии, Башкирии, Марий Эл, Мордовии и Удмуртии – Е.П. Бусыгиным, Н.В. Зориним, Г.Р. Столяровой, Р.Г. Кузеевым, Г.А. Сепеевым, Г.Н. Айплатовым, А.Г. Ивановым, К.Н. Сануковым, Н.С. Поповым, Н.Ф. Мокшиным, В.Е. Владыкиным – и многими другими исследователями Поволжья и Приуралья. В совместных исследовательских проектах – экспедициях, конференциях, публикациях, преподавательской работе – закладывались основы и формировались традиции региональных школ советской этнографии, создавалось уникальное и спаянное сообщество ученых, передающих свои знания новым поколениям этнографов.

Особенно запомнились встречи с папиным близким другом, выдающимся этнографом Е.П. Бусыгиным, дружба с которым у отца завязалась ещё в студенческие и аспирантские годы и продолжалась всю жизнь. Их знакомство состоялось благодаря их научному руководителю, профессору Н.И. Воробьёву, под руководством которого проходило фундаментальное этнографическое обследование народов Среднего Поволжья. Имя Е.П. Бусыгина ассоциировалось с особой харизмой – не только как видного этнографа и историка Поволжья, но человека самых разнообразных талантов – музыканта, прекрасного лектора и педагога. Евгений Прокопьевич неоднократно бывал у нас дома, и родители всегда с радостью ожидали его приезда.

Многолетняя дружба связывала отца и с учёными Москвы и Ленинграда – в Институте этнографии Академии наук, с коллегами из Института истории, с преподавателями этнографии в университетах. Среди них такие ведущие этнографы, как С.А. Токарев, Ю.В. Бромлей, Л.Н. Терентьева, В.Н. Белицер, Э.Л. Нитобург, И.С. Гурвич, В.И. Козлов, М.Н. Губогло, Р.Ф. Итс, Л.Н. Гумилев, А.М. Решетов и др. Отец очень ценил дружбу с Сергеем Александровичем Токаревым – крупным этнографом, энциклопедистом, одним из главных специалистов в области религиоведения. Сергей Александрович был консультантом и наставником отца, дал высокую оценку его книге «Религиозные верования чуваш». Большим другом отца был и В.Н. Башилов – известный этнограф, исследователь шаманства и религий народов Средней Азии, Казахстана и Сибири.

Среди ленинградских ученых тесные контакты сложились у отца с Т.А. Крюковой и Н.И. Гаген-Торн – специалистами по народам Поволжья, сотрудниками Российского этнографического музея и Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера). Знакомство с Н.И. Гаген-Торн состоялось в то время, когда отец работал редактором Чувашского книжного издательства и готовил к публикации монографию Нины Ивановны «Женская одежда народов Поволжья. Материалы к этногенезу» (1960). В

этом же году вышла в свет уникальная книга Н.Я. Бичурина «Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии» с комментариями Л.Н. Гумилева к Китайской хронографической терминологии и к географическим работам Бичурина из архива Татарской АССР. Публикация работ Л.Н. Гумилева была смелым шагом со стороны Чувашского издательства, так как он считался опальным учёным, и после возвращения из ссылки его отношения в академическом мире складывались непросто. Отец неоднократно встречался с Л.Н. Гумилевым во время научных командировок в Ленинград. Несомненно, что в разговорах с ним и другими востоковедами-специалистами по древней истории и культуре народов Центральной Азии, Сибири, Монголии и Китая у отца развивался интерес к Н.Я. Бичурину и сюжетам, связанным с религией древних тюрков.

Мы на перроне железнодорожного вокзала в Чебоксарах. Сколько здесь пережито счастливых и грустных моментов – и радостные встречи, и расставания. Пролетают последние минуты перед отправлением поезда, и за окном уже снова мелькают поля, лес, холмы, деревни. Дождь постепенно размывает картины...

Так сложилось, что обстоятельства жизни увели меня из родного дома сначала в Ленинград, потом – в далекую Америку. Несмотря на большое расстояние, всегда казалось, что родители рядом. Ощущение близости создавалось и в оживленной переписке, частых телефонных разговорах, летних поездках.

Очень трогательно было чувствовать присутствие отца в признании значения его работ зарубежными коллегами. Мне посчастливилось встретиться с известным востоковедом и лингвистом Омельяном Прицаком. Так же как и отец, он очень гордился своей библиотекой и с большим удовольствием показывал книги по чувашской истории и филологии. Когда я сказала, что интересуюсь вопросами чувашской религии, он сразу достал с полки папину книгу «Религиозные верования чуваш» и отметил, что это лучшая публикация по данной теме, и был приятно удивлен, узнав, что автор – мой отец. Впоследствии, в разговорах с американскими специалистами по Поволжью, они всегда упоминали эту монографию как классическое исследование и ценный источник. Отец, со своей стороны, не переставал интересоваться публикациями и трудами зарубежных ученых и постоянно спрашивал о новых подходах, методологиях, концепциях в антропологии и истории, о преподавании этих дисциплин. Стремление к познанию, освоению нового и верность выбранному пути стали смыслом его жизни. Мудрость отца проявлялась не только в разносторонних интересах и широкой эрудиции, но и его способности отдавать накопленное. Он всегда с радостью делился своим опытом и знаниями, оказывал поддержку друзьям, коллегам и ученикам.

Богатство духовного мира отца, цельность и яркость его натуры сочетались с сильным характером, огромным трудолюбием и неистощимой жизненной энергией. Эти редкие человеческие качества, а также преданность науке, большая любовь к своему народу и уникальной культуре родной Чувашии составляют тот образ Петра Владимировича Денисова, который навсегда останется в наших сердцах.

Найт Натаниэль

Департамент Истории
Университет Сетон Холл, США

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕТРЕ ВЛАДИМИРОВИЧЕ ДЕНИСОВЕ

Аннотация: Натаниэль Найт, профессор истории университета Сетон-Холл (США), в своем эссе вспоминает о времени, проведенном с его тестем, Петром Владимировичем Денисовым. Наряду с эпизодами из семейной жизни автор освещает научные интересы и исследовательские методы П.В. Денисова, рассказывает о совместных поездках как по районам Чувашской Республики, так и за её пределы.

Ключевые слова: Чувашия, чувашская интеллигенция, историография, путешествия, Казань.

Nathaniel Knight

Department of History
Seton Hall University, USA

RECOLLECTIONS OF PETR VLADIMIROVICH DENISOV

Abstract: Nathaniel Knight, Professor of History at Seton Hall University (USA), shares his reminiscences of times spent with his father-in-law Petr Vladimirovich Denisov. In addition to his recollections of family life the author reflects on Denisov's scholarly methods and interests, and recounts their travels to various locations in and around the Chuvash Republic.

Keywords: Chuvashia, Chuvash Intelligentsia, Historiography, Travel, Kazan.

Любой отец мог бы беспокоиться, когда его дочь сообщает о своем намерении выйти замуж. Беспокойство будет ещё сильнее, если предполагаемый жених – иностранец, который видит свои перспективы на будущее в далекой стране. Пётр Владимирович и Розалия Тарасовна находились в таком положении 23 года тому назад, когда они узнали, что их дочь собирается выйти замуж за молодого американского историка России. Я и был тем самым историком. С тех пор я имел честь знать Петра Владимировича не только как своего тестя, но и как учителя, научного консультанта и коллегу.

Пётр Владимирович и Розалия Тарасовна с пониманием и благосклонностью отнеслись к нашим планам о женитьбе и с открытым сердцем и душой приняли меня в свою семью. В Петербурге мы справили свадьбу в тесном кругу друзей, без пышных церемоний, но когда мы приехали в Чебоксары, родители Олеси устроили для нас настоящий праздник – благословили и как будто дали понять, что будут поддерживать, куда бы судьба ни завела. Разумеется они сдержали свое слово.

После этого мы очень часто приезжали в Чебоксары, и у меня накопилось много теплых воспоминаний. Когда родилась наша дочка Нина, дедушка и бабушка были в восторге и с нетерпением ожидали наших ежегодных возвращений в Чувашию и встреч с внучкой.

Время, проведенное с Петром Владимировичем, не ограничивалось только семейными делами. Он не представлял себя без работы – постоянно читал, преподавал, а вопросы истории, историографии, этнографии, археологии, краеведения постоянно занимали его ум.

Находясь в курсе наших общих научных интересов, он щедро делился знанием и идеями, посвящал нам свое время. Иногда наши приезды как бы естественно переходили в научный семинар, в ходе которого мы обсуждали книги, обменивались мнениями по разным темам, а чаще всего с изумлением слушали повествования Петра Владимировича из его, казалось, неиссякаемого интеллектуального запаса. Я не берусь перечислить все темы наших обсуждений, но некоторые из них, связанные с научными исследованиями Петра Владимировича, особо запечатлелись в памяти. Я постараюсь их здесь воспроизвести.

Впервые я встретил Петра Владимировича осенью 1991 г., вскоре после того, как я познакомился с Олесей. Я приехал в гости, предполагая не оставаться долго, прошёл на кухню и увидел сидящего за столом Петра Владимировича. Мне предложили чай, завязался разговор, и мой короткий визит растянулся на два часа увлекательной беседы.

Петру Владимировичу было интересно узнать, что я занимаюсь историей русской этнографии – близкой его сердцу темой, но более приятно ему было услышать, что в ходе моего исследования мне встречалось имя Иакинфа Бичурина. Пётр Владимирович подробно расспросил меня об этих источниках, которые он, естественно, сам превосходно знал, а затем погрузился в дискуссию о колоритной фигуре Бичурина, Петербургских интеллектуальных кружках 1830–1840-х гг. и истоках русского ориентализма. Я был впечатлен и тем, что я услышал, и, конечно, самим Петром Владимировичем, его уникальной личностью, не имеющей себе сродства. В ходе наших последующих встреч и разговоров я узнал намного больше о его интересах к персоналии Бичурина, о его научных подходах и методах. В своих исследованиях Пётр Владимирович сочетал глубокое и детальное знание материала с мастерством исторического анализа и интер-

претации. Это позволяло ему передавать то, что пережил и чувствовал Бичурин в своей жизни, – невзгоды и надежды, успехи и неудачи. Одновременно Пётр Владимирович никогда не терял критического взгляда, соблюдая необходимое историку чувство дистанции. Он прослеживал и представлял жизнь Бичурина как она есть, не избегая компрометирующих фактов и в то же время создавая положительный образ.

В течение наших летних визитов в Чебоксары Пётр Владимирович, стараясь, чтобы все было как можно лучше, иногда устраивал отпуск за Волгой, на туристической базе «Прометей», расположенной прямо на берегу реки. На протяжении двух недель мы проводили дни, гуляя по лесу, собирая грибы и ягоды, плавали в Волге, парились в бане, читали, отдыхали как могли, наслаждаясь северной природой. Вечерами, возвратившись из кафетерия, мы располагались на веранде нашего домика и говорили об истории.

Однажды Пётр Владимирович попросил меня привезти из Америки изданные под редакцией Омеляна Прицака Хазарско-Еврейские документы X века. Я сделал ксерокопию книги, и долгими вечерами мы все погружались в тексты. Я постарался перевести, насколько смог, документы вместе с комментариями и объяснениями Прицака. Пётр Владимирович предлагал свои комментарии, дополняя, проясняя, а иногда опровергая интерпретации Прицака. Было ощущение, что я свидетель научного диспута между двумя известными учёными – один передо мной, другой говорит со страниц книги. Имея только поверхностное представление о хазарах, я получил прекрасный урок-знание, который мне очень пригодился в будущем. Разумеется, что наши беседы помимо хазар охватывали и другие темы – историю гуннов, болгар, происхождения чувашей. Пётр Владимирович демонстрировал энциклопедические знания о чувашской культуре, находя соответствия и параллели с хазарскими ритуалами и обычаями, описанными в тексте.

Помимо отдыха, Пётр Владимирович всегда старался показать мне достопримечательные места в Чувашии. Он всегда заботился о том, чтобы мы посещали районы республики не только как туристы, получающие самую общую информацию, но и узнавали жизнь изнутри, с помощью людей, хорошо осведомленных о местной истории, специфике жизни в регионах. Петру Владимировичу несложно было устроить такие поездки. За долгие годы преподавания в университете он создал обширный круг друзей, коллег и бывших студентов во всех концах Чувашии, поддерживал с ними активные связи и, в случае необходимости, обращался с просьбой о содействии. Пётр Владимирович и сам выступал в роли эксперта – обыкновенно он вовлекал наших проводников в разговор и попутно дополнял, уточнял и разъяснял их информацию.

Мне особенно запомнилась поездка на родину Петра Владимировича – в Батыревский район и в его родную деревню Бахтигильдино. Несколько

раз мы приезжали в город Ядрин и были также в Алатыре, где сильное впечатление оставило посещение вновь открытого и прекрасно отреставрированного монастыря. Кроме того, мне повезло увидеть и много других примечательных и интересных мест Чувашии, включая село Шоршелы – родину космонавта А.Г. Николаева.

Большинство наших поездок было с друзьями и коллегами, но была одна поездка, где мы были только вдвоем с Петром Владимировичем. Летом 1995 г. он решил показать мне Казань, город памятный и любимый им ещё со студенческих лет. Ярким солнечным днем мы сели на метеор в речном порту Чебоксар и, пройдя шлюзы гидроэлектростанции, поплыли вниз по Волге до Казани. Помню, как я долго стоял на открытом воздухе, любуясь рекой – игрой солнца в воде, сияющими вдалеке церковными куполами Свияжска, деревеньками, высокими холмами правого берега. Устав от постоянного сильного ветра, я спустился в салон и увидел Петра Владимировича, увлеченного беседой. Пассажиры на метеоре были очень колоритны, по крайней мере, на взгляд неискушенного американца, – сельские женщины в платочках, с корзинками грибов и ягод, солидные мужчины в галстуках с «дипломатами», мамы с детьми... На одной из станций на палубу зашла женщина, ведя на привязи козу. Пётр Владимирович был в центре внимания всей этой компании. Он познакомился с соседями – пожилой женщиной с двумя детьми – и оживленно беседовал с ними почувашски, вне сомнения, развлекая их всякими рассказами по ходу путешествия и засыпая их вопросами. Пётр Владимирович очень любил общаться с детьми. Казалось, что он не мог просто так пройти мимо ребятешек на улице, ему непременно хотелось что-то им сказать, по-дружески поприветствовать, расспросить, подбодрить.

Мы прибыли в Казань до полудня и провели оставшийся день, гуляя по городу. Мы не посещали обычные для туристов места – музеи, мемориалы, но каждая улица и район ассоциировались у Петра Владимировича с какой-либо историей. Он показал мне Казанскую духовную академию (где обучался Бичурин), улицу, где он жил в студенческие годы с татарской семьей, здание оперного театра, куда он ходил на концерты со своей подругой Екатериной Ефремовой, известной чувашской художницей. Мы зашли в его любимую булочную и купили сладости – «чак-чак» в подарок домой. Было очевидно, насколько ему дорог этот город. Именно в Казани прошли годы его становления и взросления – от одаренного, но неопытного сельского юноши, до уверенного, зрелого и харизматичного молодого человека. Мне жаль, что я не смог запомнить всех историй, которые он рассказал мне за два дня наших прогулок по городу, но помню, что испытывал чувство радости, и думал, как мне повезло, что Пётр Владимирович поделился со мной пережитые им моменты его молодости.

К сожалению, с годами наши поездки уже не были такими частыми, но Петр Владимирович, несмотря на возраст, оставался увлеченным, жизнелюбивым и щедрым. Моя последняя встреча с ним произошла в 2012 г. Я прилетел прямо из Америки и ещё не вошел в другой часовой режим. Поздно ночью я работал на кухне, в квартире Денисовых на Университетской улице, закрыв дверь, чтобы никого не беспокоить. Пётр Владимирович ложился спать рано, но часто просыпался около полуночи или позже, и приходил на кухню. Я ставил чайник, заваривал травяной чай, и мы сидели вдвоем, спокойно беседуя. Иногда он что-нибудь вспоминал, иногда мы говорили о науке или делились мнениями и опытом работы в университете. Бывало мы просто сидели молча, ощущая тишину ночи, теплоту чая, наслаждаясь компанией друг друга... Именно такие моменты хотелось бы навсегда оставить неизменными в своей памяти, сохранить и держать близко, как осязаемое присутствие исключительного человека, чей интеллект, благородство и мудрость вдохновляли всех, кто имел счастье с ним общаться.

Андреев Олег Васильевич

Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК И ВЕЛИКИЙ ТРУЖЕНИК НАУКИ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПРОФЕССОРА П.В. ДЕНИСОВА

Аннотация: статья посвящена доктору исторических наук, профессору Петру Владимировичу Денисову – выдающемуся учёному, внесшему значительный вклад в изучение истории чувашского народа. В её основе воспоминания и впечатления, сложившиеся за двадцатилетний период совместной работы на историко-географическом факультете Чувашского госуниверситета имени И.Н. Ульянова. Профессор П.В. Денисов характеризуется как уникальный учёный, образцовый наставник и замечательный человек, жизнь и научное творчество которого вполне может служить примером для тех, кто решил посвятить свою жизнь науке.

Ключевые слова: личность, учёный, замечательный человек, увековечие памяти, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова.

Oleg Vasil'evich Andreev

I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary

**A REMARKABLE MAN AND AN ILLUSTRIOUS SCHOLAR:
LINES IN A PORTRAIT OF PROFESSOR P.V. DENISOV,
DOCTOR OF HISTORICAL SCIENCES**

Abstract: the article is devoted to the doctor of historical sciences, Professor Petr Vladimirovich Denisov, a prominent scientist who made a major contribution to the study of history of the Chuvash people. the work is based on remembrances and impressions gathered over a twenty-year period of joint work in the School of History and Geography of the I. N Ulyanov Chuvash State University. Professor P.V. Denisov is characterized as a unique scientist, an exemplary mentor and remarkable man, whose life and scientific work can serve as an example for those who decide to devote their life to science.

Keywords: personality, scholars, remarkable men, preservation of memory, I.N. Ulyanov Chuvash State University.

В 1997 г. Чувашским книжным издательством была выпущена в свет, по образному выражению автора, «на суд читателей» научная работа «Жизнь монаха Иакинфа Бичурина: монография» – результат десятилетнего труда доктора исторических наук, профессора Петра Владимировича Денисова [3, с. 6]. Примечательно и символично, что монография издана в серии «Замечательные люди Чувашии».

Время показало, что П.В. Денисов, такой же «труженик ревностный...», как и Н.Я. Бичурин [3, с. 5], многолетней плодотворной научно-исследовательской и педагогической деятельностью, подготовкой более 20 учеников, успешно защитивших диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук, созданием научной школы [1], заслужил права быть причисленным к плеяде Замечательных людей Чувашии. Лучшие способы и формы увековечения памяти о нём – это: продолжение учениками и молодыми исследователями работы в рамках его научного направления, беседы с будущими историками о его жизненном и творческом пути, кропотливое и добросовестное изучение его богатого научного наследия.

7 июля 2004 г. автору данной статьи посчастливилось получить от уважаемого учёного его монографию с автографом следующего содержания: «Дорогому другу Олегу Васильевичу Андрееву с пожеланием доброго здоровья, успехов в деле изучения истории чувашского народа». Добрые пожелания наставника были восприняты как напутствие, руководство к действию в профессиональной преподавательской и научно-исследовательской деятельности. За прошедшие годы автором этой работы был

опубликован ряд трудов, посвященных вкладу населения Чувашии, её сыновей и дочерей в укрепление обороноспособности и защиты интересов страны, достижение общей победы в Великой Отечественной войне. Изданы также работы, в которых представлен анализ деятельности ученых, внесших весомый вклад в изучение истории становления высшего исторического образования в стране и Чувашии. Среди них заслуженное и почетное место занимает профессор П.В. Денисов [2, с. 336].

П.В. Денисов выделялся природной скромностью и интеллигентностью, что отмечали все, кто его окружал и кому посчастливилось с ним общаться. Многократно в этом лично убеждался в ходе бесед и участия в научных мероприятиях 1990–2000-х гг., а также в процессе работы в качестве секретаря ГАК по истории. Будучи членом комиссии по приему государственных экзаменов и защиты выпускных квалификационных работ, он неизменно проявлял свои замечательные личностные качества: скромность, приветливость и искренность, корректность и внимательность к коллегам и студентам, точность и не голословность в суждениях, желание помочь в вопросах научной и повседневной жизни. Именно этими чертами он заслужил всеобщее уважение и признание.

Крепко отпечатались в памяти манера его поведения, внешне приметные черты: высокий рост, всегда подтянутый и аккуратный и, значит, внутренне дисциплинированный человек; задумчивые и в то же время внимательно-изучающие, пронзительные глаза – истинные «окна» его открытой души, неширокий и немного ускоренный шаг. Внешние черты его гармонировали с чрезвычайно ценными и присущими подлинному учёному качествами: не погоня за количественными показателями научно-исследовательской деятельности, а руководство принципом «меньше, да лучше»; неприятие к «модным» и конъюнктурным псевдонаучным исследовательским проектам, в том числе в руководстве студенческими научными докладами и выпускными квалификационными работами. К сожалению, в современных условиях в научно-исследовательской деятельности нередки примеры, когда погоня за количественными показателями порождает публикации, которые разве что можно отнести к разряду публицистических размышлений и суждений.

Доктор исторических наук В.Д. Димитриев, посвятивший немалую часть своих исследований вопросам истории религии чувашского народа, дал профессору П.В. Денисову короткую и точную характеристику: «высок его авторитет» [4; 6, с. 276]. В.Д. Димитриев, опубликовавший в 1950-е – начале 2000-х г. также несколько статей и одну книгу о востоковеде Бичурине, в свою очередь, признавал, что П.В. Денисов как учёный – «исследователь обстоятельный и глубокий» [5; 6, с. 292]. Вряд ли можно найти более точные слова для характеристики замечательной личности и ревностного труженика науки – профессора Петра Владимировича Денисова.

Литература

1. Андреев В.В. Создатель научной школы. Профессору П. Денисову – 75 лет / В.В. Андреев, Ю.П. Смирнов // Советская Чувашия. – 2003. – 4 сентября.
2. Андреев О.В. Вклад исследователей Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова в изучение истории высших учебных заведений // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева): Матер. Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 1–15 мая 2018 г.) / Редкол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ИД «Среда», 2018. – С. 335–339.
3. Денисов П.В. Жизнь монаха Иакинфа Бичурина. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. – 272 с.
4. Дмитриев В.Д. Высок его авторитет. Профессору П.В. Денисову – 60 лет // Советская Чувашия. – 1988. – 28 августа.
5. Дмитриев В.Д. Исследователь обстоятельный, глубокий (о П.В. Денисове) // Советская Чувашия. – 1998. – 27 августа.
6. Служение истории: Сб. ст. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. – 312 с.

Васильев Владимир Александрович

Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

ПЁТР ВЛАДИМИРОВИЧ ДЕНИСОВ. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ УЧЁНОГО, ПЕДАГОГА

Аннотация: в статье представлены некоторые факты биографии и важнейшие жизненные достижения выдающегося учёного-этнографа и историка, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой СССР (1973–1990 г.), заведующего кафедрой археологии, этнографии и региональной истории ЧГУ (1990–2002 г.), заслуженного деятеля науки Чувашской АССР, лауреата Государственной премии Чувашской Республики. Труды, посвящённые религиоведению и антропологии религии, этнологии сделали его имя хорошо известным в научном мире как в России, так и за рубежом. П.В. Денисов создал научную школу чувашской этнологии. Убедительное свидетельство тому – проведение научно-практических конференций, посвящённых его памяти.

Ключевые слова: Денисов Пётр Владимирович, Чувашский государственный педагогический институт, Чувашский государственный университет, историко-филологический факультет, история, этнография, кафедра истории СССР, кафедра археологии, этнографии и региональной истории Чувашского университета.

Vladimir Alexandrovich Vasiliev

I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary, Russia

**PETR VLADIMIROVICH DENISOV.
SKETCHES TOWARD A PORTRAIT
OF A SCHOLAR AND TEACHER**

Abstract: these reminiscences focus on certain biographical facts and life achievements of an outstanding ethnographer and historian, doctor of historical sciences, professor, chair of the Department of the History of the USSR (1973–1990), chair of the Department of Archeology, Ethnography and Regional History at Chuvash State University (1990-2002), honoured scientist of the Chuvash ASSR, Laureat of the State Prize of the Chuvash Republic. His works in religious studies, the anthropology of religion and ethnology have made his name well known among scholars both in Russia and abroad. P. V. Denisov created an academic tradition of Chuvash ethnology that can be seen in the convening of conferences and workshops devoted to his memory.

Keywords: Petr Vladimirovich Denisov, Chuvash State Pedagogical Institute, Chuvash State University, History and Philology Department, History, Ethnography, Department of History of the USSR, Chair of Archeology, Ethnography and Regional History of the Chuvash University.

О Петре Владимировиче Денисове издано немало работ, которые создают портрет большого учёного, талантливого педагога. К этому содержательному портрету хотелось бы добавить несколько штрихов, или, как любил говаривать Петр Владимирович, сюжетов.

Писать о таком человеке, как профессор П.В. Денисов, крайне сложно, так как его яркая и многогранная личность могут увести перо в излишний пафос, что очень он не любил.

Мне в жизни повезло! Повезло в том, что выпала честь прожить часть жизни с такими выдающимися представителями исторической науки, как И.Д. Кузнецов, В.Д. Димитриев, В.Ф. Каховский. Заслуженно и органично влился в эту славную плеяду и доктор исторических наук, профессор П.В. Денисов. Стал он для меня не только одним из Учителей, но и другом, наставником и старшим товарищем. Когда мой отец, А.В. Васильев, проработавший на ниве образования более сорока лет, автор и соавтор довоенных учебников для школы, переехал жить в г. Чебоксары, Петр Владимирович, будучи маститым учёным, часто бывал у него в однокомнатной квартире по Хевешской улице. И тогда за чашкой чая начиналась оживленная беседа. Был дружен с учёным и мой старший брат Валентин Васильев, а младший, Геннадий, также как и я стал его учеником.

Стремителен бег времени! Как миг пролетело более полувека с того незапамятного времени – 1965 г., когда после строгих экзаменационных

испытаний стал я студентом исторического отделения Чувашского государственного педагогического института имени И.Я. Яковлева. Мечта стать историком сбылась. И радостно было от этого вдвойне: ведь, мои родители были одними из первых студентов и выпускников этого старейшего вуза Чувашии.

Началась чудесная и прекрасная студенческая пора. Среди многочисленных исторических дисциплин, изучаемых нами, была и этнография. Вёл его П.В. Денисов. В то далекое время – кандидат исторических наук, доцент. Свои лекции читал увлеченно, захватывающе. Словно на ковре-самолете, переносил нас вглубь веков и тысячелетий к разным племенам и народам, знакомил с их жизнью, культурой, обычаями и традициями. С вдохновением и гордостью снимал покров тайны с истории и перед нами предстал загадочный этнос, имеющий древнюю, порою трагическую, яркую историю, уникальную культуру. Предметом особой его гордости была тема Волжской Болгарии. Первое государство чувашей, ставшее первым государством и на Средней Волге.

В своих лекциях часто ссылался на арабского путешественника, историка и писателя Ахмеда ибн Фадлана. Глаза нашего преподавателя при этом загорались огоньком, стройная фигура становилась стройнее, а голос начинал звучать звучнее, словно тем выдающимся арабским путешественником был сам. Пиетет учёного XX века к учёному X века передавался и нам, студентам, и мы между собой с любовью стали называть нашего учителя – Фадланом [2, с. 57]. И сегодня, хотя его уже нет с нами, с глубоким уважением продолжаем называть учителя именем великого путешественника и подвижника – Фадланом.

В своем общении с нами предстал любящим отцом. Пётр Владимирович часто рассказывал о дочерях. Студенты хорошо знали о том, что старшая дочь в честь героини бессмертной поэмы «Нарспи» К.В. Иванова названа именем Нарспи. Наш преподаватель отмечал, что это произведение находится в одном ряду с «Ромео и Джульетта» великого Шекспира. Рассказами о двух Нарспи – своей дочери и героини поэмы, он прививал нам любовь и уважение к традициям и культуре своего народа.

На надгробном памятнике П.В. Денисова высечены слова, почерпнутые из сокровищницы мудрости древнего чувашского народа:

Шурăмпус килет шуралса,
Шурă чатăр карса чарас сук.
Эпӗр, тӑван, сана йсагатпӑр,
Эпӗр сана тытса чарас сук.

(Восход зари пологом не остановить. Уход Твой, родной, из жизни, нам также не остановить. – *Вольный перевод автора*).

Посмертное изречение на языке матери, и то, что для такого неумолимо наступающего в жизни печального случая оно было отобрано из об-

ряда похорон чувашей самим П.В. Денисовым, убедительно свидетельствует, что происходил он из глубины бытия своего народа. И поэтому посвящение себя изучению родного народа и народов мира – этнографии – неслучайно. Это провидение самой Судьбы.

И если этнографические экспедиции в сельские глубинки для его коллег с городским детством были интересны тем, что постигали увиденное воочию впервые, то для П.В. Денисова это было исследованием пройтого.

Одна из увлекательных лекций была посвящена трагической судьбе последнего оплота первого государства чувашей Волжской Болгарии – Тигашевскому городищу, что ныне находится в Батыревском районе Чувашской Республики. Его героические защитники – мужественные и смелые, гордые и свободолюбивые булгары, не признававшие из поколения в поколение слово «плен», предпочли татаро-монгольскому рабству смерть. Из этого повествования я узнал, что мы, оказывается, с ним из одного района – Батыревского.

Студенческие каникулы лета 1966 г. я проводил у своих родителей в селе Тарханы. Узнав о том, что руководитель моего студенческого научного исследования П.В. Денисов также приехал со своей семьёй на отдых в родную деревню Бахтигильдино, набрался смелости и решил наведаться к нему для отчета о проделанной работе. Расстояние между нашими сёлами было всего километров 15, но, учитывая то, что езда предстояла не по асфальту, а по лесным просёлочным дорогам и по сыпучему песку, в котором любая машина может закопаться всеми колесами, путь наш был не из легких. Тем не менее с близким другом Сергеем Николаевым оседлали его всепроходимый мотоцикл «Ковровец» и помчались из Тархан в Бахтигильдино. Однако Петра Владимировича уже там не оказалось. Накануне нашего приезда подвернулась легковая машина⁵³ до самих Чебоксар и вместе со всей семьёй он уехал домой.

На обратном пути ненадолго приостановились среди светившихся в лучах солнца золотом величавых корабельных сосен и залюбовались завораживающей красотой. И подумалось: не этот ли волшебный сосновый бор, не эта ли извилистая речушка Шатъма, не этот ли многовековой уклад самобытной крестьянской жизни сформировали у Петра с раннего детства наблюдательность и сочинительство? Скорее всего, да.

В 1967 г. был открыт Чувашский государственный университет, получивший вскоре имя выдающегося просветителя И.Н. Ульянова. Говоря о его создании, к сожалению, приходится слышать иногда о том, что сорок третий в Советском Союзе университет открыт на базе Волжского филиала Московского энергетического института (ВФ МЭИ). Это утверждение

⁵³ Тогда ещё не было автобусного сообщения между Бахтигильдино и Чебоксарами.

исторически не верно. Классический университет, как известно, невозможен без гуманитарного факультета, поэтому руководством республики был найден мудрый вариант открытия университета на базе технического вуза и историко-филологического факультета Чувашского государственного педагогического института имени И.Я. Яковлева [5, с. 150]. В связи с этим вспоминается, как в мою бытность председателем профкома сотрудников университета в министерстве образования и науки РСФСР даже в конце восьмидесятых нас все ещё не хотели признавать в ряду классических университетов.

С той подлинно исторической даты 1967 г. прошло уже более 50 лет, но хорошо помню как мы студенты-историки пединститута в одночасье стали студентами-историками университета.

Создание в Чувашском университете исторического отделения кардинально изменило ход исторической науки и исторического образования в Чувашии. Они вышли на более высокую орбиту. Историческое отделение стало флагманом исторической науки. На его капитанском мостике по праву встал незаслуженно забываемый профессор И.Д. Кузнецов, защитивший первым в Чувашии учёную степень доктора исторических наук. Здесь были открыты аспирантура и докторантура. Воспитанниками корифея исторической науки Чувашии являются доктор исторических наук, профессор Ю.П. Смирнов, доктор исторических наук, профессор Б.Л. Алексеев, доктор культурологии, кандидат исторических наук, профессор В.А. Васильев, кандидат исторических наук, профессор А.В. Арсентьева и многие другие [1, с. 13].

Профессор И.Д. Кузнецов стал в университете создателем и руководителем кафедры истории СССР. Своим заместителем вскоре он назначил П.В. Денисова. Двух учёных связывало тесное научное содружество, сложившееся ещё в то время, когда П.В. Денисов после окончания аспирантуры приехал из Казани в Чебоксары и начал работать в отделе истории и этнографии Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР. Институтом тогда руководил И.Д. Кузнецов, который заметил успехи молодого учёного-этнографа и всемерно начал его поддерживать. Он по праву стал для молодого талантливого исследователя мудрым наставником. Когда Иван Данилович возглавил Чувашское книжное издательство, пригласил перейти на новое место и Петру Владимировичу. П.В. Денисов начинает трудиться здесь на посту заведующего редакцией научной литературы [4, с. 37]. Совместную работу продолжили они и в университете. Союз их был крепок, дружен и плодотворен. Могу со всей ответственностью сказать, что ни одна рукопись П.В. Денисова не видела свет без длительных и горячих обсуждений с И.Д. Кузнецовым. Такая же ситуация происходила и с рукописями трудов И.Д. Кузнецова. Они публиковались тоже только после совместного рассмотрения.

И.Д. Кузнецова и П.В. Денисова часто можно было видеть вместе и вне стен университета. Счастлив тем, что в круг свой ввели они и меня. С третьего курса в их научных обсуждениях, которые стали для меня бесценной исследовательской школой, открывшей дорогу в большую науку, часто участвовал и я. И мой успех на Всесоюзной студенческой научной конференции в 1969 г. по праву стал итогом учёбы в этой замечательной школе.

В 1973 г. в аспирантуре кафедры истории СССР я был на третьем году обучения. Год запомнился мне тем, что П.В. Денисов свою монографию «Религия и атеизм чувашского народа» – плод многолетнего кропотливого труда учёного, представил на защиту в специализированный совет Института этнографии АН СССР. Защищать диссертацию в одном из центров мировой этнографической науки было не только высокой честью, но и большой ответственностью, я бы сказал, даже и научной смелостью. Профессор И.Д. Кузнецов, чтобы защита диссертации прошла успешно, предложил Петру Владимировичу занимаемый им пост заведующего кафедрой. П.В. Денисов отказывался, но, в конце концов, под доказательной логикой И.Д. Кузнецова, что статус заведующего кафедрой может сыграть в процессе защиты положительную роль, согласился. Пример этот привожу для того, чтобы показать насколько бескорыстными, высоконравственными были учёные той эпохи.

Каждый, кто прошёл процесс защиты диссертации, хорошо знает, насколько невероятно трудна и сложна эта процедура. Предстояло пройти её и П.В. Денисову. С целью оказания помощи в решении организационных вопросов, могущих возникнуть в ходе подготовки защиты диссертации, Пётр Владимирович пригласил с собой Москву и меня. Благо выехать в оплачиваемую научную командировку аспиранту в советское время в любую точку Советского Союза не представляло никаких трудностей. Хорошо помню как происходила защита диссертации. Длилась она долго – с 14 до 19 часов. Официальными оппонентами были учёные с мировым именем – Г. Воронцов, Е. Бусыгин, И. Гурвич. На улице было холодно, а в зале – жарко от горячих научных споров, итогом которых стало единогласное решение о присуждении П.В. Денисову учёной степени доктора исторических наук.

В связи с защитой диссертации вспоминается и курьёзный случай, произошедший со мной и Наташей – дочерью П.В. Денисова. Когда новоиспеченный доктор исторических наук и члены специализированного совета поехали отмечать знаменательное событие в ресторан «Будапешт», нам с Наташей места в такси не нашлось, и мы пошли, как говорят, на своих двоих. Почти около Кремля, на переходе, побежали на красный свет и, конечно же, услышали свисток недремлющего милиционера. Сержант оказался галантным молодым человеком. Увидев красивую девушку,

улыбнулся и ограничился устным предупреждением. Поистине, красота женская спасает и от штрафов!

Учёный и педагог П.В. Денисов создал свою научную школу. Об этом сказано достаточно полно. Хотел бы добавить только то, что с какой большой заботой относился он к своим аспирантам. Примером тому является случай, который произошёл, когда я работал председателем профкома университета. Однажды ко мне в кабинет заходит Петр Владимирович, но не один, а с молодым человеком и просит изыскать возможность оказать денежную помощь своему спутнику – аспиранту. Оказывается талантливый ученик, а бесталанных у него не было, выходит досрочно на защиту в Горьковском государственном университете имени Н.И. Лобачевского⁵⁴, однако, как каждый аспирант, испытывает финансовые трудности. Конечно же, выход был найден. Отметим, что ныне это один из ведущих российских учёных.

На крутом переломе эпох, как учёный, умеющий видеть будущее науки, П.В. Денисов создает новую кафедру – кафедру археологии, этнографии и региональной истории, которую в настоящее время достойно возглавляет его ученик, кандидат исторических наук, доцент Н.А. Петров.

Профессора И.Д. Кузнецов, В.Д. Димитриев, В.Ф. Каховский, П.В. Денисов, Ю.П. Смирнов занимают достойное место в исторической науке не только России, но мира. Их богатое научное наследие всемерно развивают ученики-доктора наук О.Н. Широков, В.А. Васильев, И.И. Бойко, О.В. Егорова, Т.Н. Иванова, Е.К. Минеева [3], Л.А. Таймасов, уже занимающие первые места в «Табели о рангах» исторической науки.

Литература

1. Васильев В.А. Вехи Чувашского государственного университета: вспоминая былое // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): Сб. ст.: в 2 т. Т. 2. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2017. – С. 9–14.
2. Васильев В.А. Пирён ибн-Фадлан // Тăван Атӑл. – 2003. – №9. – С. 57–59.
3. Минеева Е.К. Чувашская диаспора в трудах исследователей конца XX – начала XXI веков // Вестник Чувашского университета. – 2006. – №6. – С. 58–73.
4. Петров Н.А. Пётр Владимирович Денисов (85 лет со дня рождения) / Н.А. Петров, О.Г. Вязова // Чуваши: этнические связи и этнокультурные параллели: Сб. мат. Межрег. науч.-практ. конф., посв. 85-летию со дня рождения П.В. Денисова (Чебоксары, 12 сентября 2013 г.). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. – С. 36–42.
5. Широков О.Н., Историко-филологический факультет Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова: первые годы деятельности исторического отделения / О.Н. Широков, М.А. Широкова // Вестник Чувашского университета. – 2016. – №2. – С. 150.

⁵⁴Ныне – Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского.

Гусаров Юрий Владимирович
Чувашский государственный
Институт гуманитарных наук
г. Чебоксары

АРИСТОКРАТ ДУХА

Аннотация: автор делится воспоминаниями о профессоре Чувашского государственного университета, историке, этнографе П.В. Денисове, у которого учился в студенческие годы, под научным руководством которого защитил кандидатскую диссертацию и работал на кафедре археологии, этнографии и региональной истории.

Ключевые слова: исторический факультет Чувашского государственного университета, история высшего образования Чувашии, чувашская этнология.

Yuri Vladimirovich Gusarov
Chuvash State Institute of the Humanities
Cheboksary

AN ARISTOCRAT OF SPIRIT

Abstract: the author shares his reminiscences of P.V. Denisov, historian, ethnographer and professor at Chuvash State University with whom he studied in his student years, under whose scholarly guidance he defended his Candidate's dissertation and with whom he worked in the Department of Archeology, Ethnography and Regional History.

Keywords: Department of History of Chuvash State University, history of higher education in Chuvashia, Chuvash ethnology.

Петра Владимировича Денисова отличал широкий научный кругозор, что редкость для нашего времени узкой специализации: как правило, учёные мужи сосредоточены на своей проблематике и предпочитают не углубляться в «чужие» сферы. Денисов же по давно заведенной привычке регулярно просматривал научные журналы по истории и этнологии, знакомился с книжными новинками. Это позволяло ему находиться в курсе научных новинок, вести диалог со специалистами разных областей гуманитарных наук и консультировать аспирантов и студентов по широкой проблематике исследований. Он интересовался жизнью страны и республики и газету в его руках можно было видеть часто. О заслуживающих внимания публикациях информировал коллег. Этот юношеский интерес к жизни и знаниям удивлял и радовал. Наши встречи на кафедре обычно начинались с его вопроса: «Юра, а ты про это читал»? Как правило, это был зачин долгого разговора, в ходе которого одна тема сменяла другую и было жалко прерывать общение из-за звонка на лекцию или семинар.

Петра Владимировича было сложно чем-то удивить в профессиональном плане, но если это случалось, он помнил об этом долго. Не забывал об оказанной помощи. В аспирантские годы в казанских архивах по его просьбе я попутно собрал материалы о Н.Я. Бичурине, за что он благодарил меня много раз.

Внутренняя свобода и чувство достоинства выдавали в нём природный аристократизм. Лицо с арабскими чертами притягивало взгляд. Писал крупным разборчивым наклонным почерком. Рабочие пометы делал карандашом. К рукописям относился бережно, хранил их в образцовом порядке. Кажется, так и не освоил компьютер.

Пётр Владимирович обладал талантом рассказчика. Говорил он неторопливо, то повышая, то понижая голос, жестикулируя и внимательно наблюдая за реакцией слушателей. В близком кругу рассказывал о деятелях чувашской науки и литературы, с которыми дружил или близко общался: Н.В. Никольском, И.Д. Кузнецове, В.Д. Дмитриеве, П.П. Хузангае, В.Е. Митта и др. Это были миниатюры-воспоминания в жанре литературного анекдота, передающие характерную черту образа героя. Помню рассказ о Н.И. Ашмарине, источником которого был назван спутник профессора по фольклорным экспедициям филолог И.И. Одюков. «Дело было на железнодорожном вокзале г. Канаш, откуда учёные возвращались в Казань, – рассказывал Денисов. – Учёные купили билеты, Одюков заблаговременно занял место в вагоне и стал ожидать задержавшегося на перроне Ашмарина. Вот прозвенел первый звонок, потом второй, а коллеги все нет. Обеспокоенный Одюков выбежал из вагона и принялся расспрашивать, не видел ли кто старичка с бородкой, в городском костюме. Какой-то парень сказал, что такой зашел в станционный туалет. Вбежав туда, учёный застал стоящего у стены Ашмарина, увлеченно записывающего в блокнот надписи на чувашском языке. Поймав укоряющий взгляд коллеги, сказал: «Посмотрите, какие тут любопытные образчики речи».

Очень жалею, что в свое время не записал эти миниатюры, надеясь на память. К счастью, был у Денисова достойный слушатель, сохранивший некоторые его рассказы. Имею в виду профессора В.Д. Дмитриева. Пётр Владимирович рассказывал, что на рубеже 1980–1990-х г. они оба с женами отдыхали в санатории «Чувашия». По вечерам Дмитриевы захаживали на чай в номер Денисовых. Василий Дмитриевич приходил не с пустыми руками – бутылкой хорошего красного вина, единственного, которое употреблял. «Стал я замечать, рассказывал Денисов, – что Вася (так в узком кругу он называл В.Д. Дмитриева. – Ю.Г.) внимательно меня слушает, время от времени переспрашивает, а затем спешит к себе, не оставаясь смотреть телевизор. А через несколько лет в республиканских газетах стал наткаться на заметки о деятелях культуры с хорошо известным мне содержанием, подписанные неизвестной фамилией. Оказалось,

это Вася печатал их под литературным псевдонимом. Тогда я вспомнил про санаторий и его странное поведение». Действительно, в 1992 г. В.Д. Дмитриев под псевдонимом Василий Атманов опубликовал несколько заметок об ученых-чувашеоведах в республиканских газетах. В.Д. Дмитриев рассказывал главному редактору Чувашского книжного издательства В.Н. Алексееву, что имеет целую рукопись таких рассказов (возможно, там были не только денисовские). Жаль, что книга с живыми рассказами так и не появилась.

Тема взаимоотношений между Денисовым и Дмитриевым деликатная, и я не буду в неё углубляться. Пётр Владимирович относился к старшему коллеге с уважением (даже подчеркнуто), поддерживал ровные деловые отношения, не вступал в дискуссии (например, на заседаниях ГАКа). С членами кафедры об истории их взаимоотношений не вспоминал, но все мы знали о злополучном событии в его научной биографии, как и о том, что он никогда о нём не забывал.

Члены кафедры настойчиво советовали Денисову засесть за мемуары. В день 70-летия даже вручили подарок с намеком – ручку «Паркер» с золотым пером. К сожалению, свои воспоминания он не записал.

Денисову посчастливилось общаться со многими известными людьми: академиками Л.Н. Гумилевым и Д.С. Лихачевым, этнографом Н.В. Никольским и др. О своих встречах с Гумилевым он рассказал журналисту В.Н. Алексееву [1]. В 1996 г. в газете «Советская Чувашия» была опубликована рукопись Л.Н. Гумилева и М.Ф. Хвана «Китайские письма в чувашской вышивке» по экземпляру, хранившемуся в личном архиве Денисова (Т.А. Крюкова включается в число авторов ошибочно; в статье говорится лишь о её заслуге в публикации анализируемого узора). Статья была написана в 1959 г. параллельно с подготовкой Гумилевым и научным сотрудником Ленинградского университета М.Ф. Хваном книги неизданных трудов Н.Я. Бичурина «Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии» по договору с Чувашским книжным издательством. Его главным редактором тогда работал Денисов. Он сообщил Гумилеву о готовившейся к публикации монографией Г.А. Никитина и Т.А. Крюковой о чувашском народном костюме. Востоковед познакомился с Крюковой и заинтересовал Хвана темой связи чувашской вышивки с китайской письменностью. Последний расшифровал смысл узора на свадебной женской рубахе XVIII в. Результатом работы ученых стала упомянутая выше статья. Во время рабочих встреч с Л.Н. Гумилевым Денисов получил его согласие на публикацию статьи в Чебоксарах. По предложению Гумилева, в газете было помещено написанное им резюме статьи с указанием о её будущей публикации в научной печати [3]. Читатели ждали публикации труда, но из-за ухудшения отношений между СССР и Китаем, по рекомендации Госкомитета СССР по

печати издание научной литературы по китайской тематике было приостановлено. В 1963 г. статья Гумилева и Хвана планировалась к изданию в сборнике трудов Чувашского НИИ языка, литературы, истории, но по той же причине была из него исключена. В 1960 г. с трудом удалось отстоять издание книги Бичурина, однако Чувашскому издательству было дано указание распространить её по библиотекам, чтобы ни один экземпляр не вышел за пределы республики. По рассказу Денисова, когда книга вышла, в Чебоксары зачастили столичные учёные, чтобы правдами и неправдами заполнить многострадальный том Н.Я. Бичурина. Что же до статьи, то она пролежала под спудом долгих 37 лет [4].

В 2006 г. Денисов передал журналисту А.П. Леонтьеву воспоминания Н.В. Никольского о газете «Хыпар» из архива И.Д. Кузнецова, которые в 1961 г. частично напечатал в своей книге «Хыпарçăсем». Леонтьев опубликовал воспоминания целиком. Много лет Денисов собирал фотокопии статей этнографа В.К. Магницкого. Большой целлофановый пакет с ними он приносил на кафедру для аспирантки И.В. Дмитриевой, которая тогда работала над темой о творчестве Магницкого. Помню наш с ним разговор о необходимости издания тома избранных трудов Магницкого, что было отложено «на потом». Но из-за большой учебной нагрузки времени на это найти не удалось. В последние годы Денисов был увлечен темой хазарско-чувашских этнокультурных связей. Рассказывал, что нашел интересные материалы в Израиле, куда ездил к дочери. Не знаю, сохранились ли его записи по этой теме.

Его память хранила множество занимательных событий, участником и свидетелем которых он был. О многих из них не прочитаешь в книгах. Впервые от него я услышал о библиографическом указателе С.И. Данилова «Чувашская книга до 1917 года», который в 1950 г. по идеологическим причинам был запрещен, а готовый тираж уничтожен; сохранился чуть ли не единственный экземпляр с грифом «Для служебного пользования».

При кажущейся открытости, о личной жизни Денисов не распространялся. Вообще о себе говорил редко. Однажды в разговоре речь зашла о библиофилах и он рассказал о своей первой личной книге, которую купил в школьные годы на деньги, заработанные в колхозе. Помню его рассказ о том, как он нес её домой, прижав к груди как редкое сокровище. Учёный гордился своей богатой личной библиотекой, которую собирал всю жизнь. Отдельно, под замком, хранились дореволюционные книги в кожаных переплетах (дореволюционные) и редкие экземпляры. Помню, например, тома «Живописной России», книги Л.Н. Гумилева «Хунну» и «Древние тюрки», которых тогда было не купить. Дублетный экземпляр одной из последних был обещан мне, но случая подарить его не представилось. Книгами он дорожил. Когда учёный переезжал на свою последнюю квартиру, мне показалось, что о книгах он переживал больше, чем о

мебели. Помню, с каким возмущением отзывался о студенте-дипломнике, который не вернул личную книгу, одолженную ему для работы. В 1988 г. Денисов организовал для членов кафедры подписку на репринтное издание «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, которое украшает мою личную библиотеку.

В бытность заведующим этнографическим музеем факультета я обнаружил неоприходованные фотографии студенческой этнографической экспедиции в Батыревский район. Были среди них и фотографии видов с. Бахтигильдино – родины учёного. Пётр Владимирович увлажнившимися глазами долго смотрел на фотографию отцовского дома, где прошло его детство (к тому времени он был сломан по ветхости), вспомнил по именам всех родных, а напоследок попросил разрешения забрать фото на память. Не сомневаюсь, что оно сохранилось в его личном архиве.

На 70-летие Денисова В.Д. Дмитриев подготовил материал о нём в республиканскую газету. В последний момент в редакции спохватились, что нет фотографии юбиляра и позвонили на кафедру, попросив Денисова приехать в редакцию для фотосъемки. Юбиляр категорически отказался ехать один: «Только с учениками!» Поехали втроем – Пётр Владимирович и мы с Л.А. Таймасовым в качестве почётного сопровождения. Стоял теплый августовский день, улицы были заполнены по-летнему одетой публикой. Мы ехали, беседуя на общие темы. Неожиданно Денисов о чём-то задумался и надолго замолчал, а затем повернулся ко мне и неожиданно сказал: «Юра, я тебе завидую». «Чему же?» – удивился я, застигнутый врасплох. «Посмотри, сколько на улице красивых девушек в коротких юбках. В моей молодости этого не было». Мы с Леной рассмеялись: юбилярто – молодой человек! А сфотографировались мы у берез напротив Дома печати. Эта фотография и напечатана в газете [2].

Каждый из учеников бывал в доме Учителя. Гостя здесь не отпускали, не посадив за стол. На кухне хозяйничала Розалия Тарасовна, у которой все получалось как бы само собой. Накрыв на стол, она звала: «Папочка (так она ласково называла мужа), все готово. Заканчивайте дела и идите обедать». За столом говорили только о семейных и житейских делах. Хозяева рассказывали об успехах дочерей и внуков. Не знаю, были ли у Денисова гастрономические пристрастия, но ел он мало. Само застолье никогда не было продолжительным.

Свои лекции Пётр Владимирович читал без записей, не придерживаясь учебника. Было интересно следить за ходом мысли лектора, приводившим яркие факты, которых не найдешь в учебниках. В курсе отечественной историографии Денисов ограничивался дореволюционным периодом, а неинтересный для себя советский оставлял студентам на самостоятельное изучение. В советское время преподаватели позволяли себе вольности, немислимые в наши дни. Некоторые выходки Денисова помню до сих пор. Однажды (это было в мае 1985 г.), войдя в аудиторию

с суровым лицом, он подошел к кафедре, выдержал долгую тяжелую паузу, а затем приказал присутствующим встать и почтить минутой молчания память скончавшегося историка М.В. Нечкиной. Лекции в тот день не было на радость нам, студентам.

Пётр Владимирович был сухощав, подтянут. Одевался со вкусом, даже модно. Наверное, одним из первых в Чебоксарах стал шеголять в кроссовках, присланных одной из дочерей из-за границы. В середине 1980-х г. это была большая диковинка. Студенты любят давать преподавателям прозвища. Не припомню, чтобы оно было у Денисова. Наверное, это показатель особого уважения. Студенты хорошо относились к профессору ещё и потому, что он не ставил двоек, очень редко – тройки. Поэтому, когда произошел дикий случай с нападением на Денисова в подъезде его дома, коллеги сразу исключили мотив мести студента за оценку.

В период работы на кафедре я ближе и больше узнал Петра Владимировича, однако прежнее мнение о нём не изменилось. Обо всех старших коллегах я этого сказать не могу.

В период работы над вторым изданием книги о Н.Я. Бичурине любимой темой разговоров Петра Владимировича была личность выдающегося синоведа. Как исследователь, он был влюблен в своего героя, которому прощал его человеческие слабости. Гордился тем, что создал научную биографию крупного деятеля исторической науки, опередив столичных ученых. К слову, последние признают авторитет чувашского коллеги: в конце 2000-х г. по межгороду на кафедру позвонил А.Н. Хохлов, попросивший помочь связаться с Денисовым, чтобы попросить его написать рецензию на свою статью о Бичурине для «Православной энциклопедии».

Как самодостаточный человек, Денисов превыше всего ценил личную свободу. Он не посягал на время учеников, не навязывал свою волю, не ограничивал в самопознании и творческих поисках. Наверное, сказывался и возраст. Об этом хорошо знали старшие коллеги, которые никогда не отказывали мне в помощи. Полезным оказался, к примеру, совет И.И. Демидовой по составлению указателей к рабочим тетрадям. Учиться на собственных ошибках не очень приятно, но это лучший способ обрести самостоятельность. Это факт, что среди гуманитариев Чувашии у Денисова самое большое количество учеников. Да и свою кафедру АЭРИ Денисов сформировал из своих бывших аспирантов. До сих пор они составляют в ней подавляющее большинство. И каждый – имя в науке. Другой такой исторической кафедры я не знаю.

Не припомню случая, чтобы Денисов ругал или наказывал своих учеников. Даже тогда, когда они этого заслуживали. Зато не упускал случая похвалить при посторонних. Мне лестно, что я ходил у него в любимчиках, хотя, по большому счету, у него не было нелюбимых учеников. Он познакомил меня со многими своими друзьями-коллегам из разных городов. Хочу с благодарностью вспомнить недавно ушедшего из жизни своего научного руководителя по дипломной работе Л.Ю. Браславского,

который настойчиво рекомендовал Денисову мою кандидатуру – в то время школьного учителя, для поступления в аспирантуру. Знаю, что решающий разговор состоялся на пляже за Волгой – таким настойчивым был Леонидюрьич (так мы его звали – одним словом). Помню, как осенью 1987 г. мы встретились с Денисовым. Оказалось, что он не помнил меня как студента, поэтому долго расспрашивал о биографии, родителях, научных интересах, а когда принял решение, посоветовал в качестве научного сочинения представить расширенный вариант историографической главы дипломной работы. К слову, тему моей диссертации о забытом русском историке XIX в. Н.С. Арцыбышеве Денисов подобрал по совету с В.Д. Димитриевым, за что я им признателен. К слову, В.Д. Димитриев рецензировал главы моей диссертации, написанные ещё от руки и выступил научным рецензентом на её защите.

В бытность заведующего кафедрой Денисов создал дружный, работоспособный коллектив. Членами кафедры были люди разных поколений, но все жили общими интересами, помогали и поддерживали друг друга. Даже в тяжелые 1990-е г. не жаловались и добивались хороших результатов. Тогда на кафедре родился метод объединения усилий для оперативной подготовки нового учебного курса: материал последнего делился на части и каждый из лекторов разрабатывал свой раздел, что экономило время и силы. В общем деле участвовал и сам заведующий кафедрой. Большие праздники также отмечали вместе, что сплачивало коллектив. Очень хорошо, что эти традиции развиваются при нынешнем заведующем кафедрой Н.А. Петрове. Думаю, предстоящий юбилей П.В. Денисова дает повод инициировать вопрос о присвоении кафедре археологии, этнографии и региональной истории имени её основателя.

Литература

1. Алексеев В.Н. Сквозь тернии к истине, или Рукописи не горят // Советская Чувашия. – 1996. – 12 января. – С. 3.
2. Димитриев В.Д. Исследователь обстоятельный, глубокий // Советская Чувашия. – 1998. – 27 августа. – С. 3.
3. Гумилев Л. Азиатский исток традиций чувашского народного искусства // Советская Чувашия. – 1959. – 18 августа. – С. 4.
4. Послесловие профессора П.В. Денисова // Советская Чувашия. – 1996. – 1 февраля. – С. 3.

Данилова Антонина Петровна
Данилов Владимир Данилович
Чебоксарский филиал Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы
г. Чебоксары

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ

Аннотация: статья содержит воспоминания ученых и преподавателей Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы доцента А.П. Даниловой и профессора В.Д. Данилова о своем учителе, коллеге по университету, друге докторе исторических наук, профессоре П.В. Денисове. Анализируется его научно-педагогическое наследие. Выясняются причины и основные направления влияния личности учителя на воспитанников и коллег. Показана широта и разносторонность взглядов и научных интересов профессора П.В. Денисова, интеллигентность как основополагающая черта его личности.

Ключевые слова: воспоминания, научно-педагогическое наследие, историческое образование, исторические курсы, гуманитарная среда, методика преподавания, личность преподавателя.

Antonina Petrovna Danilova
Vladimir Danilovich Danilov
Cheboksary Branch of Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Cheboksary, Russia

MEMORIES OF A TEACHER

Abstract: the article contains the reminiscences of Professors Vladimir Danilov, and Antonina Danilova, researchers and lecturers at the Cheboksary branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, about their teacher, university colleague and friend Professor P.V. Denisov. the article considers Professor Denisov's scholarly and pedagogical legacy and describes the nature of his influence on his pupils and colleagues. the article shows the breadth and multifaceted nature of his views, his scientific interests and his essential personality traits, most notably kindness, generosity and intelligence.

Keywords: memoirs, scientific and pedagogical legacy, historical education, historical courses, humanitarian environment, teaching methodology, teacher's personality.

Воспоминания являются важнейшей частью социального опыта каждого человека. С возрастом их роль в жизни человека возрастает. Все чаще мы обращаемся к нашему прошлому, воскрешая картины былого, образы событий и людей тех лет. При этом наше восприятие прошлого становится все более четким, осмысленным, легче поддается анализу, позволяя вычленять и на новом, более высоком уровне оценивать как отдельные события, так и роль отдельных людей. Мы все более отчетливо видим место этих людей в нашей жизни, в формировании таких качеств нашей личности, как профессионализм, гражданственность и патриотизм.

Особенно значительно влияние на нас наших учителей, в первую очередь на тех из нас, кто пошел той же стезей, т.е. стал учителем средней школы или преподавателем техникума или вуза. В этом случае личность учителя повлияла не только на личностные, но и на профессиональные качества.

Таких учителей у нас было немало в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова последней трети прошлого века, периода его становления и развития. То есть того времени, когда мы были студентами, а потом аспирантами и молодыми преподавателями. Для развития исторического образования в Чувашии это был своеобразный «золотой век». На историческом отделении историко-филологического факультета тогда работала целая плеяда ученых и замечательных педагогов: П.В. Денисов, В.Ф. Каховский, В.Д. Димитриев, И.Д. Кузнецов, Д.Д. Шуверов, Е.Г. Беляев, Д.М. Макаров, Г.А. Варюхин, А.И. Лявкин, А.А. Загидуллин, И.С. Вайнер и целый ряд других преподавателей, в том числе и с общеуниверситетских кафедр (Н.И. Семенов, Э.З. Феизов, М.В. Румянцев, А.И. Калинин и т.д.).

Все они оставили значительный след в нашей жизни, профессиональном и личностном росте. Но совершенно особое место среди них занимал доктор исторических наук, профессор Пётр Владимирович Денисов. Мы оба, и Владимир Данилович, и я испытали большое влияние его личности на наше становление. При этом судьба сложилась так, что мы стали коллегами. Долгое время не только работали, но и дружили, несмотря на разницу в возрасте. Раньше мы как-то не задумывались, почему такие отношения сложились именно с П.В. Денисовым и его семьей. Что нас, сначала студентов, потом молодых преподавателей, привлекало в нем?

Сейчас же, по истечению времени, мы отчетливо видим как, какими методами, приемами, какими чертами своего характера и мировоззрения он повлиял на нас, что пробудил в наших молодых душах, какой потенциал заложил в нашем личностном воспитании и развитии. Что нам в жизни дало общение с этим замечательным человеком.

В 60–70-е годы XX в. П.В. Денисов читал нам, студентам историкам, общие курсы по этнологии и историографии, а также спецкурсы по этнографии народов СССР и Среднего Поволжья. Выпускник Казанского университета, крупный учёный исследователь, он обладал поистине энциклопедическими знаниями, которыми щедро делился со своими учениками. Каждая его лекция была событием, была по существу публичной, т.е. рассчитанной на широкую аудиторию.

Достигалось это рядом факторов. Во-первых, широтой и глубиной анализируемого материала, он одинаково хорошо знал не только историю и смежные вспомогательные исторические дисциплины, но также литературу и искусство. Во-вторых, манерой преподнесения материала. Он зачастую перешагивал за рамки учебной программы. Полет фантазии уносил его то в глубины прошлого, то возвращал в современность. Он умел создавать яркие образы культуры и быта разных народов. Преподносил их так эмоционально и заразительно, что сразу же увлекал в мир научных загадок и открытий. Он не стеснялся перед нами, первокурсниками, изобразить бушмена, вышедшего на охоту и замершего перед выстрелом из лука по цели. Аудитория затихала в такой момент, и созданная учителем образная картинка надолго сохранялась в нашей памяти.

В тоже время его лекции открывали грандиозную панораму человеческих знаний, истории, культуры, показывали сложный и нередко трагичный путь постижения истины, давали примеры служения науке. Это особенно важно было на младших курсах, когда стояла задача завлечь в мир истории, побудить интерес к изучаемому предмету, а также к самостоятельному поиску решения поставленной проблемы, как в популярной литературе, так и в научных монографиях и журнальных публикациях. На лекциях он постоянно приводил яркие примеры, необычные факты, добавляя в какой книжной или журнальной новинке они содержатся. Поэтому нередко после его лекции увлеченные студенты шли в библиотеку в поисках рекомендованной профессором литературы, потом зачитывались ею. Иногда именно это определяло их последующие научные интересы.

Его лекции на старших курсах становились строго научными, в них усиливался элемент исследования. На наших глазах делались открытия, рождались новые теории, критически анализировались старые, раскрывались загадки истории. Нас особенно привлекало, что П.В. Денисов был лично знаком с целым рядом выдающихся ученых историков, этнографов, чьи теории мы разбирали, по чьим учебникам учились в вузе, чьи монографии читали и реферировали.

Он имел научные и личные дружеские отношения с такими учёными, как С.А. Токарев, Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев, О.Ю. Шмидт, Н.И. Воробьёв, Р.Ф. Итс, Н.В. Зорин, Е.П. Бусыгин, А.С. Шофман, с многочисленными коллегами из соседних с Чувашией республик и областей. И все они

нередко становились персонажами лекций П.В. Денисова. Он по памяти приводил отрывки из их работ, излагал перипетии научных дискуссий с конференций и защит диссертаций. Давал личностные характеристики тем, о ком мы только слышали и читали. После его рассказов о личных встречах и переписке с известным историком Л.Н. Гумилевым многие из нашей студенческой группы заинтересовались его научным творчеством, стали поклонниками теории «пассионарности». Многих впечатлила нелегкая судьба Льва Гумилева. А вслед за этим заинтересовались поэтическим творчеством его родителей – Анны Ахматовой и Николая Гумилева, а потом уже и других представителей серебряного века русской литературы.

На практических и семинарских занятиях, особенно по историографии, П.В. Денисов ставил целью отработку навыков, научной методики в избранной области. По данному курсу они предполагали разбор работ крупнейших представителей отечественной исторической мысли. Подобная работа была не всем студентам по плечу. Профессор П.В. Денисов прекрасно понимал это и очень снисходительно относился к попыткам ряда студентов облегчить свою участь заимствованием материала у своих успешных сокурсников. Он нередко закрывал на это глаза. В тоже время он любил постоянно подчеркивать, что хотя не все из нас, а только немногие будут учёными исследователями, но каждый получающий университетское образование должен почувствовать на себе влияние настоящей научной работы, понять хотя бы, что это такое. Без этого какое же университетское образование может быть, повторял он.

Дальнейшее освоение методики научного исследования осуществлялось в спецкурсах и спецсеминарах по этнографии народов СССР и мира, этнографии Поволжья и Приуралья, которые профессор постоянно менял. Так, например, после завершения исследования и издания книги «Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей» он прочитал одноименный спецкурс на историческом факультете. При этом спецкурс был таким популярным, что его посещали не только специализирующиеся по этнографии, но и студенты других специализаций, не смотря на то, что им приходилось пропускать свои занятия. А в то время с дисциплиной было достаточно строго. Все студенты, успешно освоившие материал спецкурса, лично из рук профессора получили названную книгу с автографом автора. Для студентов не было выше похвалы, чем получить такой подарок из рук профессора. Этот ценный дар и по сей день хранится в нашей библиотеке, как и в библиотеках наших сокурсников как память об учителе, так уважающем своих учеников.

Профессор П.В. Денисов не был только кабинетным учёным. Ежегодно он организовывал этнографические экспедиции, где студенты историки в полевых условиях осваивали основные методы сбора и анализа этнологического материала, а собранные в ходе учебной практики коллекции пополняли этнографический музей при историческом факультете.

П.В. Денисов был инициатором и организатором учебного этнографического музея, в котором студенты наглядно познакомились с этнографией народов Среднего Поволжья и Приуралья. Кстати этот музей носит имя профессора П.В. Денисова. Совместно с местными властями и краеведами под его руководством был создан Этнографический музей под открытым небом в поселке Ибреси. А сколько школьных музеев по всей Чувашии было создано учениками Петра Владимировича!

Являясь заведующим кафедрой истории СССР, а потом кафедры археологии, этнографии и региональной истории, он большое внимание уделял учебным практикам – этнографической, археологической, музейно-архивной, считая их важной формой учебного процесса, позволяющей закреплять теоретические знания, полученные на лекциях и семинарах, формировать умения и навыки настоящей исследовательской работы.

В полевых экспедициях, руководителем которых был он сам, возникла атмосфера сотрудничества профессоров, преподавателей и студентов, сопричастности к научному поиску. Общение на равных с учёными, профессорами создавало ощущение университетской корпоративности, как раз той гуманитарной среды, которая издавна высоко ценилась и культивировалась в отечественной высшей школе. Это равенство подкреплялись общим бытом, когда ели из одного котла, по очереди готовили завтраки и обеды. Нередко и студенты, и преподаватели жили в палатках, а спали в спальнях мешках. В этих непростых, особенно для городских студентов, условиях профессора учили нас готовить пищу на костре, разжигать сам костер, накрывать стол в походных условиях, сберечь продукты в летнее время при отсутствии холодильника. Такая же обстановка была характерна для археологических экспедиций под руководством профессора В.Ф. Каховского.

Однако такое тесное общение профессоров со студентами не порождало у нас панибратства, но формировало чувство единой университетской семьи. После полевой практики учебная группа возвращалась сплоченным коллективом со своими неформальными лидерами. Приобщение к родной культуре, традициям и обычаям в этих условиях и под таким квалифицированным руководством шло более успешно, чем в кабинетных условиях при теоретическом обучении.

П.В. Денисов был очень демократичен в общении. Со студентами даже младших курсов мог поздороваться за руку, что вызывало восхищение у мужской половины группы, они очень гордились этим «профессорским» рукопожатием. Он был достаточно либерален со студентами. Легко входил в их положение, понимал и прощал слабости и недостатки. Был очень великодушен. Я помню, как меня, молодого и очень строгого преподавателя, он увещевал, «мол, не могут все студенты знать все, что знаете вы. В этом нет необходимости. Возникнет потребность, выучат они

вашу историю древнего мира. Смотрите на все легче, спокойнее». Сейчас я понимаю, как он был прав.

Ещё в Педагогическом институте, где он работал до основания университета, с чьей-то легкой руки его стали называть «Ибн Фадланом». Студенты часто дают прозвища своим преподавателям. Кстати, нередко обидные. Однако не в этом случае. В этом же студенческом прозвище сквозило восхищение его учёностью, которая по нашему тогдашнему разумению была сродни той, средневековой прославленной восточной образованности, о которой так часто мы слышали на его лекциях. Творчество Ибн Фадлана, его наследие как исторический источник также были любимой темой нашего учителя.

Всем нам, его ученикам, а потом и коллегам, импонировала широта мышления, либеральный подход в оценке исторических явлений, как прошлого, так и современности. Тогда мы не задумывались о том, откуда это все берется, каковы причины подобных характеристик личности нашего учителя. Сейчас, имея за плечами более чем сорокалетний педагогический стаж, мы видим источники его взглядов.

В первую очередь это гуманитарная среда историко-филологического факультета Казанского университета, одного из старейших в стране, где и в советское время сохранялись традиции дореволюционной высшей школы.

Далее, это сам предмет его научных интересов – этнология. Успех в этой сфере не возможен без глубокого погружения в иные культуры, традиции, обычаи, без восприятия их как родных, без объективного, иногда даже несколько отстраненного рассмотрения элементов родной культуры. А это формировало не только научную честность, но и толерантное отношение к любому окружению.

Широта его мировоззрения питалась тесными связями профессора со своими коллегами по науке не только в СССР, но и в Болгарии, Венгрии и в других странах, где он бывал не в качестве туриста, а как исследователь, учёный.

Конечно, нельзя не назвать и такой фактор, как влияние большой семьи. Пётр Владимирович родился и воспитывался в многодетной крестьянской семье, поэтому традиции взаимопомощи, коллективизма, покровительства и поддержки младших со стороны старших он, как говорится, впитал с молоком матери. В его собственной семье, конечно, не такой большой, эти взаимоотношения культивировались постоянно. Его жена Розалия Тарасовна тоже была историком. Две дочери – Нарспи и Олеся – пошли по его стопам. Они получили прекрасное образование на исторических факультетах в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова и Ленинградском университете. Защитили диссертации по этнологии. Они живут и работают в вузах – старшая в Израиле,

младшая в США. Муж Олеси тоже учёный этнолог, профессор. Исторические традиции в семье Денисовых продолжает внук Петр, сын Нарспи Петровны. Он окончил Иерусалимский университет и аспирантуру. Сферой его научных интересов является библейская археология и ассирология.

Крупный учёный и педагог он создал целую школу чувашской этнологии, которая успешно занимается исследованием традиционной культуры и быта чувашского народа. Под его руководством и при его активном содействии около трех десятков молодых специалистов защитили кандидатские и докторские диссертации. На современном историко-географическом факультете университета в подавляющем большинстве работают ученики П.В. Денисова. Немало их и в других вузах не только Чувашии, но и сопредельных регионов. Пожалуй, трудно найти школу в Чувашской Республике, где бы ни работали учителя, испытывавшие на себе гуманистическое воздействие Учителя.

Какое значение для современного образования имеет наш опыт и опыт наших учителей? Что из него особо востребовано в настоящих условиях? Что с нашей точки зрения должно являться краеугольным камнем нынешнего опыта образования в России? Задавая сейчас себе такие вопросы, мы все более отчетливо видим, что это опять та же гуманитарная среда, которая через наших учителей воспитала нас, сформировала наши гражданские позиции, высокий научно-методический потенциал специалистов-профессионалов.

В настоящее время многие исследователи подчеркивают, что качество образования определяется не только количеством и качеством знаний, не только эффективностью деятельности, но и качеством личностного, духовного, гражданского развития специалиста, что и является одной из важнейших его общественных ценностей.

Этот акцент на развитие личности с высокой культурой, широкими гуманистическими воззрениями, нравственным потенциалом и развитой социальной ответственностью как никогда актуален сейчас, когда гуманитарное образование находится в состоянии кризиса, а студенчество в значительной степени ориентировано только на достижение личного материального успеха. В этих условиях наши вузы должны быть не только центром подготовки профессионалов, но и культурно-образовательным, культурно-нравственным пространством, где существует особая гуманитарная среда, созданы особые условия для развития личности студентов, вовлечения их в культурный, творческий процесс, побуждающий их приобщаться к культурному потенциалу, выработанному человечеством. Тем более это актуально для классических университетов, которые всегда были центрами культуры, источниками гуманитарных идей и знаний, нравственного и гражданского воспитания. Обращение к историческому

опыту отечественного высшего образования, к опыту наших учителей подтверждает это.

Сегодня мы со всей определенностью можем сказать, что особое место в создании и успешном влиянии этой гуманитарной среды на личность студента, будущего специалиста отводится личности вузовского преподавателя, педагога. От того, насколько он профессионален в своем деле, культурно образован, духовно и нравственно богат, зависит успех этого сложного процесса социализации будущего специалиста. Во многом именно личность педагога является тем мотивационным фактором, который побуждает молодого человека к активной деятельности, общению, развитию новых способностей и умений. Поэтому таким высоким должен быть уровень требований к преподавателю высшей школы. Говоря обобщенно, он должен быть интеллигентом. А сама интеллигентность должна стать ведущей чертой его личности. Сейчас мы со всем основанием можем сказать, что именно таким был П.В. Денисов.

Кто такой интеллигент? Это человек классически образованный, приверженный справедливости, гуманист по своим моральным установкам и убеждениям, имеющий свою точку зрения, но, главное, это тот, кто благороден в своих поступках. На этой последней составляющей настаивал известный отечественный мыслитель А.Ф. Лосев, определяя понятие интеллигента и интеллигентности. Он подчеркивал, что интеллигентность проявляется в первую очередь в поступках, которые направлены в интересах человеческого и общечеловеческого благоденствия. Таким образом, интеллигентность деятельностна, а не созерцательна, о ней судят по поступкам. Можно привести массу примеров из жизни нашего учителя. Так мы, например, на учёбу и защиту диссертаций в Москву уезжали с рекомендательными письмами Петра Владимировича. И эта его забота о коллегах распространялась не только на его ближайший круг историков, но, как мы знаем это сейчас, на все университетское сообщество. Так в аспирантуру в Казань преподаватель кафедры русского языка университета А.П. Алексеева тоже поехала с его рекомендательными письмами. Он прописал на свою личную жилищную площадь бывшего выпускника исторического факультета, ныне доктора наук, профессора Л.А. Тайматова, когда у того возникли соответствующие проблемы с поступлением в аспирантуру. А сколько он помогал с организацией консультаций у лучших специалистов-медиков для родителей и родственников. Словом, ни одну просьбу, обращенную к нему, не оставлял без внимания и решения. Таким он был, наш Учитель.

Нам повезло жить и работать с таким человеком. Мы на себе испытали благотворное воздействие личности нашего Учителя – Петра Владимировича Денисова, и постарались в своей образовательной деятельности передать его своим ученикам. Как у нас это получилось, судить уже не нам.

Демидова Ида Ивановна
Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

СЛОВО И ДЕЛО В НАСЛЕДИИ П.В. ДЕНИСОВА

Аннотация: в воспоминаниях выделяется вклад П.В. Денисова в подготовку профессиональных кадров ученых-этнографов, содержатся уникальные сведения о роли Петра Владимировича в организации и формировании фондов Учебного этнографического музея – в настоящее время Археолого-этнографического музея имени Петра Владимировича Денисова межкафедральной лаборатории историко-географического факультета Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

Ключевые слова: Иакинф Бичурин, научное наследие, учебный этнографический музей, учебные этнографические практики.

Ida Ivanovna Demidova
I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary

WORD AND DEEDS IN THE LEGACY OF P.V. DENISOV

Abstract: this memoir highlights P.V. Denisov's contribution to the training of a professional cadre of scholarly ethnographers and offers new information regarding Petr Vladimirovich's role in the organization and formation of the Ethnographic Teaching Collection of the P.V. Denisov Museum of Archeology and Ethnography, part of the Interdepartmental Laboratory of the I.N. Ulyanov Chuvash State University School of History and Geography.

Keywords: Iakinf Bichurin, scientific heritage, ethnographic teaching museum, educational ethnographic practitioners.

Вынесенное в заглавие словосочетание «слово и дело» содержит неравнозначные по своему смыслу термины, но они часто оказываются взаимосвязанными, необходимыми для объективной оценки определенного исторического момента. В данном конкретном случае употребленное выражение использовано нами при обращении к имени Петра Владимировича Денисова, учёного, чье имя вписано в число значимых деятелей России, лучших представителей чувашского народа. Сам Петр Владимирович, как глубоко мыслящий человек, понимал значимость слова не только в процессе общения, но и, как учёный, ценил силу слова в получении истины, конкретных результатов в осуществлении научного поиска. Нельзя считать случайным, малообдуманном его решение озвучить свой

фундаментальный труд, посвященный 230-летию со дня рождения выдающегося учёного – востоковеда, основоположника российского китаеведения, как «Слово о монахе Иакинфе Бичурине» [1].

П.В. Денисов, обладая особым даром восприятия далекого прошлого, людей разных исторических эпох, находил слова для приближения читателя к отдаленному от него времени и его представителям. «Это был человек недюжинных способностей и трудолюбия, оригинальная, светлая личность со страстным и твердым характером. Прогрессивные деятели науки и культуры признавали в нём блестящего, талантливого учёного, отдавшего всю свою жизнь без остатка научным изысканиям. Самыми верными для него друзьями были книги, с которыми он не расставался никогда. Главным содержанием его жизни был труд – самая необходимая и естественная основа творческой деятельности. Служение науке – его стезя, его призвание» – пишет исследователь, П.В. Денисов о монахе Иакинфе Бичурине, учёном из далекой от нас эпохи [1; 5]. Всего несколько сказанных строк о нём и образ, сущность, судьба этого человека вызывают желание, неподдельный интерес знать о нём все. Таким даром слова обладал учёный П.В. Денисов [1]. Нельзя считать случайностью, что его труд «Слово о монахе Иакинфе Бичурине» на Всероссийском конкурсе Ассоциации книгоиздателей России (г. Санкт-Петербург. 2008 г.) была признана лауреатом в номинации «Диалог со временем» среди представленных 830 изданий и пополнила число «Лучших книг года» [2, с. 40]. С такой оценкой трудно не согласиться. Лично я и моя семья гордимся тем, что экземпляр этого капитального исследования учёного, с его личной, свойственной ему каллиграфической подписью, подарен нам, что позволяет всякий раз при обращении к этому уникальному труду восхищаться звучанием слова учёного.

Слово учёного было обращено к огромному числу людей, высоко им оцененных. Общие интересы сближали его с виднейшими представителями интеллигенции Чувашии, учёными страны и за её пределами. Его суждения о значимости, результативности проведённого авторами исследования носили объективный, доброжелательный характер. В научном наследии П.В. Денисова десятки авторских исследований, слово учёного о которых обогащало научную мысль, способствовало приумножению научного, человеческого потенциала как в Чувашии, так и далеко за её пределами. П.В. Денисов был одним из признанных ученых сообщества этнографов, включавшего в себя имена таких ученых, как Н.И. Воробьёв, Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин, Р.Г. Кузеев, Н.Ф. Мокшин и др.

Его «Слово» относилось к огромному числу людей, общавшихся с ним, получавшим от него поддержку в подготовке и издании авторских работ в период его заведования редакцией Чувашского государственного издательства. В списке опубликованных работ П.В. Денисова назван це-

льный ряд фамилий ученых, к которым обращено слово учёного с признанием, прежде всего, их научной значимости. Это имена ученых В.Д. Дмитриева, И.Д. Кузнецова, В.Ф. Каховского, Е.П. Бусыгина, Н.В. Зорина, Н.И. Воробьева, Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского, В.К. Магницкого, Н. Охотникова и многих других, вписавших свое слово в историю Чувашии, страницы прошлого о проживавших на её земле чувашского, русского, марийского, татарского и других народов. Обращенное к этим людям, их научному наследию, жизни, взглядах, успехах, проблемам оно заставляет восхищаться, задумываться, но, однозначно, не оставаться равнодушным, безразличным. В словах учёного П.В. Денисова, в первую очередь, подчеркивалась значимость человека, его достоинства, не боясь встретить возражение, несогласие с высказанным им мнением. Примером такой позиции П.В. Денисова может служить его слово – мнение об И.Д. Кузнецове, учёном, человеке, пережившего репрессии 30–40-е гг. XX столетия. «Известно, что могут быть молодые старики и дряхлые юноши. Он относится к первым. Жизнь его была далеко не легкой, а чрезвычайно сложной и довольно противоречивой, но, обладая железным упорством к труду и большими способностями, он добивался многого... Проходят годы, но Иван Данилович Кузнецов всегда с нами, ибо такого человека забыть просто невозможно. Благодаря подобным людям сохраняется наша история» [3, с. 42–43]. При оценке его значимости он употреблял такие выражения, как «неутомимый учёный», «труженик науки».

Научное наследие П.В. Денисова невозможно изучать вне связи между словом, им воспроизведенном в многочисленных научных трудах, и словом, к которому он обращался в процессе преподавания научных дисциплин (этнографии, историографии), спецкурсов, на практических занятиях, семинарах, которому он учил будущих специалистов. В статье ученых Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и госслужбы при Президенте Российской Федерации справедливо, с сожалением, подчеркивается факт отсутствия специальных исследований о педагогической деятельности учёного, профессора классического учебного заведения – Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова [4, с. 19]. Озвучивание этой проблемы вполне уместно и справедливо. Несомненно, что такое пожелание ученых будет с благодарностью воспринято в научном сообществе и получит исчерпывающее решение. Подготовленная к изданию данная статья в небольшой мере восполнит обозначенный пробел в изучении наследия Педагога с большой буквы – П.В. Денисова.

Возвращаясь к обозначенному нами вопросу «Слово учёного», хотелось бышний раз подчеркнуть сильное его влияние на тех, к кому оно было обращено в устном выражении. В отличие от коллег кафедры «История СССР», проводивших занятия по своей дисциплине, мне приходилось в течении ряда лет заниматься вопросами, относящимися к организации «Учебного этнографического музея» при кафедре. Осознавая

целесообразность, необходимость в углублении знаний по этнографии, истории, историографии, понимая большую ответственность в работе со студентами, привлекаемых к разным видам участия в создаваемом музее, я слушала читаемые им курсы лекций по этнографии, историографии, посещала практические занятия по этим дисциплинам, принимая участие в подготовке необходимого материала для их проведения. Глубокое, научное содержание доносимого им аудитории слова, его раскованность, независимость от подготовленных им письменных текстов лекций – все это вызывало у присутствовавших на его занятиях будущих ученых историков, этнографов, учителей-историков чувство благодарности, уважения к учёному. Иногда это подтверждалось отсутствием свободных мест в учебных аудиториях, где он читал лекции, иногда – прерыванием его слова рукоплесканием, и, конечно, многочисленными вопросами, задаваемые ему после завершения лекции. На практических занятиях, спецкурсах Пётр Владимирович был терпелив, не торопил докладчиков, внимательно выслушивал каждого и делал себе пометку в тех случаях, когда выступающий вызывал в нём какой – то научный интерес. Таких «выпестованных» им ученых было немало. На современном этапе уверенно заявляют о себе, как учёные, И.И. Бойко, Ю.В. Гусаров, О.В. Егорова, Г.А. Николаев, Л.А. Таймасов и многие, многие другие, испытавшие положительное влияние талантливого учёного П.В. Денисова, и, несомненно, благодарны П.В. Денисову за тот вклад, который они получили от него в своем научном становлении.

Изучение наследия учёного П.В. Денисова показывает, что его научное слово было высоко оценено как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Уникальность учёного П.В. Денисова состоит в том, что он был не только историком, глубоким исследователем, объективно, всесторонне раскрывающим ход исторического процесса. При обращении к имени учёного используется словосочетание: историк – этнограф, что нельзя считать случайным и следует признать вполне справедливым. Для исследователей, изучавших историю конкретных народов, важно не только глубокое, научное осмысление, понимание характера протекавших в народной среде общих исторических процессов, но и сам конкретный народ во всех его жизненных проявлениях: в хозяйственной деятельности, речевом общении, изготавливаемой и носимой одежде, применяемых в его хозяйственной деятельности орудий труда, проведении праздников и многом другом, в чем нуждаются люди.

Заявив о себе достаточно весомо как учёный, понимая как историк быстротечность времени, влияние современных процессов на традиционные устои в жизни разных народов, осознавая необходимость усиления внимания к неизученным и малоизученным страницам их прошлого, П.В. Денисов стал задумываться о реализации уже давно присутствующей

шей в его планах как этнографа мечты – создать «Учебный этнографический музей» с целью сохранения самобытного, традиционного уклада проживающих в Чувашии народов: чувашей, русских, татар, мордвы и др. Следует заметить, что страницы в жизни учёного, относящиеся к истории создания и функционирования «Учебного этнографического музея» в настоящее время на историческом, а ранее историко-филологическом факультете, не стали предметом всестороннего изучения этого вопроса. Пётр Владимирович, в силу своей скромности, большой занятости в учебном процессе, не оставил никаких оценок своей роли по осуществлению задуманного им, желаемого дела. К сожалению, и в научных публикациях этой конкретной проблеме, имеющей прямое отношение не только к учёному, но и к истории создания, деятельности Чувашского университета, уделено мало внимания. В знак моего глубочайшего уважения к П.В. Денисову, как талантливому учёному – историку, этнографу, осознавая большую, возложенную на меня по приказу ответственность по организации учебного музея, я с большим желанием, неподдельным интересом включилась в созидательную сферу деятельности по созданию «Учебного музея».

Озвученное мною название статьи «Слово и дело в наследии П.В. Денисова» обязывает обратиться к достаточно отдаленному этапу в жизни учёного и оценить не только его весомое научное «Слово», но и его «Дело», к которому я оказалась причастной. О намерениях учёного П.В. Денисова мне стало известно в 1966 г., когда я сдавала ему экзамен по истории СССР, являясь студенткой историко-филологического факультета заочной формы обучения, по специальности «История», Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева. К этому времени, имея уже на руках диплом об окончании Горьковского педагогического института им. М. Горького» по специальности «Преподаватель педагогики и психологии», я работала в школе г. Чебоксары. Мои знания по истории учёный П.В. Денисов оценил высоко и даже посоветовал после завершения учебы, получения диплома историка, продолжить подготовку на уровне обучения в аспирантуре и перейти на работу в вузе. Его высказанное мнение о ближайшей перспективе, характере моей трудовой деятельности после получения диплома историка в дальнейшем получило реальное воплощение.

В общении с ним я уловила его беспокойство по поводу исчезновения традиционности в жизненном укладе проживающих на территории Чувашии народов. В своем напутствии ко мне как педагогу и в скором времени историку он пожелал, чтобы в процессе преподавания истории мое слово было направлено на формирование у обучающихся интереса к историческому прошлому, уважения к культуре всех народов, независимо от их национальной принадлежности. Это пожелание учёного стало одной из заповедей, которая оказалась через какое-то время реализованной в

моей жизни. Совету П.В. Денисова в мой адрес как учёного суждено было сбыться. Это стало возможным в связи с открытием в 1967 г. в Чебоксарах Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, 50-летие деятельности которого было отмечено в начале 2017 учебного года.

Одной из первых структур в новом вузе была кафедра «История СССР» в составе историко-филологического факультета, которую возглавлял профессор И.Д. Кузнецов. В числе первых преподавателей кафедры были учёные высокого профессионального уровня: Д.М. Макаров, В.Д. Димитриев, Т.С. Сергеев, Г.А. Варюхин, В.Л. Кузьмин и, конечно, П.В. Денисов, к тому времени один из немногих в Чувашии историков – этнографов.

К моему приятному удивлению, вскоре мне было предложено работать на этой кафедре. В моей трудовой книжке появилась запись, относящаяся к началу 1968 г.: «Зачислена на должность ассистента кафедры истории СССР, с возложением обязанности по организации этнографического музея». Можно считать, что эта дата явилась началом практической реализации мечты учёного-этнографа П.В. Денисова, его «Делом». Решением Учёного совета факультета под музей была выделена 405-я аудитория, в которой он находился вплоть до перемещения в выстроенный новый университетский корпус, где он продолжает функционировать до настоящего времени.

Мне как ответственному лицу за это дело на начальном этапе приходилось постигать многое, чтобы создаваемая структура отвечала её назначению. Нужна была специальная документация (анкеты, журналы и др.) для оформления уже поступающих от разных лиц, на начальном этапе от студентов, преподавателей этнографических материалов, необходимо было создать доступные для кафедры условия их хранения и т. д.

Следует подчеркнуть, что на организационном этапе участие Петра Владимировича оказывалось крайне необходимым. Ни один вопрос, возникавший в процессе создания музея, не решался без его участия. Он реагировал буквально на все, что требовало решения, его личного участия. Как учёный, работая преподавателем в Педагогическом институте, он был известен, уважаем в различных общественных структурах, как крупный историк, с мнением которого считались. Его обращение к конкретным людям, которые в чем-то могли оказаться полезными в решении обозначенной на кафедре проблемы по созданию музея, находили понимание и поддержку в конкретных делах. В качестве примера можно привести положительную реакцию заведующей «Краеведческого музея» г. Чебоксары А.С. Зерняевой, которая по просьбе обратившегося к ней Петра Владимировича дала много ценных рекомендаций по оформлению музейной документации, сохранению экспонатов, заполнению анкет, фиксирую-

щих приобретенные материалы и др. По образцу предоставленных ему видов документов типография университета в короткие сроки выполнила наш заказ.

Вспоминается, как непросто решался вопрос с изготовлением специальной музейной мебели для экспозиции экспонатов, их хранения. Личное знакомство Петра Владимировича с директором Художественного фонда г. Чебоксары А.Д. Демидовым, уважительное отношение последнего к учёному, поспособствовали тому, что были разработаны сложные чертежи мебели, важной для музея (витрины, стенды, планшеты и др.). Дальнейшее решение вопроса по изготовлению мебели опять не обошлось без участия Петра Владимировича. С этой просьбой он обратился к секретарю Райкома Марпосадского района, У.И. Иванову, лично его знакомому и к тому же являвшегося соискателем кафедры у проф. И.Д. Кузнецова. Это непростое дело, опять-таки без особых финансовых затрат, в короткие сроки было доведено до конца. Своими силами, привлекая студентов, технических сотрудников изготовленная для музея мебель была подготовлена для экспозиции этнографического материала: собрана, установлена, застеклена. Приходит на память случай, как в одной из производственных структур, ателье по пошиву одежды, наше дело по организации музея нашло понимание и реальную поддержку. Его директор, узнав, для какой цели нам нужны манекены, удовлетворил нашу просьбу, не потребовав никаких финансовых затрат.

С решением многих организационных вопросов, отведенная под музей 405-я аудитория постепенно все больше стала отвечать своему назначению как «Учебному музею». Читаемый П.В. Денисовым учебный курс по этнографии, практические занятия по этой дисциплине, слушание и обсуждение студенческих научных сообщений по различным проблемам этнографической научной отрасли, встречи с учёными историками, этнографами – эти и другие, на первом этапе пока ещё скромные, сдержанные формы функционирования создаваемой структуры проходили, несомненно, с участием П.В. Денисова и вызывали большой интерес. Не было ни одного учебного дня, чтобы он не заглянул в аудиторию под номером 405. Он радовался, когда замечал даже незначительное пополнение выставочного материала, обращая внимание на необходимость строгой фиксации характеристик экспонатов: название, данные о владельце, назначение, способ изготовления и другие характеристики.

Пополнение этнографического материала являлось предметом его особого внимания. Он искренне радовался, когда ему сообщали о поступлениях, даже единичных, экспонатов со стороны студентов, преподавателей, отдельных граждан, давал оценку появившимся на стендах подборкам этнографических материалов тематического характера: одежды, вышивок, украшений, посуды, простейших орудий труда и др.

Основным источником пополнения в созданном музее этнографического материала являлись, конечно, учебные этнографические практики, среди этнографов называемые как «этнографическими экспедициями». В наследии П.В. Денисова как крупного учёного, этнографа, содержится огромный пласт наработанного им практического опыта по выявлению, сбору, оформлению добытого в ходе этнографических экспедиций материала. К этому виду в своей профессиональной деятельности как учёный-этнограф, он относился очень серьезно. Понимая роль экспедиционной работы как в образовательном, так и воспитательном процессе будущих специалистов, он заранее, обдумывал до мелочей все содержание этого вида учебного процесса. Авторитет как учёного был настолько высок, что обращение его к местному руководству всегда находило понимание и поддерживалось всем необходимым для успешного осуществления этой работы: предоставлением места проживания, при необходимости – транспортом, организацией питания и т.д. Участвуя вместе с ним в их проведении, я училась у него многому. П.В. Денисов умел располагать к себе людей, владеющих уже ставшими музейной редкостью предметами, и с которыми они даже могли добровольно расстаться в знак уважения к нему. Неподдельный, искренний интерес проявлялся в нем, когда он видел у владельцев редкие, сохранившиеся, исключительного мастерства рукотворчества предметы народных умельцев. Его демократическая, уважительная манера общения с людьми положительно влияла на поведение студентов, результаты проводимых экспедиций. Из них мы возвращались не с пустыми руками, число музейных экспонатов с каждым годом росло.

Оценивая высоко многогранную, плодотворную, научную деятельность П.В. Денисова как историка, этнографа по выявлению, сохранению национального наследия проживающих на территории Чувашии многочисленных народов: чувашей, русских, татар, марийцев, мордвы и др.

Мне хочется особо подчеркнуть его замечательное качество, как учёного высокого профессионального уровня – его заботу о пополнении рядов исследователей. Сам он в этом отношении проявлял большую активность уже в процессе осуществления учебного процесса на историческом факультете. Как историк, этнограф, он замечал среди студентов проявление особого интереса к судьбам людей, их истории и старался поддерживать, усилить их желание к осуществлению, более глубокому изучению жизни людей. В подтверждении сказанного следует привести информацию о том, что среди ученых Чувашии весомо заявляют учёные, в том числе и этнографы, испытавшие на себе его положительное влияние. Имена Л.А. Таймасова, Ю.В. Гусарова, О.В. Егоровой, Д.В. Егорова и других ученых Чувашии, которые работали на кафедре, за её пределами, выполняя под его руководством научные исследования по различным этнографическим проблемам, дополнили число весомых ученых-этнографов. Для подтверждения значимости П.В. Денисова приведу ещё одно

мнение о нём этнографа, учёного Казанского федерального университета, профессора Г.Р. Столяровой: «Этнографическая деятельность П.В. Денисова – особая тема. Безусловно, это фигура мирового масштаба, к его творчеству ещё будут обращаться поколения и поколения ученых... Я полагаю, что и жизнь, и научное творчество Петра Владимировича ожидают своего биографа, и это будет очень благодарный труд, результатом которого станет поучительное и захватывающее жизнеописание» [5, с. 45].

Литература

1. Денисов П.В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. – 2-е изд., доп. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. – 335 с.
2. Петров Н.А. Пётр Владимирович Денисов (85 лет со дня рождения) / Н.А. Петров, О.Г. Вязова // Чуваши: этнические связи и этнокультурные параллели: Сб. материалов Межрегион. научн.-практ. конф., посв. 85-летию со дня рождения П.В. Денисова (Чебоксары, 12 сентября 2013 г.). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. – 268 с.
3. Денисов П.В. И.Д. Кузнецов – неумолимый учёный, труженик исторической науки // И.Д. Кузнецов – учёный, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века: Сб. ст. Всерос. науч. конф. историков (Чебоксары, 15–16 июня 2006 г.). – М., 2006. – С. 42–46.
4. Данилова А.П. Педагогическая деятельность профессора П.В. Денисова в контексте формирования гуманитарной среды классического университета / А.П. Данилова, В.Д. Данилов, А.Н. Ефимова // Чуваши: этнические связи и этнокультурные параллели: Сб. мат. Межрег. научн.-практ. конф., посв. 85-летию со дня рождения П.В. Денисова (Чебоксары, 12 сентября 2013 г.). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. – С. 17–26.
5. Столярова Г.Р. Слово благодарности человеку и учёному // Чуваши: этнические связи и этнокультурные параллели: Сб. мат. Межрег. научн.-практ. конф., посв. 85-летию со дня рождения П.В. Денисова (Чебоксары, 12 сентября 2013 г.). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. – С. 42–45.

Ефимов Лев Архипович

Чувашский государственный
педагогический университет имени И.Я. Яковлева
вице-президент Чувашской народной
академии наук и искусств
г. Чебоксары

РЕВНОСТНЫЙ СТОРОННИК ВОЗРОЖДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ЧУВАШСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ (К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА П.В. ДЕНИСОВА)

Аннотация: в статье автором приводятся воспоминания о профессоре П.В. Денисове, внесшем значительный вклад в возрождение национальной культуры и исторического краеведения в Чувашской Республике.

Ключевые слова: П.В. Денисов, вступительные экзамены, историк-этнограф, региональная история, историческое краеведение, научное наследие.

Efimov Lev Arkhipovich

I.Y. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University
Vice-President of the Chuvash
National Academy of Sciences and Arts
Cheboksary

**AN ARDENT SUPPORTER OF THE NATIONAL REVIVAL
OF CHUVASH CULTURE AND LOCAL HISTORY
(IN HONOR OF THE 90TH ANNIVERSARY
OF THE BIRTH OF PROFESSOR P.V. DENISOV)**

Abstract: in the article the author shares his memories of Professor P.V. Denisov, who made a significant contribution to the revival of national culture and local history in the Chuvash Republic.

Keywords: P.V. Denisov, entrance exams, historian-ethnographer, regional history, local history, scientific heritage.

Моя первая встреча с профессором П.В. Денисовым состоялась в августе 1976 г., после завершения вступительных экзаменов на историческое отделение ИФФ ЧГУ им. И.Н. Ульянова. Устные экзамены завершились и нас, абитуриентов, собрали в аудиторию учебного корпуса «Е» на собеседование, которое проводилось с участием Петра Владимировича Денисова (полагаю, он тогда был председателем предметной комиссии). Профессор П.В. Денисов по одному приглашал нас в кабинет, задавал вопросы о работе, учебе. Я с ним лично до этого не был знаком. Результаты вступительных экзаменов у меня были хорошие: историю сдал на «5», английский язык – на «5», русский язык и литературу (устно) – на «4», сочинение написал на «4». Но где гарантия, что поступлю! Принимали на заочное отделение истфака две группы – 50 человек (все места – бюджетные), а конкурс был, если память не изменяет, 4–5 человек на 1 место. Поступала, в основном, молодежь в возрасте 25–40 лет. Среди абитуриентов самым старшим был А.С. Румянцев (50 лет). Я его особо запомнил с первых же занятий: начитанный, смело дискутировал с преподавателями на семинарах. Были и совсем юные, вчерашние школьники (Недвигина С.В., Прокопьев Ю.М. др.). Но большая часть составляла школьные работники, или – же выпускники училищ и техникумов. Получить высшее образование, тем более – историческое, в то время было престижно. Много было среди абитуриентов работников милиции. В то время в республиканских вузах юристов не готовили.

Проводившему с нами собеседование худощавому профессору на вид было около 50 лет. Тогда я не знал, что он занимает должность заведующего кафедрой всеобщей истории. Работал я учителем физкультуры в сельской школе, а за спиной были два курса учебы на инфаке и два года службы в рядах Советской Армии. Я осмелился задать ему вопрос: «Какковы у меня шансы поступить на исторический факультет?». Он, листая мое личное дело, отвечает: «У Вас баллы хорошие. Да и «верхи» рекомендуют брать в первую очередь шкрабов (школьных работников), не имеющих высшее образование». Я его поблагодарил и вышел с поднятой головой. А через несколько дней уже был приказ по вузу о зачислении, где значилась и моя фамилия.

Рис. 1. Фотография студентов ЗИФ-31-76 и ЗИФ-32-76 (П.В. Денисов в центре)

Рис. 2. Фотография студентов ЗИФ-31-76 и ЗИФ-32-76

В годы учебы мы сталкивались с профессором П.В. Денисовым и в коридорах, и в его кабинете – практически на каждом курсе. Он у нас читал дисциплины «историография», «этнография», под его руководством выполняли курсовые, дипломные работы. Он умело вовлекал студентов в научную работу. Волею судьбы, в ЧГПУ им. И.Я. Яковлева я второй десяток лет преподаю также дисциплину «историография», которую вёл наш Учитель. Пётр Владимирович участвовал в июне 1982 г. при вручении нам дипломов, после чего мы сфотографировались с преподавателями на память

После окончания вуза, работая в школе учителем физкультуры, истории и географии, плодотворно занимался историческим краеведением и спортивным туризмом, связь с преподавателями вуза не терял. За советами постоянно приходилось обращаться к Петру Владимировичу, который давал учителям республики методическую помощь, читал лекции по истории и культуре Чувашии курсантам Чувашского института усовершенствования учителей. В 1989 г. Министерство просвещения Чувашии ввело в учебную программу образовательных учреждений Чувашии предмет «История и культура родного края». А учебников и учебно-методических пособий не было, всё это приходилось разрабатывать нам самим.

Рис. 3. Участники Съезда краеведов Чувашии. В третьем ряду третий слева – профессор П.В. Денисов

В 1990 г. в Челябинске состоялся учредительный съезд краеведов России, председателем которого был избран академик РАО С.О. Шмидт.

В 1991 г. создан Союз краеведов Чувашии, становление и развитие которого происходило на наших глазах. В руководстве этим процессом активное участие принимал и П.В. Денисов. В 1990-е г. силами краеведов-энтузиастов всерьез началась разработка и издание региональной истории в Чувашии: писались истории населенных пунктов, сельских районов и районных энциклопедий. Мною также была подготовлена рукопись книги «История Аликовского района Чувашской Республики» (Историко-краеведческое исследование), рассчитанной для учащихся 5–11-х классов при изучении учебного курса «История и культура родного края». Печаталась она по Постановлению Малого Совета Аликовского районного Совета народных депутатов от 23 декабря 1992 г. и по заключению кафедры теории и методики общественных дисциплин Чувашского РИПКРНО от 12 апреля 1993 г. профессору П.В. Денисову было поручено рецензировать рукопись книги. Рецензент указал на актуальность и значимость проведённого мною исследования. При встрече, в качестве замечания по рукописи, он мне говорит: «Лев Архипович, сам видишь, идёт процесс возрождения национальной культуры, развития родного языка. Нынче стало «модно» печататься на чувашском языке. Перевел бы свое детище на материнский язык!».

Если честно, подобное предложение составило мне массу проблем в связи с отсутствием практики переводческой деятельности. Но с заданием своего наставника я вроде справился, и не плохо. В 1994 г. книга вышла на чувашском языке под названием «Элӗк ен» (Край Аликовский) тиражом в 2000 экз. и получила признание: я стал Лауреатом премии краеведов Чувашии им. М.П. Петрова (Тинехпи) 1994 г., а в 1995 г. мне, в числе первых шести краеведов, было присвоено почётное звание «Народный академик Чувашии». Я всерьез начал заниматься научной деятельностью, поступил в аспирантуру и был прикреплен к кафедре отечественной истории ЧГУ им. И.Н. Ульянова (научный руководитель – профессор Т.С. Сергеев). В годы учебы в аспирантуре мне огромную помощь в написании диссертационного исследования по теме «Системы просвещения нерусских народов и чувашские школы Поволжья и Приуралья последней трети XIX – начала XX века» оказали доктор исторических наук, профессор Т.С. Сергеев, В.Д. Димитриев, П.В. Денисов. Петр Владимирович, будучи специалистом в области истории религии и атеизма Чувашии, давал ценные советы по школьным учреждениям церковного ведомства, функционировавшим в национальном регионе. Будучи заместителем председателя диссертационного Совета, во время защиты он выступил с положительным отзывом на результаты исследования, за что ему безмерно благодарен.

Три года назад не стало великого труженика в науке профессора Петра Владимировича Денисова, оставившего богатое научное наследие. Но память об учёном, подготовившем сотни и тысячи историков-преподавателей для Чувашии, жива.

Минеева Елена Константиновна
Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

**ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПО ПРОБЛЕМЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ЧУВАШСКОГО ЭТНОСА:
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ УЧЁНОГО⁵⁵**

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с обзором исторического наследия ученых по изучению этногенеза чувашского народа: начало и дальнейшее развитие научного осмысления проблемы становления чувашей как самостоятельного этноса, в связи с чем называются исследователи, которые впервые проводили экспедиции по выявлению и накоплению первичной информации о чувашах, выдвигали теории о происхождении народа. Одним из крупных последователей учёного мира XX – начала XXI в. по проблеме происхождения чувашей является П.В. Денисов, имя которого известно и за рубежом. В статье дана краткая характеристика его вклада в науку.

Ключевые слова: история, этнология, этногенез, чуваша, чувашский народ, учёный, педагог, П.В. Денисов.

Elena Konstantinovna Mineeva
I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary

**A HISTORICAL LEGACY ON THE QUESTION
OF THE FORMATION OF THE CHUVASH ETHNOS:
SKETCHES TOWARD A PORTRAIT OF A SCHOLAR**

Abstract: the article discusses issues related to a review of the historical legacy of scholars studying the ethnogenesis of the Chuvash people: the origin and further development of a scientific understanding of the problem of the formation of the Chuvash as an independent ethnic group, in connection with the work of scholars who for the first time carried out expeditions for the identification and accumulation of primary information about the Chuvash and advanced theories about the origin of the people. One of the major figures in the academic world of the twentieth and early twenty first centuries on the problem of the origin of the Chuvash is P.V. Denisov, whose name is well known abroad. the article gives a brief description of his contributions to science.

Keywords: history, ethnology, ethnogenesis, Chuvash, Chuvash people, scientists, teacher, P.V. Denisov.

⁵⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кабинета Министров Чувашской Республики в рамках научного проекта №17-46-210691 p_a.

Сбор статистических и культурно-бытовых данных о чувашах начинается в России с XVIII столетия, особенно после организации Российской академией наук ряда экспедиций, участники которых сделали свои описания народов, в том числе и чувашей. Данные о чувашских поселениях и жилищах оставил в конце XVIII в. К.С. Милькович. Историк, этнограф В.П. Иванов справедливо предлагает рассматривать его очерк «О чувашах» в качестве источника по изучению этнической культуры [9, с. 8]. Первым настоящим исследователем этноса, по В.Д. Димитриеву, является выдающийся русский учёный – историк, этнограф и географ XVIII в. В.Н. Татищев, который проводил этнографические и лингвистические исследования в Волжско-Уральском регионе, на основании чего составил словари народов Поволжья и Приуралья [5, С. 13–14]. В отношении чувашского этногенеза отметим, что в своей «Истории Российской» он неоднократно подчеркивал преемственность чувашей от волжских болгар [15, с. 145, 267–270 и др.].

В XIX в. информация, отдельные сведения о курганах, могильниках и городищах на территории края увеличиваются за счет деятельности С.М. Михайлова, Н.И. Золотницкого, В.К. Магницкого, А.Н. Доброхотова. Один из первых этнографов чувашского этноса С.М. Михайлов считал чувашей выходцами из Южной Сибири, которые постепенно, особенно после монголо-татарских завоевательных походов, расселились на территории современной Чувашской Республики (ЧР), на которой ранее проживали марийцы и мордва [13, с. 127–132 и др.]. Большую просветительскую роль в XIX столетии играли вузы страны. Возникшее во второй половине XIX в. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете способствовало дальнейшему изучению чувашского народа. Учёные XVIII – начала XX в. А.А. Фукс, В.А. Сбоев, В.В. Бартольд, Н.М. Карамзин, М.Г. Худяков, Н.Я. Марр высказались за хазарское, буртасское, гуннское, финно-угорское, аварское, шумерское происхождение чувашей. Научное обоснование гипотезы В.Н. Татищева о непосредственной связи чувашского этноса с булгарами впервые дал Н.И. Ашмарин в 1902 г. в своей работе «Болгары и чувашаи» [1]. Изучая словарный состав чувашского языка, он обосновал теорию болгаро-чувашской языковой и этнической преемственности [6, с. 18]. Кроме того, он поднял и вопрос о разделении чувашей на этнографические группы, географически подробную локализацию которых дал Г.И. Комиссаров в очерке «Чуваши Казанского Заволжья» (1910) [10, с. 58.]. И.Н. Смирнов и М.П. Петров (Тинехли) в начале XX в. поддержали и развили теорию Н.И. Ашмарина [7]. Н.В. Никольский внес большую лепту в дальнейшее исследование чувашского народа. В частности, в его трудах по этнографии этноса впервые были опубликованы сведения о расселении чувашей не только на территории края, но и в различных губерниях Российской империи [11, с. 58–59]. Обобщение собранных им данных продолжило изучение вопроса о происхождении

народа. Фактически, Н.И. Ашмарин и Н.В. Никольский положили начало научному чувашеведению.

Изучение этносов в 1920-е г. не противоречило партийно-государственному курсу советской страны. Потребность в поднятии уровня развития слаборазвитых в большинстве нерусских народов во благо сохранения социалистического государства требовала поддержки этносов. В итоге этнографические отделы, археологические общества, экспедиции приступают к сравнительно активному сбору материала по истории, культуре и чувашского народа. Сразу после образования Чувашской автономной области (ЧАО) в голодный для Поволжья 1921 год Отдел народного образования чувашской автономии подготовил первую археологическую экспедицию под руководством профессора В.Ф. Смолина [12, с. 16]. Начинается изучение не только территории самой Чувашии, но и диаспорных групп этноса. Например, этнографический отдел Саратовского общества археологии, истории и этнографии под руководством профессора Саратовского университета Б.М. Соколова провел обследование национальностей Саратовского края, в том числе и чувашей [8, с. 13].

Изменившаяся в 1930-е г. партийно-государственная идеология, нацеленная на формирование единой наднациональной общности, советского народа, несколько приостановила исследование вопросов формирования и развития национальной государственности этносов. Лишь со второй половины 50-х г. XX в. начинается следующий этап активизации проблемы, ставший необходимой базой для исследователей 1990-х г. Н.И. Воробьёв, А.П. Ковалевский, А.П. Смирнов, Б.А. Серебренников, Н.А. Андреев, В.Д. Димитриев, П.В. Денисов в целом реабилитировали теорию И.Н. Смирнова и Н.И. Ашмарина. После распада СССР и «парада суверенитетов» практически во всех регионах России, особенно в национальных субъектах федерации, закономерно резко возрос интерес к краеведению. Освободившись от обязательных идеологических штампов, ограничивавших объективность исследований, историческая литература 90-х г. XX – начала XXI в. получила возможность обобщить накопленный исследовательский материал и выявить истинных ученых, внесших неопределимый вклад не только в науку, но и в воспитание подрастающего поколения с точки зрения патриотизма и любви как к большой, так и к малой родине.

И.Д. Кузнецов, В.Д. Димитриев, В.Ф. Каховский [14] и П.В. Денисов – историки Чувашии, которых по праву следует отнести к редкому списку исследователей, гармонично сочетавших данные учёного и педагога. Все они – доктора наук, педагоги, главным направлением жизни которых стало изучение истории и культуры своего народа, а также передача знаний новым поколениям. Они продолжили лучшие традиции учёной интеллигенции российских вузов XVIII–XIX веков.

Пётр Владимирович Денисов – историк и один из первых этнологов Чувашии, заведовал кафедрами истории СССР, археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, автор более 120 исследовательских и методических работ, заслуженный деятель науки Чувашской АССР, лауреат Государственной премии ЧР, исследователь, признанный отечественными и зарубежными учёными. Пётр Владимирович окончил историко-филологический факультет Казанского государственного университета и аспирантуру Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР под руководством Н.И. Воробьёва. Преподавательская деятельность П.В. Денисова началась с 1962 г. Он воспитал плеяду сподвижников и последователей в области науки и педагогики. Он является автором большого количества общих и специальных курсов, прослушанных студенческой молодежью. Научный руководитель многочисленных курсовых, бакалаврских и дипломных работ, докторских и кандидатских диссертаций – П.В. Денисов обладал особыми педагогическими качествами. Широта кругозора и научная эрудиция, неординарное мышление и талант, дар слова совместно с корректным обращением истинного интеллигента не только оказывали большую практическую пользу, но и делали встречи с ним незабываемыми. Являясь автором и ответственным редактором учебно-методических программ и пособий по истории исторической науки, истории русской культуры конца XIX – начала XX в., истории национально-государственного строительства и т.д., учёный стремился заинтересовать студентов малоизвестными страницами отечественной истории и историей чувашского народа.

Ценный вклад П.В. Денисов внес в изучение вопросов истории и культуры чувашей, в частности, в проблему происхождения этноса. Ещё в 1959 г. в опубликованной монографии «Религиозные верования чувашей» им был представлен богатейший фактический материал, подтверждавший не только синкретизм чувашской культуры, но и непосредственную связь этноса с древнетюркскими племенами через общие элементы в язычестве народов [3]. Собирая и анализируя далее этнографический материал, исследователь не ограничивается источниками и литературой СССР. В итоге научной командировки в Болгарию учёный сумел проанализировать разнообразные данные, позволившие выявить родственные черты, связывавшие болгар и чувашей. Монография П.В. Денисова «Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей» [4] получила заслуженное признание и за рубежом. Следовательно, научные труды П.В. Денисова проливали свет на тюркское происхождение чувашского этноса.

Замечательные представители Чувашии также стали предметом исследования историка. Многие годы учёный посвятил выявлению и научной обработке материалов по жизни и деятельности основоположника

русского китаеведения – Никиты Яковлевича Бичурина [2]. Возглавляя в течение 14 лет в Пекине Русскую православную миссию, отец Иакинф занимался изучением истории и культуры народов Центральной и Средней Азии, Южной Сибири и Дальнего Востока. Бичурин положил начало всестороннему исследованию Китая, создал школу отечественных синологов и монголоведов. Н.Я. Бичурин, родившийся в Чебоксарском уезде Казанской губернии, заслуженно является одной из исторических «легенд» чувашского народа, снискавших известность и признание в России, Азии, в Европе. Без преувеличения можно сказать, что имена ученых, восстанавливающих биографические страницы выдающихся представителей науки и культуры, на века прославивших свой народ и свое отечество, так же, как и изучаемые ими личности, заслуживают права оставаться в анналах истории.

Долгое время чувашский этногенез сохранял тайну, приковывая к себе внимание исследователей. Сбор и обработка комплекса многочисленных источников позволили историкам в современных условиях воссоздать довольно полную картину происхождения чувашского народа. Чем полнее знание о прошлом, тем доступнее оно для его последующего изучения. И в этом большая заслуга историков Чувашии.

Литература

1. Ашмарин Н.И. Болгары и чувашаи. – Чебоксары, 1985. – 160 с.
2. Денисов П.В. Жизнь монаха Иакинфа Бичурина. – Чебоксары, 1997. – 272 с.
3. Денисов П.В. Религия и атеизм чувашского народа. – Чебоксары, 1972. – 478 с.
4. Денисов П.В. Этнокультурные параллели болгар и чувашей. – Чебоксары, 1969. – 176 с.
5. Дмитриев В.Д. Историография этногенеза чувашского народа // Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: Сб. ст. – Чебоксары, 2004.
6. Дмитриев В.Д. Историография этногенеза чувашского народа // Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа.
7. Дмитриев В.Д. М.П. Петров (Тинехпи) – деятель просвещения и культуры, этнограф и историк: Учеб. пос. – Чебоксары, 2003. – 56 с.
8. Долгова А.П. Симбирско-саратовские чувашаи / А.П. Долгова, Г.Н. Иванов, М.Г. Кондратьев [и др.]. – Чебоксары, 2004.
9. Иванов В.П. Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. – Чебоксары, 2005.
10. Иванов В.П. Указ. соч.
11. Иванов В.П. Указ. соч.
12. Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. – Чебоксары, 2003.
13. Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. – Чебоксары, 1972.
14. Минеева Е.К. Вопросы национально-государственного строительства в трудах историков-педагогов Чувашии // Преподаватель. XXI век. – 2008. – №2. – С. 115–122.
15. Татищев В.Н. История Российская. – М.; Л., 1862. – Т. 1.

Сергеев Тихон Сергеевич

Чувашский государственный педагогический
университет имени И.Я. Яковлева
г. Чебоксары

**ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РЯДОМ С АВТОРИТЕТНЫМ НАСТАВНИКОМ
(ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОФЕССОРЕ П.В. ДЕНИСОВЕ)**

Аннотация: в статье приводятся воспоминания Т.С. Сергеева, коллеги профессора П.В. Денисова по работе на одной кафедре исторического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова в 1967–1987 г., ныне профессора кафедры отечественной и всеобщей истории Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, расширяют представления о научно-педагогической и общественной деятельности известного историка и этнографа Среднего Поволжья.

Ключевые слова: история, этнография, университет, кафедра, музей, диссертация, Чувашия, Чебоксары, Казань.

Tikhon Sergeevich Sergeev

I.Ia. Yakovlev Chuvash State
Pedagogical University
Cheboksary

**TWENTY YEARS WITH AN AUTHORITATIVE MENTOR
(RECOLLECTIONS OF PROFESSOR P.V. DENISOV)**

Abstract: T.S. Sergeev worked with Professor P.V. Denisov in the same department at the School of History of the I.N. Ulianov Chuvash State University from 1967 to 1987 and is currently professor in the Department of Russian and World History of the I.Ia. Iakovlev Chuvash State Pedagogical University. His reminiscences contained in this article offer a broader understanding of the scholarly and pedagogical activities and the public life of the renowned historian and ethnographer of the Middle Volga region.

Keywords: history, ethnography, university, department, museum, dissertation, Chuvash Republic, Cheboksary, Kazan.

У каждого учёного и педагога складывается своя, неповторимая судьба. Выходец из чувашской глубинки, уроженец д. Бахтигильдино Батыревского района Чувашской АССР Пётр Владимирович Денисов после окончания сельской общеобразовательной средней школы получил классическое университетское образование в г. Казани. С раннего детства общаясь с татарскими детьми, наряду с родным чувашским овладел и языком соседнего народа, усваивал его жизненные традиции и обряды. Не случайно по окончании исторического факультета Казанского университета в 1949 г. Денисов поступил в аспирантуру Казанского филиала

АН СССР по специальности «Этнография народов СССР». Его наставником был известный этнограф профессор Н.И. Воробьёв, вместе с которым в многодневных этнографических экспедициях сельский юноша исколесил сотни километров, изучая быт и культуру сельского населения многонационального и многоконфессионального Среднего Поволжья, опубликовал ряд совместных статей. Это позволило ему в последующие годы поддерживать научные контакты с такими известными казанскими учёными, как Н.И. Воробьёв, Е.Н. Бусыгин, Н.В. Зорин, А.С. Шофман, В.И. Кузищин, некоторые из которых впоследствии, в период пребывания П.В. Денисова заведующим кафедрой истории СССР, приглашались в Чувашский университет для чтения спецкурсов и в качестве председателя ГЭК. Мне приходилось бывать на этих выпускных экзаменах и удивляться эрудиции и такту казанских коллег. Нашими гостями были тогда и московские профессора С.А. Токарев, Ю.В. Бромлей, С.О. Шмидт, А.П. Смирнов (с последним я оказался вместе на загородной поездке в дни научной конференции в окрестностях г. Улан-Удэ в 1971 г.).

П.В. Денисов был разносторонним и любознательным учёным и преподавателем, сторонником новаций. Год за годом он набирался опыта и мудрости: за плечами учёного историка и этнографа был опыт работы научным сотрудником в Чувашском научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики (1952–1956 г.), редактором научно-популярной литературы Чувашского книжного издательства (1957–1962 г.), преподавателем истории в Чувашском пединституте (1952–1967 г.), курса «Основы научного атеизма» в Чувашском сельскохозяйственном институте (1961–1962 г.), курса этнографии (этнологии) в ЧГУ им. И.Н. Ульянова (1967–1993 г.) [3, с. 114]. Он был также внештатным лектором Чувашского обкома КПСС и общества «Знание».

Оглядываясь в прошлое, вспоминая первые встречи с П.В. Денисовым в начале 1960-х г., в период моей учебы в аспирантуре МГПИ им. В.И. Ленина. Отслужив после Чувашского пединститута срочную службу в армии в течение двух лет (1960–1962), проработав год в средней школе №4 г. Чебоксар, я решил посвятить себя исторической науке. Если судить по справедливости, меня увлекал тогда сам процесс обучения, познания нового, неизведанного. Когда читал какую-то историческую литературу, мне казалось, что надо бы усилить такой-то аспект. Потом выяснялось, что этот аспект уже изучен предшественниками. Так повторялось не раз. Присматривался к опыту старших товарищей, следовал их советам. По примеру доцента Т.Г. Гусева задумывался над колхозной тематикой: все же сам вырос на колхозной работе. Профессор В.Ф. Каховский, мой земляк по Канашскому району, советовал заняться историческим краеведением. Профессор И.Д. Кузнецов, один из инициаторов подворных этнографических исследований 1933 г. по 21 чувашскому населенному пункту, предлагал сравнить в историческом разрезе материалы экспедиций 1933 и

1960 г. по одним и тем же селениям. П.В. Денисов, защитивший диссертацию по религиозным верованиям чувашей, предлагал изучать изменения в сознании чувашского крестьянства в ходе коллективизации. Мне захотелось тогда отразить эти изменения на примере одного чувашского населенного пункта, связав это с именем В.И. Ленина или его отца, инспектора народных училищ Симбирской губернии И.Н. Ульянова (как известно, в дореволюционный период примерно половина современной Чувашской Республики входила в состав этой губернии, другая половина – в состав Казанской). Тогда я заинтересовался и ульяновской тематикой, особенно после экскурсии по ульяновским и яковлевским местам Казани и Ульяновска. Профессор И.Д. Кузнецов и доцент П.В. Денисов предлагали остановить выбор на с. Ходары Шумерлинского района, входившего в маршрут этнографических экспедиций 1933, 1960, 1970, 1980 г. (в последней я сам принимал участие как руководитель одного из четырех отрядов). Ходарский колхоз им. В.И. Ленина считался передовым в районе, а открытую И.Н. Ульяновым в 1870 г. Ходарскую школу посещали дети из 14 ближайших населенных пунктов.

Сдав в течение года экстерном кандидатские экзамены по философии, английскому языку и специальности по «история СССР», я стал аспирантом очной аспирантуры при кафедре истории СССР Московского государственного педагогического института (МГПИ) им. В.И. Ленина. По правде сказать, у меня не было тогда точной темы исследования, хотя мысли мои «крутились» вокруг проблем истории культуры Чувашии. Моим научным руководителем был профессор Дмитрий Сергеевич Бабурин, автор монографии по истории мануфактур XVIII в. Узнав мое намерение использовать материалы экспедиций 1933 и 1960 г., он предложил включить их при издании брошюры по истории с. Ходары, а материалы 1933 г. – для диссертационного исследования с целью выявления преимуществ колхозного строя при повышении культуры сельского населения и преобразований в его быту в 1930-х г. Не остались без внимания и советы П.В. Денисова, который защитил кандидатскую диссертацию о быте юго-восточных чувашей своей республики. Я остановил свой выбор на теме «Культурное строительство и формирование социалистического быта в чувашской деревне в годы предвоенных пятилеток (1928–1941 г.)». Тема оказалась на стыке истории, культурологи, социологии, этнографии. Помимо подробного изучения материалов правительственной экспедиции, собранных в декабре 1933 г. с участием 70 историков, этнографов, писателей, журналистов, художников, музыковедов, врачей, заполненных анкет с 150 вопросами подворного обследования предстояла большая исследовательская работа по выявлению документов в фондах Центрального государственного архива Российской Федерации (ЦГА РСФСР), Центрального государственного архивов литературы и искусства (ЦГАЛИ),

г. Горького (Чувашия в 1929–1936 г. временно находилась в составе Нижегородского-Горьковского края), Чебоксар, штудирование литературы в государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина, Республиканской библиотеке Чувашской АССР, текущих архивов ряда колхозов, в частности, колхоза им. В.И. Ленина Шумерлинского района.

В течение отведенных мне двух лет я успел выполнить эту работу, издать три статьи и брошюру «Старые и новые Ходары (Историко-этнографический очерк)». Для сбора материала трижды добирался до этого глубинного населенного пункта кружным путем через Шумерлю, затем 18 км через леса проселочными дорогами пешим путем. Тогда автобусного шоссе по маршруту Чебоксары – Калинин – Ходары – Шумерля еще не было.

В ноябре 1965 г., за два месяца до завершения учебы, я должен был выйти на защиту кандидатской диссертации. В газете «Вечерняя Москва» было опубликовано соответствующее объявление. Официальными оппонентами по диссертации были намечены доктор исторических наук профессор В.Н. Бочкарёв, незрячий пенсионер 84 лет. Я ходил к нему на квартиру и читал рукопись, потом получил положительный отзыв. Вторым официальным оппонентом назначили П.В. Денисова, как специалиста по этнографии. Это был для него первый опыт выступления в новом качестве. Он придавал этому событию особое значение, будучи в командировке в Ленинграде, по этому случаю приобрел лакированные туфли. Он приехал ко времени защиты. Ничего не предвещало плохого. Но вдруг, буквально за час до защиты, выяснилось, что у В.Н. Бочкарёва случился инфаркт, его повезли в больницу. По положению тех времен требовалось обязательное присутствие на защите диссертации обоих официальных оппонентов. Что делать! Защита срывалась, а она была назначена первой в этот день (другим диссертантом был марийский диссертант из г. Йошкар-Ола Константин Петрович Гусев с одинаковой тематикой по культурному строительству в Марийской АССР). Пришлось срочно подыскать замену. Оказалось, в этот день в одной из аудиторий этого же учебного корпуса проходила защита докторской диссертации. Там официальным оппонентом был доктор исторических наук профессор Лев Николаевич Ерман, автор книг по истории дореволюционной интеллигенции. По просьбе моего научного руководителя профессора Д.С. Бабурина он охотно согласился помочь: с ходу выступить на моей защите. Пока он занят своим выступлением и беглым ознакомлением с моей диссертацией и авторефератом, поставили первой защиту моего марийского коллеги. Обрадованный, я не успел переговорить с захватившим на защиту по пути из Ленинграда П.В. Денисовым. Пока шли переговоры и согласования насчет первого официального оппонента, Денисов, по словам стенографистки, очень сильно переживал, даже побледнел (та думала, что защищает диссертацию именно он). Когда процедура защиты пошла по сценарию, я немного

успокоился. После моего выступления я ответил на вопросы. Научный руководитель отозвался лестно о моих заслугах (если бы он знал, что я ещё известный в Чувашии спортсмен!). Первый официальный оппонент Л.Н. Ерман, бегло ознакомившись с рукописью и брошюрой, буквально в нескольких фразах похвалил соискателя и в целом молодых исследователей истории культуры регионов России, пообещал представить подробный письменный отзыв. П.В. Денисов, впервые выступавший в роли официального оппонента, более подробно охарактеризовал методiku, стиль работы автора, лестно отозвался о деловых качествах соискателя. Так на глазах П.В. Денисова родился молодой учёный-историк. Тогда было мало кандидатов наук, их можно было пересчитать на пальцах. Как отметил позднее доктор педагогических наук профессор И.В. Павлов, в прошлом член легкоатлетической секции ЧГПИ, по моим стопам на научную стезю вышли бывшие спортсмены-разрядники, ныне профессора В.А. Иванов, И.В. Павлов, В.И. Сергеев, О.А. Маркиянов и др. [2, с. 4, 7].

После защиты диссертации меня назначили на должность и.о. доцента кафедры истории Чувашии пединститута, где работали В.Ф. Каховский (заведующий кафедрой), Г.И. Чавка, Г.В. Васильев, П.В. Денисов, Д.М. Макаров, Д.Д. Шуверов, Е.Г. Беляев, А.И. Лявухин [1, с. 28]. Здесь мы оказались рядом с П.В. Денисовым как коллеги, но я все время продолжал у него учиться.

Через два года, с открытием Чувашии государственного университета, я был переведен туда в составе всего историко-филологического факультета. На кафедре истории СССР под руководством профессора Ивана Даниловича Кузнецова мы работали рядом с П.В. Денисовым и продолжали оставаться коллегами. Мне было поручено собирать материалы для создания музея И.Н. Ульянова. П.В. Денисов в 1973 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Религия и атеизм чувашского народа», затем в течение 14 лет возглавлял кафедру истории СССР. Он развернул большую собирательскую работу по созданию этнографического музея при вузе и Ибресинского этнографического музея под открытым небом. Именно тогда активно участвовал в этнографических экспедициях, помогал оснащать этнографический музей при вузе новыми экспонатами. В сборе этнографического материала, в частности при организации Ибресинского этнографического музея под открытым небом, вплоть до перевозки строений и оформления экспозиций, вместе со студентами-историками участвовали молодые коллеги Ида Ивановна Демидова и Владимир Данилович Данилов.

Будучи заведующим кафедрой, Пётр Владимирович не налегал на дисциплину, был великодушен и демократичен с подчиненными преподавателями, прощал слабости и недостатки некоторым студентам. В то же время давал личный пример служения науке. Поражало, что он всегда но-

сил с собой новые толстые журналы, интересовался новейшей литературой, оживленно переписывался с известными этнографами Москвы и Казани. Некоторые из них (Е.Н. Бусыгин, В.И. Кузищин, А.С. Шофман) по его приглашению бывали председателями ГЭК на нашем факультете.

По совету П.В. Денисова я отошел от активной исследовательской работы по изучению научно-педагогического наследия И.Н. Ульянова и вернулся к теме «Культура Чувашии (1917–1980 г.)». Когда примерно 60% докторской диссертации была выполнена, по предложению заведующего я перешел на двухгодичную должность старшего научного сотрудника (1975–1977 г.). Как и другие сотрудники вуза, вовремя не успел подготовить диссертацию. В 1986 г. сделал попытку защиты в Саратовском университете, но неудачно. Вторую попытку, более удачную, совершил через пять лет в Уральском университете, когда нашей кафедрой заведовал доктор исторических наук профессор Василий Димитриевич Димитриев. П.В. Денисов, первый официальный оппонент по кандидатской диссертации и мой постоянный «болельщик», тепло поздравил меня. В 1993–2002 г. он заведовал кафедрой археологии, этнографии и региональной истории, затем продолжительное время оставался рядовым профессором. Наше сотрудничество продолжалось в сфере работы диссертационного совета по отечественной истории, председателем которого был В.Д. Димитриев, его заместителем – П.В. Денисов, учёным секретарем – автор этих строк. Мы все как ведущие профессора-историки входили в Академию наук Чувашской Республики, фактически являясь её учредителями.

Заключительным аккордом научной деятельности П.В. Денисова стала его монография об известном синологе всемирного значения Н.Я. Бичурине, которая в 1997 г. вышла в свет вторым изданием, а автор книги был удостоен почётного звания лауреата Государственной премии Чувашской Республики. Это своеобразный памятник неумолимому исследователю П.В. Денисову. Я безмерно рад успехам своего наставника.

С профессором П.В. Денисовым мы общались и в быту. Когда он читал лекции студентам вечернего отделения в учебном корпусе машиностроительного факультета, по пути заходил в нашу квартиру по ул. Анисимова, д. 4, интересовался школьными успехами наших дочерей Алины и Инны, выпивал чашку чая и отправлялся к слушателям. Он мог читать лекции часами, причем без записи, не заглядывая в конспекты. Не оставалось незамеченным для окружающих трепетное отношение профессора к жене Розалии Тарасовне, дочерям Наташе и Олесе. Невольно напрашивается параллель двух семей: П.В. Денисову пришлось дважды защищать кандидатскую диссертацию (в 1954 и 1959 г.), автору этих строк дважды пришлось выходить на защиту докторской (в 1986 и 1991 г.). У обоих ученых жены и дочери – педагоги, потомки проживают и работают за границей.

В моей памяти навечно осталась светлая память о наставнике, об официальном оппоненте по моей диссертации.

Литература

1. Сергеев Т.С. Возрожденный исторический (к 75-летию ЧГПУ им. И.Я. Яковлева). – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2005. – 398 с.

2. След на земле (О жизни и деятельности профессоров Тихона и Валентины Сергеевых) / Сост. И.В. Павлов. – Чебоксары: НИИ педагогики и психологии, 2016. – 342 с.

3. Учёные Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2010. – 496 с.

Смирнова Наталья Борисовна

Чувашский государственный
институт гуманитарных наук
г. Чебоксары

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ НЕ ОБМАНЫВАЕТ

Аннотация: статья представляет собой воспоминания бывшей студентки Петра Владимировича Денисова о нём как о преподавателе и о человеке.

Ключевые слова: Пётр Владимирович Денисов, исторический факультет, этнография, историография, экзамен.

Natalia Borisovna Smirnova

Chuvash State Institute of the Humanities
Cheboksary

THE FIRST IMPRESSION DOES NOT LIE

Abstract: in this article, a former student remembers Petr Vladimirovich Denisov as a teacher and as a person.

Keywords: Petr Vladimirovich Denisov, School of History, Chuvash State University, ethnography, historiography, examination.

Петра Владимировича Денисова в первый раз я увидела в 1996 г., когда поступила на исторический факультет Чувашского государственного университета. До этого в расписании было написано о предмете «Этнография», что его ведет профессор П.В. Денисов. Для меня как тогда, так и сейчас слово «профессор» ассоциируется с человеком высокой культуры. Действительно, это подтвердилось при встрече с Петром Владимировичем. Первое впечатление о нём было именно таким. Ближе мы познакомились на занятиях. Передо мной встает образ Петра Владимировича как очень умного, эрудированного и прекрасно воспитанного человека. Всегда хотелось слушать его лекции, узнавать что-то новое. Способность заострить внимание аудитории на своем предмете, заинтересовать, вызвать

у студентов желание работать – вот главные качества настоящего преподавателя. Пётр Владимирович обладал ими в полной мере.

На четвертом курсе он вёл у нас историографию. Хотелось бы вспомнить один случай, характеризующий Петра Владимировича с самой лучшей стороны. Во время экзамена по этому предмету мне не удалось ответить на дополнительный вопрос. Тогда Пётр Владимирович мне сказал выйти в коридор и выучить наизусть ответ на этот вопрос в течение 10 минут и зайти снова. Исполнив это, я снова вернулась к Петру Владимировичу. Он посмотрел на меня и сказал, что и так понял, что я все знаю, в том числе и по моему серьезному виду, и поставил мне отлично. В результате я выучила не только ответ на дополнительный вопрос, но и урок настоящей педагогической мудрости. Хотелось сохранить в памяти весь учебник до последней запятой, лишь бы оправдать доверие Петра Владимировича!

Еще одной чертой его характера была объективность. Веским словом и авторитетом Пётр Владимирович всегда пресекал несправедливое отношение к студентам, как на экзаменах, так и на защитах дипломов. Он считал своим долгом поддерживать талантливую молодежь и помогать во всем.

О Петре Владимировиче всегда были прекрасные отзывы от его коллег, уважаемых людей. К примеру, моего научного руководителя Степанова Владимира Ростиславовича. С благодарностью его вспоминают и ученики.

Светлая память этому прекрасному учителю и человеку с большой буквы!

Таймасов Леонид Александрович
Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

МОЙ НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

Аннотация: в статье отражена роль профессора П.В. Денисова в подготовке историков-исследователей на примере одного из его учеников – Л.А. Таймасова, защитившего под его научным руководством кандидатскую и докторскую диссертации. Показаны профессиональные и человеческие качества.

Ключевые слова: наука, ученый, учитель, аспирант, научный руководитель, этнология, чуваш, диссертация.

Leonid Aleksandrovich Taymasov

I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary

MY ACADEMIC ADVISOR

Abstract: the article reflects upon the role of Professor P.V. Denisov in the training of historical researchers based on the example of one of his students, L.A. Taymasov, who defended his candidate's thesis and doctoral dissertation under Denisov's academic supervision. the author illustrates Professor Denisov's professional and human qualities.

Keywords: science, scientist, teacher, graduate student, supervisor, ethnology, Chuvash, dissertation.

В памяти и сердце каждого человека непременно хранится светлый образ учителя, благодаря которому происходит социализация личности, приобретение умений и навыков в различных сферах жизнедеятельности. При слове «учитель» обычно вспоминают школьные годы, однако это имя применимо ко всем, кто дает новые знания, профессиональные навыки, наставляет на правильный путь. Учителями могут называться обычные люди, которые оказывают на личность значительное воздействие, чьи уроки становятся путеводными звездами. Именно таким учителем является для меня П.В. Денисов, сыгравший наибольшую роль в моем становлении как преподавателя высшей школы и историка-исследователя. В своих прежних публикациях я уже приводил воспоминания о Петре Владимировиче, и эта статья – новый штрих к его портрету.

Имя П.В. Денисова как автора книг по вопросам истории и культуры чувашского народа мне стало известно ещё в школьном возрасте, так как в домашней библиотечке моей мамы, преподававшей в сельской школе русский язык и литературу, имелась его книга «Религиозные верования чуваш», а также несколько антирелигиозных брошюр. В те годы они не вызвали у меня интереса, а фамилия автора запомнилась.

В университет поступил через подготовительное отделение, которое позволяло освежить знания школьного курса и давало шанс рабочей молодежи и отслужившим в армии юношам поступить в высшие учебные заведения. Являясь слушателями отделения, мы были в курсе тех дел, которые организовывались на историко-филологическом факультете, и даже участвовали в мероприятиях. Мы знали, что когда станем студентами, нам будут преподавать корифеи исторической науки Чувашии, такие как П.В. Денисов, В.Д. Димитриев, И.Д. Кузнецов, В.Ф. Каховский.

У первокурсников Пётр Владимирович вёл дисциплину «Этнография». Мы сразу обратили внимание на эрудированность своего преподавателя. Он обладал поистине энциклопедическими знаниями, и это вызывало уважение, так как говорило о его целеустремленности, природном трудолюбии. Денисов, как известно, родился и вырос в крестьянской

семье, где трудовое воспитание составляет основу социализации личности. Тяга к знаниям привела его в последующем в большую науку. Нелегко человеку из сельской глубинки достичь вершин социальной пирамиды. Впрочем, все профессора-историки в университете имели схожие биографии, и у каждого была интересная судьба. Нам было с кого брать пример. Лекции Денисова отличались оригинальностью. Ему удавалось вызвать у аудитории интерес не только глубиной преподносимого материала, но и особой, живой манерой его изложения. Секрет его обаяния был прост: ещё В.О. Ключевский справедливо отметил: «Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь». Искренность, энергичность, внимание и чувство юмора, которые проявлял Пётр Владимирович во время общения с группой, помогали поддерживать эмоциональный контакт в продолжение всего занятия. Как результат – у него не было отстающих студентов: к практическим занятиям готовились, с энтузиазмом рассказывали о традиционной культуре народов мира и получали обычно высокие оценки. Он позже мне признался, что был «либералом» в оценке знаний обучающихся, вполне довольствовался, если они ориентировались в общих вопросах. Но, скажу к чести своего учителя, он был поистине требователен к тем, кто намеревался идти в науку, тем более специализировался по этнографии. Без назиданий, как бы невзначай интересовался познаниями учеников в том или ином вопросе, незаметно направляя их саморазвитие.

Хотел бы попутно заметить, что Пётр Владимирович всегда внимательно следил за новыми изданиями по истории и этнографии и приучал этому начинающих исследователей. Его интересовали не только научные новости, но и все, что происходит в стране и Чувашии. В университет путь у него лежал обычно через газетный киоск. Придя на кафедру, он доставал свежую прессу и нередко комментировал наиболее актуальные публикации, часто интересовался мнением присутствующих по той или иной освещаемой теме.

Во время учебы в университете я не выделялся особыми успехами в изучении этнографии, поэтому ничем не мог заслужить внимания Петра Владимировича. У меня не было цели идти в науку, поэтому в студенческие годы вне аудитории почти не встречались с моим будущим научным руководителем. На третьем курсе распределился на кафедру истории религии и научного атеизма с перспективой написать дипломное исследование по атеистической тематике. Однако к завершению обучения так и не определился ни с темой, ни с научным руководителем. Решил вместо защиты диплома сдать ещё один государственный экзамен по специальности. Мои планы расстроил декан нашего факультета М.М. Михайлов, предложив написать квалификационную работу о двуязычии в Чувашии в этносоциологическом аспекте. Во время учебы мне приходилось выпол-

нять курсовые работы и даже выступать на студенческой научной конференции, но при работе над дипломом впервые по-настоящему познал кропотливость исследовательского труда. Для сбора материала выезжал в загсы городов и районов, затем пытался делать обобщения и выводы. Большая помощь в текстовом оформлении дипломной работы была оказана Матвеем Михайловичем.

Государственная аттестационная комиссия высоко оценила мою работу. Помню, на защите большой интерес к моей теме проявил Петр Владимирович. Возможно, он меня тогда и запомнил. При предварительном распределении в научные учреждения и аспирантуру, разумеется, моя кандидатура не рассматривалась, и я получил распределение в школу Вурнарского района. Матвей Михайлович сказал, что из меня получился бы исследователь, но, к сожалению, на этот год все места распределены. Впрочем, это несколько меня не огорчило, так как в тот период не планировал заниматься наукой.

Семь неполных лет проработал в Большеяужской средней школе учителем, организатором по внеклассной работе, директором. Поглощенный заботами о школе, семейными хлопотами, я совершенно забыл о разговоре с Матвеем Михайловичем. Приехав по школьным делам в Чебоксары в 1986 г., случайно на улице встретился с Матвеем Михайловичем, который настоятельно стал рекомендовать мне зайти для разговора к П.В. Денисову. Без особых иллюзий о своем научном будущем, скорее всего из любопытства, пришёл на факультет. Петр Владимирович, заинтересовавшись моими педагогическими опытами, предложил подать документы в заочную аспирантуру и продолжить исследование моей дипломной темы, касательно этносоциальных проблем двуязычия. После некоторых сомнений, посоветовавшись с семьей, я принял решение о поступлении в аспирантуру. Тема мне казалась занимательной, но не очень представлял, с чего начать, какие источники привлечь. Прекрасно понимал, что необходимы полевые материалы, что в свою очередь требует организации этнографических экспедиций, а это невозможно при моей должности директора школы. На следующей встрече П.В. Денисов порекомендовал обратиться за консультацией к профессору М.Н. Губогло, известному специалисту по вопросам двуязычия. С рекомендацией Петра Владимировича я позвонил в Институт этнографии Академии наук СССР. Разговор с Михаилом Николаевичем был продолжительным и, как оказался, очень полезным. Во-первых, я познакомился с замечательным человеком и учёным, во-вторых, понял, какова перспектива исследования данной достаточно изученной к тому времени темы, насколько сложная работа меня ожидает. Тем более он разъяснил, что недавно вышло этносоциологическое исследование о чувашах, над которым трудились учёные из Института этнографии и Чувашского государственного института гуманитарных наук. Вспомнил, как нас студентов истфака отправляли на

анкетирования по районам Чувашии. Поэтому что-то новое сказать по этой теме будет весьма проблематично. Погруженный в невеселые думы, отправился к научному руководителю. Выслушав мой подробный рассказ, Пётр Владимирович согласился с моими доводами. Мы стали размышлять, какую тему мне выбрать. Мне было хорошо известны труды Денисова по истории религии чувашского народа, не раз до этого посетила мысль о выборе религиозной проблематики, но как-то не решался выразить её вслух. На этот раз осмелился – поделился своими соображениями по поводу изучения вопросов истории религии чувашского народа. Немного подумав, он сказал, что это прекрасная идея: необходимо изучить более основательно историю христианизации чувашей. Так было выбрано направление моих научных изысканий. Вскоре тема «Христианизация чувашского народа в первой половине XIX века» была утверждена учёным советом Чувашского государственного университета. Вопросы христианизации чувашского и других народов Среднего Поволжья заняли всю мою научную деятельность.

Несомненно, сочетать исследовательскую работу с обязанностями учителя и директора школы было очень сложно, поэтому Пётр Владимирович при каждой встрече говорил о необходимости моего перевода в Чебоксары. По его рекомендации в 1989 г. Василий Димитриевич Димитриев пригласил меня на работу в университет в качестве ассистента кафедры истории СССР. С этого времени мы стали тесно общаться с моим научным руководителем. Когда при устройстве на работу в университет остро встал вопрос о городской прописке, Пётр Владимирович и его супруга Розалия Тарасовна без всяких раздумий любезно предложили оформление моей прописки в их квартире. Потом в шутку говорили, что усыновили меня. Действительно, они относились ко мне по-родственному, и я дорожил этой дружбой. Общение с семьей Денисовых не только давало массу положительных эмоций, но и обогащало меня внутренне, расширяло кругозор. Пётр Владимирович часами мог рассказывать о своих учителях и коллегах, его отзывы о людях были всегда доброжелательными, теплыми, без всякого негатива и оставляли в душе светлый отпечаток. Я много хорошего и интересного узнал о его научном руководителе Н.И. Воробьёве, казанских профессорах Е.П. Бусыгине, Н.Ф. Катанове, Н.В. Никольском, светилах этнографической науки Ю.В. Бромлее, Л.Н. Гумилеве, Р.И. Итсе и др., с которыми он был лично знаком и имел переписку. В его библиотеке значительная часть книг была с дарственными надписями авторов. Мне в жизни повезло, что встретился человек, сумевший как-то ненавязчиво настроить меня на научную волну.

В 1991 г. я защитил кандидатскую диссертацию в специализированном совете при Куйбышевском педагогическом институте. Выбор совета и официальных оппонентов – все по согласованию с моим научным руководителем. Перед первой поездкой в совет и к оппонентам он вручил мне

рекомендательные записки, которые, можно сказать, послужили в качестве пропусков. Таким образом я познакомился с П.С. Кабытовым (Самара), Н.Ф. Мокшиным (Саранск), Н.С. Поповым (Йошкар-Ола), В.Е. Владыкиным (Ижевск). П.В. Денисов был хорошо известен в научных кругах и пользовался большим авторитетом.

У П.В. Денисова было много учеников, и с каждым из них он находил возможность тесно взаимодействовать. Все, кто занимался под его началом, преклоняются перед его научным авторитетом и личностными качествами. Он становился не только научным путеводителем, но и наставником во многих жизненных обстоятельствах. Семья Денисовых всегда радушно принимала учеников Петра Владимировича у себя дома. Розалия Тарасовна была приветлива и старалась угощать подопечных супруга чаем и какими-нибудь кулинарными изысками. От общения с ними и их замечательными дочками – Нарспи Петровной и Олесей Петровной, ставшими известными учёными-этнографами, сохранились самые тёплые воспоминания.

С Денисовыми познакомилась и подружилась моя родители. Пётр Владимирович и Розалия Тарасовна приезжали в нашу деревню. Они очень любили природу и старались выезжать за город. Местность рядом с нашей деревней не лишена определенных красот. Помню, как Петр Владимирович, заметив просторы Прицевилья, попросил меня остановить машину и они с Розалией Тарасовной, прогуливаясь вдоль дороги, любовались полевыми цветами и созревающими хлебами. Денисовы поддерживали нашу семью и в горестные моменты: когда скончалась моя мама, Пётр Владимирович нашел время и возможность приехать проводить её в последний путь и сказал много добрых слов о ней.

Вместе с П.В. Денисовым долгие годы проработали на кафедре археологии, этнографии и региональной истории, которой он руководил с момента её создания. При работе над докторской диссертацией у меня не было сомнений по поводу научного консультанта. В том, что стал доктором исторических наук, профессором, несомненно, немалая заслуга Петра Владимировича. Я старался брать с него пример и в научной работе, и в преподавательской деятельности. В жизни молодого исследователя научный руководитель играет воистину огромную роль. Хороший научный руководитель – это как маяк, задающий правильный курс. Он научит многому, что знает и умеет сам. Научного руководителя кто-то выбирает по собственному желанию, к кому-то его прикрепляют, а мне его избрала судьба, которой я безмерно благодарен.

Литература

1. Петров Н.А. Пётр Владимирович Денисов (85 лет со дня рождения) / Н.А. Петров, О.Г. Вязова // Чуваши: этнические связи и этнокультурные параллели: Сб. мат. Межрег. науч.-практ. конф., посв. 85-летию со дня рождения П.В. Денисова (Чебоксары, 12 сентября 2013 г.). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. унта, 2014. – С. 36–42.

СЕКЦИЯ 2

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Азизов Азат Феридович
Казаков Николай Александрович
Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОБЕСПЕЧЕННОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
СООРУЖЕНИЯМИ РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА

Аннотация: в Чувашской Республике преобладают христианско-православные религиозные сооружения. Наиболее густая сеть сооружений религиозного культа характерна для Чебоксарского, Новочебоксарского городских округов, Чебоксарского и Батыревского муниципальных районов. Наиболее обеспеченным религиозными сооружениями считается население в Шемуршинском, Порецком, Комсомольском и Ядринском муниципальных районах. В среднем по республике и в муниципальных районах с заметной долей потенциально мусульманского населения, население с мусульманской культурой обеспечено религиозными сооружениями значительно лучше, чем потенциально христианско-православное население.

Ключевые слова: сооружения религиозного культа, территориальные различия, Чувашская Республика.

Azat Feridovich Azizov
Nikolai Aleksandrovich Kazakov
I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary

TERRITORIAL DIFFERENCES IN THE PROVISION
OF THE POPULATION OF THE CHUVASH
REPUBLIC WITH RELIGIOUS BUILDINGS

Abstract: in the Chuvash Republic Orthodox Christian religious buildings are dominant. the urban districts of Cheboksary and Novocheboksarsk and the municipal regions of Cheboksary and Batyrevo contain the most concentrated network of religious buildings. the population of the Shemurshinsk, Poretsk, Komsomol and Yadrin municipal districts are best provided with religious buildings. On average throughout the Republic and in municipal districts in which a significant share of the population is potentially Muslim, the population with Muslim culture is provided with religious buildings to a much greater extent than the potentially Christian Orthodox population.

Keywords: religious buildings, territorial differences, Chuvash Republic.

Согласно нормативным актам, принятым в Российской Федерации, сооружение – это созданный в результате строительства объект, предназначенный для выполнения тех или иных функций. Сооружения религиозного культа служат для выполнения религиозных функций. Сегодня деятельность большинства религиозных объединений немыслима без сооружений религиозного культа.

подавляющее большинство существующих в настоящее время на территории Чувашской Республики сооружений религиозного культа предназначены для выполнения религиозных функций адептами ислама и христианства (главным образом Русской православной церкви). Из общего числа христианско-православных и мусульманских сооружений религиозного культа Чувашии на долю первых приходится 87%, на долю вторых – лишь 13%. Почти во всех муниципальных районах и городских округах преобладают христианско-православные религиозные сооружения. На территории 12 административных районов мусульманские религиозные сооружения вообще не встречаются. Исключение составляет лишь Комсомольский район, в котором доля мусульманских сооружений религиозного культа составляет 59%.

Средняя плотность (густота) христианско-православных и мусульманских сооружений религиозного культа в Чувашии – 1,9 на 100 км². Наиболее высок данный показатель в Чебоксарском, Новочебоксарском городских округах, Чебоксарском и Батыревском муниципальных районах, 3,5 сооружения на 100 км², наиболее низок в Шумерлинском муниципальном районе и Шумерлинском городском округе, 0,6 сооружения на 100 км² (табл. 1).

Таблица 1

Территориальные различия в плотности сооружений религиозного культа в Чувашской Республике в 2018 г.

Муниципальный район и городской округ	Плотность, на 100 кв. км
Алатырский район и Алатырский городской округ	1,6
Аликовский	0,9
Батыревский	3,5
Вурнарский	0,7
Ибресинский	0,6
Канашский район и Канашский городской округ	1,9
Козловский	2,9
Комсомольский	2,7

Народы Волго-Уралья в истории и культуре России

Красноармейский	1,1
Красночетайский	0,6
Марпосадский	2,3
Моргаушский	1,5
Порецкий	1,3
Урмарский	1,8
Цивильский	2,1
Чебоксарский район, Чебоксарский и Новочебоксарский городские округа	3,5
Шемуршинский	2,1
Шумерлинский район и Шумерлинский городской округ	0,6
Ядринский	3,0
Яльчикский	2,8
Янтиковский	1,7
В среднем по республике	1,9

Сооружения религиозного культа обслуживают не пространство, а население. И несмотря на большое число религиозных сооружений и их относительную доступность в Чебоксарском, Новочебоксарском городских округах и Чебоксарском муниципальном районе, обеспеченность населения религиозными сооружениями в данных муниципальных образованиях самая низкая в Чувашии, всего 0,1 сооружение на 1000 жителей. Наиболее высокие показатели отмечаются в Шемуршинском (1,4), Порецком (1,2), Комсомольском (1,1), Ядринском (1,0) районах.

Таблица 2

Обеспеченность населения Чувашии сооружениями религиозного культа (2010 г.)

Муниципальный район и городской округ	Обеспеченность населения, на 1000 чел.	
	с «христианско-православной культурой»	с «мусульманской культурой»
Алатырский район и Алатырский городской округ	0,6	0
Аликовский	0,3	0
Батыревский	0,6	1,4
Вурнарский	0,2	0

Этнографические и археологические исследования Волго-Уралья

Ибресинский	0,2	1,5
Канашский район и Канашский городской округ	0,2	0,2
Козловский	0,6	2,3
Комсомольский	0,4	1,4
Красноармейский	0,3	0
Красночетайский	0,2	0
Марпосадский	0,7	0
Моргаушский	0,4	0
Порецкий	1,1	0
Урмарский	0,4	0
Цивильский	0,5	0
Чебоксарский район, Чебоксарский и Новочебоксарский городские округа	0,1	0,3
Шемуршинский	0,7	4,9
Шумерлинский район и Шумерлинский городской округ	0,1	1,3
Ядринский	0,9	0
Яльчикский	0,7	5,6
Янтиковский	0,6	0
В среднем по республике	0,3	1,2

Точные данные о конфессиональной структуре населения республики отсутствуют. Приблизительно представить конфессиональную структуру можно на основе данных об этнической структуре населения (полученных в результате Всеобщей переписи населения 2010 г.), априори относя людей, заявивших о своей этнической принадлежности к той или иной религиозной культуре, традиционной для соответствующей этнической группы. Используя данный подход, можно сравнить обеспеченность сооружениями религиозного культа условно христианско-православного и мусульманского населения Чувашской Республики. Оказывается, что в среднем по республике на каждую 1000 потенциально христианско-православного населения приходится 0,3 религиозных сооружения, а на каждую 1000 потенциально мусульманского населения 1,2 религиозных сооружения. То есть мусульмане обеспечены сооружениями религиозного культа в 4 раза лучше, чем христиане. В отдельных муниципальных районах различия в обеспеченности ещё больше (табл. 2).

Таким образом, в Чувашской Республике преобладают христианско-православные религиозные сооружения. Наиболее густая сеть сооружений религиозного культа характерна для Чебоксарского, Новочебоксарского городских округов, Чебоксарского и Батыревского муниципальных районов. Тем не менее обеспеченность населения религиозными сооружениями здесь самая низкая в Чувашии. Наиболее обеспечено население религиозными сооружениями в Шемуршинском, Порецком, Комсомольском и Ядринском муниципальных районах. В среднем по республике и в муниципальных районах с заметной долей потенциально мусульманского населения, население с мусульманской культурой обеспечено религиозными сооружениями значительно лучше, чем потенциально христианско-православное население.

Литература

1. Житова Е.Н. Социальная устойчивость сельских обществ Чувашии / Е.Н. Житова, Н.А. Казаков, У.В. Юманова // Вестник Чувашского университета. – 2013. – №3. – С. 109–113.
2. Сайт Духовного управления мусульман Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://islam21.ru/> (дата обращения: 02.09.2018).
3. Сайт Правительства Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gov.csp.ru/> (дата обращения: 02.09.2018).
4. Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Чувашской Республике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chuvash.gks.ru/> (дата обращения: 02.09.2018).
5. Сайт Чувашской Митрополии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheb-eparhia.ru/> (дата обращения 02.09.2018).

Алексеева Наталия Юрьевна

Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ МОРДВЫ С СОСЕДНИМИ НАРОДАМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОДЕЖДЫ)

Аннотация: в культуре России и Среднего Поволжья народный костюм следует рассматривать через призму повседневности основных этносов, населяющих регион. Народный костюм является самостоятельным предметом комплексного научного исследования в истории культуры и представляет собой значимую разновидность культурного наследия, является историческим источником познания духовного содержания как отдельного человека, так и общества в целом. В Среднем Поволжье с древних времён происходило активное взаимодействие культур.

Ключевые слова: традиционная культура, народный костюм, этнокультурное взаимодействие.

ETHNOCULTURAL TIES OF MORDOVIANS WITH NEIGHBORING PEOPLES (ON THE BASIS OF CLOTHING)

Abstract: in the culture of Russia and the Middle Volga Region, folk costumes should be viewed through the prism of the everyday life of the main ethnic groups inhabiting the area. Folk costume is an independent object of multifaceted scientific research into the history of culture. As such it represents a significant element of cultural heritage, serving as a historical source for understanding the worldview of both individuals and society as a whole. In the Middle Volga Region since ancient times there has been active interaction of cultures.

Keywords: traditional culture, folk costume, ethnocultural interaction.

Мордва и соседние с ней народы, живущие на территории Среднего Поволжья – русские, татары, башкиры, чувашаи, удмурты и марийцы, – несмотря на их принадлежность к различным языковым группам, имеют много общего в занятиях, семейном быту, материальной и духовной культуре. Эта общность позволяет включить народы Среднего Поволжья в один общий хозяйственно-культурный тип.

Одежда – один из устойчивых признаков национальной культуры. В своих формах, отделке и способах ношения она хранит следы своего происхождения, отражает эстетические вкусы народа и указывает на культурно-исторические связи между народами.

Сравнивая одежду мордвы с татарской, чувашской, русской и других народов, живущих по соседству, можно найти много сходных элементов. На наличие общих истоков одежды финно-угорских народов, близость их культур указывает ряд деталей национального костюма, приемы его оформления [1, с. 19]. Например, белую холщовую рубаху туникообразного прямого покроя, не имеющую плечевых швов, украшенную вышивкой, носили не только мордовки, но и марийки, и удмуртки, и чувашки.

Изменения в деталях покроя белой традиционной рубахи мордвы и удмуртов объясняются желанием иметь более удобную для работы одежду и воздействием соседней тюркской культуры – чувашей, татар и башкир, для которых были более типичные рубахи с клиньями в боках, расширенные в подоле.

Мужская рубаха мордвы так же, как и женская, имела ряд аналогий среди мужских рубах народов Среднего Поволжья.

Штаны как женскую нательную поясную одежду носили в основном тюркоязычные народы. На территории Среднего Поволжья штаны носили чувашек, татарки и башкирки, а также женщины тех финно-угорских

народов, которые находились в тесном контексте с тюркоязычными. К ним следует отнести марийцев, мордву-мокшу, южных удмуртов. По своему покрою штаны были однотипны и относились к типу штанов с широким шагом и состояли из дна и двух штанин со вставленными в них клиньями [4, с. 65].

Верхняя распашная одежда прямого туникообразного покроя, сшитая из сурового холста и украшенная вышивкой, имелась не только у мордвы, но и у других народов Среднего Поволжья. Из тюркоязычных народов Среднего Поволжья халаты туникообразного покроя, сшитые из холста и украшенные вышивкой, имелись у башкир и чувашей.

Целый ряд аналогий у мордвы с другими народами Поволжья в типах верхней одежды, сшитой из сукна, чаще домотканого, и меха. Близость форм проявляется, с одной стороны, в одеждах длинных и широких, сшитых с прямой цельной спинкой. Таковыми являются, например, у всех народов Поволжья тулуп, шуба более старого образца, бытовавшая у башкир и татар, а также у мордвы.

Многочисленные параллели наблюдаем мы у мордвы с соседними, преимущественно с тюркоязычными народами, в различных видах короткой одежды с рукавами и без рукавов.

Головные уборы, особенно женские, у каждого из народов Среднего Поволжья очень своеобразные, но и среди них имеются близкие аналогии.

Распространенными головными уборами у мордовских и удмуртских девушек были повязки. По своему внешнему виду и размерам некоторые из них были так близки между собой, что только детали украшений и характер орнамента указывали на их национальную принадлежность.

Широко была известна почти всем народам Среднего Поволжья – удмуртам, чувашам, марийцам и др. круглая холщовая шапочка, обшита бисером или монетами, под названием «такъя» [6, с. 180].

Имеются у мордвы параллели с соседними народами, главным образом чувашами и марийцами, также среди поясных украшений. Старинный чувашский «хуре» и марийский «юпине» по своему виду и способу ношения напоминали в какой-то степени эрзянский пулагай [5, с. 172; 8, 56–58].

В старинных вышивках у народов Среднего Поволжья также имеются общие черты. Это относится к финно-угорским народам, а также к чувашам и отчасти к башкирам. Их сближает плотная зашивка фона, цветовая гамма, в которой доминирует красный цвет марены, техника шитья – косой стежок, набор и роспись, как контурный шов; разнообразная счетная гладь и почти полное отсутствие русского креста. В основном в вышивке преобладают геометрические узоры, реже встречаются растительные и животные формы. Все это создает своеобразный стиль, который выделяет вышивку финно-угорских народов среди других народов Среднего Поволжья.

Целый ряд групп мордовского населения, в основном эрзянского, перестав носить свой традиционный наряд, восприняли костюм соседнего русского населения, который стал переходной формой к современному костюму [2, с. 146].

Русский, ставший «мордовским», костюм состоял из составной рубахи с прямыми поликами, прямым разрезом на груди и сборками около ворота. Рубаха и её верхняя часть сохранили мордовские названия «панар» и «ожат», т.е. рукава, нижнюю часть называли по-русски подставой, станиной или станушкой.

Поверх рубахи надевали сарафан, называемый мордвой «сарахан» или «саракван». Наиболее старой формой сарафана, бытовавшей у мордвы, был раскошенный сарафан с клиньями. Более нарядным мордва считала прямой сарафан со сборами, который называли «московской». Его шили из набойки, которую обычно делали русские красильщики, имевшие красильные заведения в крупных селах [3, с. 194].

Из других, более поздних русских заимствований, следует указать юбку, получившую широкое распространение как у мокши, так и у эрзи. Как правило, женщины носили по две юбки. Нижнюю юбку шили из сурового холста, а верхнюю – из пестряди. С юбкой одевали кофту, более пожилые выпускали её поверх юбки, а молодые, в особенности девушки, забирали кофту под юбку и надевали кожаный пояс.

Имеется также много параллелей между русской и мордовской теплой одеждой как в материале, покрое, так и в названиях. Такие русские термины, как сукман – сумань, сермяга – сермега, азам, тулуп, балахон – плахон и др., прочно вошли в мордовский язык.

Таким образом, на формирование и развитие мордовского национального костюма повлияли финно-угорские, тюркоязычные народы и русские. Длительные культурные контакты и взаимные заимствования наложили своеобразный отпечаток на национальный костюм.

Литература

1. Алехина Н.В. Культурологические исследования динамики традиционного костюма народов Среднего Поволжья (XIX–XX вв.) // Этносоциум и межнациональная культура. – М., 2013. – С. 13–43.
2. Белицер В.Н. Мордва-каратаи и их культура. – М., 1960. – 257 с.
3. Бусыгин Е.П. Русское сельское население Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (XIX – начало XX в.). – Казань, 1966. – С. 191–196.
4. Гаген-Торн Н.И. Женская одежда. – Чебоксары, 1960. – 234 с.
5. Каховский В.Ф. Мордовско-чувашиские отношения по данным материальной и духовной культуры // Этногенез мордовского народа. – Саранск, 1965. – С. 168–176.
6. Крюкова Т.А. Мордовско-марийские отношения по данным материальной и духовной культуры // Этногенез мордовского народа. – Саранск, 1965. – С. 177–184.

7. Дмитриева И.В. Роль женщины в досуговой культуре чувашского народа / И.В. Дмитриева, Н.А. Петров // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева): Сб. тр. Всерос. науч. конф. с международным участием. – Чебоксары: Издательский дом «Среда», 2018. – С. 262–264.

8. Федулов М.И. Этнокультурные компоненты в погребальном обряде чувашей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород: Изд-во НННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2012. – №6. – Ч. 3. – С. 53–61.

*Бойко Иван Иванович
Харитоновна Валентина Григорьевна*
Чувашский государственный
институт гуманитарных наук
г. Чебоксары

ПРОЦЕССЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ И МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ДИАЛОГА: НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация: в статье представлены материалы по исследованию современного состояния межэтнических отношений и межкультурного взаимодействия в Чувашии. Также рассматриваются отношения местного населения к мигрантам и некоторые вопросы их взаимодействия. Работа написана по материалам социологических обследований, переписей населения и других источников.

Ключевые слова: этнокультурное развитие, межэтнический диалог, отношение к мигрантам, Чувашская Республика.

*Ivan Ivanovich Boiko
Valentina Grigoryevna Kharitonova*
Chuvash State Institute of the Humanities
Cheboksary

PROCESSES OF ETHNOCULTURAL DEVELOPMENT AND INTER-ETHNIC DIALOGUE: THE CASE OF THE CHUVASH REPUBLIC

Abstract: the article presents material on the study of the current state of interethnic relations and intercultural interaction in the Chuvash Republic. The relationship of the local population towards migrants and some aspects of their interactions are also discussed. The work is based on materials from sociological surveys, population censuses and other sources.

Keywords: ethnocultural development, interethnic dialogue, the attitude towards migrants, Chuvash Republic.

Вопросы реализации государственной национальной политики остаются актуальными как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Региональная национальная политика развивается с учётом традиций исторического взаимодействия и совместного развития разных народов многонациональной России, при этом в регионах накоплен определенный положительный опыт по стабилизации и регулирования в полиэтническом и поликонфессиональном социуме. Чувашия относится к национальным регионам, в развитии которых большое значение имеет сохранение историко-культурного наследия народов, их межкультурное взаимодействие. Изучение данной проблематики важно и для предупреждения конфликтов в межэтнической сфере, формирования культуры толерантности в полиэтнических сообществах, налаживания межэтнического диалога.

Источниковую базу статьи составили материалы социологических обследований Чувашского государственного института гуманитарных наук: регионального мониторинга «Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике» (2009–2015, 2017 г.), «Социокультурный портрет Чувашской Республики» (2006, 2012, 2016 г.). Был также изучен комплекс официальных документов, статистических источников, материалов переписей населения, СМИ и сети «Интернет», научных публикаций по данной теме. Авторами социологических исследований опубликованы ряд статей [1; 2], главы монографий по данной проблематике [7; 8].

Одной из существенных характеристик социокультурного развития и этнокультурного взаимодействия населения Чувашской Республики является этническое и конфессиональное многообразие. Самое непосредственное влияние на изменение и трансформацию этнокультурного и конфессионального состава населения оказывают развитые миграционные процессы, они связаны прежде всего с приездом в республику представителей новых для её жителей этнических культур. Итоги трех последних переписей населения (1989, 2002 и 2010 г.) демонстрируют динамику этих изменений. По данным микропереписи 1994 г., в республике фиксировалось наличие 43 этносов, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Чувашии проживали представители 128 национальностей и 8 этнических групп. При этом соотношение основных этнических групп, а это чувашаи, русские, татары, мордва, марийцы изменилось незначительно, их удельный вес в сумме составил 98, 2% в 2010 г., как и в 2002 г. Численность остальных этнических групп небольшая, более 1 тыс. чел. насчитывалось только белорусов и армян. С 1989 по 2010 г. значительно увеличилась численность и удельный вес представителей народов Кавказа и Центральной Азии, по некоторым этносам от 2 до 4 раз (армяне, азербайджанцы, грузины, таджики и др.) [3; 4]. Такие же процессы, иногда более интенсивные, наблюдаются и в других регионах Приволжского федерального округа [5; 6]. В целом в республике невысока доля выходцев из государств Закавказья и российских северокавказских республик, представи-

телей среднеазиатских государств. Часть жителей из названных государств является российскими гражданами. Кроме того наблюдается приток в республику трудовых мигрантов. В то же время в Чувашии более строго регламентируются правила привлечения трудовых мигрантов, чем в других регионах страны, вызванные особенностями развития трудовых ресурсов республики. Так, в соответствии с приказом Минтруда России, Чувашия в 2018 г. сможет выдать три разрешения на работу для иностранцев. Ранее республика не входила в число регионов, которым выделялись соответствующие квоты. Всего для ПФО количество разрешений на работу для иностранцев увеличилось на 643 и составило 6958 разрешений [9]. Контакты населения Чувашии с вновь прибывающими мигрантами, особенно из Средней Азии и Кавказского региона, незначительные, и их больше в городах, чем в сельских районах. Большинство жителей не имеет непосредственных отношений с представителями указанных групп приезжих, за исключением мест торговли. Одновременно сегодня наблюдается расширение зоны контактов: это также общественный транспорт, учреждения здравоохранения, образования, общественные места, складываются деловые контакты, в вузах, в некоторых трудовых коллективах, достаточно активно проходит взаимодействие в культурно-досуговой сфере. Это усложняет и углубляет этнокультурные и этносоциальные процессы в регионе. Одновременно фиксируются проявления негативных этнических стереотипов, а также и предубеждений в отношении не только представителей государств Закавказья, но и наших соотечественников из северокавказских республик.

Регулярные социологические исследования и мониторинг межэтнических отношений в Чувашии показывают, что в республике сложились доброжелательные отношения между представителями разных народов (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили современное состояние межнациональных отношений в Чувашской Республике?», %

Вариант ответа	2011	2013	2014	2015	2017
Очень хорошие, дружественные	8,8	10,1	10,3	11,4	9,9
Хорошие	45,6	42,4	44,0	47,7	39,3
Удовлетворительные, терпимые	35,6	35,1	32,6	30,3	40,9
Неважные	3,4	2,2	4,5	3,7	4,1
Плохие, враждебные	–	–	0,7	0,7	0,7
Затрудняюсь ответить	6,6	10,3	7,9	6,2	5,1

В ходе мониторинговых обследований фиксируются показатели, высоко оценивающие уровень этих отношений в Чувашии. В то же время обратим внимание на некоторое снижение доли лиц по данным 2017 г., выбравших первые два варианта ответов, и рост такой оценки межэтнических отношений, как «удовлетворительные, терпимые». Отметим также, что данная оценка входит в категорию положительных, и её выбор не дает основания для серьезной обеспокоенности. Дистанция в 2–3 процентных пункта между одинаковыми вариантами в разные годы не означает улучшения или ухудшения ситуации: социологи в таких случаях говорят, что разница – в рамках статистической ошибки. При подобных замерах важнее тенденция, а она достаточно благополучная.

В то же время отметим, что не все люди одинаково оценивают конкретные ситуации, связанные с проявлениями этничности (табл. 2). Как видно из данных таблицы, частые неуважительные высказывания о людях «своей» национальности слышали немногие. В основном это редкие или отдельные случаи. Кроме 2014, и в 2015, и в 2017 г. реальные факты неудобств или негативного к себе отношения имели менее 4% опрошенных жителей республики. Каждые 9 из 10 респондентов не испытывали отмеченного дискомфорта. При этом этническая составляющая не играла заметной роли в распределении оценок: такие случаи были характерны (вернее, не характерны) как для чувашей, так и для русских.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам в Чувашии за последние год-два слышать неуважительные высказывания о людях Вашей национальности, традициях, обычаях, языке Вашего народа от людей других национальностей?», %

Вариант ответа	2014	2015	2017
Да, приходилось часто	5,3	3,2	3,8
Да, приходилось, но редко	13,6	12,0	9,9
Да, были отдельные случаи	24,2	22,0	21,2
Нет, не приходилось	51,8	58,0	62,5
Затрудняюсь ответить	5,1	4,8	2,6

Часть из них предпочитает контакты с людьми своей национальности, не имея негативного отношения к другим людям. В этих случаях можно говорить об этнической настороженности. Полученные материалы дают основание говорить о том, что среди всех респондентов насчитывается около 15–20%, которые характеризуются этнической настороженностью при оценках различных жизненных ситуаций. В данном случае речь не идёт об обязательном преобладании негативной коннотации. Среди

этой части респондентов заметную долю составляют те, кто положительно оценивает межэтнические отношения в республике, благоприятно отзываясь о ситуациях, связанных с участием лиц другой этнической принадлежности, в которых они сами не участвуют.

Достаточно сдержанное или критическое отношение сохраняется к мигрантам, прибывающим в Чувашию, и когда мы ведем речь о благоприятном межэтническом климате в Чувашии в восприятии его респондентами, то, на наш взгляд, необходимо отметить, что приведенные оценки относятся к отношениям между представителями старожильческого населения республики, в первую очередь чувашей, русских, татар, мордвы, марийцев. Практически такое же отношение к белорусам, башкирам, удмуртам и т.д. Если вести речь о жителях Чувашии, которым задавали вопросы о ситуации с лицами, приехавшими в республику в течение последних десятилетий из бывших республик СССР и некоторых регионов современной России, то окажется, что уровень напряжения в восприятии этих лиц возрастает. Рассмотрим данный вопрос подробнее (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Сегодня активно обсуждается необходимость трудовой миграции для России. Как Вы считаете, необходимы ли современной России, в том числе Чувашии, трудовые мигранты?», %

Вариант ответа	2014	2015	2017
Да, но необходимы лишь те мигранты, которые намерены остаться в России навсегда, которые пытаются интегрироваться	14,7	7,0	9,1
Да, но необходимы лишь те мигранты, которые приезжают на заработки, но затем возвращаются к себе домой	15,9	16,3	13,5
Да, необходимы и те, и другие трудовые мигранты	5,8	6,8	6,6
Нет, никакие трудовые мигранты не нужны России	44,0	51,0	51,7
Затрудняюсь ответить	19,4	18,8	19,1

В ходе исследований у респондентов спрашивали: необходимы ли современной России, в том числе Чувашии, трудовые мигранты. При этом было отмечено, что негативные отношения не только сохранились, но и укрепились.

Прежде всего миграция оказывает существенное влияние на рынок труда и социальную атмосферу. Но с другой стороны, из-за того, что большая часть мигрантов и трудовых мигрантов является носителями нетрадиционной для региона культуры, отличаемыми по языку, поведению,

одежде, существует некая культурная граница, которая воспроизводится на уровне межличностных и межгрупповых отношений в повседневной практике общения.

В то же время следует обратить внимание, что беседы с лицами, прибывающими в Чувашию из Закавказья и бывших среднеазиатских республик СССР, показывают, что Чувашия является вполне благополучным для них регионом. Также следует иметь в виду, что когда мы оперируем показателями отношения к приезжающим в Россию на разные сроки работы и проживания, характер взаимоотношений определяется не только принимающей стороной, но и самими мигрантами. Практика взаимодействия принимающего населения и мигрантов определяется не только личным опытом, но прежде всего стереотипами групповых «Они» и «Мы» образов. Активные процессы освоения мигрантами «не своей» территории провоцирует социальную напряженность, социально-культурный дискомфорт. В окончательном проявлении критическое отношение не обязательно трансформируется в реальное поведение и поступки, здесь также фиксируется заметная разница в пользу сдержанности, терпимости.

Среди причин, которые влияют на проявление нетерпимости к людям иных национальностей и религий, чаще всего называли их вызывающее поведение в обществе (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, каковы причины нетерпимости к людям других национальностей, религий?» (можно было выбрать до двух вариантов ответа, %)

Вариант ответа	2014	2015
Личная неприязнь к таким людям	32,2	28,0
Их принадлежность к другим социальным группам	20,4	15,7
Их вызывающее поведение в обществе	45,4	51,4
Наличие негативных стереотипов у населения	34,1	37,3
Другое	5,5	3,2

Затем по частоте выбора отмечались: наличие негативных стереотипов у населения, личная неприязнь к таким людям, их принадлежность к другим социальным группам. При этом пол, возраст, этническая принадлежность респондентов не сказывается на характере ответов на данный вопрос. Среди вариантов «другое» назывались такие причины, как незнание и непонимание истории, различная религиозность, разжигание религиозной нетерпимости со стороны других государств. Некоторые писали, что не задумывались над этим. Наконец, участникам опроса задавался вопрос о мерах, какие необходимо принять для повышения уровня толерантности в обществе. Чаще всего надежды возлагались на семью и учебные

заведения (табл. 5). Безусловно, отмеченные пути повышения толерантности в республике могут сыграть положительную роль в этом процессе, но есть проблемы, которые выходят за рамки предложенных механизмов, и пути их решения представляются весьма сложными и неоднозначными.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, какие меры необходимо предпринимать, чтобы повысить уровень толерантности в обществе?» (можно было выбрать до двух вариантов ответа, %)

Варианты ответов	2014	2015
Усилить информационно-пропагандистскую работу	31,3	31,2
Чаще говорить в семьях о недопустимости враждебного отношения к людям других национальностей и религий	42,4	36,2
Повышать активность различных общественных организаций	14,9	13,3
Ужесточить наказание за негативные действия по отношению к людям других национальностей и религий	22,4	22,3
В учебных заведениях проводить занятия и различные мероприятия, направленные на повышение толерантности молодежи	40,7	39,8
Затрудняюсь ответить	12,9	14,2

Очевидно, что процесс социальной адаптации имеет взаимонаправленный характер, включает не только (им) мигрантов, но и местное население. Опросы показывают, что жители региона практически не владеют информацией о реальных проблемах мигрантов. В информационном пространстве, несмотря на имеющийся некоторый положительный опыт содействия межэтническому диалогу, недостаточно материалов по данной тематике.

В вопросах социальной адаптации более значима роль органов управления, но не менее значима роль институтов гуманитарной сферы: учреждений культуры, образования, здравоохранения, социальных служб, учреждений и организаций правовой защиты. Изучение факторов взаимодействия и интеграции населения региона в сфере культуры и межнациональных отношений приобретает на современном этапе все более актуальное значение.

Литература

1. Бойко И.И. Межэтническая и межконфессиональная ситуация в Чувашской Республике / И.И. Бойко, А.П. Долгова, В.Г. Харитоновна // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. – 2017. – №3 (43). – С. 107–121.
2. Бойко И.И. Национальная политика и межнациональные отношения в Чувашской Республике / И.И. Бойко, А.П. Долгова, В.Г. Харитоновна // Этнопанорама. – 2016. – №3–4. – С. 50–59.
3. Бойко И.И. Перепись 2002 года в Чувашской Республике: организация, этническая идентичность, родной язык / И.И. Бойко, Ю.К. Марков, В.Г. Харитоновна. – Чебоксары, 2006. – 66 с.
4. Национальный состав и владение языками, гражданство: Брошюра по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. – Чебоксары, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://chuvash.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chuvash/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения: 12.05.2016).
5. Мухаметшина Н.С. Стратегии освоения регионального социума мигрантами из постсоветских государств / Н.С. Мухаметшина, С.П. Кандауров, Н.В. Явкин; Под. ред. Н.С. Мухаметшиной. – Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2015. – 180 с.
6. Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность: Сб. ст. – Самара: ПГСГА, 2013. – 330 с.
7. Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика / Под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой. – Чебоксары, 2015. – 244 с.
8. Чувашская Республика. Социокультурный портрет / Под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой, Д.М. Шабунина. – Чебоксары: ЧГИГН, 2011. – 192 с.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravdapfo.ru/news/89738-chuvashii-vydelena-kvota-na.10.07.2018> (дата обращения: 22.08.2018).

*Волкова Марина Семеновна
Якунчева Марина Геннадьевна*

Мордовский государственный
педагогический институт имени М.Е. Евсевьева
г. Саранск

**ТРАДИЦИОННАЯ ОБРЯДОВАЯ ПИЩА МОРДВЫ
СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА (НА ПРИМЕРЕ ПОРЕЦКОГО
РАЙОНА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

Аннотация: на основе полевого материала, в статье описано бытование традиционной пищи в обрядах мордвы, проживающей в Порецком районе Чувашской Республики. Проведён анализ процесса трансформации состава обрядовой пищи мордвы сельского социума на современном этапе.

Ключевые слова: мордва, эрзя, пища, обряд, обряды жизненного цикла, сельский социум.

Marina Semenovna Volkova
Marina Gennadievna Yakuncheva

M.E. Evseyev Mordovian State Pedagogical Institute
Saransk

**TRADITIONAL RITUAL FOOD OF MORDOVIAN
RURAL SOCIETY (MATERIAL FROM THE PORETSKY
DISTRICT OF THE CHUVASH REPUBLIC)**

Abstract: on the basis of field material, the article describes the use of traditional food in the rituals of the Mordva living in the Poretsk district of the Chuvash Republic. the authors analyze the process of transformation in the array of the ritual foods in Mordovian rural society at the present time.

Keywords: Mordva, Erzya, food, rites, life cycle rituals, rural society.

Исследование системы питания народов России – важный раздел современной этнологии. Традиционная пища является своеобразным этническим маркером и служит одним из источников изучения истории народа, выявления механизма функционирования культурного наследия этносов в современных условиях.

В качестве объекта исследования нами были выбраны эрзянские села Порецкого района Республики Чувашия – Напольное, Рындино и Сыреси. Это старинные мордовские села, сохранившее богатое культурное наследие. Они граничат с Ардатовским районом Республики Мордовия. Одним из первых было основано село Напольное (1424 г.), а позже – Сыреси (1703 г.). Население данных сел уменьшается и на 2017 г. составляло около 2 тыс. человек.

В 2000 г. в этих селах работала этнографическая экспедиция Научно-исследовательского института гуманитарных наук Республики Мордовия. Нами был проведён опрос с использованием метода стандартизированного интервью с жителями села. Опрошены были более 20 человек мордовской национальности.

К респондентам обращались со следующими вопросами: 1. Какие Вы знаете мордовские национальные блюда 2. Часто ли Вы готовите национальные блюда? 3. Какой набор блюд является обязательным на свадебном застолье? 4. Какой набор блюд является обязательным во время совершения похоронно-поминального обряда?

Жители указанных сёл к числу национальных блюд мордвы отнесли блины (э. пачалксетъ), пироги с пшениной кашей (э. ямксонь кашань прякат), кислое молоко (э. чапомо ловсо), жареное мясо (э. рестазь сывель), вареники с ливером (э. сюлонь прякат) и др.

В ходе исследования было выявлено, что пищевые традиции и предпочтения сохранились лучше, нежели другие элементы материальной

культуры, как например, национальный костюм. Транслирование обрядовой культуры во многом способствовало сохранению пищевых традиций мордвы.

Так, проведение свадебного обряда предполагало присутствие определенного набора национальных блюд, которые готовились как в доме жениха и невесты, так и приглашенными. Обязательным для родственников жениха являлась выпечка обрядового хлеба (э. шумбра кши), который преподносился хозяевам [3, с. 219].

До настоящего времени не утратил своей семантики архаичный элемент свадебного обряда мордвы-эрзи – куз тарад (ветка ели). Его сопровождали ритуальные пироги. В с. Сыреси для свадьбы раньше пекли пять пирогов и у каждого было свое ритуальное предназначение. Самый большой и важный – лувонь кши использовался для благословения молодых. Второй по важности – «входной» (совамо пряка). Третий пирог – Авань ловцо (букв. материнское молоко), которое готовилось на молоке. Четвертый пирог предназначался для выхода на «чистое место» (ванькс таркань пряка). Пятым был свадебный пирог (той пряка) [ПМА].

На современном этапе в ходе проведения похоронно-поминального обряда бытует четкая регламентация подачи блюд.

В с. Напольное утром перед поминками на 40-й день, полгода и год ходят на кладбище приглашать умершего на обед. После возвращения с кладбища присутствующих угощают блинами с медом, пирогами с разной начинкой, пшенной кашей (веца ям). Затем на стол подают рыбный или гороховый суп, кашу, компот из сухофруктов (пси кампот).

На состав обрядовой пищи, приуроченной к календарным праздникам, большое влияние оказала религия. Особо почитаемы в сельском социуме такие православные праздники, как Рождество Христово, Крещение Господне, Пасха, Вознесенье Господне, День Святой Троицы, Покров Пресвятой Богородицы. В эти дни принято готовить различную выпечку, мясные блюда, каши и блины и угощать ими родственников, престарелых и одиноких соседей.

Мордва Порецкого района устраивала внеочередные поминки по разным причинам. Обязательно в этом случае пекли блины и резали пеху, из которого готовили суп, а его потроха бросали на кладбище.

Новации, проникающие в сельскую среду, привели к тому, что часть национальных блюд и напитков мордвы утрачена. Так, постепенно из числа обязательных обрядовых блюд исчезает кулага (густой кисель). По мнению информаторов, её приготовление очень трудоемкое и рассчитано на длительное время.

Если ещё в начале 90-г. XX века во время проведения обрядов было обязательным наличие большого количества национального мордовского напитка – поза, то в настоящее время этот напиток готовят в небольшом

количестве и только на совершение поминального обряда. Представительницы старшего поколения с сожалением вспоминают об утраченной традиции печь блины в печи.

По воспоминаниям многих респондентов, на праздник в честь святых первоверховных апостолов Петра и Павла, который отмечался 12 июля, обязательно готовили блюда из баранины. В настоящее время эта традиция полностью утрачена.

С большим уважением на селе относятся к представительницам старшего поколения, которые являются знатоками национальных традиций (э. коень содыцят). К ним часто за советами обращаются хозяйки, которые планируют проводить обрядовое мероприятие. Представителей старшего поколения приглашают на роль руководителей обрядовых действий, где они контролируют процесс приготовления и регламентацию подачи национальных блюд.

В ходе исследования были получены следующие выводы. В семьях, где живут представители довоенного периода (родившиеся в 30-х – начале 40-х г. XX века), сохранность традиций высокая, меньше заметны нововведения. Это во многом обусловлено сложившимся стереотипом пищевых традиций у данной возрастной группы и их транслированием в семье. Национальные блюда в таких семьях присутствуют и в повседневном меню. Большинство информаторов из числа данной группы отметили, что обязательно пекут блины в дни поминовения предков в родительские субботы, а также считают обязательным в дни Православных праздников и по воскресным дням печь хлеб и пироги.

Степень бытования традиционных блюд мордвы среди представительниц поколения, родившегося в 50–70-е г. XX века относительно высокая. Это связано с активным участием мужчин и женщин в проведении обрядовых мероприятий в качестве организаторов и участников. Но тем не менее следует отметить, что зафиксировано бытование традиционных блюд исключительно в обрядовой сфере, на будничном столе они присутствуют реже.

Ответы молодежи отличаются неоднородностью. Респонденты, проживающие в неразделенных семьях, не только знают, но и часто готовят традиционные блюда. Из них 25% информаторов, хотя и знают состав национальных блюд, в домашних условиях не готовят. Одной из главных причин утраты бытования традиционных блюд в рационе питания молодого поколения является отсутствие в домашнем обиходе печи. Согласно устоявшемуся в сельском социуме мнению, национальные блюда мордвы должны готовиться непременно в ней.

По сведениям многих респондентов, технология приготовления национальных блюд подверглась модификации под воздействием включения в обиход современных бытовых приборов. Это не только облегчило процесс их приготовления, но частично привело к их утрате.

Анализируя локальный вариант модели питания, можно констатировать о сохранности основного комплекса обрядовых блюд эрзянского субэтнуса. Это касается традиционной свадебной выпечки, постоянного набора блюд поминального стола и календарных праздников.

На фоне современных новаций в сельском социуме наблюдается возрождение традиций, и в частности, национальной кухни. Традиционным стало проведение фольклорных праздников и обрядов, где мастерицы национального кулинарного искусства села угощают своих односельчан обрядовыми пирогами, блинами, различной выпечкой и мордовской позой.

Таким образом, в перспективе состав традиционной пищи мордовского народа будет подвергаться процессам дальнейшей трансформации и модификации. В связи с этим необходимо продолжить популяризацию национальной кухни мордвы, что является залогом трансляции и сохранения этнической культуры.

Литература

1. Волкова М.С. Семейные обряды мордвы республик Поволжья и Приуралья // Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре / Отв. ред. и сост. В.А. Юрченков; НИИ ГН при Правительстве РМ. – Саранск, 2005. – С. 110–119.
2. ПМА: Кержаева М.В., 1947 г.р., с. Напольное; Разоренова Е.И., 1938 г.р., с. Рындино; Учаева Анна Ивановна, 1936 г.р., с. Сыреси (записи 2000 г.).
3. Якунчева М.Г. Функционирование традиционной пищи в обрядовой культуре мордвы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – №4. – С. 217–219.

Вязова Ольга Георгиевна

Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

БЫТ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ЧУВАШИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОБСЛЕДОВАНИЯ 2018 г.)⁵⁶

Аннотация: в статье исследуются изменения, происходящие во внутреннем убранстве домов сельских жителей современной Чувашии, отмечается уменьшение национальных и традиционных моментов в оформлении интерьера дома. Подчеркивается сохранение большой роли мнения общества во внутреннем обустройстве жилищ.

Ключевые слова: бытовой комфорт, газификация, газовое и печное отопление, внутреннее убранство дома, печь, традиционная и современная мебель, фотовитрины, бытовая техника.

⁵⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №17-11-21009 а (р).

Olga Georgievna Vyazova

I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary

**VILLAGE LIFE IN MODERN CHUVASHIA
(ON THE BASIS OF RESEARCH MATERIAL FROM 2018)***

Abstract: changes in the internal furnishing of village houses in modern Chuvashia are investigated in the article. The author notes a reduction in national and traditional elements in the interior decor of homes. Social opinion regarding the internal arrangement of dwellings continues to play a major role.

Keywords: household comfort, gasification, gas and oven heating, internal home furnishing, furnace, traditional and modern furniture, photo display cases, household appliances.

Быт, уклад повседневной жизни – это внепроизводственная сфера, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей (в пище, одежде, жилище, поддержании здоровья), так и освоение духовных благ (культура, общение, отдых, развлечения). Выделяются общественный, национальный, городской, сельский, семейный, индивидуальный быт [4, с. 184]. Быт сельских жителей в большей степени, чем быт горожан несет в себе этнокультурные особенности. Эти вопросы продолжают привлекать внимание исследователей нашей республики [2]. В данной работе из достаточно большого количества вопросов, входящих в понятие «быт», в качестве предмета изучения выбрано только жилище сельских жителей Чувашии. На данном этапе нас в первую очередь интересовали не количественные, а качественные характеристики домов сельских жителей.

Источниковой основой исследования стали материалы, полученные в ходе включенного наблюдения, проведенного автором летом 2018 г. в трех селениях (д. Синькасы, д. Егоркино, д. Торханы) Шумерлинского района, анкетного опроса студентов Чувашского государственного университета, а также кратковременных экспедиций по сельским населенным пунктам Ядринского, Моргаушского, Вурнарского, Мариинско-Посадского, Яльчикского, Батыревского, Комсомольского районов. С разрешения хозяев домов удалось сделать интересные фотографии хозяйственных и жилых построек, оформления внутреннего двора и интерьера дома.

Исследование проходило на основе анкеты, разработанной автором. При составлении вопросов учитывалось то, что подобные массовые исследования чувашской деревни проходили в 1933, 1960, 1970 и 1980 г. Таким образом, в анкету включены семь блоков: характеристика дома, интерьер жилища, убранство жилища, мебель, наличие бытовой техники и средств передвижения, баня, помещение для содержания скота, погреб, подпол, а также сведения о составе семьи, проживающей в доме. В связи с ограниченностью объёма статьи, мы рассматривали вопросы, связанные с внутренней характеристикой дома.

В сельских районах Чувашии, в районных центрах, поселках городского типа, наряду с личными домами сохраняются многоквартирные дома, как правило, 2–3-х этажные. Как и в городах, в ходе приватизации квартиры в таких домах стали личной собственностью проживающих в них людей. Планировка и обстановка в этих квартирах ничем не отличается от типовых городских. В большинстве случаев хозяевами улучшена комфортабельность проживания: проведена горячая и холодная вода, устроена канализация, оборудованы ванные или душевые комнаты, к примеру, так было сделано в д. Торханы Шумерлинского района (ПМА. Материальная культура сельского населения. 2018). Единственно эти квартиры отличает от городских то, что во дворе дома часто имеются хозяйственные постройки для содержания птицы, мелкого и даже крупного рогатого скота.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что современная чувашская деревня активно стала строиться и обустраиваться. Фактически все респонденты сообщали о проведении ремонтных работ, даже если дома были построены совсем недавно. Ремонтные работы в новых домах обуславливались «необходимостью обновления обстановки»: переклеивались обои, пластиковые плиты на потолках заменялись современными натяжными потолками и т.д. Если дома были построены в 1960–1990-е г., то чаще всего утепляли стены, снаружи дома обшивали различными материалами: кирпичом, деревянным или пластиковым сайдингом, с целью увеличения площади дома пристраивали дополнительные помещения-комнаты, для проведения газового отопления появлялись котельные. Вместо железа для покрытия крыш стал использоваться профнастил, для лучшего сохранения тепла деревянные окна повсеместно стали заменяться на пластиковые. Пластиковые окна, как правило, уже не украшались никакими узорами.

Активная газификация республики, проводившаяся в последние годы, изменила облик внутренней обстановки жилого помещения. Во многих домах, где имеется газовое отопление, вне зависимости от района, возраста хозяев дома, профессиональной принадлежности, убирается печь. В то же время значительное количество респондентов в качестве причины сохранения печи в доме указывало на необходимость иметь дополнительный или запасной вид отопления. Чаще всего это пожилые люди (ПМА. Материальная культура сельского населения. 2018). Новые технологии позволили помимо газового использовать электрическое отопление, но и в этом случае как дополнительное сохранялось печное отопление.

Уровень газификации в Чувашской Республике на 1 января 2017 г. составил в сельской местности 67,13% [1]. Следовательно, имеются ещё дома, в которых сохраняется печное отопление. Результаты показания показали, что такие дома имеются в Шумерлинском, Ядринском, Красноче-

тайском районах. При этом все населенные пункты, где проживали респонденты, указавшие на наличие печного отопления, газифицированы. Поэтому, на наш взгляд, основной причиной сохранения печного отопления является материальная: нет средств на проведение газового отопления (ПМА. Материальная культура сельского населения. 2018).

Бытовой комфорт, ранее характерный для городского жилья, т. е. наличие канализации, горячей и холодной воды, ванны или душевой кабины стал активно проникать и в сельскую местность. Если даже так комфортно не были оборудованы дома, то часто респонденты отмечали, что многие «обязательно в ближайшее время планируют провести воду, устроить ванную или душевую кабину, сделать туалет внутри дома или в отапливаемом пристрое к дому. Даже пенсионеры при поддержке детей также переоборудовывали дома по-городскому. Однако не все пожилые люди соглашались с данными нововведениями. Так, 70-летний житель деревни Москакасы Моргаушского района на предложение детей провести канализацию в дом ответил: «Будет запах. Что сил нет выйти на улицу в туалет!» (ПМА. Материальная культура сельского населения. 2018).

Анализ собранного материала позволяет предположить, что традиция украшать внутреннее убранство дома полотенцами, настенной вышивкой осталось в прошлом. Только два респондента отметили, что угол с иконами оформлен полотенцами с чувашской вышивкой. В доме 72-летней жительницы деревни Егоркино Шумерлинского района нам удалось увидеть украшение настенных зеркал, фотографий, размещенных в рамке на стене и даже настенного календаря с помощью полотенец с вышивкой (ПМА. Материальная культура сельского населения. 2018). Такое обилие вышитых полотенец было объяснено тем, что «у чувашей так было принято» и полотенца вышивались матерью и самой хозяйкой дома, а некоторые даже специально приобретались (ПМА. Материальная культура сельского населения. 2018) [9].

Практически обязательным атрибутом сельского дома становится наличие иконы, которая, как правило, размещалась на специальной полке в углу комнаты. Иконы или иные атрибуты религиозного (в том числе мусульманского) культа имелись у 74,8% опрошенных в 1980 г. [3, с. 84].

Значительно реже в домах стали размещать фотовитрины, в которых помещались фотографии бабушек, дедушек и других родственников. Как правило, их можно было увидеть в домах пожилых людей. В домах более молодых жителей сельской местности фотовитрины вообще отсутствовали или размещались уже не в основных комнатах, а на веранде или в комнатах бабушек и дедушек. По словам жительницы д. Персирланы Ядринского района раньше фотографии родителей, бабушек, дедушек имелись над каждым окном в доме. Недавно все убрали, так как сказали, что вешать портреты умерших людей не хорошо» (ПМА. Материальная куль-

тура сельского населения. 2018). Вместо фотовитрин широкое распространение получает размещение на стенах, комодах, в стенках за стеклом фотографий детей и внуков. Фотографии хранятся в фотоальбомах, в компьютерах и ноутбуках.

Совершенной экзотикой стало развешивание плакатов, афиш или фотографий актеров, певцов и других известных людей. Одна студентка отметила, что в подростковом возрасте на стенах ее комнаты были размещены фотографии популярной в то время группы «Ранетки» (ПМА. Материальная культура сельского населения. 2018).

Во вновь построенных или существенно перестроенных домах не находят место такие в прошлом традиционные элементы мебели, как сундуки, деревянные скамейки, резные деревянные стулья. Они переносились из дома в летние кухни, веранды, в предбанники. Сундуки сохранялись как память о бабушках и в них хранились старые вещи. Всего два человека отметили, что в доме сохранились детские колыбели, подчеркнув, что в них очень удобно укачивать маленьких детей. Повсеместно используется современная мебель: диваны и кресла, стенки, кухонные гарнитуры, книжные шкафы и шкафы для одежды, вновь входят в моду комоды. Для утепления пола сельские жители продолжают активно использовать ковры и дорожки, но уже исключительно фабричного производства.

В анкету по изучению материальной культуры были добавлены вопросы о наличии бытовой техники. Разбор данной части анкеты показал, что сельские жители пользуются самой разнообразной техникой, необходимой в быту. В домах имеются не только холодильники, но и морозильные камеры, пылесосы и стиральные машины, мультиварки и соковыжималки, электромясорубки, соковарки, микроволновые печи, кофемолки и кофеварки, блендеры и миксеры, кухонные комбайны, электрические вытяжки, компьютеры и интернет. Не в каждой семье имелся полностью перечисленный набор бытовой техники, но в каждом доме были холодильники и телевизоры, газовые или электрические плиты, почти у всех – автоматические стиральные машины и пылесосы. Единственно можно отметить некоторую консервативность селян в области освоения новых видов бытовой техники. Ни один респондент не указал, что для уборки дома используются моющие пылесосы или пылесосы-роботы, единицы отметили, что в доме есть посудомоечная машина. Некоторые объясняли отсутствие большого количества кухонной бытовой техники тем, «что лучше все делать, как делали раньше руками». (ПМА. Материальная культура сельского населения. 2018).

В ходе изучения быта сельских жителей нас также интересовал вопрос, чем сегодня руководствуются селяне при проведении переустройства, ремонтных работ или обустройстве дома. В качестве ответов на данный вопрос респонденты указывали следующее: «руководствовались мнением членов семьи», «подказали родственники, соседи», «так, сейчас

делают». Последний вариант ответа фигурировал очень часто, к нему приходили и в ходе проводимых бесед, когда респонденты затруднялись найти ответ на поставленный вопрос. «Так сейчас делают» оказывалось очень часто сильнейшим фактором в поведении селян. Иногда оно даже шло в разрез со здравым смыслом. Во многих домах деревянные, как мы сегодня отмечаем, экологичные потолки, обклеивались пластиковыми панелями. Сегодня, как дань моде, они стали заменяться на натяжные потолки. Всего лишь два человека отметили экологичность при обустройстве дома. Именно этим они объясняли сохранение деревянных потолков, полов, использование деревянной вагонки для внутренней и внешней отделки дома. К сожалению, только несколько человек указали на использование национальных традиций при обустройстве дома, как правило, это касалось украшения окон резьбой, полотенцами с национальной вышивкой икон, фотовитрин. Некоторые респонденты указывали на то, «что надо бы использовать национальные элементы», но неумение вышивать или отсутствие свободного времени не давало возможности реализовать на практике эту идею.

Литература

1. Газовому хозяйству Чувашии исполнилось 60 лет. Газпром. Межрегионгаз. Чебоксары. (Официальный сайт) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gmch.ru/info.aspx?type=publ&id=7343> (дата обращения: 01.12.2018).
2. Егорова О.В. Развитие скотоводства и пастушества чувашей в XIX – начале XXI века / О.В. Егорова, И.В. Дмитриева, Н. Игату // Вестник Чувашского университета. – 2017. – №4. – С. 85–92.
3. Иванов Л.А. Изменение материальной культуры сельского населения Чувашии (По материалам экспедиций 1933, 1960, 1970, 1980 г.) / Л.А. Иванов, И.Д. Кузнецов, П.А. Сидоров, П.П. Фокин // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. – Чебоксары, 1986. – С. 45–94.
4. Советский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1983. – 1006 с.
5. Дмитриева И.В. Роль женщины в досуговой культуре чувашского народа / И.В. Дмитриева, Н.А. Петров // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева): Сб. тр. Всерос. науч. конф. с международным участием. – Чебоксары: «Издательский дом «Среда», 2018. – С. 262–264.

Егоров Дмитрий Владимирович
Чувашский государственный
институт гуманитарных наук
г. Чебоксары

ОПЫТ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ НЕБЕСНОГО БОЖЕСТВА КЕПЕ

Аннотация: статья посвящена одному из высших небесных божеств чувашского пантеона – богине Кепе, управляющей судьбами человеческого рода. В ней предпринята попытка мифологической реконструкции персонажа: выявлена этимология, прослежена эволюция, проанализированы религиозно-мифологические воззрения и культовая практика чувашей.

Ключевые слова: Кепе, небесное божество, судьба, жертвоприношение, миф.

Dimitry Vladimirovich Egorov
Chuvash State Institute of the Humanities
Cheboksary

ESSAY ON THE MYTHOLOGICAL RECONSTRUCTION OF THE CELESTIAL DEITY KEBE

Abstract: the article is devoted to one of the highest celestial deities of the Chuvash pantheon – the goddess Kebe, who controls the fate of the human race. The essay attempts to reconstruct the mythology connected to the character: the author uncovers the etymology and traces the evolution of the deity while analyzing the religious-mythological views and cult practices of the Chuvash.

Keywords: Kebe, celestial deity, fate, sacrifice, myth.

Тюркоязычные предки чувашского этноса имели достаточно развитую религиозно-мифологическую систему: разветвленный пантеон, разнообразные религиозные культы, магические ритуалы, сакральные памятники и институт жречества. Они верили в чудодейственные силы природы и стихий, от которых зависели судьбы и хозяйственные успехи людей. «К этим таинственным существам и обращался первобытный человек за помощью в трудных случаях своей жизни, наделяя при этом их своими, человеческими свойствами: сознанием, волей, желаниями, чувствами» [7, с. 6], – констатировал видный религиовед П.В. Денисов. С течением времени в мифологическом сознании населения появились высшие и низшие божества, подвергавшиеся на различных исторических этапах трансформации под воздействием архаических и мировых религий, госу-

дарственно-политического устройства, социально-экономических отношений и этнокультурных контактов, совершенствовалась ритуальная практика.

На иерархической вершине пантеона чувашей, в одном ряду с верховным богом *Турă*, небесными божествами *Пулăхсĕ*, *Пихамтар*, *Хăрпан* стояла богиня *Кене* (иная фонетическая номинация – *Кебе*), управляющая судьбами человеческого рода. Согласно мифологическим представлениям этноса, она являлась доброй небесной силой, одним из величественных и действенных сверхъестественных существ. Не случайно люди называли её «чувашским божеством» («*чăваш торри*») [3, с. 189].

В этнографической литературе представлены разные характеристики *Кене*: В.А. Сбоев дефинирует её как судьбу, предопределение, рок; бога, управляющего всеми земными и подземными делами и особенно судьбами рода человеческого [21, с. 103]; Н.И. Золотницкий – судьбу, рок, предопределение, участь, жребий, долю; духа, управляющего судьбами человеческого рода [10, с. 33]; В.К. Магницкий – Бога, управляющего судьбами человеческого рода [12, с. 64]; Г.И. Комиссаров – судьбу, второстепенное божество [11, с. 378]; Н.В. Никольский – судьбу, имеющую власть «внутри земли или под землёю»; доброе божество, обитающее на небесах [17, с. 89] и т.д.

Богиня *Кене* имеет ряд этнокультурных параллелей с другими народами Волго-Уралья. У удмуртов божество судьбы носило название *Каба-инмар* [18, с. 235]. В штате марийского бога небосвода *Кава юмо* состоял *Кава пурьшиö* (предопределяющий судьбу неба) [22, с. 98]. Роль богини судьбы в мордовской мифологии играла *Нишкенде тейтерь* – старшая дочь богини плодородия, покровительницы родов, рожениц и женских работ *Анге Патяй* [6, с. 205].

Большинство исследователей полагают, что этимон *Кене* распространился под влиянием ислама и имеет арабское происхождение: Кааба – главная святыня мусульман в виде гранитного куба с черным камнем внутри во внутреннем дворе мечети Масджид аль-Харам в Мекке, которая собирает паломников со всего мира во время хаджа. По мнению ряда ученых, от названного арабского слова произошли и марийские *кава*, удмуртское *каба*, означающие небо. Финский лингвист М. Рясänen считал, что *Кене* возникла под влиянием марийской лексемы *кава* («небо»), в доказательство чему привёл параллели с удмуртскими (*Каба-инмар* «богиня судьбы») и финскими (*каро*, *каве* «богиня») словами [29, с. 253–254; 23, с. 267]. По мнению А.К. Салмина, *Кене* можно назвать «божеством-небом» по аналогии с марийским божеством неба *Кава йумо* [20, с. 352].

Существуют и другие гипотезы происхождения теонима. Е.А. Малов вывел слово *Кене* (название божества) от еврейского *кокаб* «звезда» [13, с. 25]. По мнению Н.А. Андреева, теоним возник от имени древнегреческой богини вечной юности Гебы – дочери Зевса и Геры [1, с. 13].

М.Р. Федотов констатировал, что *Кене* была принята теократией древних финно-угров и чувашей в период хазарского господства [23, с. 267]. Согласно гипотезе В.Г. Родионова, до мусульманского влияния она имела название *Кёне* «рубаха», «послед» (*ача кёни*), «душа грудного ребенка» и являлась покровительницей деторождения, определяющей судьбу новорожденных (у древних тюрков ей соответствовала богиня *Умай* – супруга *Тенгри*) [19, с. 39, 42].

В удмуртских говорах лексемы *кава* и *каба* также дефинируются как ночное световое явление на небе, раскрытие небесных врат на некоторое мгновение, в ходе которого, согласно мифологическим воззрениям, исполнялись любые просьбы и пожелания людей. Согласно Р.Г. Ахметьянову, указанный небесный феномен у татар и башкир *күк кабагы* (*капусы*) *ачылу* «откровение небесных ворот» или «откровение века глаза неба» может свидетельствовать об идентичности слов *кене*, *кэбэ*, *каба*, *кава* с общетюркским словом *кабак* – ворота, веки глаз, крышка [2, с. 31].

Во время вышеотмеченного светового явления верховный бог чувашей *Турă*, выступающий в образе обожествляемого голубого неба, «раскрывал» небесный свод (врата неба) *кавак хуппи*, освещал землю и наблюдал за ней. Не случайно финский исследователь Х. Паасонен охарактеризовал *кавак хуппи* как «*тёнчене сүтатса тӓракан турă*» – бога (*Турă*), освещающего вселенную [28, с. 71]. Словом *кавак* в древнейшие времена предки чувашей называли небо, позднее распространилось новое название – *пӗлт*, означающее небо, облако и тучу. В словаре чувашского языка Н.И. Ашмарина зафиксировано другое выражение указанного небесного феномена – *кенапӓкӗ* (*кене алӓкӗ*) *уӗӓлни* [3, с. 189], т.е. раскрытие врат *Кене*. Иными словами, богиня *Кене* в мифологическом сознании населения могла ассоциироваться в качестве неба и в определенные моменты играть роль верховного бога *Турă*, открывающего небесные врата. Не случайно в пантеоне, приведенном Н.В. Никольским, богиня судьбы представлена как *Сӗлти Кене* [17, с. 89] – всевышняя или верховная *Кене* (по аналогии с *Сӗлти Турă* – всевышний или верховный *Турă*).

Кене и *Турă* связывали родственные отношения. Так, Х. Паасонен отмечал, что *кебене* является духом, пребывающим перед *Турă* и родственным с ним [28, с. 62]. Чаще всего *Кене* предстает в качестве супруги всевышнего. По мнению Н.И. Егорова, изначально она называлась *Сӗр-Шыв* (древнетюрк. *Jer-Sub*, букв. «Земля–Вода»), в результате табуизации (как правило, в период *синсе*, во время «беременности» земли) – *Сырă* (древнетюрк. *Jayız* «бурый» и «Земля», букв. «бурая») и *Хёрлӗ Сыр* (древнетюрк. *Jayız Jer Sub*, букв. «красно-бурая»); название *Кене* супруга *Турă* получила у булгаро-чувашей под воздействием ислама [8, с. 105]. Согласно древнейшим религиозным представлениям, *Турă*, олицетворяющий небо, и *Сӗр-Шыв*, воплощающий в себе землю и воду, являлись супругами, от брака которых произошли все земные блага. Позднее, благодаря влиянию

православия, богиня судьбы *Kene* стала ассоциироваться с христианским апостолом [4, с. 305; 7, с. 358; 25, с. 51].

Венгерский этнограф Д. Месарош охарактеризовал *Kene* в качестве главы *Пирёити* – чувашских небесных ангелов-хранителей человеческих душ. Считалось, что у всех людей на земле есть свои невидимые ангелы, сидящие на плечах, записывающие добрые и негативные деяния и оберегающие от несчастий и злых духов. Узнав о грехах человека, они сообщали о них старшему по статусу *Пүлэхçе*. *Пирёити* через *Kene* или *Пүлэхçе* передавал *Турă* человеческие просьбы, а также доносил от божеств до людей благие вести [16, с. 457–461; 25, с. 61, 73–76]. *Пүлэхçе*, назначив счастливую или несчастливую участь новорожденным на земле, возвращался на небо и докладывал о проделанной работе *Kene* (или *Турă*) [17, с. 90].

Таким образом, *Kene* являлась посредником между верховным богом и людьми. Она исполняла добрые послания *Турă* на земле, а также возносила к нему принесенные молитвы людей. Не случайно *Kene* упоминалась в конце молитвы: «...Пусть дойдет от нас к Кепе, от Кепе к Богу» [25, с. 71; 26, с. 183; 14, с. 29, 111]. Кроме того, богиня судьбы являлась примиряющей и объединяющей силой. У доброго небесного существа чуваша просили согласия между народом с одной стороны, божествами и духами – с другой, удовлетворенности принесенными жертвами. Её призывали предоставить людям добро и благополучие, а врагам – наслать страдания. Каждому человеку *Kene* сулила либо добрую, либо злую участь [25, с. 71–72; 15, с. 623–624; 16, с. 463–464, 542].

Согласно народному поверью, богиня судьбы произошла от одинокой старухи, которая многое повидала и натерпелась на своем веку, оказывала помощь людям, обучала труду, детям давала разум. Благодаря своим добрым деяниям пожилая женщина превратилась в божество. Место её жительства чуваша называли *Kene-ту* [25, с. 71; 4, с. 71] (гора *Kene*), что, по всей видимости, означает мировую гору небесного мира. Это сакральное место известно обилием пчел и меда. По чувашским религиозным воззрениям, пчелы являются детьми *Турă*. Земным жилищем *Kene* являются мировое дерево и мировая гора, соединяющие небо и землю [9, с. 122].

В источниках богиня *Kene* сравнивается с сакральным и почтенным образом матери. «*Kene – анне, йна кўренттерме юрамасть*» (*Kene* – мать, её нельзя обижать) [25, с. 20], «*Анне – кепе, унна вёрсма юрамасть*» (Мать – *Kene*, с ней нельзя ругаться) [14, с. 243], «*Kene вай анне, аннўне ан хирёçтер, аннў сймахё – Кепе сймахё, вай çере ўкмест*» (*Kene* – это мать, не гневи ее, материнское слово – слово *Kene*, оно не упадет на землю) [25, с. 71], – гласит чувашская мудрость. Если родители проклинали своих детей именем *Kene*, то последние лишались доброй участи.

С глубоким пиететом чуваша относились к матери и отцу небесного божества *Kene* – *Kene амйшё* и *Kene аишйё* [25, с. 62; 3, с. 189; 12, с. 197].

Во время молений пчеловоды просили у матери *Kene* хороших медоносных пчел [3, с. 189; 26, с. 62]. В.К. Магницкий весьма оригинально дефинировал «Кебе амьже» как царицу пчел, обитающую «при реке Волге между камнями, откуда вытекает мед» (желающие вкусить мёд должны были преподнести деньги) [12, с. 89].

Наряду с родителями *Kene* в источниках и литературе выделяются и другие ипостаси божества и отдельные персонажи: *Мӓн Kene* (Великий *Kene*) – великий посланник и переводчик, *Мӓн Kиремет Kene* (*Kene* Великого Киреметя) – посланник Киреметя [5, с. 4], *Kene Kиремечӓ – Kиремет Бога*, управляющего судьбами человеческого рода [12, с. 64], *Сӓр-шыв тытан Kene – Kene*, владеющая землей и водою [25, с. 71–72; 4, с. 243]. В случае вымирания детей в семье чуваша устраивали моление пряниками восьми божественным силам (как добрым, так и злым): *Kene, Kene аишӓ, Kene амӓшӓ, Kene умӓнче сӓӓрекен Пӓлӓхсӓ, Kene хаярӓ, Kene инкекӓ, Kene синкерӓ, Kene синкер сӓӓренӓ*: «Боже не оставь! Рожденное крепкой рукой дай, не рожденное родивши дай! Помилуй, не оставь! С пряником молитву творю тебе» [24, с. 163; 12, с. 197–198].

Всеми почитаемой богине *Kene* ежегодно приносили жертвы, так как она, согласно народным воззрениям, молилась за чувашей [16, с. 463–464]. Её поминали весной во время семейного моления с кашей в честь благополучия скота *карта пӓтти*, устраивали полевое жертвоприношение осенью, моление пивом и обряд освящения нового урожая *сӓра чӓкӓ*. Молились *Kene* и утром, и вечером. В жертву приносили гуся, барана, быка, лошадь, кашу, лепешку *юсман*, пиво, мёд и др. [25, с. 72; 4, с. 275; 16, с. 542]. В источниках в качестве жертвы *Kene* чаще всего упоминается гусь (отсюда моление называется *хур кӓлли*). Согласно информатору Н.И. Ашмарина, перья и кости гуся выбрасывали за околицу деревни [3, с. 189]. Великому посланнику *Мӓн Kene* приносили лошадь [5, с. 10].

Могущественная сила богини *Kene* нашла свое отражение в ритуально-магической речи чувашей. С её именем связано одно из страшных родительских проклятий по отношению к своим детям в ходе сильной ссоры: «*Кепене кайтӓр!*» [3, с. 189]. Люди давали клятву и присягу, обращаясь к божествам *Kene* и *Хӓрпан*, полагая, что они покарают нарушителя [3, с. 190; 25, с. 72]. Для лечения от детского сглаза чуваша обращались к заговорной магии, в которой упоминали, наряду с другими божествами, *Kene* и *Kene амӓшӓ* [27, с. 56].

Таким образом, богиня судьбы *Kene* обладала высоким статусом в чувашском пантеоне. Выполняя посреднические функции между верховным богом и людьми, она определяла жизненный путь и предназначение каждого человека. Ритуально-магическая практика чувашей свидетельствует о сакральном почитании *Kene*. Несомненно, дальнейшие историко-этнологические и лингвистические исследования небесного божества, его генезиса и эволюции позволят пролить свет на неизвестные аспекты

функционирования существа, выдвинуть новые гипотезы, установить аутентичный мифологический образ.

Литература

1. Андреев Н.А. К вопросу о создании исторической лексикологии // Чуваши язык, литература и фольклор. – Чебоксары: НИИ при Совете Министров Чувашской АССР, 1974. – Вып. 3. – С. 3–20.
2. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1981. – 144 с.
3. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1934. – Вып. VI. – 320 с.
4. Ашмарин Н.И. Чувашская народная словесность: Исследования. Автобиография, воспоминания. Письма / Сост. и примеч. В.Г. Родионова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. – 430 с.
5. Вишневский В.П. О религиозных поверьях чуваш. Отд. оттиск. – Казань, 1846. – 26 с.
6. Девяткина Т.П. Мифология мордвы: энциклопедия. – 2-е изд., испр. и доп. – Саранск, 2006. – 332 с.
7. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. – 408 с.
8. Егоров Н.И. Мифонимы // Чувашская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – С. 105.
9. Егоров Н.И. Чувашская мифология // Культура чувашского края: Уч. пос. / В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, Н.И. Егоров [и др.]; сост. М.И. Скворцов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. – Ч. 1. – С. 109–146.
10. Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. – Казань, 1875. – 279 с.
11. Комиссаров Г.И. Чуваши Казанского Заволжья // Известия ОАИЭ. – Казань, 1911. – Т. XXVII. – Вып. V. – С. 311–432.
12. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. – Казань: Типография Императорского Университета, 1881. – 267 с.
13. Малов Е. О влиянии еврейства на чуваш. Опыт объяснения некоторых чувашских слов. – Казань: Типография Императорского университета, 1882. – 28 с.
14. Месарош Д. Памятники старой чувашской веры / Пер. с венг. Ю. Дмитриевой. – Чебоксары: ЧГИГН, 2000. – 360 с.
15. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 57. И.Н. Юркин. Чувашские стихи, песни. 770 с.
16. НА ЧГИГН. Фонд Н.В. Никольского. Отд. I. Ед. хр. 213. Язык. Этнография. Фольклор. 558 с.
17. Никольский Н.В. Краткий конспект по этнографии чуваш. – Казань: Третья Тип. Губ. Совета, 1919. – 104 с.
18. Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. – М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2005. – 464 с.
19. Родионов В.Г. Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике. – Чебоксары: ЧГИГН, 2017. – 324 с.
20. Салмин А.К. Система фольклор-религии чувашей. – СПб.: Наука, 2007. – 653 с.

21. Сбоев В.А. Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания и пр. – М.: Типография С. Орлова, 1865. – 188 с.
22. Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология. Этнографический справочник. – Йошкар-Ола, 2007. – 312 с.
23. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. 1. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. – 470 с.
24. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ача-пăча фольклорĕ. – Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2009. – 415 с.
25. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Мифсем, легендăсем, халапсем. – Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2004. – 567 с.
26. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Пилсемпе кĕлĕсем. – Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2005. – 446 с.
27. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Чĕлхе сăмахĕсем. Вĕрĕ-суру чĕлхи. – Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2014. – Пĕрремĕш кĕнеке. – 383 с.
28. Paasonen H. Tschuwasschisches wörterverzeichnis / Eingeleitet von A. Ronatás. – Szeged, 1974. – 244 s.
29. Räsänen Martti. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. – Helsinki: Suomalis-Ugrilainen Seura, 1969. – 533 s.

Егорова Оксана Вениаминовна

Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ДЕТСКОЙ ОДЕЖДЫ ЧУВАШЕЙ⁵⁷

Аннотация: в статье раскрываются важнейшие аспекты исторической трансформации традиционной детской одежды чувашей. Сегодня детская одежда чувашских детей ничем не отличается от одежды других народов, проживающих в России. Она уже не является в полном смысле чувашской традиционной одеждой, так как не шьется в традиционной чувашской семье и не выполняет часть важных функций. В традиционном обществе одежда для детей выполняла несколько функций. Современной одежде присущи лишь две из них – утилитарная функция (удобство и защита тела ребенка от неблагоприятного воздействия окружающей среды) и информационно-эстетическая функция (содержит информацию о человеке и украшает его). Сакральное значение утеряно полностью, для выполнения информационно-эстетической функции чувашские орнаменты практически не используются.

Ключевые слова: трансформация, глобализация, детская одежда.

⁵⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-11-21009 а(р).

Oksana Veniaminovna Egorova

I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary

Abstract: the article reveals the most important aspects of the historical transformation of traditional Chuvash children's clothing. Today, the clothing of Chuvash children is no different from that of other peoples living in Russia. It is no longer in the full sense traditional Chuvash clothing, as it is not sewn in the traditional Chuvash family and does not play a part in important functions. In traditional society, clothing for children performed several functions. Modern clothing has only two of them – a utilitarian function (convenience and protection of the child's body from the adverse effects of the environment) and an informational and aesthetic function (conveying information and decorating the person). The sacred meaning has been entirely lost, and for the implementation of informational and aesthetic functions, Chuvash ornamentation is not used.

Keywords: transformation, globalization, children's clothing

В культуре этноса традиционная одежда и народный костюм – явление комплексное, цельное и представляет собой важнейший ее компонент. Одежда и украшения, созданные в течение тысячелетий, являются памятниками культуры, в которых отражены социальная жизнь, природные условия, художественные вкусы, понятие о нравственном идеале, воззрения и миропонимание народа в различные исторические эпохи. В последние десятилетия чувашские исследователи подробно изучали чувашскую одежду, особенности костюмных комплектов этнографических и этнотерриториальных групп чувашей (Е.А. Ягафова, Г.Н. Иванов-Орков, В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев) [1, с. 319], однако из общего содержания выпали описание, семантика детской одежды. И.Г. Петровым предпринята попытка описания магических и защитных функций одежды в родильных обрядах чувашей [4, с. 300–304].

Многие чуваша в настоящее время стараются не готовить детские вещи для ребенка, поскольку это по поверьям предвещает смерть новорожденного. Ребенка заворачивали в основном в старую одежду родителей. Использование нательного белья для пеленания детей имело, видимо, практическую основу. Это было дешевле, чем изготовить новое, и, кроме того, стираемая одежда была более мягкой и удобной для детей. Но вместе с тем обычной этот имел и определенную символику. Н.Я. Никифоровский писал, что из обносок близких родных изготовляли пеленки, чтобы ребёнок непременно унаследовал их положительные качества [3, с. 35]. Полагали, что одежда отца или матери, используемая при рождении ребенка, не только имела охранительную символику, но и наделяла ребенка возможностью дожить до зрелого возраста и старости. Этнограф И.Г. Петров утверждал, что рубашка родителей с сохранившимся на ней потом, запа-

хом в данном обряде имела вполне выраженную апотропеическую и продуцирующую символику и восходила к обрядам контактной магии. Одежда отца или матери в данном контексте не только защищала новорожденного от невидимых и воображаемых бед, но и наделяла ребенка счастливыми долей, возможностью дожить до зрелого возраста, старости [4, с. 31]. В основном чувашки заворачивали ребенка тем, «что под рукой окажется». Нередко женщине приходилось заворачивать новорожденного в подол платья.

Ткань, из которой шили пеленки (*пелче*), была самая разнообразная: от самодельного холста до базарной простой материи, в зависимости от возможностей и состояния родителей.

На голову ребенка надевали чепчики. Когда ребенок научился ползать или сидеть, на его ноги надевали шерстяные носки, чулки или полчулки. В самом юном возрасте, когда малыш вырастал из пеленок, его передевали в рубашку одинакового покроя для детей обоего пола. Причем в крестьянской семье она шилась на вырост, но так, чтобы ребенок мог в ней свободно ползать, передвигаться, играть. Подобную одежду дети носили примерно с одного года до двух-трех лет. Но и до 4–5 лет одежда мальчиков и девочек была почти одинакова.

Мальчики и девочки до трех-пяти лет носили одинаковые штаны «сытак» (*сыртма йём, сиртма йём, сирма йём, тёнсер йём, шйтэк йём*), представляющие собой две узкие штанины, соединенные пояском из холста, сзади имели отверстие, т.е. шаговый шов не сшивался. Подобные штаны носили многие народы. После трех-четырёх лет мальчику шили штанишки, девочке – платье. Есть упоминание, что на двухлетнюю девочку одевали платье с ромбовидной нашивкой либо вышитыми цветочками, на ноги – лапти, суконные чулки, шапку. Более взрослому ребенку шили штаны со швом по бокам и внутри. Пояс делали отдельной вставкой холста, застегивался он на пуговицу. Когда мальчик начинал носить мужскую рубашку, его называли «арсын ача» (отрок, мальчик). Рубашка была прямого покроя с длинными узкими рукавами, круглым, стоячим воротом, застёгивавшимся на пуговицу.

С 10 лет начинали надевать кафтаны. В весенне-осенний период дети надевали летний кафтанчик. Кафтан девочки, как правило, изготовлялся из белого холста с шитьями, длинными, узкими рукавами с круглым воротом и небольшой сборкой на плечах. Юбка на спине и с боков собиралась в частую, мелкую сборку. На спинную и грудную части пришивался подклад из белой мешковины. Кроме кафтанов девочкам шили еще *шупър* (*шубыр*) [5, с. 95], а зимой – полушубок. На голову в холодную погоду мальчики надевали шапки, девочки повязывали платок. Девочки примерно с пяти лет носили платки, завязанные, как у женщин: узлом под подбородком или на шее сзади. Мальчики носили валяные шапочки. Практически все дети вне зависимости от пола, возраста и времени года

носили головные уборы. Хождение без головного убора считалось неприличным.

Детская обувь, как и одежда, копировала взрослую: как только ребенок начинал передвигаться, ему надевали традиционные лапти. Более обеспеченные в позднее время носили туфли из мешковины на плотной кожаной подметке и низком каблуке. Носок был круглым и тупым, высокий задник. Подметка прикреплялась деревянными гвоздями.

Таким образом, детский традиционный костюм во многом копировал одежду взрослых. Нередко детям перешивали платья, которые ранее носили взрослые члены семьи. Детская одежда отличалась от взрослой только своими размерами, а не конструкцией и упрощенной вышивкой. До пятилетнего возраста детская одежда почти не отличалась по полу. Отличались головные уборы. Шапочки девочек выделялись яркостью, дополнительными нашивками. Новая одежда и лапти надевались в основном на Пасху. Верхняя одежда чаще всего носилась не по размеру, ее не хватало на всех детей. Традиционная детская одежда вышла из употребления в 50-е г. XX в.

Известный российский этнограф П.В. Денисов отмечал, что в середине XX в. характерной особенностью одежды у чуваш является изготовление ее в большинстве случаев из тканей фабричного производства, как хлопчатобумажных, так шерстяных и шелковых, а также широкое распространение готового платья и обуви. Данное явление учёный объясняет тем, что ткани фабричного изготовления и готовое платье стали теперь доступны рядовому чувашскому колхознику [1, с. 211]. До революции рядовой чувашский крестьянин, испытывая острую нужду в тканях, приобретал их в весьма ограниченном количестве, так как мизерный доход крестьянина шёл на оплату налогов, займов и приобретение основных орудий производства.

С проникновением в обиход фабричных тканей начинают меняться и фасоны самой одежды. Многие сельские жители после войны стали переезжать в город. Сельские жители стали больше сталкиваться с городской культурой, что приводило к трансформации национальной одежды. П.В. Денисов подчеркивал, что проникновение в быт чуваш новых форм одежды вовсе не уничтожает национальных особенностей костюма, а напротив, обогащает последний. Чувашские женщины, не забывая старой национальной одежды, творчески усваивают и перерабатывают элементы русской народной или современной готовой одежды фабричного изготовления. Трансформация в большей мере наблюдалась в женской одежде [1, с. 213]. Женщины и дети наряду с национальной одеждой носили различные вязаные кофты, жакеты костюмного образца, пальто и т. д. В повседневной жизни сельские жители пользовались теплыми ватными куртками, изготавливаемыми местными пошивочными мастерскими. Однако сельская женщина имела дублёнку, крытую нередко сукном.

Вместо лаптей дети начинают носить фабричные сандалии, сапоги, ботиночки. В зимнее время популярными были валенки, которые приобрелись как у местных валяльщиков, так и в магазине. Некоторые информаторы отмечали, что изделия первых требовали тщательного ухода, их часто поела моль. Фабричные валенки, несмотря на жесткость, были удобны для хранения.

Все большее распространение в 1970-е г. получает машинная вышивка. Большой популярностью пользовались изделия, изготовленные на Альгешевской фабрике «Паха тёрё». Филиалы данного предприятия были открыты во многих районах республики. Чувашская вышивка украшала как взрослую одежду, так и детскую.

Детская одежда в 1990-е г. стала более разнообразной. Современная одежда весьма разнообразна, потому что в условиях глобализации на неё влияют самые разные тенденции моды. Качество изделия желала быть лучшим. Однако они пользовались популярностью среди детей, поскольку имели изображения любимых героев зарубежных мультсериалов.

Повседневная детская одежда потеряла полностью сакральное значение. Чувашские традиционный стиль, орнаменты, вышивки содержит лишь праздничная одежда и концертные костюмы. Новые модели костюмов широко используются на сценах театров и в концертных залах. Из повседневной жизни традиционные платья и даже вышивки вышли из употребления. Технический прогресс и глобализация привели к тому, что из повседневности все больше и больше уходит национально-культурная составляющая.

Литература

1. Денисов П.В. Национальная одежда низовых чуваш южных районов Чувашской АССР // УЗ ЧНИИ. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1955. – Вып. XI. – С. 210–251.
2. Иванов-Орков Г.Н. Традиционная одежда и народный костюм (историю, структуру и эволюцию) / Г.Н. Иванов-Орков, Г.Б. Матвеев, В.П. Иванов // Чуваши: история и культура. – Чебоксары, 2009. – Т. 1. – С. 319.
3. Никифоровский Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обыряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. – Витебск: Губернская Типо-Литография, 1897. – 344 с.
4. Петров И.Г. Магические и защитные функции одежды в чувашских родильных обрядах // Известия Самарского научного центра РАН. – 2009. – Т. 11. – №6. – С. 300–304.
5. Михайлов С.М. Собрание сочинений / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 509 с.

Загайнова Альбина Юрьевна
Марийский государственный университет
г. Йошкар-Ола

**ОРНАМЕНТАЦИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ШТАМПОВАННОЙ
КЕРАМИКИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА
(ПО МАТЕРИАЛАМ 2017–2018 г. ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Аннотация: в статье рассматривается орнаментация среднеазиатской штампованной керамики из средневекового города Сарай ал-Махруса (Селитренное городище) на основе материалов археологических исследований 2017–2018 гг.

Ключевые слова: Золотая Орда, Хорезм, археология, средние века, керамика, орнаментация.

Albina Yuryevna Zagainova
Mari State University
Yoshkar-Ola

**ORNAMENTATION OF CENTRAL ASIAN STAMPED
CERAMICS ON THE TERRITORY OF THE SELITRENNY
FORTIFIED SETTLEMENT (ON THE EXAMPLE
OF 2017–2018 RESEARCH)**

Abstract: the article examines ornamentation on Central Asian stamped ceramics from the medieval city of Sarai al-Makhruza (the Selitrenny fortified settlement) on the basis of materials from archaeological studies of 2017–2018.

Keyword: Golden Horde, Khorezm, archaeology, middle ages, pottery, ornamentation.

Государственное образование Улус Джучи, возникшее в середине XIII в. на территории Евразийских степей, получило в русских летописных источниках название Золотой Орды. В состав этого государства вошли традиционно оседлые земледельческие области с достаточной развитой культурой и экономикой, такие как Южный и Восточный Казахстан, левобережный Хорезм, Северный Кавказ, Крым, Волжская Болгария, мордовские земли, Поднестровье. Но большую часть территории занимали пустынные, степные и лесостепные пространства Северного и Западного Казахстана, Волго-Уральского междуречья, Поволжья, Подонья.

Золотая Орда сочетала в себе кочевую и оседлую культуру, представленную крупными средневековыми городами, с развитой экономической и политической системой. Сарай ал-Махруса (Сарай-Бату) – один из крупнейших золотоордынских городов, остатки которого находятся на территории современного памятника археологии Селитренного городища. В

этом городе пересекались различные торговые пути, а его население представляло различные народы, вследствие чего сложилась богатая материальная культура. Крупные торговые и культурные связи Сарай ал-Махруса имел с крупными среднеазиатскими государствами и городами, что подтверждают данные археологии. В 2017–2018 г. на территории городища проводились археологические изыскания, в ходе которых выявлено большое количество штампованной хорезмийской керамики.

Штампованная сероглиняная и белоглиняная керамика встречается в Средней Азии ещё в домонгольскую эпоху, однако широкое распространение получила в период расцвета ордынской цивилизации его украшали дополнительным декором и обжигали в горне.

Сосуды изготавливались с помощью вытягивания из комка глины. Формовочные массы чаще всего были без крупных видимых примесей, либо с примесью мелкозернистого песка. Обжиг – сквозной, светло-серого цвета. Сосуды с примесью песка могли иметь тёмно-серую, вплоть до черного, поверхность. Орнамент на сосуды чаще всего наносился с помощью штампов-кальпов, также мог использоваться штамп-валик. Штампованная сероглиняная керамика изготавливалась путем оттиска в полукруглых керамических формах – кальпах. Кальпы обычно делали с помощью гончарного круга из красной глины, а затем на него наносили резной, штамповый или налепный орнамент, после чего кальп обжигался.

Штампованная керамика Хорезма обычно представлена тремя видами сосудов – кувшинами, плоскодонными флягами и двояковыпуклыми флягами. Сосуды собирались из отдельных частей, вытянутых на круге. Орнамент наносился обминанием заготовок в кальпе, отчего на внутренней поверхности остаются характерные следы пальцев. Для стыковки использовался дополнительный жгут, прикреплявшийся с внутренней стороны. На внешней стороне место стыковки оставалось лишенным орнамента [9, с. 412–416]. Однако на территории Селитренного городища в 2017–2018 г. штампованная керамика была представлена лишь в фрагментарном состоянии, что не позволяет определить форму сосудов.

Орнаментация штампованной керамики достаточно широка и разнообразна, она имеет сложный и насыщенный рисунок. Для декора хорезмийских штампованных сосудов характерно большое количество мелких, однотипных деталей и отсутствие незаполненного пространства. Нижняя часть сосудов орнаментировалась простым незамысловатым узором. Обычно на штампованной керамике сочетаются геометрический, растительно-цветочный, зооморфный и эпиграфический орнаменты, выполненные с помощью отдельных штампиков.

Геометрический орнамент представляет собой полосы из рядов небольших ромбов овалов, треугольников, кругов, прямых вертикальных и горизонтальных линий, звезд.

Изображения цветов широко распространены на данном виде керамики: хризантемы, трилистники, цветочные розетки, а также цветок лотоса часто можно встретить на хорезмийских сосудах. Различные листья и растительные побеги также украшают штампованную керамику [9, с. 143].

Зооморфные штампы представлены изображениями зайцев, рыб и летящих птиц. Обычно изображения животных наносились на верхнюю часть сосуда и дополнялись украшениями из геометрических фигур или растительными мотивами (рис. 1).

Рис. 1. Растительно-геометрический штамп

Эпиграфический орнамент на хорезмийской керамики представляет собой краткие повторяющиеся надписи на арабском языке. На территории Селитренного городища в 2017–2018 г. не было обнаружено фрагментов штампованной керамики, украшенной эпиграфическим орнаментом.

Нередко сероглиняную штампованную керамику украшали цветной поливой, обычно голубого и ультрамаринового цвета. Полива покрывала чаще всего свободное от штамповки пространство сосуда, но иногда наносилась штампованный орнамент.

По мнению многих исследователей, хорезмийская штампованная керамика является самой лучшей по качеству из всей, встречающейся на территории Золотой Орды, и поэтому она вызывала подражания [8, с. 89]. Штампованную керамику Хорезма от местного подражания ей отличает высокое качество формовочного материала и обжига, а также серый цвет

черепка на изломе. Местное подражание определено культурным влиянием среднеазиатских керамических культурных традиций на гончарное производство золотоордынских городов, расположенных на нижней Волге. Материальная культура золотоордынских городов – это результат смешения различных культурных традиций как местных (булгарских, кыпчакских и славянских), так и среднеазиатских и закавказских, а также это результат смешения городской и кочевнической культуры. Сероглиняная и белоглиняная штампованная керамика, найденная на Селитренном городище, а также других золотоордынских памятниках археологии, говорит о торговых, культурных связях различных территорий Улуса Джучи.

Литература

1. Бойко А.Л. Новые находки керамических импортов из раскопок средневекового Азака по материалам 1989–1990 г. // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990 г.). – Грозный, 1991.
2. Бочаров С.Г. Керамика Хорезма в западных регионах Золотой Орды / С.Г. Бочаров, А.Н. Масловский // Вестник КазГУКИ. – 2015. – №2–4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/keramika-horezma-v-zapadnyh-regionah-zolotoy-ordy> (дата обращения: 27.09.2018).
3. Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (XI–XVII вв.) // Керамика Хорезма. Труды хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – Т. IV. – М., 1959.
4. Кдырнязов М.-Ш. Хорезм в эпоху Золотой Орды // Труды ГИМ. Город и степь в контактной евроазиатской зоне. – М., 2013. – Вып. 184. – С. 110–114.
5. Кдырнязов М.Ш. Хорезм и Северное Причерноморье в золотоордынскую эпоху / М.Ш. Кдырнязов, О.Ш. Кдырнязов // Донские древности. Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. – Азов, 2009. – Вып. 10. – С. 183–187.
6. Науменко В.Е. Штампованная керамика Золотой Орды: история изучения / В.Е. Науменко, Э.И. Сейдалиев, Д.Э. Сейдалиева // Золотоордынская цивилизация. – 2017. – №10. – С. 203–210.
7. Панина Э.Л. Штампованная керамика золотоордынских городов / Э.Л. Панина, И.В. Волков // Средняя Азия. Археология. История. Культура: Материалы Междунар. конф., посв. науч. деятельности Г.В. Шишкиной. – М.: Гос. музей Востока, 2000. – С.89–91.
8. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М.: МГУ, 1994. – С. 142–147.

Иванов Ананий Герасимович

Марийский государственный университет
г. Йошкар-Ола

**С.М. МИХАЙЛОВ О ЛЕСАХ И ЛЕСНЫХ ПРОМЫСЛАХ
В КОЗЬМОДЕМЬЯНСКОМ УЕЗДЕ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА**⁵⁸

Аннотация: в статье рассматривается один из важных аспектов творческого наследия первого чувашского этнографа С.М. Михайлова, посвященный проблематике леса и лесных промыслов в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии в середине XIX в. На основе его опубликованных трудов выявлены специфика размещения широколиственных и хвойных лесов в правобережье и левобережье Волги и удельный вес занимаемой лесной площади в нагорной и заволжской части уезда, показана специфика использования лесных богатств края казенным ведомством, сельским и городским населением. Установлено, что широкое распространение лесопромышленной деятельности и традиционных лесных промыслов обуславливалось возросшими потребностями. Приводимые С.М. Михайловым факты и сведения о лесных промыслах полностью подтверждаются архивными материалами. Труды известного учёного середины XIX в. востребованы и в наши дни.

Ключевые слова: С.М. Михайлов, труды, Козьмодемьянский уезд, описание лесов, специфика правобережья и левобережья, лесопромышленная деятельность населения, традиционные лесные и народные промыслы.

Anany Gerasimovich Ivanov

Mari State University
Yoshkar-Ola

**S.M. MIKHAILOV ON WOODLANDS AND FOREST
CRAFTS IN KOZMODEMYANSK DISTRICT
IN THE MID-NINETEENTH CENTURY**

Abstract: the article examines an important aspect of the creative legacy of the first Chuvash ethnographer, S.M. Mikhailov, concerning the question of woodlands and forest crafts in Kozmodemyansk District of Kazan province in the mid-nineteenth century. On the basis of Mikhailov's published works, the author shows the specificity of the location of broad-leaved and coniferous forests on the right and left banks of the Volga, and details the proportion of space occupied by forest on the right bank and Zavolzhye section of the county. Spe-

⁵⁸ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект №18-49-120005 «Лесное хозяйство Марийского края второй половины XIX – начала XX веков в документах и материалах».

cific patterns of usage of forest resources in the region by government organizations, as well as the rural and urban population are shown. It is established that the widespread nature of timber industry activities and traditional forest crafts was a product of increased demand. The facts provided by S.M. Mikhailov about forest crafts are fully corroborated by archival materials. The scientific works of this well-known scientist of the mid-nineteenth century remain relevant to this day.

Keywords: S.M. Mikhailov, scientific works, Kozmodemyansk District, forest description, Volga River right bank and left bank features, timber industry, traditional forest and national crafts.

Жизнь и деятельность Спиридона Михайловича Михайлова (1821–1861), талантливого исследователя, первого чувашского этнографа, историка, географа, статистика, фольклориста, писателя, оставившего богатое научное наследие по истории и культуре русского, чувашского и марийского народов, многократно привлекали внимание научной общественности. Усилиями многих выявлялись и публиковались ранее неизданные его труды, проводились научные исследования, конференции и юбилейные мероприятия [2; 3; 5; 6; 7].

Достойными памятниками творческого наследия С.М. Михайлова стали образцово изданные известным историком В.Д. Димитриевым его труды в 1972 г. [5] и с дополнением опубликованное собрание сочинений в 2004 г. [6]. В этих изданиях содержится обширный материал, в том числе ценнейшие сведения о состоянии лесов и лесных промыслов в Козьмодемьянском уезде в середине XIX в. Среди них «Статистическое описание Козьмодемьянского уезда за 1852 год» [5, с. 97–126; 6, с. 110–198], «Статистические очерки Козьмодемьянского уезда» [5, с. 149–157; 6, с. 160–168] и другие статьи [5, с. 167–171, 199, 226, 273–276, 287–288; 6, с. 168–172, 206–207, 231–232, 246–279, 265–266, 301–306]. Вместе с тем с сожалением приходится констатировать, что написанная в 1857 г. рукопись С.М. Михайлова «Описание лесного промысла в Козьмодемьянском уезде», направленное в Казанское губернское управление для препровождения в Лесной департамент Министерства государственных имуществ, до сих пор не разыскана и не опубликована [2, с. 163].

Согласно данным изданных трудов С.М. Михайлова, леса и лесные промыслы в середине XIX в. занимали одно из важных мест в социально-экономической жизни населения Козьмодемьянского уезда, граничавшего с шестью уездами Казанской, Вятской и Нижегородской губерний, где в 1852 г. числилось 78 тыс. человек, в том числе русских – 13,5 тыс. (из них горожан Козьмодемьянска и Троицкого посада – 6 тыс. и уездных жителей – 7,5 тыс.), марийцев – 29 тыс., чуваш – 35,5 тыс. человек обоого пола [6, с. 110–126, 132, 135].

Обширные лесные массивы были характерной чертой «царства растений» Козьмодемьянского уезда, где из общей площади в 465,7 тыс. десятин леса занимали 332,7 тыс. дес. (71,5%). При этом в «особенности изобилует лесами» левобережная луговая сторона Волги в 276,5 тыс. дес. (59,4%) и лишь 56,2 тыс. дес. (12,1%) приходится на правобережную нагорную сторону [6, с. 110, 118].

По ведомственному управлению левобережные леса относились к 1-му лесничеству, а правобережные – ко 2-му лесничеству. В обоих лесничествах основная площадь лесов, в том числе корабельные рощи морского ведомства и «заказные рощи», принадлежала казне. Удельный вес крестьянских лесов и помещичьих лесов был незначительным (12,7%) [6, с. 110–112, 118]. Спецификой левобережной части являлось то, что здесь «находится сплошная масса леса». В нагорной стороне, наоборот, «лес расположен отдельными небольшими колками или частиками» в оврагах и между полей, за исключением Янымовско-Тарашнурской рощи, Ценибековской, Малосундырской, Васькинской и Янымовской крестьянских дач, а также дачи помещика Микулина, где размещались сплошные лесные массивы. Характерно и то, что на песчаных почвах левобережья в основном произрастали безбрежные хвойные леса (сосна, ель, пихта, лиственница), а в правобережье главным образом широколиственные леса (дуб, липа, береза, клен, ясень, вяз, осина и др.). Сверх этого как на луговой, так и нагорной стороне произрастали орешник, рябина, черемуха, шиповник, ежевика, малина, яблоня, смородина, хмель, различные кустарники и другие растения [6, с. 118–119].

Насыщенный фактический материал, приводимый С.М. Михайловым свидетельствует о том, что лес и его богатства являлись объектом пристального внимания и востребованности как со стороны государства, так и различных слоев городского и сельского населения. Так, по распоряжению Морского департамента ежегодно в Козьмодемьянском уезде в большом количестве производилась заготовка и отправка правобережных дубов «к портам Архангельскому и Санкт-Петербургскому». Мачтовые сосны левобережья «для флота» доставлялись в Санкт-Петербург. Обычно леса для кораблестроения вырубались осенью и конными лашманами вывозились на три казенные пристани – по реке Волге при с. Ахмылове и д. Шешкары, а по Суре на «Красноселищенскую» пристань. Большие порубки «за попенные деньги» производились в заволжской стороне и по Волге сплавлялись в Казань и «другие низовые города до Астрахани» [6, с. 119].

На сезонных лесоразработках и лесосплаве (бурлаки, плотогоны) была занята значительная масса наемных работников из числа горожан и крестьян. В пределах Козьмодемьянского уезда лесные изделия и другие товары для сплава судопромышленниками грузились по берегам Волги на Козьмодемьянской, Коротнинской, Руткинской, Покровской, Ильинской, Сосунихинской, Великовской, Шешкарской и Кинярской пристанях, а

также на реке Рутке. Среди них Козьмодемьянская пристань по объему товарооборота стояла на первом месте. Заготовка и лесосплав составляли «главный предмет» торговли козьмодемьянцев [6, с. 165, 167, 265, 304–306]. В 1859–1862 г. на пристани Козьмодемьянска ежегодно в среднем загружалось 41 речное судно исключительно из дров, бревен, теса, жердей, угля, смолы, дегтя и разных древесных изделий весом в 87 тыс. пудов на сумму 43,6 тыс. руб. [4, с. 371].

Как чиновник Козьмодемьянского земского суда С.М. Михайлов обладал широкой информацией по экономическим вопросам. Из содержания ведомости, поданной 12 октября 1848 г. лесничим 1-го Козьмодемьянского лесничества Вахромеевым земскому исправнику И.П. Арканову, видно, что «из растущего соснового и елового леса» заволжской части уезда за предыдущие 12 месяцев было построено 26 речных судов. Владельцами готовых 12 «расшив с крышами», 13 «кладнушек с крышами», 1 «подчалки без крыши» были 18 государственных крестьян Козьмодемьянского уезда, 3-е мещан Троицкого посада, 2-е козьмодемьянских купцов, 2-е помещичьих крестьян Васильсурского уезда Нижегородской губернии. Среди них купцы 3-й гильдии Василий Козьмин-Свешников и Семен Игнатъев-Лаптев; троицкие мещане Евграф Васильев Пономарев, Михаил Федоров-Ерышев, Кузьма Андреев-Бочкарёв; казенные крестьяне Яков Захаров-Плишкин, Ефим Фролов-Белоусов, Степан Семенов-Галкин, Иван Парамонов-Ларченков (2 судна), Кирилл Михайлов-Гнусаев, Степан Петров, Евстафий Никитин Грачев, Степан Михайлов-Дубинин, Петр Гаврилов-Ларченков, Степан Емельянов, Михаил Андреев-Самарин из села Покровского, Андрей Васильев-Осипов из деревни Копаней, Степан Павлов-Самойлов из деревни Юль Шудермары, Ефим Андреев из деревни Средние Паратмары, Яков Степанов-Сорокин из села Ахмылово, Василий Андреев-Черепанов, Герасим Григорьев-Ведерников, Купреян Ермолаев-Ведерников из деревни Рутки; крепостные крестьяне княгини Мещерской Степан Григорьев-Ключин и госпожи Демидовой Григорий Данилов-Рябов из села Осинки Васильского уезда [3, с. 202].

Внимание С.М. Михайлова, вероятно, привлекали и многочисленные частные акты, заключаемые между лесопромышленниками и крестьянами. Типичным в этом отношении представляется содержание следующего контракта: «1849 года октября 10 дня мы, нижеподписавшиеся Казанской губернии Козьмодемьянского уезда Кожваш-Сигачкинской волости села Троицкого Аказина тож из черемис крещеные Тимофей Семенов, Григорий Семенов, Ларион Федоров, Дмитрий Сидоров, Семен Степанов, Леонтий Яковлев, Лаврентий Степанов, Михаила Максимов, Леонтий Сидоров, деревни Малой Яктерли Герасим Степанов, Роман Матвеев, Яков Филиппов, Федор Савельев, [деревни] Другой Яктерли Василий Максимов и [деревни] Большой Яктерли Степан Яковлев и Павел Тимофеев

дали сей контракт козмодемьянскому 3-й гильдии купцу Матвею Дмитриеву Зубкову в том, что мы, вышеписанные обязались по узаконенным билетам, полученным нами от господина козмодемьянского лесничего 1-го лесничества со взносом подлежащих в казну попенных денег собственным нашим щетом, вырубить нынешнею зимою из казенной или обывательской Ардинских дач сосновых красного леса твердого качества прямоствольных и не сучковатых длиною четырех сажень, толщиной в вершине семи вершков, с отделки шести вершков шестьсот пятьдесят; трех-саженных толщиной восьми и девяти вершков. С отделки семи вершков семьсот, а всего тысячу триста пятьдесят брусьев. Которые зимой обяваны перевезти на берег реки Рутки. А по вскрытии на оной льда весною будущего 1850-го г. самоскорейшим временем сплавить Козмодемьянского уезда к пристани, именуемой Кушарской. За каковые брусья договорились мы получить с него, Зубкова, по пятидесяти копеек серебром за каждый брус, всего на сумму шестьсот семдесят пять рублей. В число которых при написании сего контракта получить по трицети восьми копеек, всего пятьсот тринадцать рублей серебром. Ещё по окончании сухопутной вывозки на берег помянутой реки Рутки, получить по шести копеек, всего восемьдесят один рубль. А последние за тем получить по благополучной доставке из дачи на упомянутой Кушарской пристани всего количества брусом и выдачи ему, Зубкову на сплав на полное количества билета. В случае нашей неисправности или худого качества леса, имеет он, Зубков, из остающейся суммы вычитать с нас за каждый брус по восьмидесяти пяти копеек серебром.

В исправной доставке подряда ручались друг по друге круговыми поручками; в чем дали сей контракт, обязуемся содержать без нарушения. В том по безграмотству доверяем за себя рукоприкладствовать» [1, л. 48–49].

Очевидно, что в середине XIX в. лесопромышленная деятельность в Козьмодемьянском уезде приобрела широкий размах. Вместе с тем немало важное значение, в особенности в левобережье, имели традиционные промыслы, связанные с охотой на пушного зверя и пернатую птицу («звероловство» и «птицеловство»), ведением лесного пчеловодства, сбором лечебных трав, грибов, клюквы, брусники и других даров леса. Все большее распространение получило приготовление умелыми плотниками и кустарями различных транспортных средств передвижения (речные суда, лодки, телеги, сани, повозки и т.п.), возведение жилых и хозяйственных строений. Широкий ассортимент домашнего обихода и утвари, сделанное мастерами из лесоматериалов, всегда был представлен на ежегодной Покровской ярмарке, а в базарные дни и ярмарки – в Козьмодемьянске [6, с. 111–114, 119–122, 133, 136–137, 163–171, 201–207].

Лесные промыслы, таким образом, являлись важной составной частью хозяйственной жизни крестьян и горожан, о чем убедительно свидетельствуют труды современника середины XIX в. С.М. Михайлова.

Литература

1. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 139. Оп. 1. Д. 126.
2. Дмитриев В.Д. О чувашском учёном и писателе середины XIX века С.М. Михайлове и его сочинениях о чувашах, марийцах и русских Волжско-Сурского края. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. – 218 с.
3. Иванов А.Г. Новые материалы к биографии С.М. Михайлова (1821–1861) // Марийский археографический вестник. – 2011. – №21. – С. 190–207.
4. Козьмодемьянск в конце XVI – начале XX веков: документы и материалы по истории города / Мар. гос. ун-т; сост., предисл. и коммент. А.Г. Иванова. – Йошкар-Ола, 2008. – 616 с.
5. Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов / Предисл. и коммент. В.Д. Дмитриева. – Чебоксары, 1972. – 424 с.
6. Михайлов С.М. Собрание сочинений / Сост., автор предисл., коммент., примечания В.Д. Дмитриева; ЧГИГН. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 510 с.
7. С.М. Михайлов – первый чувашский этнограф, историк и писатель: Сб. ст. / Под ред. В.Я. Канюков. – Чебоксары, 1972. – 88 с.

Идиатуллов Азат Корбангалиевич

Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

**СПОРТИВНЫЕ ИГРЫ ТАТАР И БАШКИР СРЕДНЕГО
ПОВОЛЖЬЯ О ПРИУРАЛЬЯ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ⁵⁹**

Аннотация: в статье приводится анализ сохранности спортивных игр у татар и башкир Среднего Поволжья и Приуралья. В основе статьи данные интернет-опроса, в котором приняло участие 463 респондента татарской и 116 человек башкирской национальности. По мнению автора, интерес к спортивным играм у татар и башкир в настоящее время крайне высок. По большей части они приурочены к празднику Сабантуй.

Ключевые слова: спортивные игры, татары, башкиры, традиции.

⁵⁹ Исследование выполнено в рамках государственного задания по теме «Локусы социально-культурных ландшафтов в территориальных социально-экономических системах (на примере полиэтничного Среднего Поволжья)» (задание № 31.8018.2017/БЧ).

Azat Korbangalievich Idiatullov

I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary

**TRADITIONAL SPORTS OF THE TATARS AND BASHKIRS
OF THE MIDDLE VOLGA AND URAL REGIONS:
TRADITIONS AND INNOVATIONS**

Abstract: the purpose of this article is to analyze the preservation of traditional sport games among the Tatars and Bashkirs of the Middle Volga and the Urals. the article was based on internet-survey data, in which 463 respondents from the Tatars and 116 people of Bashkir nationality participated. the author believes that the interest in traditional sports among the Tatars and Bashkirs at the present time is extremely high. For the most part, these games are played as part of the Sabantui holiday.

Keywords: sports, Tatars, Bashkirs, traditions.

Спортивные игры татар и башкир представляют собой самую многочисленную и популярную игровую группу у данных этносов. По всей видимости, это вполне объяснимо. Как справедливо отмечал В.Н. Всеволодский-Гернгросс [1, с. 49], спортивные игры являются «наиболее социально полезными из всех игр в целом», так как развивают сразу и физические и умственные навыки, учат побеждать. Поэтому они наиболее стойкие, в меньшей степени подвержены изменениям, к тому же они самые организованные.

Целью нашей статьи является выяснение степени сохранности спортивных игр в татарской и башкирской среде Среднего Поволжья и Приуралья, а также анализ современных изменений в данной игровой группе у изучаемых этносов. В основу статьи легли данные интернет-опроса 2016–2017 г., проведённого в 14 субъектах Приволжского Федерального округа (далее ПФО), а также в Челябинской, Астраханской, Московской, Тюменской областях, Ханты-Мансийском автономном округе, г. Москве и Санкт-Петербурге. В опросе приняли участие 639 респондентов, из которых 463 человека представители татарской, 116 – башкирской, 46 – русской и 14 – других национальностей. Большинство респондентов из татар и башкир проживают в ПФО. Самая большая часть выборки приходится на татар Татарстана (157 чел.), татар Ульяновской области (145 чел.), башкир Башкортостана (89 чел.).

На вопрос «Знаете ли Вы национальные игры своего народа?» татары ПФО и сопредельных территорий ответили следующим образом: 164 (35,42%) знают, 299 (64,58%) не знают. Это в целом предсказуемые данные, так как частичная утрата этноидентификационных признаков уже отмечалась в предыдущих исследованиях [2, с. 55; 3, с. 225–228]. Сходные ответы зафиксированы нами и в ответах татар отдельных регионов.

Например, 49 (33,79%) татар Ульяновской области и 53 (33,76%) татар Татарстана знают национальные игры, а 96 (66,21%) татар Ульяновской области и 104 (66,24%) татар Татарстана не знают. У башкир ПФО и сопредельных территорий аналогичные ответы распределились следующим образом: 64 респондента (55,17%) знакомы с национальными играми, 52 респондента (44,83%) не знают о них. Иными словами, башкиры продемонстрировали большую заинтересованность в сохранении знаний о своих традиционных играх. Ещё больше это заметно у башкир Республики Башкортостан, среди которых знакомых с национальными играми оказалось 57, 3% респондентов. В ходе опроса респондентам также предлагалось назвать и описать те игры, которые они считают национальными. Татары и башкиры назвали около 70 игр, игровых праздников и иных традиций игрового характера. Анализ этих «игр», показывает, что значительная их доля относится к спортивным (табл. 1). Особенно распространены среди татар и башкир спортивные игры, приуроченные к традиционному празднику Сабантуй. Это и национальная борьба куреш, и конные скачки, и бег в мешках, и бой мешками. В этом смысле следует считать, что в среде данных народов сохраняется устойчивая традиция интереса к национальным видам спорта. Тот же куреш, к примеру, был популярен у казанских татар ещё в середине XIX в.: «В праздник Сабан собираются около полудня на луг; верёвкой огораживают круг, на середину его выходят два борца, обвязываются своими кушаками так, что оба охватывают их руками, и начинают бороться, стараясь повалить одного на землю» [6, с. 103–104]. Приуроченность большинства спортивных игр татар к Сабантую отмечается и позднее, в конце XIX в. в трудах известного педагога Е.А. Покровского: «Эти игрища и состязания татарские очевидно ведут начало из глубокой древности» [5, с. 14]. Интересно, что сохранность праздников, приуроченных к Сабантую, у башкир также фиксируется исследователями [4].

Таблица 1

Наиболее популярные «игры» татар и башкир
Среднего Поволжья и Приуралья

Название игр	Количество упоминаний
Игры на Сабантуе	21
«Куреш» (борьба на Сабантуе, татарская национальная борьба на поясах)	20
«Йозек салыш», «Йозек салу», «балдак салыш», «балдак уены» (колечко-колечко)	17
«Ай тирек, кук тирек» (белый тополь, синий тополь)	15
«Аулак ой» (вечёрки, посиделки)	7

Народы Волго-Уралья в истории и культуре России

Скачки на Сабантуй	7
«Тышаулы атлар» (спутанные кони)	7
Бег в мешках	6
«Читамне, бузме» (угадай и догоняй)	6
«Карга ашы», «карга буткасы» (воронья каша)	5
Разбей горшок	5
«Чулмак уены» (продавец горшков)	5
Бой мешками	5
Тирме (юрта)	5

Таким образом, исследование показало, что интерес к спортивным играм сохранился в татарской и башкирской среде и в настоящее время. Несмотря на некоторое размывание компетенций в игровой сфере, именно представление о спортивных играх, группирующихся главным образом вокруг Сабантуя, остаётся наиболее важной частью игровой традиции татар и башкир.

Литература

1. Игры народов СССР: Сборник материалов / В.Н. Всеволодским-Гернгросс [и др.]. – М.; Л.: Academia, 1933.
2. Идиатуллов А.К. Трансформация традиционной духовной культуры в полиэтничном регионе (на примере русских и татар Ульяновской области). – Ульяновск: УлГТУ, 2014.
3. Идиатуллов А.К. К вопросу о роли ислама в этнической идентификации татар Ульяновской области // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 9. – Т. 2. – С. 225–228.
4. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 году. – СПб., 1802. – Ч. II.
5. Покровский Е.А. Детские игры. – СПб.: Историческое наследие, 1994.
6. Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. – Казань: Университетская типография, 1844.

Кандрина Елена Владимировна

аспирант

отдела этнографии и этнологии

Научно-исследовательский институт

гуманитарных наук при Правительстве

Республики Мордовия

г. Саранск

РАЗВИТИЕ ПРОМЫСЛОВ НА ТЕРРИТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: в данной статье рассмотрены особенности развития промысловой деятельности на территории Поволжья в рамках различных исторических периодов.

Ключевые слова: промыслы, ремесла, народные художественные промыслы, кустарные кооперативы.

Elena Vladimirovna Kandrina

graduate student

department of Ethnography and Ethnology

Government Research Institute

of the Republic of Mordova

DEVELOPMENT OF CRAFTS ON THE TERRITORY OF THE VOLGA REGION: A HISTORICAL PERSPECTIVE

Abstract: this article considers the particular features of the development of craft activities on the territory of the Volga region in the context of various historical periods.

Keywords: crafts, handicrafts, folk arts, artisanal cooperatives.

История существования и развития промыслов на территории Поволжья в период с середины XIX века по настоящее время является яркой иллюстрацией того, как смена исторических и политических формаций оказывает влияние на культуру народа, развитие этносов, их уклад, традиции и самобытность, а значит и на структуру хозяйственной деятельности в частности.

На сегодняшний день в состав территории современного Поволжья входят шесть республик (Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия), Пермский край и семь областей (Кировская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская), что обуславливает исторически сложившийся многонациональный состав данной территории, который представлен русскими, татарами, башкирами, чувашами, мордвой, удмуртами, марийцами, украинцами, казаками, армянами, коми-пермякам, и иными нациями, национальностями, этническими группами [5].

Следует отметить, что отраслевая структура промыслов зависит от природно-климатических особенностей и экономических условий развития той или иной области. Изучаемая территория характеризуется умеренно-континентальным климатом, практически вся территория округа Поволжья, за исключением самых северных окраин Кировской и Пермской областей, имеет весьма благоприятные природные условия для ведения любой хозяйственной деятельности и проживания населения [4]. Благоприятные климатические ресурсы обусловили и значительную населенность региона, а его значительная протяженность с севера на юг предопределила наличие достаточного количества природных зон, включающих смешанные и широколиственные леса, лесостепи, степи. Все это стало основой для развития множества видов промысловой деятельности, связанных с обработкой древесины; выработкой и производством изделий из кожи, глины, обработкой шерсти, созданием тканей и одежды, различных изделий быта, орудий труда, а также с извозом, охотой, рыбной ловлей, собирательством трав, ягод, грибов, бортничеством.

Поскольку промыслы в системе развития этноса имеют глубокие исторические корни и значение, то вместе со сменой исторических формаций, политики, государственного строя, экономики страны происходят серьезные структурные изменения и в хозяйственной, промысловой деятельности народов, так переход к рыночным отношениям, развитие механизированного труда привели к потере актуальности многих традиционных, самобытных промыслов и ремёсел. Так, некоторые виды изделий стали производиться в промышленном масштабе как товары народного потребления, что, в свою очередь, снизило их качество и привело к утере традиции передачи технологии заготовки материала и создания изделия от мастера к ученику, а значит утрате уникальности и воспитательной функции промысла как такового.

Однако на сегодняшний день вновь обретают актуальность изделия народного художественно творчества, уникальные технологии работы с природным экологичным материалом, традиционная, аутентичная составляющая промысловых изделий. Возрождение исконных промыслов народов России и Поволжья находит поддержку со стороны органов власти, разрабатываются программы по поддержке и развитию промыслов и ремесел, устраиваются выставки и ярмарки, в школьные программы внедряются кружки и уроки, посвященные изучению народной культуры и искусства создания изделий народного творчества. Поэтому на современном этапе актуальным является вопрос изучения истории возникновения, развития промысловой деятельности как основы для восстановления культурного наследия народов Поволжья, особенностей быта, образности мышления, традиции воспитания детей, духовных и материальных начал этноса в целом. Наиболее динамичным этапом развития ремесленной и

промышленной деятельности является период с конца XIX в. до настоящего времени (условная периодизация представлена в таблице 1).

Таблица 1

Характеристика состояния промышленной деятельности в рамках различных исторических этапов

Этапы	Характеристика состояния промыслов на территории Поволжья
До середины XIX века	Хозяйство крестьян на территории Поволжья в основном является замкнутым, преобладает натуральное хозяйство, слабо развиты товарно-денежные отношения.
2-я половина XIX в.	Отмена крепостного права (1861 г.) способствовала развитию промышленной деятельности, активному включению населения в рыночные отношения, появлению местных и отхожих кустарных и промыслов, особенно в районах с неплодородной почвой. Начинают развиваться кустарно-промышленные выставки.
Начало XX в. – до 1960-х г.	Курс, взятый страной вследствие Революции 1917 года, привёл к ограничению частнопредпринимательского сектора, в частности это касалось развития кооперативов кустарей. Однако в 20-х г., из-за низкой производительности промышленных предприятий, мелкая кустарная промышленная деятельность сохраняет свою актуальность, обеспечивая потребности населения в различных хозяйственных и бытовых изделиях. Период коллективизации отрицательно повлиял на частную предпринимательскую, в том числе промышленную деятельность, практически искоренив ее, что привело к необходимости кооперирования кустарей. Только в годы Великой Отечественной войны отмечается возрождение традиционных народных промыслов, поскольку необходим не только инвентарь, но и предметы быта, одежда. Однако в послевоенные годы набирает обороты механизированное производство, заменяя ручной труд, в 60-е гг. активно разрушаются села, отмечается рост городов, что приводит к утере многих видов промысловых занятий и развитию фабричного, промышленного производства.
2-я половина XX в.	В 1960-х г. мелкие предприятия, промышленные, ремесленно-кустарные артели были переданы в ведение местной промышленности и стали заниматься выпуском товаров народного потребления. В 80-х г. многие исследователи вновь поднимают проблематику сохранения традиций и самобытности народов, проводятся этнографические экспедиции, однако распад СССР в 90-е г. XX в. привёл к дальнейшей утере традиций, в основном занятия тем или иным ремеслом имели стихийный характер и в большинстве случаев не были связаны с опытом и знаниями традиций предшествующих поколений.

Начало XXI в.	Начало XXI в. ознаменовано возрастанием интереса к традиционной культуре народностей России, в частности к промыслам и ремеслам как со стороны населения, так и государства, что находит закрепление в принимаемых федеральных, региональных, муниципальных нормативно-правовых актах и реализуемых проектах, фестивалях, выставках.
---------------	--

По: Анисимова Е.Ю. Кустарные промыслы Симбирского-Ульяновского Поволжья конца XIX – второй половины XX в. – Ульяновск, 2003.; Лужгин А.С. Промыслы Мордовии. – Саранск, 1993.

Ориентируясь на историческую периодизацию развития промыслов на территории Поволжья следует рассмотреть особенности каждого периода подробнее.

До середины XIX в. хозяйство крестьянского населения Поволжского региона в основном имело замкнутый, натуральный характер, поскольку в данный период достаточно слабо развиты рыночные отношения. Крестьяне изготавливают одежду, орудия труда, сельскохозяйственный инвентарь, предметы быта в основном для своих нужд. Особенностью развития ремёсел и промыслов данного периода заключалась в том, что они были связаны с окружающим ландшафтом, все материалы добывались на той территории, где проживал народ. Достаточно оседлый образ жизни в этот период позволил сформировать особенности и уникальность ремесленного мастерства каждого этноса. Кроме того, следует отметить, что в данный период на изучаемой территории преобладают домашние мастерские и ремесленные мастерские. Однако развитие товарно-денежных отношений приводит к смещению интересов населения от натурального хозяйства в сторону производства и продажи изделий населению для хозяйственных и бытовых нужд [3, с. 13].

После отмены крепостного права в 1861 г., крестьяне, имеющие небольшие или неплодородные участки земли, не могли существовать только за счет земледелия и скотоводства, в связи с чем активно начинают развиваться кустарные и отхожие промыслы, которые становились основным источником заработка для крестьян. Многие товары более выгодно купить или обменять, нежели производить самим, так происходит расслоение населения по видам хозяйственной деятельности. Для увеличения объемов производства продукции крестьяне стали объединяться артели. Среди промысловиков произошло разделение на местных и отхожих, причем отхожие делились на ближние, когда кустари занимались промыслом в рамках своего уезда, и дальние, которые предполагали уход промысловиков в другие регионы, они в основном имели сезонный характер.

Во второй половине XIX в. продолжают существовать: домашняя промышленность потребительского значения (в неё входили прядение,

ткачество, вязание, вышивка); промыслы, имеющие ремесленный характер (шерстобитный, портняжный, овчинный и др.); мелкотоварное производство (мебельное, тележно-санное, бондарное и др.), однако данный вид промысла уже зависел от скупщиков и потерял свою экономическую самостоятельность.

В годы Первой мировой войны кустарные промыслы на территории Поволжья начинают активно развиваться. Для армии производили пошив одежды и обуви (полушубки, шинели, тулупы, нижнее бельё, рукавицы, сапоги, валенки), изготавливали бочки и кадушки для засолки и хранения снасти, ящики для снарядов, веревки, кули, конскую упряжь и многое другое. Рост портняжного, сапожного, валяльного кустарных производств, а также увеличение объемов сбыта сельскохозяйственной продукции были обусловлены тем, что губернские власти оборудовали мастерские и предоставляли льготы для кустарей, работавших для армии, однако при этом значительно сократился выпуск кустарной продукции для мирного населения. Что в значительной степени пагубно повлияло на структуру и разнообразие промысловой деятельности на данной территории [2].

Октябрьская революция 1917 г. внесла свои коррективы в развитие промыслов, поскольку отношение властей было к ним неоднозначно, новый режим требовал искоренения частного производства, поэтому на VIII съезде РКП(б) в 1919 г. было принято решение об искоренении кустарного производства, а в замен – создание кооператива кустарей, что привело к снижению качества производимых изделий. В 1920-е г. народные промыслы возрождаются, поощряется создание артелей (колясной, бондарной, ободно-повозной и др.), поскольку только начинающая развитие промышленность, не справляется с обеспечением населения товарами бытового и хозяйственного назначения, однако происходит процесс насильственного внедрения промысловой деятельности в рамки промышленного производства, что не способствует сохранению самобытности получаемых изделий и сохранению традиций и технологий изготовления. Однако промыслы становятся основой для организации промкомбинатов, фабрик, заводов (так, к примеру, на территории Мордовии в 1936 г. в Ардатове была построена фабрика народных инструментов, в Рузаевке – мастерская национальной художественной вышивки, в 1939 г. в Шишкееве был построен гончарный завод, в 1940 г. был открыт Кадошкинский промкомбинат, который изготавливал сапожные, швейные, гончарные изделия и др.). В годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы кустарно-промысловые артели наряду с существующими предприятиями мелкой фабрично-заводской промышленности обеспечивали не только армию, но и мирное население.

В 60-х г. XX в. наступает второй этап свёртывания промысловой деятельности на территории всего Поволжья, поскольку промысловая кооперация вливается в систему местной промышленности. В свою очередь распад СССР и смена политического строя в 90-х г., привели в упадок экономику страны, многие производства были закрыты и утеряны, спрос

же был ориентирован на более дешевые товары импортного производства.

В 2000-х г. вновь возникает интерес к народной культуре, необходимость возрождения истории родного края, и в частности традиционных промыслов и ремесел. Так, в 1999 г. был принят Федеральный закон №7-ФЗ «О народных художественных промыслах», в преамбуле которого государство признает, что народные художественные промыслы представляют собой неотъемлемое достояние и одну из форм народного творчества народов Российской Федерации, сохранение, возрождение и развитие которых является важной государственной задачей. В 2011 г. Приказом Минпромторга России Утверждена Стратегия развития народных художественных промыслов на 2015–2016 г. и на период до 2020 г.

С целью поддержания данного направления в соответствии с федеральной программой приняты и разработаны регионального и местного значения нормативно-правовые акты (Закон РМ от 14 июня 2000 г. «О народных художественных промыслах и народных ремеслах в Республики Мордовия», Закон Нижегородской области от 29 января 2001 г. №165-З «О народных художественных промыслах Нижегородской области», Постановление Правительства Ульяновской области от 15 января 2009 №9-П «Об утверждении перечня мест традиционного бытования народных художественных промыслов Ульяновской области» и др.), создаются площадки для популяризации и реализации изделий народных художественных промыслов и ремесел. Так, в Мордовии наиболее крупными площадками, где представлены народные ремесла и промыслы, являются фестивали: Республиканский национально-фольклорный праздник «Шумбрат, Мордовия», Республиканский этнокультурный проект «Мордовия Мастеровая» и др.; городские и республиканские выставки-продажи. Однако следует отметить, что разделение промыслов на народные художественные промыслы и ремесленные, привело к тому, что огромный пласт видов промысловой деятельности не закреплен законодательно и регулируется лишь Федеральным законом от 24.07.2007 г. №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ», а это значит, что созданные во многих регионах ремесленные палаты, гильдии, ассоциации в основном имеют статус некоммерческих организаций, а значит и финансируются инициативными группами мастеров, что не позволяет в агрессивной рыночной среде выжить ремеслам и промыслам без государственной поддержки.

Литература

1. О народных художественных промыслах: Федеральный закон от 6 января 1999 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – №2. – Ст. 234.
2. Анисимова Е.Ю. Кустарные промыслы Симбирского-Ульяновского Поволжья конца XIX – второй половины XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. – Ульяновск, 2003. – 275 с.
3. Лузгин А.С. Промыслы Мордовии. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1993. – 144 с.

4. Народные художественные промыслы России: история, география и культура / Д.А. Аманжолова [и др.]; Минобрнауки России, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Российский гос. ун-т туризма и сервиса». – М.: РГУТИС, 2012. – 290 с.

5. Официальный сайт Некоммерческой ассоциации «Поволжский центр культур финно-угорских народов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pck-fun.ru/narody-povolzhya.php>

Каукина Римма Николаевна
Мордовский государственный
педагогический институт
имени М.Е. Евсевьева
г. Саранск

РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВИИ В 1930-е гг.

Аннотация: в статье рассматривается развитие художественной самодетельности в Мордовии в 1930-е годы. Отмечается, что в рассматриваемый период в республике стали регулярно проводиться районные и республиканские смотры художественной самодетельности и олимпиады. Автор приходит к выводу, что в это время происходит качественный и количественный рост художественного творчества.

Ключевые слова: Мордовия, художественная самодетельность, драматические кружки, хоровые кружки, агитбригады, районные смотры художественной самодетельности.

Rimma Nikolaevna Kaukina
M.E. Evseyev Mordovia
State Pedagogical Institute
Saransk

DEVELOPMENT OF ARTISTIC CREATIVITY AMONG THE POPULATION OF MORDOVIA IN THE 1930s.

Abstract: the article examines the development of amateur art in Mordovia in the 1930s. It is noted that in the period under review regular regional and national amateur shows and olympics were held in the Republic. The author comes to the conclusion that at this time there was a qualitative and quantitative growth in artistic creativity.

Keywords: Mordovia, amateur dramatic clubs, glee clubs, propaganda teams, regional amateur arts festivals.

Значительное место в работе культурно-просветительных учреждений в 1930-е гг. отводилось организации и массовому развитию художественной самодетельности. В это период широкое развитие получили

драматические, литературные, хоровые кружки, самодеятельные коллективы, признание которых на селе было обусловлено тем, что репертуар их постоянно обновлялся в связи с текущими событиями и многие выступления строились на местном материале, способном вызвать новый интерес зрителей.

Стиль и методы руководства культурно-просветительными учреждениями, которые в целом определялись руководством Коммунистической партией и навязывались всем общественным организациям, сдерживали качественное развитие художественной самодеятельности. Однако, несмотря на это, художественная самодеятельность в указанный период не только утратила творческое начало, но и развивалась, повышая свой художественный уровень.

В марте 1936 г. Мордовский обком ВКП (б) принял специальное постановление «О развитии и укреплении художественной самодеятельности в республике». В апреле 1936 г. было создано Управление по делам искусств при СНК МАССР. В результате улучшилось методическое руководство художественной самодеятельностью, произошел качественный и количественный рост коллективов художественной самодеятельности [2, с. 130].

Широкое развитие в республике получила сеть колхозных драматических кружков. В репертуар сельских самодеятельных кружков входили такие произведения национальных авторов, как, например, пьесы Ф.М. Чеснокова «Калдоргоцт ташто койтне» («Расшатались бытовые устои»), «Кавто кяива» («Два пути»), пьесы К.С. Петровой «Кизнь э» («Летняя ночь»), В.И. Виарда «Шобда веста» («Темной ночью») и др. [2, с. 134].

Еще одной формой в деятельности учреждений культуры были хоровые кружки. Их репертуар состоял из традиционных мордовских песен: «Ульяна», «Самсо Леляй», «Сюре кштирди». Также многие хоры исполняли современные песни на мордовском языке: «Комсомолонь моро» («Комсомольская песня»), «Шумбрат Октябрь чи» («Да здравствует день Октября»), «Якстере армиятень» («Красной армии») др. [3, с. 123].

О широком развитии художественной самодеятельности свидетельствовало и то, что в нём активное участие принимала не только молодежь, но и пожилые люди. Так, в заметке газеты «Красная Мордовия» от 6 января 1937 г. отмечалось: «Мы имеем целый ряд колхозных хоров, где зачастую, ведущую роль в них выполняют председатели советов и правлений колхозов». К числу лучших коллективов относились хоровой кружок Zubovo-Полянского района, которые за прекрасное исполнение мордовских песен в Москве на смотре художественной самодеятельности получили первую премию [4].

Начиная с 1936 г. в республике стали регулярно проводиться районные и республиканские смотры художественной самодеятельности. В декабре 1936 г. состоялась первая республиканская олимпиада художественной самодеятельности, которой предшествовали районные смотры [3, с. 128].

Следующим направлением в работе культурно-просветительных учреждений было развитие танцевального искусства. В ноябре 1936 г. были проведены первые фестивали мордовских танцев. По итогам 10 лучших исполнителей были направлены в Москву для участия во Всесоюзном фестивале танцев [7, л. 18].

Особенностью деятельности учреждения культуры было широкое распространение агитбригад. Участники агитбригад обслуживали колхозников во время сельхозкампаний. Так, в 1936 г. на весь период весеннего сева за колхозами было закреплено 453 драматических кружка и агитбригад [6, л. 23].

Большинство агитбригад имели передвижки с книгами, музыкальные инструменты, передвижные стенгазеты. Так, сельский корреспондент в газете «Красная Мордовия» от 1 августа 1937 г. в статье «Об агитбригаде из Торбеево» отмечала: «агитбригада состоит из 12 человек, имеет духовой оркестр, радио, библиотеку, кинопередвижку с фильмом «Дети капитана Гранта», баян, патефон и даже фотоаппарат» [5].

Важную роль в развитии художественного творчества играла шефская помощь профессиональных театральных коллективов и помощь домов народного творчества. Поэтому в Саранске в 1937 г. был создан Дом народного творчества [1, с. 247].

Несмотря на ряд достижений в этой области, имелись определенные недостатки: не хватало квалифицированных руководителей, хорошо продуманного репертуара для драматических кружков, особенно на мордовском языке, так как мордовский писательский коллектив только учился профессионализму и был немногочисленным.

Таким образом, художественная самодеятельность республики в рассматриваемые годы претерпела качественные и количественные изменения. Характерным для неё в этот период были ежегодно проводимые смотры и олимпиады, массовость, повышение уровня исполнительского искусства. Все это способствовало развитию творчества народа, несмотря на необходимость пропагандирования хозяйственных и других задач социалистического строительства.

Литература

1. История советского крестьянства Мордовии (1917–1937). – Саранск: Мордов. книж. изд-во, 1987. – 367 с.
2. Киселев А.Л. Социалистическая культура Мордовии. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1970. – 315 с.
3. Культурное строительство в Мордовии: Сб. док. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. – 357 с.
4. Красная Мордовия. – 1936. – 6 января.
5. Красная Мордовия. – 1937. – 1 августа.
6. Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее ЦГА РМ). Ф. 264. Оп. 1. Д. 118 Л. 23.
7. ЦГА РМ. Ф. 269. Оп. 2. Д. 265. Л. 18.

Кемаев Евгений Николаевич

Научно-исследовательский
институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
г. Саранск

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРНЫХ ЧЕРТАХ ЯЗЫЧЕСКОГО КУЛЬТА ДРЕВНЕЙ МОРДВЫ

Аннотация: в статье рассматриваются элементы системы верований древнемордовских племен, которые возможно восстановить на основании анализа материалов археологических раскопок. Отмечаются широкая вариативность форм отправления культа, существенная роль патронимических особенностей, открытость инокультурным заимствованиям.

Ключевые слова: археология, древняя мордва, грунтовые могильники, культ предков, культ огня, сакральные обереги, ритуальные действия.

Evgeny Nikolayevich Kemaev

Government Research Institute
for the Humanities
Republic of Mordovia
Saransk

ON THE QUESTION OF THE CHARACTERISTIC FEATURES OF PAGAN RELIGIOUS PRACTICES AMONG THE ANCIENT MORDVA

Abstract: the paper considers the elements of the system of beliefs of ancient Mordovian tribes, which can be reconstructed through an analysis of materials from archeological excavations. The author notes the wide variability of forms of worship, the essential role of patronymic features, and openness to foreign cultural borrowings.

Keywords: archaeology, the ancient Mordva, burial grounds, the cult of ancestors, the cult of fire, the sacral charms, ritual actions.

Материалы погребальной обрядности являются перспективным источником для реконструкции идеологии и религиозных воззрений изучаемого общества. Однако данной проблематике в историографии уделяется недостаточное внимание. Р.Ф. Воронина на основе анализа материалов среднецинских могильников пришла к выводу, что для населения, оставившего данные памятники, были характерны культ предков, культ огня и солнца, обожествление коней и водоплавающих птиц [3, с. 281–286]. Истоки данных воззрений следует искать в более ранней истории региона.

Так, Н.В. Трубникова отмечала подобные черты в Кошибеевском могильнике, добавляя к вышеобозначенному наличию представлений и форм культа, близких к шаманизму [6, с. 42–52].

Весьма сложно давать однозначные трактовки элементам некросферы древнего населения, учитывая глубокий разрыв в мировоззренческих установках на анализируемом этапе и в современных условиях, однако обобщение материалов все же позволяет выделить ряд принципиальных моментов. Прежде всего необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что сам факт появления в Окско-Сурском междуречье грунтовых могильников свидетельствует о глубоком мировоззренческом кризисе, которое пережило население региона на рубеже новой эры. Погребальная обрядность городецкой культуры по-прежнему остается неизвестной для науки. Столь кардинальная модификация одного из наиболее консервативных мировоззренческих императивов как унифицированная модель совершения захоронений, бесспорно, свидетельствует о кризисе традиционной религиозной системы.

В.И. Вихляев отмечает, что причина кроется в существенном изменении системы хозяйствования. Данные палеогеографии показывают, что к рубежу нашей эры климат в Восточной Европе ухудшился: он стал более континентальным и засушливым. Наблюдались смещение границ лесной зоны к северу, исчезновение лесов в Нижнем Поволжье и Верхнем Подонье. Условия для занятий лесными промыслами, охотой и рыболовством ухудшились. Это усугублялось давлением южных кочевников. Традиционное хозяйство племен городецкой культуры вступило в полосу кризиса. Выход из создавшегося положения был найден за счет развития производящих отраслей экономики. Эта весьма существенная перестройка быта и хозяйства привела к изменениям в сфере мировоззрения первобытных людей, что и проявилось в появлении, начиная с III в. н.э., на обширной территории Окско-Сурско-Цнинского междуречья значительного числа грунтовых могильников, которые здесь раньше отсутствовали [2, с. 112–119].

В пантеоне древнего населения особую роль приобретают культы, связанные с земледелием, земля начинает ассоциироваться с местом посмертного перерождения, это находит выражение в распространении практики ингумаций. Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что наиболее характерным местом дислокации некрополей на местности были возвышенные места у воды, как правило – приречные мысы. Следует полагать, что они наделялись особыми свойствами, именно там, с точки зрения древних, души умерших наиболее органично претерпевали цикл посмертных перерождений.

Вера в загробную жизнь отчетливо прослеживается по материалам могильников I-го тыс. н.э. Причем характерной чертой является вера в сохранение статуса, который был у человека при жизни. Анализ наборов

инвентаря по количеству предметов и практическому назначению их категорий позволяет говорить о существовании четких гендерных и социальных стереотипов. Выделяются «женские» и «мужские» наборы инвентаря, захоронения рядовых общинников и знатных воинов.

Культ предков – ещё одна характерная черта верований мордовских племен, причем отчетливо проявляется патронимическая специфика в формах его отправления. Даже в случае гибели родича на чужбине и невозможности его захоронения на родовом кладбище, совершались символические погребения – кенотафы. На могильниках древней мордвы часто фиксируются кости животных и фрагменты битой керамики в засыпке погребений – следы совершения поминальных тризн по усопшим. Характерной категорией сопроводительного инвентаря являются керамические сосуды с напутственной пищей – своеобразная форма заботы об умерших предках.

На плане ряда могильников населения Окско-Сурского междуречья отчетливо обозначаются родовые группы погребений, выделяются семейные захоронения. На памятниках присутствуют погребения с разными вариантами ориентировок костяков умерших, имеются отличия и в других элементах обрядности, это позволяет делать заключение об отсутствии единой жестко унифицированной модели погребальной обрядности, и как следствие – несформированности религиозной системы, свои специфические черты отправления погребально-поминального культа были у каждого крупного рода.

Рассмотренные элементы религиозной системы находились во взаимосвязи с культом огня. Свидетельством его большого значения в мировоззренческой системе мордвы являются ритуальные кострища на территории могильников, погребения, совершенные по обряду трупосожжения, пересыпка дна могильных ям угольками.

Следует отметить, что существует несколько вариантов интерпретации причин, обусловивших появления обряда сжигания умерших в древнемордовской среде. Возможно, причина кроется в особом социальном статусе либо причинах смерти погребаемых, это могло быть следствием иноэтничного влияния (трупосожжение практиковали балты, славяне, они выступали господствующей формой обрядности у населения именьковской культуры), либо мы имеем дело с одной из автохтонных форм обрядности, имеющей истоки в древних верованиях финно-угорских племен. Для обоснования однозначной трактовки данных недостаточно.

Наиболее ярким проявлением культа животных у мордовских племен являются конские погребения, которые в конце I – начале II тыс. н.э. становятся характерным элементом погребальной обрядности мордовских племен. В качестве одной из причин возникновения обряда

конских захоронений В.И. Вихляев называет социальный фактор: достижение такого уровня общественного развития, при котором формируется профессиональная конная дружина, что, в свою очередь, обусловило возникновение в среде мордовских дружинников культа коня, а также обычая его погребения вместе с воином. Другой возможной причиной появления конских захоронений у мордвы, по мнению исследователя, могло быть иноплеменное влияние. Наиболее древний обычай погребения коней в родоплеменных могильниках, известный с VI в. н.э., существовал только у соседствовавшей с мордвой муромы на Нижней Оке. При этом у последней имеются все виды конских захоронений, получивших распространение у мордовского народа в X–XI вв. Появление у мордвы конских погребений, характерных для муромы, служит весомым свидетельством внедрения в её среду с X в. н.э. муромского населения [1, с. 114–115]. Таким образом, если действительно имело место заимствование столь специфического элемента некросферы, имеются основания говорить об открытости религиозной системы мордвы, пребывании её в стадии формирования.

Система религиозных воззрений мордовских племен включала надевание ряда категорий украшений свойствами сакральных оберегов – тотемов. Речь прежде всего идёт о зооморфных украшениях (подвески-коньки, литые фигурки водоплавающих птиц, лапчатые привески, амулеты из когтей медведя и астрагалов бобра), застежках с крылатыми иглами, нагрудных бляхах, привесках с бипирамидальными грузиками. Ряд орнаментальных мотивов на древних украшениях представляют собой тёмные символы: ромб, крест, звезда.

Согласно оценке И.М. Петербургского, обожествление неба и небесных светил занимало видное место в системе религиозных верований мордвы. Особенно распространённым был культ солнца, который воплощался в своеобразные символы. В основном они украшали женский костюм, боевые пояса и имели функции оберегов. В материалах могильников встречаются крестовидные знаки из металла и прочерченные на глиняных горшках. Многие исследователи полагают, что эти знаки являются символом земного огня, который воплощал в языческой религии очистительную силу, защищал человека от всяких бед и болезней. Встречаются подвески в виде креста в круге. Этот символ означает единство небесного (солнце) и земного огня. Интересным солярным символом является дисконидная бляха, которая встречается в знатных женских захоронениях. Само украшение представляет форму солнечного диска, в центре которого имеется крышка в виде фигуры птицы, которая в мифологии мордвы является создателем земли. На диске располагались в определенном порядке выпуклины, напоминающие планеты солнечной системы. Эти символы очень устойчивы и имеются на всех подобных бляхах [5, с. 130–131].

Основной отраслью экономической жизни мордвы в I тыс. н.э. выступало земледелие, успешность которого во многом зависела от учёта цикличности природных явлений. Как следствие, в древности особое внимание уделяли наблюдениям за солнцем и другими небесными светилами, что обусловило возникновение соответствующих культов.

Мордовским племенам была известна практика совершения ритуальных жертвоприношений. Нередкой находкой в могилах знатных мужчин являются дарственные комплексы с женскими украшениями, по мнению большинства специалистов, являющиеся своеобразной заменой насильственного умерщвления жён либо наложниц. Н.В. Трубникова отмечала, что крупномасштабные строительные работы в древности могли сопровождаться совершением человеческих жертвоприношений, в частности – при строительстве городищ, назначением которых было сохранить жизнь и безопасность населения и имущества. Так, на краю городища Ножа-Вар в Чувашии, были обнаружены остатки трех человек, лежавшие среди большого углистого пятна, засыпанного костями животных и фрагментами керамики. Следы ритуальных действий были зафиксированы в ходе раскопок городища Пичке-Сарче, где под насыпью вала, поверх бревенчатой конструкции лежали кости животных, обломки керамики, фрагменты берестяной чашечки. В аналогичных условиях кости животных и керамические фрагменты были найдены на городище Арату. Вероятно, в рассмотренных случаях имело место совершения особых ритуальных действий при закладке вала [6, с. 47–48].

В могильниках мордвы костные останки в ряде погребений располагались с нарушением анатомической целостности. В.В. Гришаков, на основании анализа материалов ранних могильников Верхнего Посурья и Примокшанья, пришёл к заключению о ритуальном характере данного явления. По мнению исследователя, оно может быть отголоском погребального обряда населения, на базе которого происходило формирование культуры ранних мордовских могильников [4, с. 6–7].

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить существенную вариативность форм проявления черт языческого культа, открытость религиозной системы инокультурным заимствованиям, обусловленные несформированностью унифицированной стабильной религии у древней мордвы.

Литература

1. Вихляев В.И. Возникновение обычая конских погребений у средневековой мордвы // Гуманитарные науки и образование: Матер. I Сафаргалиев. науч. чтений. – Саранск, 1997. – С. 114–118.
2. Вихляев В.И. Происхождение древнемордовской культуры. – Саранск, 2000. – 132 с.
3. Воронина Р.Ф. О некоторых чертах верований среднецентинской мордвы VII–XII вв. // Советская археология. – 1975. – №1. – С. 281–286.
4. Гришаков В.В. Население верховьев Мокши и Суры накануне средневековья. – Саранск, 2005. – 95 с.

5. Петербургский И.М. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. – Саранск, 2011. – 408 с.

6. Трубникова Н.В. Погребение шамана в Кошибеевском могильнике и верования позднегогородских племен // Советская археология. – 1969. – №3. – С. 42–52.

Никонова Людмила Ивановна

Научно-исследовательский
институт гуманитарных наук
при Правительстве
Республики Мордовия
г. Саранск

К ИСТОРИИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВИИ ПО МАТЕРИАЛАМ СМИ

Аннотация: на миграцию населения оказывают воздействие разные факторы, в т.ч. тексты СМИ. В статье впервые предпринята попытка рассмотреть аспект формирования внимания населения Мордовии к переселению по материалам газет «Красная Мордовия» (1.11.1930–19.06.1951), «Советская Мордовия» (20.06.1951–30.03.1994), содержащих информацию о государственном плановом переселении, индустриализации, развитии сельского хозяйства и освоению целинных земель в условиях состояния России того времени, размещались приглашения на учёбу (в школы ФЗО, ФЗУ, ГПШ; строительные, технические, горнопромышленные училища, ГПТУ, институты и др.). Информация рубрик «Вести отовсюду», «По родной стране» «Фотохроника ТАСС» подавалась в виде кратких статей или авторских статей по открытию месторождений, новостройках, достижениях в сельском хозяйстве, приеме переселенцев и т. д., фотографий – о размахе строительства, новостроек, целине и др. Система средств массовой информации оказывала воздействие на массовое сознание и влияла на миграцию населения из Мордовии, что достоверно утверждается в книгах серии «Мордва России», основанных на извлеченных и впервые опубликованных данных архивных материалов (эшелонные списки), статистики переписей населения (1897–2010), полевых сведениях авторов (воспоминания, история миграции), собранных в этнографических экспедициях по Сибири, Уралу и Зауралью, Дальнему Востоку, Крайнему Северу, Центральной и Западной части РФ.

Ключевые слова: миграция, факторы, население Мордовии, газета «Красная Мордовия» (1.11.1930–19.06.1951), газета «Советская Мордовия» (20.06.1951–30.03.1994), информация, рубрики газет, воздействие на миграцию населения, результат, книги серии «Мордва России».

Liudmila Ivanovna Nikonova
Government Research Institute
for the Humanities
Republic of Mordovia
Saransk

**ON THE HISTORY OF MIGRATION
OF THE POPULATION OF MORDOVIA
AS REFLECTED IN THE MASS MEDIA**

Abstract: population migration is influenced by various factors, including media texts. This article for the first time attempts to examine the formation of public awareness within the Mordovia Republic of resettlement on the basis of materials from the newspapers «Red Mordovia» (1.11.1930–19.06.1951), «Soviet Mordovia» (20.06.1951–30.03.1994). these sources contain information about state-planned resettlement, industrialization, agricultural development and the development of virgin lands in the context of conditions prevailing in Russia at that time. they also published calls for enrollment in a variety of technical, industrial and mining schools, colleges and institutes. the informational headings «News from everywhere», «All around our native land» and «ITAR-TASS Photo-chronicle» were applied to short news stories and full-length articles on the discovery of oil fields, construction sites, achievements in agriculture, and the welcoming of immigrants, etc. Published photos depicted the scale of construction, new housing, opening of virgin lands, etc. the mass media system had an impact on mass consciousness and influenced the migration of the population from Mordovia as is definitively documented in the books of the series «Mordvins of Russia». This series draws on data extracted and published for the first time from archival materials (echelon lists), census statistics (1897–2010), and authors' field data (memoirs, histories of migration) collected on ethnographic expeditions to Siberia, the Urals, the Far East, the Far North, and the Central and Western part of the Russian Federation.

Keywords: migration, factors, the population of Mordovia, the newspaper «Red Mordovia» (1.11.1930–19.06.1951), «Soviet Mordovia» (20.06.1951–30.03.1994), information, Newspaper headings, the impact on migration of the population, results, the book series «Mordvins of Russia».

В последнее время наиболее актуальными становятся вопросы, связанные с миграционными процессами. Под миграциями в этнологии принято понимать перемещение, переселение части того или иного этноса (иногда всего этноса) на иноэтническую территорию, в результате чего происходит, как правило, рост многонациональности населения данной страны, региона, области. Эти перемещения могут осуществляться как во внутригосударственном, так и в межгосударственном масштабе. На миграцию населения оказывают воздействие разные факторы, в т.ч. данные

печати, которая является одним из элементов массовой коммуникации, так как последняя характеризуется как «систематическое распространение сообщений среди численно больших, рассредоточенных аудиторий с целью утверждения духовных ценностей данного общества и оказания идеологического, политического, экономического или организационного воздействия на оценки, мнения и поведение людей» [1, с. 20]. Через систему средств массовой информации происходит мощное воздействие на массовое сознание.... Исторически первым средством массовой коммуникации была печатная пресса, которая долгое время являлась лидером по популярности и масштабам распространения. Печатные тексты имеют большое влияние на общество, способны привлечь внимание самого широкого круга читателей [1, с. 3]. Тексты СМИ (газет) в силу своей популярности оказали особое влияние на перемещение сельского населения в регионы России (Сибирь, Центр и др.), что более полно отражено в серии книг «Мордва России» [4].

Переселенчество – добровольное перемещение сельского населения России в XIX – нач. XX вв. на постоянное жительство в малонаселённые окраинные районы, преимущественно в Сибирь, разрешённое или поощряемое правительством. До кон. XIX в. подавляющее большинство переселенцев уходило на новые места без всяких разрешений и согласований и на новом месте обустраивалось самостоятельно. С началом строительства Транссибирской магистрали правительство взяло курс на поощрение переселенчества в Сибирь. Организацией переселенчества занимались Комитет Сибирской железной дороги (1892–1905) под председательством вел. кн. Николая Александровича (с 1894 имп. Николай II) и Переселенческое управление МВД (с 1896) [2, с. 660]. В 1906–1914 г. за Урал переселились 4 млн чел., они освоили ок. 33 млн га земли. В Советской России переселенчество возобновилось во второй половине 1920-х г., но было свёрнуто в связи со сплошной коллективизацией. Сельско-хозяйственное переселение приняло широкие масштабы в ходе кампании целинных земель по освоению в 1950–60-е г. [2, с. 660].

В статье впервые предпринята попытка рассмотреть аспект формирования внимания населения Мордовии к переселению по материалам СМИ – газете «Красная Мордовия» (1.11.1930–19.06.1951), «Советская Мордовия» (20.06.1951–30.03.1994).

Информация – особый источник познания. Она должна быть понятной, относящейся к делу, полезной. Вопрос о воздействии информации чаще всего получает особенный смысл в связи с происходящими социальными переменами...интерес людей к информации, позволяющей более эффективно отзываться на меняющиеся условия жизни [1, с. 6]. Информационная модель действительности, создаваемая региональной прессой и адресуемая массовой аудитории, зависит от публицистического миро-

ощущения и мирозерцания этнической картины мира, которая отличается необычайной экономической, социальной, культурной, демографической пестротой [3, с. 7]. В период бурных социальных перемен и разветвления технического прогресса, когда коренным образом меняются материальные основы жизни человеческого общества, усиливаются и преобразуются связи между народами, процесс интернационализации культуры, выработки новых форм, представлений, образцов поведения всемерно активизируется [5, с. 4]. Печать Мордовии, став важным средством в решении крупных политических и народнохозяйственных задач, мобилизовала широкие слои населения на решение проблем культурной отсталости [6, с. 3]. Газеты часто сообщали о государственном плановом переселении (с указанием льгот, проезда к пункту назначения, возраста, социального статуса, условий проживания, культурного досуга и т. п.); куда можно пойти учиться, а также информацию по индустриализации, развитию сельского хозяйства и освоению целинных земель страны.

В газетах «Красная Мордовия» и «Советская Мордовия» размещались объявления о государственном плановом переселении в колхозы Новосибирской и Сахалинской обл., а также в лесную промышленность Иркутской и Сахалинской областей. Например, «Переселенческий отдел Совета Министров Мордовской АССР доводит до сведения рабочих, служащих и колхозников о том, что в 1956 г. из Мордовской республики будет производиться государственное плановое переселение в колхозы Новосибирской и Сахалинской и в лесную промышленность Иркутской и Сахалинской областей. Переселение производится на добровольных началах из числа семей колхозников и другого сельского и городского населения, имеющих в составе семьи не менее двух трудоспособных. Переселяющимся предоставляется бесплатный проезд семьи, провоз скота и имущества... За всеми справками об условиях переселения и предоставляемых Правительством Союза ССР льготах для переселенцев обращаться в сельские Советы и рай(гор) исполкомы по месту жительства, а также в переселенческий отдел Совета Министров Мордовской АССР [8]. Отдел переселения и организованного набора рабочих Совета министров МАССР доводит до сведения колхозников, рабочих и служащих о том, что в 1957 г. из Мордовской АССР проводится государственное плановое переселение семей в колхозы Красноярского края, Иркутской и Томской областей [8]. В объявлениях указывалась информация как по нескольким направлениям работы (строительство железных дорог, поднятия целинных и залежных земель, строительстве жилых домов и др.), так и по регионам страны, где производился набор рабочих. Например, «Отдел организованного набора рабочих Совета Министров Мордовской АССР проводит набора рабочих для работы: на строительство железных дорог на целинных и залежных землях Алтайского края и Чкаловской обл.; на сезонных

и постоянных лесозаготовительных работах в предприятиях лесной промышленности Молотовской и Кировской обл.; на строительстве предприятий угольной промышленности в г. Туле и Ростовской обл.; на строительстве жилых домов ... Для рабочих, работавших на лесозаготовительных предприятиях, предоставляется ряд льгот и преимуществ: установлено повышенное пенсионное обеспечение по старости и инвалидности; введено единовременное ежегодное вознаграждение за выслугу лет, предоставляются льготы по сельскохозяйственному налогу и молокопопоставкам; выдаются ссуды на постройку жилых домов и приобретение скота в личное пользование, на хозяйственное обзаведение; установлены удлиненные и дополнительные отпуска, введены повышенные ставки рабочим и ряд других. На предприятиях и стройках вновь прибывшим рабочим предоставляются благоустроенное жилье и организуется бесплатное производственное обучение» [9]. Объявления подобного характера размещались и в др. номерах газеты [10]. На работу приглашались и в Центральную часть страны. Например, отдел организованного набора рабочих Совета Министров Мордовской АССР проводит набор рабочих для работы на предприятиях угольной промышленности в город Скопин Рязанской обл., трест «Октябрьуголь». На железнодорожных станциях предусматривалось формирование переселенческих эшелонов, дата отправки которых указывалась в объявлениях. Например, «Отдел переселения и организованного набора рабочих Совета Министров Мордовской АССР продолжает проводить отбор семей на переселение в колхозы Красноярского края, Иркутской и Томской обл. Отправка эшелона с переселенцами в колхозы Красноярского края и Иркутской обл. будет проводиться в конце февраля месяца 1960 г. [11]; «...отбор семей на переселение в совхозы Красноярского края с отправкой эшелона 25 марта 1968 г.» [12].

Начиная с 1960-х г., в объявлениях стали указывать, что требуются лица определенной квалификации – например, мастер, инженер, техник с указанием специализации. «Серовскому химлесхозу на постоянную работу требуются квалифицированные мастера подсочки, рабочие (вздымщики, сборщики, бензопильщики). Работа предоставляется в районах: Серовском, Ивдельском Свердловской обл. [13]; «Поозерскому химлесхозу треста «Карелхимлесзаг» на подсочку леса и сбора живицы требуются рабочие-вздымщики и сборщики живицы» [14]; «Шестаковский леспромхоз комбината «Кирлес» приглашал рабочих на постоянную и временную работу на лесозаготовки» [15]; «Ангарский химлесхоз Богучанского района Красноярского края приглашает на постоянную работу рабочих подсочки – вздымщиков, сборщиков, бондарей, плотников и возчиков. ... Семейные обеспечиваются квартирами и земельными участками под огород, одиночки – общежитием» [16]. «Для работы в леспромхозы Кировской обл. требуются дипломированные инженеры и техники-механики, технологи, экономисты с опытом работы на должности мастеров, начальников

лесопунктов, начальников производственных отделов леспромхозов, а также механиков лесопунктов, экономистов и нормировщиков» [17]. Мордовское Управление трудовых резервов объявляет прием молодежи в школы ФЗО, ГПШ и строительные школы. Например, в Свердловской обл.; «Принимаются юноши в возрасте 17–18 лет и демобилизованные военнослужащие в возрасте до 26 лет, с образованием не ниже 4-х классов для подготовки профессиям: крепильщики, забойщики, проходчики. Во время обучения учащиеся находятся на полном государственном обеспечении» [18]. В рубрике «Куда пойти учиться» предлагалось обучение в школах ФЗУ Карагандинского мясокомбината, Сызранского технического училища №11 [19], Техн. училище № 6 гор Тимер-Тау [20]; Горно-промышленное училище (г. Караганда) на 1959–1960 уч. год [21]; городское профессионально-техническое училище № 71 г. Свердловск Луганской области (Донбасс) [22], Сарапульское профтехучилище-интернат для инвалидов на 1964–1965 учебный год на бухгалтерское, швейное и обувное отделение [23]; Оренбургское областное управление профессионально-технического образования объявляет набор в Бугурусланское, Курманаевское, Покровское (Ново-Сергеевского района), Саракташское, Соль-Илецкое, Сорочинское, Ташлинское, Халиловское, Чебеньковское (Сакмарского района), Шарлыкское, Бузулукское, Кардаиловское (Илекского района) училища механизации сельского хозяйства [24].

Для информации населения республики размещались статьи под разными рубриками «Вести отовсюду» (Сыктывкар. (ТАСС) «Тундра зовет»; Иркутск. (ТАСС) «Разведчики идут на Север»; Ереван (ТАСС) «Армянская керамика»; Ташкент. (ТАСС) «Кустятся озимые»), «По родной стране» («Ивановская область», «Калужская область») [25] или статьи по открытию месторождений, новостройках, достижениях в сельском хозяйстве, приеме переселенцев в Сибири и т.п. [26] В рубрике «Фотохроника ТАСС» размещались фотографии о размахе строительства, новостроек и др.

Таким образом, можно сказать, что газеты «Красная Мордовия» и «Советская Мордовия» были первыми средствами массовой информации, привлекающими внимание широкого круга читателей и имеющими воздействие на миграцию населения Мордовии. Они содержали информацию о государственном плановом переселении (с указанием льгот, проезда к пункту назначения, возраста, социального статуса, условий проживания, культурного досуга и т. п.); куда можно пойти учиться, а также по индустриализации, развитию сельского хозяйства и освоению целинных земель в условиях России того времени. Размещались объявления о государственном плановом переселении в колхозы, лесную промышленность. В объявлениях указывалась информация о работе (строительство железных дорог, освоения целинных и залежных земель, строительство жилых

домов и др.) по регионам страны (Алтайский края, Чкаловская, Молотовская, Кировская, Ростовская, Кемеровская, Курганская, Новосибирская, Омская, Тюменская, Иркутская, Читинская, Челябинская, Чкаловская, Саратовская обл., г. Тула). На железнодорожных станциях предусматривалось формирование переселенческих эшелонов с указанием дат их отправки (Красноярский край). Много требовалось рабочих на лесозаготовительные и лесосплавные (Архангельской, Кировской, Костромской и других областей) предприятия. Объявления содержали информацию вида (рабочие, трактористы, плотники, строители, колхозники) и места работы (Сахалинская, Томская обл.; колхозы Красноярского кр.). Приглашения на работу подавались разными ведомствами (Переселенческий отдел Совета Министров Мордовской АССР, Переселенческий отдел Министерства сельского хозяйства и заготовок Мордовской АССР и др.). Характер объявлений был и иной (на уборку рыбы: Кольскому Госрыбтресту, Камчатку, Сахалин, Приморье). На работу приглашались и в Центральную часть страны (например, Рязанской обл.). Начиная с 60-х г. в объявлениях стали указывать, что требуются лица определенной квалификации (мастер, инженер, техник с указанием специализации, в том числе дипломированные техники-механики, технологи, экономисты с опытом работы). Размещались приглашения на учёбу (в школы ФЗО, ФЗУ, ГПШ; строительные, технические, горнопромышленные училища, ГПТУ, профтехучилище-интернат для инвалидов, институты и др.). Информация под рубриками «Вести отовсюду», «По родной стране» подавалась в виде кратких статей или авторских статей по открытию месторождений, новостройках, достижениях в сельском хозяйстве, приеме переселенцев в Сибири, обмену опытом и т.п.; в рубрике «Фотохроника ТАСС» – фотографии о размахе строительства, новостроек, целине и др. Система средств массовой информации оказывала воздействие на массовое сознание и влияла на историю миграции населения из Мордовии. Это достоверно утверждают содержание книги серии «Мордва России», основанные на извлеченных и впервые опубликованных данных архивных материалов эшелонных списков (с указанием фамилий, имен, отчеств переселенцев и членов их семей, дат, районов, сел выезда), постановлений, распоряжений, отчетов по переселению граждан республики (в т.ч. с указанием мест вселения), статистических переписей населения (1897–2010 г.), полевых сведений авторов (воспоминания, история миграции, сохранение традиций и др.), собранных в этнографических экспедициях по Сибири, Уралу и Зауралью, Дальнему Востоку, Северу и Крайнему Северу, Центральной и Западной части РФ.

Литература

1. Дементьева К.В. Пресса и общественное мнение: Уч. пос. / К.В. Дементьева, П.Ф. Потапов. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. – 140 с.
2. Зубков И.В. Переселенчество // Большая Российская энциклопедия. – М., 2014. – Т. 25. – С. 660.

3. Киричек П.Н. Печать и этнос: Уч. пос. / П.Н. Киричек, П.Ф. Потапов. – Саранск: Крас. Окт., 2005. – 104 с.

4. Серия «Мордва России»: Мордва юга Сибири / Л.И. Никонова [и др.]; под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова; д-ра ист. наук, проф. Л.И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2007. 312 с.; Никонова Л.И., Щанкина Л.Н., Охотина Т.Н., Махалов С.А. Мордва Саратовской области: в 2 ч. Ч. 1. Петровский район; под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова. Саранск, 2009. 200 с.; Никонова Л.И., Щанкина Л.Н., Шерстобитова Ж.В. Мордва Западной Сибири: в 2 ч. Часть 1. Село Калиновка: сибирская история и мордовские традиции / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова. Саранск, 2009. 112 с.; Никонова Л.И., Щанкина Л.Н., Авдошкина Н.Н., Савка В.П. Мордва Дальнего Востока / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2010. 312 с.; Никонова Л.И., Щанкина Л.Н., Гармаева Т.В. Мордва Циркумбайкальского региона и Республики Хакасия; под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л.И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2010. 268 с.; Никонова Л.И., Аксёнова Т.В., Охотина Т.Н., Савка В.П., Фадеева М.М. Мордва Урала и Зауралья / под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л.И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2012. 464 с.; Никонова Л.И., Махалов С.А., Охотина Т.Н., Савка В.П., Щанкина Л.Н. Мордва Саратовской области: под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л.И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2013. 252 с.; Никонова Л.И., Аксёнова Т.В., Охотина Т.Н., Фадеева М.М., Чибирева Е.Г. Мордва Владимирской области; под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л.И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2013. 184 с.; Никонова Л.И., Захватова Е.Ю., Митина В.В., Охотина Т.Н., Торопова М.М. Мордва Калининградской области: ист.-этногр. исслед.: монография; под ред. д-ра ист. наук, проф. В.А. Юрченкова, д-ра ист. наук, проф. Л.И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2017. 184 с.: 112 л. ил. (Мордва России).

5. Потапов П.Ф. Журналистика и этнокультура народов Поволжья на рубеже XX – XXI веков / Науч. ред. д-р социол. наук проф. П.Н. Киричек. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. – 196 с.

6. Потапов П.Ф. История мордовской журналистики (1917–1984). – Саранск, 1994. – С. 3.

7. Объявление // Советская Мордовия. 20.12.1955; 17.12.1955; 09.12.1955; 17.04.1956; 27.09.1950.

8. Объявление // Советская Мордовия. 29.01.1957; 26.05.1960

9. Объявление // Советская Мордовия. 25.10.1954.

10. Объявление // Советская Мордовия. 17.12.1954.

11. Объявление // Советская Мордовия. 8.06.1960.

12. Объявление // Советская Мордовия. 21.03.1968.

13. Объявление // Советская Мордовия. 8.02.1962.

14. Объявление // Советская Мордовия. 30.01.1965.

15. Объявление // Советская Мордовия. 17.01.1962.

16. Объявление // Советская Мордовия. 18.06.1962.

17. Объявление // Советская Мордовия. 30.12.1962.

18. Объявление // Советская Мордовия. 22.08.1956.
19. Объявление // Советская Мордовия. 22.06.1960; 15.09.1959.
20. Объявление // Советская Мордовия. 22.06.1960.
21. Объявление // Советская Мордовия. 14.09.1959.
22. Объявление // Советская Мордовия. 12.06.1964.
23. Объявление // Советская Мордовия. 20.05.1964.
24. Объявление // Советская Мордовия. 20.04.1960.
25. Сыктывкар, (ТАСС). Тундра зовет; Иркутск. (ТАСС) Разведчики идут на Север; Ереван (ТАСС) Армянская керамика; Ташкент (ТАСС) Кустятся озимые // Советская Мордовия. 17.02.1964.
26. Погодин К. На молодых нефтепромыслах Нижнего Поволжья // Советская Мордовия. – 14.07.1955.

Огородников Алексей Дмитриевич

Марийский государственный университет
г. Йошкар-Ола

**ОБ ОДНОМ ИЗ ВИДОВ РАБОЧЕЙ ОДЕЖДЫ ПО ДАННЫМ
ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ЦАРЕВОКОКШАЙСКА
(ЙОШКАР-ОЛЫ) В XVIII–XIX ВВ.**

Аннотация: статья посвящена изучению найденных в культурном слое Царевококшайска (Йошкар-Олы) кожаных рукавиц в ходе археологических исследований 2008–2009 гг. и 2015 г. В работе представлено как описание самих находок, так и поиск аналогий им в других регионах. Проводится сопоставление археологического материала с данными письменных источников, что позволяет составить картину производства и использования кожаных рукавиц в Марийском крае.

Ключевые слова: Марийский край, Царевококшайск, малый город, Новое время, XVIII век, XIX век, археологическая кожа, кожаные рукавицы, рукавичный промысел.

Alexey Dmitrievich Ogorodnikov

Mari State University
Yoshkar-Ola

**ABOUT ONE OF THE TYPES OF WORK CLOTHES FROM
THE EIGHTEENTH AND NINETEENTH CENTURIES BASED
ON WRITTEN SOURCES AND ARCHEOLOGICAL RESEARCH
IN TSAREVOKOKSHAISK (YOSHKAR-OLA)**

Abstract: the article is devoted to a study of leather mittens found in the cultural layer of Tsarevokokshaisk (Yoshkar-Ola) during archaeological research in 2008–2009 and 2015. The work presents both the description of the

finds themselves and the search for analogies from other regions. The archeological material is provided along with the data of written sources, which makes it possible to draw up a picture of the production and use of leather mittens in the Mari region.

Keywords: Mari Region, Tsarevokokshaisk, small town, New time, XVIII century, XIX century, archaeological leather, leather mittens, mitten production.

Кожанные рукавицы являются одним из традиционных видов рабочей одежды, использовавшейся как в быту, так и в ходе различной промышленной деятельности. В Материалах по статистике Вятской губернии Уржумского уезда есть подробное описание области их использования: «Покупают рукавицы преимущественно крестьяне северных и западных волостей уезда, где распространено плотничество и где, в силу понятных причин, спрос на рукавицы очень большой. Покупают рукавицы так же крестьяне Ирмучашской, Косолаповской и Сернурской волостей, где население занимается добыванием бутавого, жернового и извескового камня и где рукавицы поэтому составляют крайнюю необходимость. Наконец спрос на рукавицы есть ещё между крестьянами Теребилловской волости, где часть населения занимается добыванием алебаstra» [5, с. 53]. Не смотря на кажущуюся простоту изделия, кожаные рукавицы являются традиционным видом рабочей одежды в данном регионе. Они имеют длительную историю существования. Так на территории России находки подобных изделий обнаружены ещё в слоях XI века при раскопках Новгорода Великого [3, с. 215]. Истории кожаных рукавиц в Марийском крае и посвящена данная статья.

Первое упоминание в письменных источниках об изготовлении кожаных рукавиц на территории Марийского края относится к середине XVII в. В «Книге писцовой посацким людям и отводнаяграцкому выпуску за скрепою писца и воеводы Ивана Шедрина» упоминаются двое ремесленников в деревне Варакино рядом с Царевококшайском, владевших «рукавишным» ремеслом [4, с. 149] каких-либо подробностей о данном ремесле не приводится.

Подробности изготовления кожаных рукавиц обнаруживаются во второй половине XIX в.: «Из дублёных кож шьют преимущественно рукавицы. Для шитья после них нередко нанимаются крестьяне Нолинского уезда, которые работают с 16 февраля по 25 июля. Из сотни кож выкраивается 350 пар рукавиц. В день можно сшить до 20 пар. При хозяйской пище каждый, занимающийся шитьём рукавиц, получает за тысячу по 31 рублю и зарабатывает таким образом в день 62 копейки» [5, с. 52]. Материалы для работы крестьяне получали с имевшегося здесь кожевенного завода.

В малых городах Марийского края отсутствовала ремесленная специализация по изготовлению рукавиц. Во всей Казанской губернии такие мастера упоминаются только в Казани, причём они были совсем немногочисленны – всего 3 мастера и 27 рабочих [8, с. 36], то есть изготовление рукавиц было преимущественно одним из видов крестьянских промыслов.

Сбывались рукавицы, сделанные в Уржуме, в том числе и на базаре Царевококшайска: «Рукавицы продаются на Базарах в с. Лебяжье, Тарьяле, г. Царевококшайск и других местах. Пара рукавиц стоит 40–50 коп.» [5, с. 53].

Стоимость их оставалась в целом всегда примерно одинаковой, так за сто лет до этого разночинец Никита Фёдоров от 16 июня 1780 г. в своём донесении жалуется на кражу имущества в лавке, в том числе: «20 пар рукавиц, в том числе козловых 10, опойковых 5, барановых пять же пар, каждая пара по 50 копеек» [2, с. 223].

Судя по письменным источникам рукавицы являлись самым ходовым изделием из кожи среди населения. Так, в приходной книге Козмодемьянской городской думы за 1798 г., пишется, что в базарные дни была взята пошлина с пяти возов проданных рукавиц [9, с. 248].

В описании С. Михайлова Покровской ярмарки 1854 и 1856 г. в Козмодемьянском уезде указаны данные об объёме проданных рукавиц. В 1854 г. в списках продаваемого товара значились рукавицы крестьянские, общей суммой на 780 рублей [6, с. 171]. На Покровскую ярмарку 1856 г. рукавиц было привезено на 400 рублей. Они делились на холодные (видимо без меха) от 25–30 рублей за сотню, и тёплые, от 25 до 28 рублей за сотню. Их было на ярмарке продано на 300 рублей [6, с. 202–203], то есть на каждой подобной ярмарке привозилось и продавалось более тысячи пар рукавиц.

Из приведенных сведений видно, что рукавицы были достаточно ходовым товаром. Они достаточно массово использовались населением Марийского края.

В ходе археологического исследования культурного слоя Царевококшайска (Йошкар-Олы) в 2008–2009 г. (раскопки Базарной площади города) и в 2015 (раскопки городской усадьбы) найдены три кожаные рукавицы.

На Базарной площади была найдена одна, практически целая (рис. 1). Находка представляет собой сложенный вдвое кусок кожи с вырезом под большой палец. Длина рукавицы 25 см, максимальная ширина по нижнему срезу 33 см, по верхнему срезу ширина 10 см. Присутствуют следы износа в области пальцев, в шести сантиметрах от верхнего среза идёт разрыв практически по всей ширине рукавицы. В области большого пальца разрез подтреугольной формы длиной 6 см, шириной у основания также 6 см. Вырезанный кусок отогнут наверх, деталь, закрывающая вы-

рез, не сохранилась, о её наличии можно судить по сохранившемуся выворотному шву. Сама рукавица также соединялась выворотным швом. Толщина кожи составляет около 1 мм (как и во всех других образцах), более точно установить толщину после длительного нахождения кожи в грунте не представляется возможным. Материал – предположительно овчина.

При археологическом обследовании городской усадьбы на улице Вознесенской в г. Йошкар-Оле, было найдено два фрагмента рукавиц. Первый длиной 24 см и шириной 34 см по нижнему срезу в развёрнутом виде, 10 см в развёрнутом виде по верхнему срезу (рис. 2). В области пальцев отсутствует фрагмент размером 10 на 12 см. Видимо его отсутствие является следствием износа. Вырез под большой палец также отсутствует. Видимо он находился в разрушенной части изделия. Соединялись также как в первом случае выворотным швом с непостоянным шагом от 3 до 6 мм, шов также не ровный, отверстия скачут в несколько сантиметров. От линии соединения. Всё это говорит об отсутствии навыка по работе с материалом. Материал – предположительно кожа крупного рогатого.

Второй фрагмент, найденный на том же раскопе, состоит из двух зеркальных частей (рис. 3). Они имеют длину 14 см и ширину 14 см по нижнему сохранившемуся краю. Судя по конструкции, это часть рукавицы области пальцев. На обоих фрагментах сохранились следы от выворотного шва. Шаг составляет 6–7 мм, отверстия находятся на одной линии. Это говорит о хорошем навыке работы с кожей. Материал – предположительно овчина.

Все три находки имеют одинаковую конструкцию и несомненно являлись рабочей одеждой, об этом говорят следы износа в области сгибания пальцев. Конструкционно они представляют собой сложенную вдвое выкройку, имеющую подтрапецивидную форму: соотношение ширины верхней части с нижней 1:3. Второй деталью является накладка закрывающая большой палец. Она не сохранилась во всех трёх случаях. Установить точную датировку этих находок не представляется возможным, они были обнаружены в слое, датирующемся концом XVIII – первой половиной XIX вв.

Крой и форма таких рукавиц достаточно эргономичны и устойчивы. Подобные по крою рукавицы есть среди находок, полученных при археологическом изучении Подмосковья на период XVI–XVII вв. [7, с. 207]. Точно такие же рукавицы были найдены в слое XVII в. при раскопках Мангазеи на территории Сибири [1, с. 59]. Можно говорить, что это достаточно распространённая и устойчивая конструкция рукавиц, которые использовались русским населением, примерно с XVII в.

Рис. 1

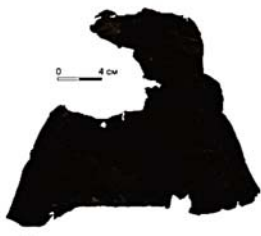

Рис. 2

Рис. 3

Фотографии кожаных рукавиц

Таким образом, найденные в культурном слое Царевококшайска кожаные рукавицы являются одним из самых массовых кожаных изделий, использовавшихся населением. Все три находки имеют одинаковый крой, который был распространён по всей территории России, примерно с XVII в. Это были достаточно простые изделия. Их изготовление на территории Марийского края было связано с сезонным крестьянским промыслом.

Литература

1. Визгалов Г.П. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 г.) / Г.П. Визгалов, С.Г. Пархимович, А.В. Курбатов. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Издательство АМБ, 2011. – 216 с.

2. Иванов А.Г. Царевококшайск в конце XVI–XVIII веков. Очерки по истории уездного города. – Йошкар-Ола: Изд-во Мар. гос. ун-та, 2011. – 440 с.

3. Изюмова С.А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.; Л., 1959. – Вып. 65. – С. 192–222.

4. Книга писцовая посацким людям и отводная грацкому выпуску за скрепоу писца и воеводы Ивана Шедрина 157г. (1649) / ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 523. Л. 1–71об. / Марийский Край в XVII веке сборник документов. Т. 1. писцовые и переписные книги. Составитель Г.Н. Айплатов. Йошкар-Ола, 1968 г. // Архив МарНИИЯЛИ. Оп. 1. Д. 346. Л. 149.

5. Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 2. Уржумский уезд. Ч. II. Подворная опись, О. I. Крестьянское хозяйство в Уржумском уезде. Вятка: Типография Куклина, 1887. 84 с.

6. Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. – 424 с.

7. Осипов Д.О. Коллекция изделий из кожи из раскопок в Зарядье (предварительные итоги) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. – М., 2017. – Вып. 13. – С. 199–227.

8. Отчёт о действиях казанского губернского статистического комитета за 1887 год. – Казань: Типография губернского правления, 1888.

9. Приходная книга Козмодемьянской шестигласной думы о сборе денег за позволенную торговлю с приезжих и разночинцев в пользу города // ГАРМЭ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2. Л. 104.

*Петров Николай Аркадьевич
Дмитриева Инга Валерьевна*

Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

ПРОДУЦИРУЮЩИЕ ОБЫЧАИ И РИТУАЛЫ В СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЧУВАШЕЙ⁶⁰

Аннотация: специфика этнической культуры рельефно проявляется в обрядовой сфере, прежде всего, в обычаях и ритуалах семейно-бытового круга. Семейные обряды в определенной степени консервативны, в них в силу интимности традиций сохраняется дольше, чем в других областях социальной сферы. Рождение детей в представлениях чувашей являлось основным предназначением женщины, оно было социально значимым. На этом строилась система взаимоотношений в семье и обществе. Продуцирующие обычаи и ритуалы занимали значительное место в системе семейной обрядности чувашей, некоторые из них сохранились и сегодня. К основным группам продуцирующих обрядовых действий относятся син-

⁶⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №17-11-21009 а (р).

диасмические, апохористические и карпогонические обряды. В чувашской семейной обрядности зафиксировано наибольшее количество карпогонических ритуалов.

Ключевые слова: продуцирующие обряды, семейная обрядность, ритуал, чуваша, свадебные обряды, деторождение, символика плодородия, городская обрядность.

Nikolai Arkadievich Petrov

Inga Valerevna Dmitrieva

I.N. Ulyanov Chuvash State University

Cheboksary

FERTILITY CUSTOMS AND RITUALS IN THE FAMILY RITES OF THE CHUVASH

Abstract: the specificity of ethnic culture is clearly manifested in the ritual sphere, particularly in the customs and rituals of the family and household circle. Family rites are conservative to a certain extent; because of their intimacy, they preserve tradition longer than in other areas of the social sphere. The birth of children in the Chuvash belief system was the main purpose of women – it was socially significant. the system of interrelations within the family and society was based upon it. Fertility customs and rituals occupied a significant place in the system of family rites of the Chuvash, and some of them have survived to this day. the main groups of fertility rites consist of syndiasmic, apochoristic and carpogenic ceremonies. In Chuvash family rites the highest numbers are recorded of carpogenic rituals.

Keywords: Fertility ceremonies, family rites, rituals, Chuvash, wedding ceremonies, childbirth, symbols of fertility, urban rites

Своеобразие этнической культуры рельефно проявляется в обрядовой сфере, прежде всего, в обычаях и ритуалах семейно-бытового круга. По мнению А.К. Байбурина, ритуал – механизм регулирования и санкционирования явлений повседневной жизни, высшей степенью реализации которого является обряд [1, с. 3]. Как и весь обрядовый комплекс, семейные обряды в определенной степени консервативны, в них в силу интимности традиционное сохраняется дольше, чем в других областях социальной сферы [5, с. 111]. Под семейными обрядами в этнографической литературе понимается комплекс обрядов, обычаев и ритуалов, связанных с тремя наиболее существенными моментами в жизненном цикле человека: рождение, брак и смерть.

Одним из наиболее значительных событий в жизни семьи является бракосочетание. Традиции требуют, чтобы оно оформлялось торжественно, с соблюдением соответствующих предписаний и норм, исполнением полного объема ритуала [5, с. 111]. Существенную роль в чувашской

семейной обрядности (главным образом свадебной) играли элементы продуцирующей магии. В традиционной свадьбе продуцирующие ритуалы должны были способствовать благополучию семьи. По представлениям чувашей, необходимо не только предохранить вступающих в брак от порчи и сглаза (для этого использовались всевозможные приемы охранительной магии), но и обеспечить соответствующими ритуалами (в основном магическими) рождение детей.

Одной из главных целей брака по представлению чувашей является продолжение рода. Поздравляя новобрачных, и сегодня желают: «Ложась вдвоем, вставайте втроем». Рождение детей понимается чувашами как главное предназначение. По чувашской традиции в бездетности обвиняли женщину, отсутствие детей давало право мужу на развод. Положение женщины, неспособной забеременеть или выносить детей, в семье мужа было незавидным. По нормам обычного права чувашей, женщина становится полноправной хозяйкой в семье только после рождения первого ребенка, и особенно мальчика. Рождение мальчиков в чувашских семьях было предпочтительнее, так как по обычному праву им полагался дополнительный земельный надел. Бездетность считалась большим несчастьем, рассматривалась как наказание свыше, порча. Отсутствие детей влияло на психологический климат семьи, взаимоотношения между супругами, и их близкими родственниками.

Большое количество детей в чувашских крестьянских семьях считалось нормой. Чем больше было детей в семье, тем больше рабочих рук, необходимых в хозяйстве. Бездетная семья, по нормам обычного права чувашей, считалась неполноценной. Основной целью заключения брака у чувашей было продолжение рода, рождение здоровых детей. Поэтому при выборе брачного партнера существенное значение придавали физическому здоровью, в первую очередь невесты. Смотрели на фертильные признаки невесты, на её семью, «на род», чтобы не было в ней наследственных заболеваний, инвалидов, душевно больных, обращали внимание на количество детей. Считалось, что невеста наследует качества, продуктивность своего рода. Бездетность в традиционном чувашском обществе считалась не только несчастьем, но и позором семьи, рода. Поэтому наибольшее количество продуцирующих обычаев и ритуалов представлено в свадебной обрядности.

Традиционная чувашская свадьба состоит из трех основных циклов: предсвадебные действия, собственно свадьба и послесвадебные обряды. Каждый цикл содержит продуцирующий обычай и ритуал.

Свадьба представляет собой комплекс ритуальных действий. Роль жениха в чувашской свадьбе более демонстративная, но относительно пассивная. В традиционной свадьбе обрядовые действия, связанные с женихом, почти не предоставляют ему активности. Роль и значение жениха показы-

вало его окружение. На свадьбе гораздо активнее вела себя невеста, поэтому и обрядовых действий, в том числе продуцирующего характера, вокруг неё исполнялось больше. Согласно классификации Е.Г. Кагарова можно выделить основные группы продуцирующих обрядовых действий: синдиасмические обряды, апохористические, карпогонические [2, с. 152].

Синдиасмические обряды призваны упрочить брачный союз молодых, запечатлеть их эмоциональное единение, обеспечить плодородие и богатство. К обрядам этой группы относятся: совместная трапеза, еда и питье жениха и невесты, обряд, при котором новобрачных сажают на одну перину. Из современных свадебных обрядов – соединение рук молодых, перевязывание одной лентой бокалов жениха и невесты [4].

Апохористические, или отделяющие, действия, знаменующие разрыв невесты с культом духов-покровителей родительского дома, исключение из половозрастной группы молодых девушек. Одевание женских головных уборов (сурпан и хушпу) в свадебной обрядности символизирует идею перехода в другой статус. Так называемый обряд «посвящения в жены», когда невесту переодевает многодетная, удачливая в семейной жизни женщина. В настоящее время этот обряд имеет местечковый характер и соблюдается в отдельных поселениях верховых чувашей. Так, в д. Шиуши Аликовского района ЧР, после регистрации в загсе и свадебного пира снимают белое свадебное платье, фату, надевают чувашскую свадебную одежду, национальные украшения (ама) и повязывают вышитый платок [4].

К апохористическим продуцирующим действиям можно отнести обряды, связанные с культом хёрт-сурт и йёрёх.

Хёрт-сурт в представлениях чувашей выступал духом-покровителем дома. Ему приписывали функцию охраны покоя, благополучия, детности и целостности семьи. Его представляли в облике девушки или женщины в белой одежде, обитающей на печи, любящей прясть по ночам, требующей к себе внимания. К нему обращались на свадьбе с молитвами, задабривали гостинцами и подарками. Выходя замуж, невеста должна была добиться сначала благосклонного отношения к ней хёрт-сурт в новом доме. Обряд хёрт-сурт пӓтти был направлен на выражение почтительного отношения к духу и поддержание гармонии в семье. Тарелку с кашей, предназначенную хёрт-сурт, ставили на печь на подушку, накрыв чистым полотенцем. В молитве просили покровительствовать рождению детей, охранять от бедности, несчастья, оберегать от болезней. Известен другой вариант свадебного обряда, когда невеста обнимала и клала на печку *масмак*, монеты, сурпан, для того чтобы хёрт-сурт принял её как нового члена семьи и помогал. Чувашки верили, что для благополучия семьи этот дух должен жить в каждом доме. Считалось, что хёрт-сурт любит мир и покой в семье, помогает в домашних делах, не терпит скандалов и в случае ссор в семье покидает жилище.

Похожими семами обладал йёрёх. В представлениях чувашей йёрёх – божество-хранитель домашнего очага. Оно представлялось в женском образе. Местом обитания йёрёх было лукошко, которое подвешивали в недоступное для детей место, верхний угол избы, амбара, клети. Изготовлением йёрёх занимались женщины, его делали из дерева, глины или отливали из олова в виде женских фигурок. Считалось, что йёрёх, как и хёрт-сурт любит мир и порядок в семье, помогает и защищает семью, в случае нарушения норм семейного поведения или непочтительного отношения к нему, насыщает болезни кожи и глаз. В его честь устраивали моления, приносили дары: кусочки свинца, серебряные монеты, лоскутки ткани, кашу и лепешки, которые клали в лукошко. Чувашки верили, что для благополучия и детности семьи, йёрёх должен жить в каждом доме, поэтому у чувашей бытовал обряд изготовления йёрёха для нового дома невесты.

Карпогонические, или оплодотворяющие, обряды. Это ритуалы, направленные на обеспечение плодородия земли, скота и плодovitости невесты, усиливающие фертильные способности молодых. В чувашской свадебной традиции зафиксировано наибольшее количество карпогонических ритуалов.

Пожелания молодым обзавестись большим потомством имеют место в куплетах песен, которые исполнялись на свадьбе, а невербальные практики, которыми пронизан свадебный обряд, должны были наделить новобрачных способностью к плодovitости. Так, благословение, пил, пехил – завещание (словесное), напутствие, благопожелание, получаемое детьми от родителей, по убеждениям чувашей – неперенное условие для достижения счастья, благополучия, многодетности, здоровья. Благословение родителей при бракосочетании является обязательным обрядом, направленным на крепкий союз, детность, семейное благополучие и достаток.

Продуцирующее значение имеют ритуалы, в основе которых лежит использование предметов с признаками множественности: зерен, гороха, хмеля, муки, монет (в современных свадьбах лепестков роз, монет, конфет) и т. д. Для создания образа изобилия, подразумевающего большое потомство, новобрачных осыпали зерном, чтобы у них было столько детей, сколько колосьев и зерен, с той же целью рассыпали горох. Чтобы у молодых был достаток и много детей, их осыпали мукой, зерном и шишками хмеля. Осыпание молодых овсом, мукой, хмелем и т. п. – один из наиболее распространенных ритуально-обрядовых действий, характерный для многих народов. В народном сознании существовала вера, что признаки множественности, которыми обладают предметы, непременно перейдут к тем, кого они касаются.

Символикой плодородия наделялась и пища. Обязательным блюдом в свадебной обрядности были яйца, чтобы в семье было много детей, невесту и жениха на свадьбе угощали похлебкой с яйцами (сѣмарта шѳурпи) или яичницей. Яйцо, по представлениям чувашей, является символом зарождающейся жизни. Яйцо часто присутствует в аграрной обрядности чувашей (перед началом пахотных работ чувашаи закапывали яйцо в землю) [3, с. 167]. Такую же продуцирующую направленность имела традиция приготовления на свадьбу для молодых супа с клецками (салма яшки). Чтобы у молодых было много детей, на свадебном столе было большое количество колобков из пресного теста (йѳава/йѳавача). В качестве карпогонического средства чувашами также использовалась каша. Применение каши обусловлено её злаковой основой, которая обладает семей «роста». Обрядовое употребление хлеба (каравая) в свадебном ритуале в качестве угощения и благословения способствовало по народным представлениям увеличению фертильных способностей молодой семьи. Важными блюдами на свадьбе являлись сѳхѳ – пышная лепешка, которая символизировала семь видов злаков, выращиваемых чувашами, и чѳкѳт, – домашний сыр, символизирующий достаток и плодородие.

Значимым элементом свадебной обрядности являлся шилѳк – место торжественного проведения свадьбы у верховых чувашей (свадебное дерево, молодая, срубленная береза, липа, установленная во главе стола). На второй день свадьбы деревце перекидывали через сарай, чувашаи верили, если деревце перелетит не зацепившись, в новом доме невеста будет многодетна и благополучна.

К числу карпогонических обрядов относится обряд запириания молодых в брачную ночь в хозяйственном помещении (амбаре, клети), где обычно хранилось зерно. Устройство постели для новобрачных в месте обработки и хранения зерна должно было обеспечить, по представлениям чувашей, богатую жизнь и рождение детей. Чтобы результат брачной ночи оказался «положительным», в клеть, куда определяли на ночь молодых, сопровождающие заходили в нечетном количестве.

У чувашей существовало поверье о возможности умышленного вреда новобрачным, поэтому к подготовке брачной постели чужих людей не допускали. Постель готовила близкая родственница жениха, как правило, многодетная женщина. В соответствии с народными представлениями, она через контакт с постелью передавала новобрачной свои репродуктивные способности. Известен обряд с ребенком, при котором, провожая молодых в клеть, на короткое время на их постель сажали ребенка. Вариант этого обряда, когда во время свадебного пира невеста брала на руки ребенка. В этом обряде проявляется элемент контактиозной магии, при котором касание к ребенку, по представлению чувашей, обеспечивает зачатие. Отголоски карпогонических ритуалов имеют место и в современной городской обрядности. Например, среди верных народных примет,

как забеременеть быстро, нередко указывается переданный предмет знакомой беременной или ушедшей в декрет. Чувашки рассказывают истории, когда «все, кто сидел в офисе на определенном стуле, уходили в декретный отпуск» [4]. Другие в роду передавали какой-либо талисман, с которым все зачинали. Например, чашка, из которой пили святую или родниковую воду в любой религиозный праздник [4]. В современной свадьбе сохранился обряд, когда чтобы забеременеть рекомендуется в разгар застолья невесте подержать на руках маленького ребенка из родни жениха [4].

Таким образом, продуцирующие обычаи и ритуалы занимали значительное место в системе семейной обрядности чувашей, некоторые из них сохранились и сегодня. Продолжение рода – одна из главных целей брака. Рождение детей в традиционных представлениях чувашей являлось основным предназначением женщины, оно было социально значимым. На этом строилась традиционная система взаимоотношений в семье и обществе. Важность рождения детей отразилась в обильной символике плодородия и выраженной продуцирующей обрядности чувашской свадьбы.

Литература

1. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
2. Кагаров Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник музея антропологии и этнографии. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – Т. VIII. – С. 152–195.
3. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. – Казань: Типография Императорского университета, 1881. – 267 с.
4. ПМА. 2016–2017, г. Чебоксары, г. Ядрин, Ядринский, Аликовский районы ЧР.
5. Чуваш: история и культура. В 2-х т. Т. 2 / Отв. ред. В.П. Иванов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – 335 с.

Салмин Антон Кириллович

Музей антропологии и этнографии
имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН
г. Санкт-Петербург

ИСЛАМСКИЙ СЛЕД В ВЕРОВАНИЯХ ЧУВАШЕЙ

Аннотация: хотя чуваш и считаются сегодня православными, в их традиционных верованиях заметны явные следы исламских элементов. Как показывают исследования, влияние ислама на исторических предков чувашей савиров начались ещё в кавказский период в ходе арабских экспансий. В Поволжье исламские традиции среди суваров-чувашей значительно усилились. Полный переход в ислам не был осуществлен только потому, что основная часть предков чувашей жила не в городах, а в сельской местности, и занималась земледелием. Ныне исламские традиции можно зафиксировать особенно среди некрещеных чувашей (позы при молении, антропонимы, прозвища).

Ключевые слова: верования, ислам, савиры, арабы, чуваш.

Anton Kirillovich Salmin

Peter the Great Museum of Anthropology
and Ethnography (Kunstkamera) RAS
St. Petersburg

TRACES OF ISLAM IN THE BELIEFS OF THE CHUVASH

Abstract: though the Chuvash are considered orthodox today, there are visible traces of Islamic elements in their traditional beliefs. As studies show, the influence of Islam on the historical ancestors of the Chuvash, the Savirs, began as early as the Caucasian period during the process of Arabic expansion. In the Volga region, the Islamic traditions among the Chuvash-Suvars strengthened significantly. The full transition to Islam was not completed only because the majority of the Chuvash ancestors lived not in the cities, but in rural areas and were engaged in agriculture. In the present day, Islamic traditions can be discerned especially among the unbaptized Chuvash (praying postures, anthonyms, nicknames).

Keywords: religious beliefs, Islam, Savirs, Arabs, Chuvash.

Как писал один из исследователей, «в эпоху складывания чувашского народа происходила борьба между религиями: между чувашской первобытной религией и новой, агрессивной религией ислама, возникшей в начале нашей эры» [2, с. 12–13]. Хотя в Коране утверждается, что вера в Аллаха есть надежная опора, для которой нет сокрушения, а язычества следует сторониться [8, 2: 257, 16: 38], в отношениях «ислам и чуваша» не все так прямолинейно и однозначно.

После арабского нашествия страна гунно-савиров на Кавказе разделилась на две части. Сувары заняли её южную часть. Их главным городом стал Хамзин (так у Ибн-Руста, а у Гардизи – Джедан).

Царь и жители столицы суваров Хамзина в начале VIII в. исповедовали три религии одновременно: в пятницу они молились с мусульманами, в субботу – с евреями, а в воскресенье – с христианами [3, с. 124].

Маршрут Ибн-Фадлана наглядно показывает, что влиянию ислама более отдаленные от мусульманских стран народы иногда подвергались раньше, чем их ближайшие соседи [4, с. 67]. На пространстве от Хорезма до Булгарии посольство встречало тюркские племена, соблюдающие свои верования и ставившие у могил воинов камни по числу убитых врагов.

Средневековые авторы проливают свет на религиозную ситуацию в Волжской Булгарии. Так, Ал-Истахри дает об этом наиболее полный вариант: «Булгар – имя города, и они (булгары) – мусульмане; в [городе] – соборная мечеть; поблизости другой город, называемый Сувар, в нём также соборная мечеть; сообщил мне тот, кто совершил хутбу в них». Шараф ал-Марвази как бы продолжил описание: «[Булгары] – мусульмане, воюют с

неверными из тюрок, совершая против них походы, так как неверные – вокруг них» [7, с. 37]. Тут следует учесть несколько обстоятельств. Истахри – выходец из Персии, путешественник по мусульманским странам. Его сочинение относится к середине X в. Марвази – арабский учёный, врач. Сочинение его относится примерно к 1120 г. Несомненно, оба – мусульмане. Поэтому именно эту религию они считали правильной. Отсюда желание приукрасить действительность. Притом оба свои описания сочиняли по рассказам других лиц («сообщил мне тот, кто совершал хутбу в них»). В то же время вокруг двух главных городов Булгарии – неверные. Поэтому следует допускать, что к середине X – началу XII в. ислам мог действовать пока в самих городах, а все население вокруг придерживалось своих старых традиции. Например, Абу Хамид ал-Гарнати в первой половине XII в. сообщал, что в г. Булгар есть соборные мечети, в которых совершают пятничное моление. А в центре города живет эмир булгар, и у него большая соборная мечеть. Вокруг этих мечетей живет много народу из булгар. «И есть другая соборная мечеть, в которой [молится] народ, который называют «жители Суvara», они тоже многочисленны» [5, с. 66]. В праздники выносят множество мимбаров, и каждый эмир молится со своим народом. У каждого эмира отдельный кадий, факихи и проповедники. Из данного описания видно, что в городах Булгар и Сувар имелись мечети и в них проводили праздничные моления. Однако ал-Гарнати, должно быть, не зря дает очень тонкое различие: верующих в городе Булгар он называет «народ из булгар», а вторых – «жители Сувар», что не равнозначно этнониму «сувар». Причина проста – к описываемому времени в городе Сувар представителей суварского племени не было вовсе, или их было незначительное количество, или даже имеющиеся в городе сувары более двух веков исповедовали ислам и естественным образом превратились в булгар. Основная часть сувар ещё в 922 г. ушла на правобережье Волги, желая сохранить религию предков. Царь булгарского мусульманского населения часто совершал походы против неверных. Из текста ал-Гарнати невозможно сделать точное определение: против немусульманского населения своего государства или против соседних стран выходил царь Булгарии. У ал-Гарнати так: «А царь в это время сильных морозов выходит в походы против неверных и уводит в плен жен их, их сыновей и дочерей и лошадей» [1, с. 30]. Ясно одно – царь исламизированной верхушки Булгарии свою веру считал единственно правильной и разорял немусульманские народы. Далее не зря ал-Гарнати пишет: «А смысл слова булгар – учёный человек» [1, с. 31]. Однако из дальнейшего изложения видно, что такое определение принадлежит не самому ал-Гарнати. Он ссылается на «Историю Булгара», переписанную булгарским кадием. А в этой рукописи объясняется, что учёный у них называется балар, поэтому назвали эту страну «Балар». Арабизированную форму названия Балар переименовали на «Булгар». Конечно, все это не более чем народная

этимология. Цель такого толкования – стремление возвысить арабскую религию, воспринятую булгарской городской верхушкой, и увязать название столицы с исламом.

Великого князя Булгарского Алмуша после принятия ислама в целях подчеркивания как наместника Пророка стали называть арабским термином халиф. Другое слово, которое пришло вместе исламом – мар'а и значит «женщина». В последние века словом майра чувашки называют русских женщин, а также женщин вообще, одетых по-городскому. Должно быть, до массовой встречи с русскими чувашки так называли женщин, одетых не по-чувашски, т.е. булгаро-татар.

После арабской миссии предков чувашей суваров в городе Булгар не было, а оставшаяся небольшая часть стала исламизированными булгарами.

Приток населения из Средней Азии испытали Булгар, Биляр и Сувар, т.е. центральные районы Булгарского государства. «Но и здесь большая тюркизация и влияние арабской культуры падают на городское население, которое непосредственно было втянуто в экономические связи с Абассидским халифатом. Деревня влияние новой арабской культуры испытала в меньшей мере; ещё меньше коснулось оно окраин Булгарского государства» [9, с. 12]. Иначе говоря, процесс тюркизации и исламизации сильно коснулся булгарского населения, а суварам, обитавшим до 922 г. на южной окраине, затем – в западной части Булгарии, удалось сохранить свои основные традиции.

Что касается религиозных чувашских терминов, то арабские заимствования имели место и в XIII–XV вв., однако они не оказали сколько-нибудь заметного влияния на систему религиозных воззрений. Например, прочно вошёл в тексты чувашских молений арабский термин *halal* «дозволенный, разрешенный». У чувашей слово халал утвердилось со значением «благословение». Зафиксировано оно и в сочинении Юсуфа Баласагунского *Qutatyu bilig* (XI в.).

Исламскую печать ныне находим в именах некрещеных чувашей: Айтар < араб. Хайдар «лев», Мёкёте < араб. Махди «подаренный», Селиме < араб. Салима «невредимая», Хемит < араб. Хамид «прославляемый» и т.д. Сюда же следует отнести бытующие прозвища Ахун и Кати (например, в д. Старое Ахпердино Батыревского района), т.е. «Иван из рода ахун» и «люди, в роду которых был кадий». Однако, как эти имена пришли к чувашам – через татар-мусульман или раньше – этот вопрос пока остается открытым. Мулла как чувашский молещик и советчик встречается (особенно в Шемуршинском районе Чувашской Республики и Цильнинском районе Ульяновской области) очень часто. Наконец, сам этноним сувар пришёл к предкам чувашей от арабов и заменил бытовавший этноним савир.

Сувары сумели избежать суровой участи исчезнуть с лица земли как народ, отказавшись принять новую религию Волжской Булгарии – ислам. Мотивом для разногласия между царем Булгарии булгарином Алмушем и царем суваров Вырӑх стала религия. Основная часть землепашцев-суваров сохранила древние формы обрядов и верований [6, с. 74]. После событий, связанных с арабским посольством, официальный ислам, видимо, не слишком сильно преследовал иноверцев. Здесь продолжали существовать святые места и ключи, а также праздники с жертвоприношениями. Однако, в них стали проглядывать отдельные наслоения, связанные с древними культурами арабов (Кааба в форме Кепе, Курбан – Хӑрпан, Малем Ходжа – Валем хуҫа и некоторые другие). В XVI в. русские застали чувашей сплошь в своей старой вере. Правда, у них уже бытовала мусульманская терминология (пӗсмелле, Пихампар, Киремет). Однако вся эта лексика имела совершенно иное значение, чем в оригинале. Например, киремет в арабском означает «чудо», а у чувашей – главное земное божество. Поэтому В.В. Бартольд выражал удивление по поводу желания некоторых исследователей протянуть прямую связь чувашей с булгарами, которые уже с X в. имели непосредственное отношение к исламу. «Если бы чувашаи действительно происходили от волжских болгар, – писал академик, – которые были городскими жителями, и получили эти выражения от своих предков, то это свидетельствовало бы о невероятном, вряд ли ещё где-либо в мусульманском мире встречающемся, возврате к дикости» [4, с. 520].

Литература

1. Ал-Гарнати А.Х. Путешествие в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 г.). – М.: Наука, 1971.
2. Андреев Н.А. К вопросу о создании исторической лексикологии // Чувашский язык, литература и фольклор. – Чебоксары: НИИ, 1974. – Вып. 3. – С. 3–20.
3. Бартольд В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893–1894 г. – СПб.: Имп. АН, 1897.
4. Бартольд В.В. Сочинения. – М.: Наука, 1968. – Т. V.
5. Большаков О.Г. Примечания // Ал-Гарнати Абу Хамид. Путешествие в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 г.). – М.: Гл. ред. восточ. лит., 1971. – С. 62–83.
6. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш: Историко-этнографические очерки. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959.
7. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. – М.: Наука, 1967.
8. Коран. – М.: Наука, 1990.
9. Смирнов А.П. К вопросу о происхождении татар Поволжья // Происхождение казанских татар. – Казань: Татгосиздат, 1948. – С. 5–26.

Самсонова Анастасия Андреевна
Марийский государственный университет
г. Йошкар-Ола

**ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЮЛЬГАМ
СРЕДНЕЦНИНСКОЙ МОРДВЫ В КРЮКОВСКО-
КУЖНОВСКОМ, ЕЛИЗАВЕТ-МИХАЙЛОВСКОМ
И ПАНОВСКОМ МОГИЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ В VIII–XI вв.**

Аннотация: в данной статье приведены результаты исследования распределения сьюльгам в трёх среднецнинских могильниках Крюковско-Кужновском, Елизавет-Михайловском и Пановском.

Ключевые слова: сьюльгамы, среднецнинская мордва, могильные памятники, Средняя Цна.

Anastasia Andreevna Samsonova
Mari State University
Yoshkar-Ola

**TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF SULGAM
BROOCHES AMONG THE MIDDLE TSNA
MORDOVIANS IN THE KRYUKOVSKY-KUZHNOVSKY,
ELIZAVET-MIKHAILOVSKY AND PANOVSKY GRAVE
COMPLEXES FROM THE EIGHTH
TO THE ELEVENTH CENTURIES**

Abstract: this article presents the results of a study of the distribution of sulgam brooches in three Middle Tsna burials: Kryukovsko-Kuzhnovsky, Elizaveth-Mikhailovskoy and Panovsky.

Keywords: sulgams, Middle Tsna Mordovians, grave complexes, Middle Tsna.

Могильные комплексы (Крюковско-Кужновский, Елизавет-Михайловский и Пановский), расположенные в Тамбовской и Пензенской областях, являются самыми крупными могильниками среднецнинской мордвы. Погребальные памятники, изученные П.П. Ивановым в период с 1927–1936 г., дают широкое представление об этногенезе данного компонента финно-угорского населения Поволжья VIII–XI вв.

По результатам раскопок было вскрыто 880 погребений, в которых было найдено большое количество различных артефактов. Одной из таких категорий является сьюльгама.

Сьюльгама – это нагрудная застежка костюма, являлась одной из главных его элементов. Она представляет собой простые кольцевидные застежки с несомкнутыми концами и с подвижной стержневидной иглой,

охватывающей рамку. От обычных застежек она отличается более сложной конструкцией: с ажурным кольцом, с «крылатой» иглой, с подвесками и петельками. Сюльгама выполняла не только роль украшения, она играла и практическую роль – скрепляли верхний вырез рубахи.

Целью данной статьи является распределение и выявление схожих типов сюльгам по отдельным могильникам: Крюковско-Кужновскому, Елизавет-Михайловскому и Пановскому.

Сюльгамы разделяются на группы – по материалу и технике изготовления (бронзовые кованые – 1, бронзовые литые – 2) и на отделы – по форме поперечного сечения кольца (А, Б, В, Г), на типы – по оформлению концов (1–6), на варианты – по орнаментации (а, б, в, г, д).

В Крюковско-Кужновском могильнике было выявлено 23 типа сюльгам. Это бронзовые кованые, с округлым сечением кольца и с завернутыми в трубочку концами, образующими короткие «усы», длина которых не превышает 1/3 диаметра кольца, без орнамента – 1А1а; с завернутыми в трубочку концами, образующими «усы», без орнамента – 1А2а; поперечными или косым нарезками у концов и поперечными нарезками на «усах», расположенными зонами, – 1А2б; с поперечными или косыми нарезками, расположенными зонами на кольце, – 1А2в; с насечками в виде «елочки», расположенными у концов, – 1А2д; с отогнутыми расплюснутыми концами в виде узких подтреугольных лопастей, без орнамента – 1А3а; с поперечными или косыми нарезками, расположенными у концов, – 1А3б; с прямоугольным сечением кольца, с завернутыми в трубочку концами, образующими «усы», без орнамента – 1Б1а; с косыми насечками по краям и линией точечных вдавлений по всему кольцу – 1Б1б; с поперечными или косыми нарезками, расположенными у концов, – 1Б1в; с завернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметра кольца, без орнамента – 1Б2а; с поперечными насечками на «усах», расположенными зонами, – 1Б2б; с завернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых равна или больше полутора диаметра кольца, без орнамента – 1Б3а; с поперечными насечками, расположенными у основания концов и зонами на усах, – 1Б3б; с поперечными или косыми нарезками, расположенными у концов, – 1Б3в; с отогнутыми расплюснутыми «усами», без орнамента – 1Б4а; с треугольным сечением кольца, с завернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметра кольца, без орнамента – 1В1а; с сегментированным сечением кольца, с завернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметра кольца, без орнамента – 1Г1а.

Вторая группа сюльгам, выявленная в Крюковско-Кужновском могильнике, это – бронзовые литые типы с округлым сечением кольца, с

«усами», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметров кольца, без орнамента – 2А1а; с прямоугольным сечением кольца, имеющая «усы», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметра кольца, без орнамента – 2В1а, треугольное сечение кольца, с «усами», длина которых больше диаметра, но не превышает диаметра кольца, без орнамента – 2В1а; сегментированным сечением кольца, с «усами», длина которых больше диаметра, но не превышает диаметр кольца, без орнамента – 2Г1а, с «усами», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметров кольца, без орнамента – 2Г2а.

При исследовании материалов Елизавет-Михайловского могильника было выявлено 14 типов сюльгам, состоящих из двух групп. Первая группа сюльгам – это бронзовые кованые с округлым сечением кольца, с завернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых от 1/3 до одного диаметра кольца, без орнамента – 1А2а; с развернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметра кольца, без орнамента – 1А3а; с поперечными или косыми нарезками расположенными у концов, – 1А3б; с прямоугольным сечением кольца, с завернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых от 1/3 до одного диаметра кольца, без орнамента – 1В1а; с завернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметра кольца, без орнамента – 1В2а; с завернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых равна или больше полутора диаметра кольца, без орнамента – 1В3а; с отогнутыми расплюснутыми «усами», без орнамента – 1В4а; с треугольным сечением кольца, с завернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметра кольца, без орнамента – 1В1а.

Вторая группа это – бронзовые литые типы сюльгам с округлым сечением кольца, с «усами», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметров кольца, без орнамента – 2А1а, с поперечными насечками по кольцу и «усам», расположенными зонами – 2А1б; с прямоугольным сечением кольца, с «усами», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметра кольца, без орнамента – 2В1а; с треугольным сечением кольца, с «усами», длина которых больше диаметра, но не превышает диаметров кольца без орнамента – 2В1а; с сегментированным сечением кольца, с «усами», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметров кольца, без орнамента – 2Г2а; с «усами», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметров кольца с поперечными или косыми нарезками на «усах», расположенными зонами – 2Г2б.

Сюльгами, характерные для Пановского могильника, также как и в двух предыдущих, представлены двумя группами. Первая группа – бронзовые кованые типы сюльгам с округлым сечением кольца, с завернутыми

в трубочку концами, образующими «усы», длина которых от $1/3$ до одного диаметра кольца, без орнамента – 1А2а; с завернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых от $1/3$ до одного диаметра кольца с поперечными или косыми нарезками, расположенными зонами на кольце – 1А2в; с развернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметра кольца, без орнамента – 1А3а; с развернутыми в трубочку концами, образующими «усы», с поперечными или косыми нарезками, расположенными у концов – 1А3б; с отогнутыми расплюснутыми концами в виде узких подтреугольных лопастей, без орнамента – 1А4а; с прямоугольным сечением кольца, с завернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых от $1/3$ до одного диаметра кольца, без орнамента – 1Б1а; с завернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметра кольца, без орнамента – 1Б2а; с завернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых равна или больше полутора диаметра кольца, без орнамента – 1Б3а; с отогнутыми расплюснутыми «усами», без орнамента – 1Б4а; с отогнутыми расплюснутыми концами в виде узких подтреугольных лопастей, без орнамента – 1Б5а.

Вторая группа – бронзовые кованые типы сьюльгам, с округлым сечением кольца, с «усами», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметров кольца, без орнамента – 2А1а; с «усами», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметров кольца, с поперечными насечками по кольцу и усам, расположенными зонами, – 2А1б; с прямоугольным сечением кольца, с «усами», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметра кольца, без орнамента – 2Б1а; с треугольным сечением кольца, с «усами», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметра кольца, без орнамента – 2В1а; с сегментированным сечением кольца, с «усами», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметров кольца, без орнамента – 2Г2а; с «усами», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметров кольца, с поперечными или косыми нарезками на «усах», расположенными зонами, – 2Г2б.

В ходе исследования было выявлено всего 29 типов сьюльгам. Установлено, что 11 типов сьюльгам присутствуют во всех трёх могильных комплексах. Это бронзовые кованые сьюльгамы с округлым сечением кольца, с завернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых от $1/3$ до одного диаметра кольца, без орнамента – 1А2а; с развернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметра кольца, без орнамента – 1А3а; с развернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметра кольца, с поперечными или косыми нарезками, расположенными у кон-

цов, – 1А3б; с прямоугольным сечением кольца, с завернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых от 1/3 до одного диаметра кольца, без орнамента – 1Б1а; с завернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметра кольца, без орнамента – 1Б2а; с завернутыми в трубочку концами, образующими «усы», длина которых равна или больше диаметра кольца, без орнамента – 1Б3а. Бронзовые литые типы сьюльгам с округлым сечением кольца, с «усами», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметров кольца, без орнамента – 2А1а; с прямоугольным сечением кольца, без орнамента – 2Б1а; с треугольным сечением кольца, с «усами», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметра кольца без орнамента – 2В1а; сегментированным сечением кольца, с «усами», длина которых больше диаметра, но не превышает полутора диаметров кольца без орнамента – 2Г2а.

Литература

1. Алихова А.Е. Материальная культура среднепечнинской мордвы VIII–XI вв. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1969. – С. 177.
2. Вихляев В.И. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. – Саранск, 2008. – С. 349.
3. Зеленцова О.В. Сьюльгамы из среднепечнинских могильников // Финно-угроведение. – 1996. – №3. – С. 58–72.

Семенова Татьяна Витальевна
Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

ЧУВАШКО-МАРИЙСКИЙ КОСТЁР ДРУЖБЫ КАК ФАКТОР АКТИВИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация: в статье рассматривается такой праздник, как Костёр дружбы между чувашскими и марийскими школьниками, посвященный окончанию учебного года. Показана роль преемственности поколений и характер межэтнических контактов, на который влияют исходные традиции контактирующих этносов, степень их «близости» и продолжительность этих контактов.

Ключевые слова: чувашы, марийцы, праздник, школьники, традиция.

Tatiana Vitalievna Semenova

I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary

**THE CHUVASH-MARI BONFIRE OF FRIENDSHIP
AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT
OF INTERETHNIC RELATIONS**

Abstract: the article discusses the festival Bonfire of Friendship among Chuvash and Mari schoolchildren which coincides with the end of the school year. The article explores the role of generational continuity and the nature of interethnic contacts, which is influenced by the initial traditions of the contacting ethnic groups, the degree of their “closeness” and the duration of these contacts.

Keywords: Chuvash, Mari, festivals, schoolchildren, tradition.

Территория Чувашии представляет собой регион, где на протяжении нескольких веков мирно соседствуют и взаимодействуют между собой представители разных народов. Большинство сельских населенных пунктов можно считать моноэтническими селениями, либо селениями лишь с небольшими вкраплениями иноэтнического населения [3, с. 126].

В основу исследования легли опубликованные материалы, интернет-источники, полевые материалы автора, собранные во время «Лингвистической экспедиции», включающей в себя изучение диалектологии, социолингвистики, этнологии, фольклористики. Эта экспедиция проводилась в с. Малое Карачкино Ядринского района Чувашской Республики с 17 по 27 июля 2011 г. В ней принимали участие представители четырех организаций: отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, Института восточных культур Российского государственного гуманитарного университета, Чувашского государственного института гуманитарных наук и Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

Именно местные информанты и рассказали о таком мероприятии, как Костёр дружбы. Он проводится между коллективами Малокарачкинской основной общеобразовательной школы Ядринского района Чувашской Республики и муниципальным бюджетным общеобразовательным учреждением «Емелевская основная общеобразовательная школа» Горномарийского муниципального района Марийской Республики, который посвящен окончанию учебного года.

Самый первый Костёр дружбы состоялся в 1957 г. и назывался пионерским костром, он проходил между чувашскими и марийскими пионерами 19 мая и приурочивался ко Дню пионерии и для того, чтобы укрепить дружбу двух народов. Теперь это мероприятие проходит ежегодно

также 19 мая и называется Костёр дружбы или просто костёр, посвященный окончанию учебного года. К сожалению, информаторы не смогли ничего сказать нам о том, кто был инициатором проведения данного костра, чувашская или марийская сторона [2].

Существует определенный порядок проведения костра: в один год чувашские представители едут в Марий Эл и согласовывают план и программу мероприятия, уточняют организационные моменты, а на следующий год едут приглашать марийцы. Кто ходит приглашать на костёр, тот и готовит место и дрова для костра. Территориально мероприятие проходит на границе между Марий Эл и Чувашской Республикой, недалеко от села Малое Карачкино в одном и том же месте – на поляне, которую сейчас называю Поляной Дружбы. Костёр дружбы начинается примерно в 10 часов утра и продолжается до 14 часов дня. К месту проведения чувашские ученики идут пешком, расстояние примерно 5–6 км [2].

В советское время помимо школьников в Костре дружбы принимало участие и взрослое население близлежащих населенных пунктов. К этому мероприятию также приурочивалась «ярмарка», как её называют местные жители, здесь разворачивалась выездная торговля, приходили торговать и жители соседних деревень. Школы специально договаривались с сельпо о продаже различных товаров и продуктов питания [2].

В советское время за неделю до проведения Костра пионеры готовили свою речёвку и по утрам репетировали в школе. Мероприятие начиналось с речёвок с обеих сторон. После того, как все речёвки заканчивались, чувашская сторона хором, дружно произносила: «Емелевской средней школе наш чувашский пламенный Салам», потом марийцы приветствовали чувашей. Затем отряды обменивались подарками друг с другом, каждая параллель между собой (например, 5-й класс чувашской школы с 5-м классом марийской школы). Подарки ребята готовили своими руками, либо покупали. После символического обмена подарками председатели совета дружины рапортовали: «К Костру дружбы Малокарачкинская школа построена», то же самое делали и марийцы. Рапорт чувашской стороны принимали марийцы, а рапорт марийцев – чувашская сторона. Затем выступали директора школ с обеих сторон с поздравительными речами. После выступления директоров лучшие ученики с чувашской и марийской сторон по 5 человек разжигали костёр. Следующим этапом были спортивные состязания: футбол, эстафета и т.д. Спортивные мероприятия длились до обеда, а уже после обеда проводили праздничный концерт, где чередовались номера малокарачкинских и емелевских учеников. Раньше, когда в школе обучалось много учеников, на Костёр брали с 5-го по 11-го класс [2].

Следует отметить, что в 50-х г. XX в. этот праздник был приурочен к Дню пионерии. Теперь он обрел современные черты, хотя не утратил своей сути. В современном Костре дружбы остались некоторые элементы тех времен, такие как: речёвка, обмен подарками, приветственные слова

директоров школ, зажигание костра самыми лучшими и активными учащимися двух школ, спортивные мероприятия и концертная программа [4]. К новым элементам Костра дружбы можно отнести такие, как поднятие Государственных флагов Российской Федерации, Марийской и Чувашской Республик с исполнением гимнов, общий хоровод, концертные номера с исполнением чувашских и марийских песен и танцев в национальной одежде, различные игры по станциям и т.д. [1]. Общение происходит в основном на русском языке.

С 2009/2010 учебного года по программе реструктуризации сети общеобразовательных школ МОУ «Малокарачкинская средняя общеобразовательная школа» была реорганизована в МОУ «Малокарачкинская основная общеобразовательная школа», и в связи с этим на костёр начали брать с 3-го класса. Сейчас в костре участвуют ученики с 3-го по 9-й класс.

После того как ученики расходятся с Костра, учителя, как правило, остаются и общаются в неформальной обстановке. Марийская сторона старается угостить своих чувашских коллег блюдами из волжской рыбы: ухой, пирогами с рыбой и т.п. [2].

В 2017 г. Костёр дружбы отметил свой 60-летний юбилей. Информанты с теплотой вспоминают о своем участии в Костре дружбы и отмечают, что со многими марийцами они познакомились именно там, и пронесли эту дружбу сквозь годы. Сейчас в Костре дружбы принимают участие их дети и внуки.

На основе этой преемственности поколений обеспечивалось и обеспечивается не только сохранение традиции проведения Костра дружбы, но и его функционирование в данной местности в настоящее время.

Можно отметить, что главным результатом Костра дружбы является то, что ребята знакомят друг друга со своей национальной культурой и традициями, общаются, переписываются, дружат, а кто-то, впоследствии, соединяет свои сердца в межнациональном браке.

Литература

1. Костер дружбы не погаснет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zn-ayua-truda.ru/index.php/obrazovanie/1795-koster-druzhyby-ne-pogasnet> (дата обращения: 23.09.2018).
2. Полевые материалы автора, 2011 г. Чувашская Республика (Ядринский район, с. Малое Карачкино). Информаторы: Шмелева О.П., 1947 г.р.; Сакмарова В.М., 1949 г.р.; Иванова А.И., 1953 г.р.; Горбунова З.Ю., 1950 г.р.
3. Семенова Т.В. Обрядовый календарь чувашей в этноконтактных с татарами районах. – СПб., 2015.
4. Чувашские и марийские школьники зажгли «Костер дружбы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chgtrk.ru/news/1303> (дата обращения: 21.09.2018).

Сушкова Юлия Николаевна
Мордовский государственный
университет имени Н.П. Огарева
г. Саранск

**ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В РАМКАХ ЭТНОПРАВОВЕДЕНИЯ КАК НОВОГО
НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ**

Аннотация: статья посвящена проблемам финно-угроведения с правовой точки зрения, комплексному изучению правовых традиций и современного юридического положения финно-угорских народов, решению конкретных практических задач по сохранению их этнокультурной среды, обеспечению их будущего.

Ключевые слова: этноправосудие, финно-угры, право.

Julia Nikolaevna Sushkova
Mordovia state University
name N.P. Ogareva
Saransk

**PROBLEMS OF PROTECTION OF HUMAN RIGHTS
IN THE FRAMEWORK OF ETHNIC LAW
AS A NEW SCIENTIFIC DIRECTION**

Abstract: the article is devoted to the problems of Finno-Ugric studies from the legal point of view, a comprehensive study of the legal traditions and the current legal status of the Finno-Ugric peoples, the solution of specific practical problems to preserve their ethno-cultural environment, ensuring their future.

Keywords: atorvasta, Finno-Ugric, right

Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных государств мира, в котором проживает, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. 193 народа. Для России национальный вопрос, носит фундаментальный характер, решение которого определяет современное и будущее развитие страны. Национальная политика направлена на достижение «народного блага», как определенного уровня социально-экономического, политико-правового, культурного положения, удовлетворяющего потребности народа в обеспечении благоприятных условий его жизнедеятельности и перспектив развития. «Здоровый народ так же не замечает своей национальности, как здоровый человек – позвоночника. Но если вы подорвете его национальное достоинство, народ не будет думать ни о чем другом, кроме того, чтобы восстановить его. Он не

станет слушать никаких реформаторов, никаких философов, никаких проповедников, пока не будут удовлетворены его требования. Он не будет заниматься никакими делами, сколь неотложными они ни были бы, кроме дела воссоединения и освобождения», – образно сформулировал ирландский драматург, писатель и общественный деятель Бернард Шоу.

Стратегически правильно частью реализации одного из двух приоритетных направлений развития Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева как национального исследовательского стало «формирование и развитие этноправоведения финно-угорских народов, международного и европейского права в контексте защиты прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств».

Сразу следует подчеркнуть, что углубленное изучение юридических аспектов финно-угроведения, безусловно, не означает отказ от сложившихся фундаментальных параметров современного юридического образования, предполагающего освоение обучающимися всего комплекса знаний, необходимых для подготовки высококвалифицированного юриста, способного работать в различных областях правоприменения. Научные исследования в области этноправоведения призваны обогатить классическое юридическое образование знаниями особенностей региональной специфики правовой действительности. Существенное значение обретает иная расстановка акцентов в понимании сущности государственно-правовых явлений.

Предмет этноправоведения весьма широк, охватывает отдельные аспекты не только общенаучных юридических дисциплин (теория государства и права, философия права, социология права, психология права, история права, государства и правовых учений, юридическая политология, сравнительное правоведение), но и отраслевых. По существу, большинство учебных дисциплин в большей или меньшей степени раскрывают отдельные направления этноправоведения. В то же время в прошлом (в Московском, Харьковском, Казанском университетах) имелся опыт преподавания и специальных курсов, таких как «право естественное», «право народное», «право политическое народное», «этническое уголовное право», «право знатнейших древних и нынешних народов». Студенты юридического факультета нашего университета изучают такие дисциплины, как «Юридическая антропология», «История государства и права Республики Мордовия», «Обычное право финно-угорских народов».

В сфере исследований по этноправоведению такие проблемы, как правовые традиции (обычное право) различных народов мира, их традиционная правовая культура, отечественное и международное право в области защиты прав коренных малочисленных народов, национальных меньшинств; отечественный и зарубежный опыт национально-государственного строительства; выявление региональных тенденций в развитии нормативно-правовых актов Российской Федерации; учёт национально-

региональной специфики в праве; реализация национально-регионального компонента в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления; традиционное природопользование; взаимодействие религии и права.

Защита прав народов (коренных малочисленных народов, национальных меньшинств и др.) призвана обеспечить юридическое равенство различных народов мира. В нормах международного и внутригосударственного права равенство граждан, принадлежащих к различным этносам, как правило, специально не оговаривается. Обычно оно упоминается наряду с равенством граждан по признакам пола, языка, религии, социального происхождения, политических или иных убеждений, имущественного и должностного положения, места жительства и др. Однако сегодня именно различия людей по расовым и этническим признакам приобрели особую значимость, учащаются случаи проявления этнической и расовой дискриминации.

Каталог прав, содержащийся в международных документах по правам человека, не является результатом предложений отдельных государств, а отражает вклад различных цивилизаций и культур. Так, делегация Бразилии заявила, что Всеобщая декларация прав человека (1948 г.) не представляет собой отражение взглядов какого-либо одного народа или какой-либо группы народов, она «выработана в результате интеллектуального и духовного сотрудничества представителей многих народов», чем и «определяется её ценность и интерес, придает ей большой моральный вес». В качестве фундаментальных признаны такие ценности, как свобода, равенство, солидарность, терпимость, уважение к природе, общая обязанность народов мира по управлению глобальным и экономическим и социальным развитием, устранение угроз международному миру и безопасности.

Юридические основы финно-угроведения предполагают исследование в области всего комплекса правовых норм, обеспечивающих жизнедеятельность финно-угорских народов Российской Федерации. В мире финно-угорские народы насчитывают более 20 млн человек, в России, согласно Всероссийской переписи населения 2002 г. – 2,7 млн человек, или 1,9% от численности всего населения страны. Причем многие из финно-угорских народов по российскому законодательству относятся к коренным малочисленным народам нашей страны, а численность других хотя и несколько превышает официально признанный в нашей стране порог малочисленности – 50 тыс. человек, все равно остается относительно низкой. А некоторые финно-угорские народы, находятся на грани исчезновения. По данным переписи 2002 г., к таковым относятся водь (100 чел.) и ижорцы (400 чел.). Три финно-угорских народа – венгры, финны, эстонцы – являются миллионными. Судя по переписи 1989 г., таковым была и мордва (1,2 млн в СССР, 1,7 млн в РСФСР), но Всероссийская перепись

2002 г. зафиксировала существенное уменьшение её численности (845 тыс.), а в 2010 г. – ещё на сто тысяч (745 тыс.). Такие же тенденции наблюдаются у других финно-угорских народов России.

К сожалению, современная нормативно-правовая база в отношении защиты прав коренных малочисленных народов разработана недостаточно. Многие проблемы, связанные с сохранением традиционной культуры, образа жизни финно-угорских народов, их менталитета во многом не подпадают под действие имеющихся федеральных законов (ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 г., ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 20 июля 2000 г. и др.), поскольку их численность (мордва, марийцы, удмурты, коми и др.) превышает установленные законом пределы. В то же время современные этнические процессы финно-угорских (шире – уральских) народов, связанные со снижением их численности, отходом от традиционных видов хозяйствования и т. п., свидетельствуют о необходимости развития данной отрасли законодательства.

Особую актуальность в области защиты прав коренных малочисленных народов имеет создание специальной системы контроля над важными видами хозяйственной и управленческой деятельности, их экологической среды обитания, которые могут оказывать разрушающее воздействие на этнические сообщества. Механизмом такой защиты может стать экспертиза, с помощью которой оценивается возможный ущерб, наносимый этнокультурной среде значительным хозяйственным вмешательством и иной практической деятельностью.

Большое внимание уделяется изучению обычного права различных народов мира, то есть неписанные наиболее значимые юридические воззрения народа. Нет нужды говорить о том, что без изучения обычного права и выработки научного знания о нём нельзя понять историю того или иного народа, его образ жизни. Сегодня особенно актуальны задачи выявления подлинной картины действия «правового поля» как в прошлом, так и настоящем. На современном этапе возрождение лучших традиций обычного права, в ряду которых существенное место занимают уважение и почитание предков, собственности, добрососедство и взаимопомощь, признание слабых, престарелых и сирот, обычаи общежителства, на наш взгляд, одно из важных средств преодоления правового нигилизма, препятствующего поступательному развитию российского общества.

Традиции существуют во всех социальных системах и в известной мере являются необходимым условием их жизнедеятельности. Они присущи различным областям общественной жизни, но объем их в той или иной сфере неодинаков. Следует отметить, что они особенно существенны в религиозной сфере. Зачастую традиции ассоциируются с тем, что связано с прошлым, утратило новизну и в силу этого противостоит

развитию и обновлению, а традиционное общество часто понимается как архаичный, рудиментарный тип социальной организации. В то же время традиция не всегда означает застой и сохранение негативных тенденций прошлого. В ряде случаев понятие «традиция» имеет позитивный смысл и означает сохранение и восстановление всего положительного, что было накоплено государством и обществом в процессе длительного исторического развития. Такой дуализм в понимании термина «традиция» употребляется в международно-правовой практике государств. Нередко процесс сближения универсальных и региональных стандартов в области прав человека протекает непросто, сопровождается разногласиями и спорами. Тысячелетние верования, религиозно-нравственные учения, традиции и обычаи оказываются часто сильнее официальных законов, в связи с чем необходим постоянный диалог между государствами, народами.

Одним из резонансных дел в сфере религиозных дел в сфере религиозных отношений стало решение Верховного суда Российской Федерации от 11 февраля 2015 г., подтвердившем законность запрета ношения в учебных заведениях религиозной одежды и другой религиозной атрибутики. Аргументация была следующей: общие вопросы образования находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, нормативно-правовые акты которых не должны противоречить федеральному законодательству. Специальный закон «Об образовании в Российской Федерации» устанавливает светский характер образования, требования же к одежде обучающихся устанавливаются в соответствии с требованиями, утвержденными органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

В целом исследование обычного права финно-угорских народов России – малоизученная тема. Вместе с тем по обычному праву некоторых из них, в частности, мордвы сделан серьезный прорыв. В настоящее время имеются монографические исследования, положившие начало оживлению интереса к данной теме (Мокшина Ю.Н. Брак и семья в обычном праве мордвы. Саранск, 2005; Этноправосудие у мордвы. Саранск, 2009). Студенты юридического факультета самостоятельно проводят полевые исследования, осуществляя сбор эмпирических материалов. В последние годы сформирован уникальный фонд этноправоведения, многие данные опубликованы студентами в научных статьях. На разных профильных кафедрах закрепляется тематика научных работ в контексте разработки юридических основ финно-угроведения.

Отдельная тема исследований – юристы в лицах, являющиеся лучшими представителями своей профессии у финно-угорских народов, выступающие для них примерами служения своему делу. Например, к таким у коми-зырян относится Питирим Александрович Сорокин – крупнейший социолог, теоретик права, основатель кафедры социологии в Гарвардском университете (США); у мордвы – Тимофей Васильевич Васильев, первый

председатель Мордовского окружного суда, юрист Торгпредства СССР в Великобритании, сподвижник прогрессивных идей развития мордовской государственности; член-корреспондент Академии наук СССР Петр Семенович Ромашкин.

Самостоятельным направлением исследований является сравнительное правоведение, позволяющее сопоставлять, выделять общее и особенное в развитии законодательства Российской Федерации и зарубежных стран Европы, в том числе финно-угорских. Все финно-угорские народы автохтонны, то есть проживают в основном на своих этнических территориях, расположенных на Евразийском континенте в пределах шести государств: Российской Федерации, Венгрии, Финляндии, Эстонии, Норвегии и Швеции.

Исследования правовых начал финно-угроведения не могут рассматриваться вне понимания федеративного устройства Российского государства с присущими ему разнообразными особенностями. На что в свое время обратил пророческое внимание Н.П. Огарев, видевший в будущей России единство двух начал – «самобытности областей» ее, как бы мы теперь сказали «субъектов Федерации», и «нераздельность союза» их. В составе Российской Федерации (Russian Federation) пять финно-угорских народов (карелы, коми, марийцы, мордва, удмурты) обладают собственной государственностью, оформленной как Республика Карелия, Республика Коми, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Удмуртская Республика. Помимо русских около 40 самых крупных нерусских народов уже более 80 лет имеют внутренний административно-государственный статус в форме республик. Более 40 народов имеют статус коренных малочисленных народов, и все они защищены национальным и международным законодательствами с точки зрения некоторых особых прав в сфере традиционного природопользования, поддержки и развития культуры.

Федеративное устройство Российского государства определяет правовые возможности республик, которых в настоящее время насчитывается двадцать одна, устанавливать государственные языки, употребляемые наряду с русским языком в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик. В совместном ведении Российской Федерации и её субъектов находятся вопросы защиты прав и свобод человека и гражданина; владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами; природопользование, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности; защита семьи, материнства, отцовства и детства; социальная защита и др.

Изучение регионального опыта финно-угорских республик по вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации – направление исследований, имеющее конкретный при-

кладной характер с целью выработки практических рекомендаций, законопроектов. Проблема сохранения государственно-территориальной целостности России напрямую зависит от эффективности государства как подлинно федеративного, учитывающего его этническое разнообразие. В Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 15.06.1996 г. №909 в качестве приоритетов отмечается «развитие федеративных отношений, обеспечивающих гармоничное сочетание самостоятельности субъектов Российской Федерации и целостности Российского государства; обеспечение политической и правовой защищенности малочисленных народов и национальных меньшинств».

Итак, обращение к проблемам финно-угроведения с правовой точки зрения сможет положить начало не только более комплексному изучению правовых традиций и современного юридического положения финно-угорских народов, но и решению конкретных практических задач по сохранению их этнокультурной среды, обеспечению их будущего. Российское общество отличается гетерогенностью, многообразием народов и культур, что влечет множественность правовых представлений. Управление многонациональным государством требует особых знаний и подходов в установлении толерантных отношений, как залога нормального функционирования не только в рамках одной страны, но и в целом мирового сообщества. Накоплению этих знаний и способствует этноправоведение.

Сытина Татьяна Феликсовна

Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ АЛАТЫРСКОГО РАЙОНА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация: в статье выявлены особенности формирования этнокультурных ландшафтов Алатырского района Чувашской Республики. Рассмотрены связи традиционной культуры этносов с природными ландшафтами. Представлен анализ истории развития и становления ландшафтов на территории района при комплексном воздействии как природных, так и антропогенных факторов.

Ключевые слова: этнокультурный ландшафт, этнические традиции, межэтническое взаимодействие, типы поселений, селитебные ландшафты.

Tatyana Feliksovna Sytina

I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary

A STUDY OF THE ETHNOCULTURAL LANDSCAPE OF THE ALATYR REGION OF THE CHUVASH REPUBLIC

Abstract: the article illustrates the distinctive elements in the the formation of ethnocultural landscapes of the Alatyр district of the Chuvash Republic. the connections between the traditional ethnic cultures and the natural landscapes are considered. An analysis is presented of the history of the development and formation of landscapes in the territory of the region given the multifaceted interaction of both natural and anthropogenic factors.

Keywords: Ethnocultural landscape, ethnic traditions, interethnic interaction, types of settlements, residential landscapes.

Актуальной проблемой в деле сохранения культурно-исторического и природного наследия Чувашской Республики является поиск новых форм представления и использования культурно-исторических комплексов, интегрированных в своеобразную природную среду. В этих целях изучаются этнокультурные ландшафты. Не случайно на стыке этнологии и культурной географии в 90-х г. возникло новое направление – этнокультурное ландшафтоведение, в рамках которого культурный ландшафт понимается как духовно-интеллектуально и материально-практически освоенное местным этнокультурным сообществом природное пространство [2].

На территории Алатырского района на 1 января 2016 г. проживали: русские – 61,4%, чувашы – 21,2%, мордва – 15,4%, татары – 1,0%, украинцы – 0,04%, марийцы – 0,1% и другие – 0,5%. В районе расположено 46 населенных пункта, все населенные пункты района объединены в 16 сельских поселений и 1 городское поселение.

Длительный период использования человеком природных ресурсов на территории Алатырского района Чувашской Республики привёл к формированию здесь антропогенных модификаций природных комплексов. По состоянию земельного фонда на 01.01.2016 на территории района земли сельскохозяйственного назначения составляют 34,2%, земли лесного фонда – 57,5%, земли водного фонда – 0,5%, земли населенных пунктов – 2,5%, земли промышленности – 0,6%, земли особо охраняемых территорий и иных объектов – 4,7%.

В настоящее время в районе на землях сельскохозяйственного назначения размер неиспользуемой пашни составляет 13579 га, или 27,2%, общей площади.

Административно-территориальное устройство района претерпело ряд изменений. Алатырский уезд был образован в середине XVI в. вокруг

основанного в 1552 г. города Алатырь. В 1719 г. была образована Алатырская провинция, входящая в Нижегородскую губернию.

Согласно постановлению Президиума ВЦИК от 20 июля 1925 г. город Алатырь и Алатырскую, Кувакинскую, Порецкую волости Алатырского уезда Ульяновской губернии передали в состав Чувашской АССР.

Алатырь в XVI в. – второй русский город на Суре. Алатырское Присурье заселялось мордвой, русское правительство оставило за коренным населением все принадлежавшие ему земли, «куда ходили его соха и топор», взяв себе «дикие поля» и степи («ковыльные земли»), которые со временем были заселены русскими [1]. На территории района преобладали выходцы из центральных русских губерний и из районов Верхней Волги. Рост русского населения в среднем Поволжье происходил не только за счет переселенцев. Сыграл и фактор обрусения чуваш, татар и мордвы в результате экономических связей между русским населением и местными народностями.

Основным занятием населения Алатырского уезда в XVIII–XIX вв. было земледелие, скотоводство, пчеловодство, садоводство, и кустарные промыслы. Основными культурами, которые с давних времен возделывались, были озимая и яровая рожь, ячмень, овес, полба, гречиха, горох, конопля и лён. На территории Алатырского уезда господствовала трехпольная система земледелия. Большое значение в сельском хозяйстве имело животноводство. Разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, свиней и коз. Количество скота было невелико. Огородничество на территории района в прошлом не имело большого распространения, в отличие от других районов Чувашской Республики. Это было связано с более благоприятными природными условиями для посева зерновых. Сады в основном разводили по берегам рек, обращёнными склонами на юг. Первое место среди плодородных культур занимали яблони, вишня (как красная, так и владимирская), слива. Пчеловодство было преимущественно пасечное. Пасеки устраивались в лесах на полянах или в защищенных от ветра лощинах, пологосклонных оврагах, балках, расположенных недалеко от леса, луговых трав или посевов гречи. Особое значение имела ловля стерляди на Суре. Сурская стерлядь отличалась большой жирностью и пользовалась известностью далеко за пределами края.

В лесах Алатырского уезда из хвойных деревьев встречалась ель и сосна по Суре и её притокам, на подзолистых песчаных почвах. Лиственных лесов в Симбирской губернии было гораздо больше, чем хвойных. Господствующими породами были дуб, затем осина, береза, клён и липа. В целом преобладали смешанные лиственные леса.

Алатырский уезд всегда считался богатым лесами. В 1860-х г. общее количество лесов составляло более две трети площади всего уезда. Особенно лесиста была восточная часть Алатырского уезда (Сурская дача). В

уезде лес был в основном рослый, строевой, встречался даже корабельный.

Селения в Алатырском районе были крупные и превышали среднюю величину селений по республике.

Этнокультурные ландшафты русских земледельцев имели долинно-балочную морфологию. Селенческие урочища формировались в долинах и балках рек, в частности Суры, благоприятных по условиям водоснабжения и микроклимата. Таким является, к примеру, с. Иваново-Ленино, простирающееся около 9 км вдоль Суры.

В лесостепной части района большая часть поселений приурочена к верховьям балок с многочисленными выходами качественных и высокодебитных грунтовых вод, к примеру – село Мирёнки.

Селитебные ландшафты – это антропогенные ландшафты населенных мест: городов и сел с их постройками, улицами, дорогами, садами и парками. Этнокультурный ландшафт включает в себя материальное – природу (естественную и окультуренную), традиционные постройки, организацию хозяйства, и духовную культуру – традиции, фольклор [3].

В деревнях района до сих пор сохраняются бытовые элементы, связанные с национальными традициями. Это проявляется в планировке жилищ, в народных промыслах. В прошлом район славился кружевным вязанием, художественным ткачеством, плетением из лозы, лубяными кошельками, берестяной посудой и утварью. Экспонаты из прошлого широко представлены в Алатырском краеведческом музее и школьных музеях района.

Сельские селитебные ландшафты размещены в основном вдоль р. Суры, вдоль дорог местного и республиканского значения. Из всех структурных частей сельских селитебных ландшафтов только дворовые постройки принадлежат техногенным комплексам, а остальное – огороды, сады, улицы, дороги принадлежат к категории современных ландшафтных комплексов.

Характерное расположение дворов в деревнях и селах – двустороннее. Дома стоят по обе стороны улицы и окна обращены друг к другу. Односторонние встречаются в присурских селениях, где окна обращены к реке.

Все поселения Алатырского района могут быть подразделены на следующие типы:

1. Приречный тип. Села и деревни расположены по берегам р. Сура. Планировка сел довольно сложна. Село состоит из нескольких параллельных улиц. Примером могут служить села Сурский Майдан и Иваново-Ленино.

2. Притрактовые селения. Село вытянуто двусторонней улицей вдоль дороги, к примеру, – с. Кувакино.

3. Долинный тип поселений. Такие поселения возникали в долинах небольших рек. Могут иметь как простую планировку, так и весьма сложную планировочную структуру – д. Злобино.

4. Водораздельные поселения. Возникли в более поздний период и связаны с разработкой каких-либо полезных ископаемых, со строительством промышленных предприятий, проведением железной дороги – посёлки Атрать, Первомайский.

Ширина улиц на территории Алатырского района колеблется в пределах 30–60 м. Это связано с противопожарными мерами, а также традициями населения. Нередко можно встретить два населенных пункта, стоящих поблизости, но в одном ширина улиц 20–25 м, а в другом 50–60 м. Примером первого типа могут служить села Кувакино, Явлеи; примером второго – Стемасы, Миренки и др.

На территории Алатырского района имелись несколько различных форм связи жилого дома с надворными постройками: однорядная стройка, где надворные постройки примыкают к дому и расположены за ним в одну линию (с. Сурский Майдан, Кувакино, Ичиксы) и двурядная застройка, которая была отмечена только для данного района, здесь жилой дом и надворные постройки располагаются рядом, параллельно друг другу.

Для Алатырского района Чувашской Республики основным источником изменения ландшафтов послужило длительное хозяйственное освоение территории, в результате которого произошло сведение первичных лесов, оподзоливание почв в результате постоянного использования, активизация эрозионных процессов.

Изучение этнокультурных ландшафтов способствует воспроизведению этнических традиций, устойчивости систем природопользования, формированию этнической и территориальной идентичности.

Литература

1. Бусыгин Е.П. Русское население Чувашской АССР. Материальная культура / Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. – 216 с.
2. Калуцков В.Н. Этнокультурное ландшафтоведение и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследований / Семинар «Культурный ландшафт»: второй тематический выпуск докладов. – М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. – С. 6.
3. Калуцков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения: Уч. пос. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 96 с.
4. Эколого-географическое образование и краеведение. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. – 136 с.

Федотова Елена Владимировна

Чувашский государственный
институт гуманитарных наук
г. Чебоксары

ЧУВАШСКИЕ НАРОДНЫЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ О «ЖИЗНИ» ЛЮДЕЙ ПОСЛЕ «НЕПРАВИЛЬНОЙ» СМЕРТИ

Аннотация: в чувашской фольклорной традиции есть былички о превращениях заложных покойников в лошадь. Черти их превращают в лошадь, подковывают у кузнеца за большие деньги и ездят на них по своим делам. До настоящего времени в чувашской фольклористике эта тема отдельно не рассматривалась. Вопрос «жизни» после «неправильной» смерти волновал людей всегда. В наш век эти былички заставляют глубже задуматься об общечеловеческих ценностях. Наше исследование важно для воссоздания картины параллельного мира в представлении чувашей.

Ключевые слова: былички, заложные покойники, черти, лошадь.

Yelena Vladimirovna Fedotova

Chuvash State Institute of Humanities
Cheboksary

CHUVASH FOLK STORIES ABOUT “LIFE” AFTER A “WRONG” DEATH

Abstract: the Chuvash folklore tradition contains stories about the transformation of “hostage dead” into a horse. Devils turn them into a horse, have them shod at the blacksmith’s for a high price and then ride around on them going about their business. Until now, this topic has not been analyzed as a distinct theme in Chuvash folklore studies. People have always been worried about the problem of “life” after a “wrong” death. In our age, these stories provoke deep thoughts about universal human values. Our research is important for recreating an image of the parallel world in the imagination of the Chuvash.

Keywords: folk tales, hostage dead, devils, horses.

В русской традиционной культуре повествования о заложных покойниках изучались Д.К. Зелениным [1], В.П. Зиновьевым [2], Е.Е. Левкиевской [3] и др. В «Указателе сюжетов-мотивов быличек и бывальщин» В.П. Зиновьева в содержании сюжета-мотива «VI Черт» выделены 2 подраздела: «VI 13 Самоубийца (грешник) служит лошастью у черта 161 (162); VI 14 Кузнец подковывает лошадь чертей 162» [2, с. 311–312]. Эти сюжеты-мотивы есть и в чувашской традиционной культуре. В чувашской фольклорной традиции есть народные повествования о превращениях заложных покойников, в большинстве удавленников, утопленников, в лошадь (в коня). Черти их превращают в лошадь, подковывают у кузнеца,

запрягают и уезжают за душами людей, которые задумали умереть. Деньги кузнецу за работу черти платят огромные, что не под силу простому человеку: от двадцати до трехсот десяти рублей (эта сумма значится по материалам конца XIX – начала XX вв.). Приведем к примеру текст: «*Стан ялѣнчи Эхвер Петѣрне усалсем лаша туса таканласа кѹлсех кайрѣс тет. Вѹл пурѹннѹ чух калатчѣ: «Этѣ вилсен мана хуть те таканласа сѹретчѣр», – тесе. Ана таканлама усалсем тимѣрсе кашни уришѣн пилѣкшер тенкѣ панѹ, тѹват уришѣн сирѣм тенкѣ панѹ тет»* (Говорят, в деревне Стан Педера Эхвера узалы (черти, нечистая сила), сделал из него лошадь, подковав, уехали, сразу запрягши. Говорят, он при жизни говорил: «Когда я умру, меня [превратив в лошадь] хоть подковав, ездят [на мне, запрягши меня]. Его подковать узалы кузнецу за каждое копыто отдали по пять рублей, за четыре копыта, говорят, отдали двадцать рублей) [4]. Респондентами для сравнения указывается и обычная цена подковывания вместе с подковами: один рубль. В лошадь превращались разбогатевшие за счет денег черта; кто умер неестественной смертью: «...*Сакѹнса вилнѣ сѹнсене шуйттансем лаша туса сѹрет тенѣ*» (Про тех людей, кто удавился, говорили, что будто их черти в лошадь превращают и ездят [на них]) [5, с. 125]; кто при жизни занимался конокрадством: «*Кунта лаша вѹрлакансене усалсем лаша туса, урисене пѣрер пѹт таканпа таканласа сѹрет тенѣ авал*» (В старину говорили, что здесь тех, кто воровал лошадей, черти самих превращали в лошадей, ноги подковывали подковой [весом] по одному пуду) [5, с. 127]. Черти приходят ночью. Оставленные ими деньги за подковы и работу кузнецу не идут на пользу [6]. Лошади – люди, превращенные в лошадей – разговаривают с кузнецом, с людьми на чувашском языке [7]. Превращают черти в лошадь и души колдунов, людей, продавших свою душу чертям, а также и те, кто при жизни занимался конокрадством. Превращенные в лошадь и работают – пахут землю: «*Ѣлѣк пѣри тѣлѣк курнѹ тет. Тѣлѣкѣнче вилнѣ аишѣне курнѹ тет. Аишѣ калать тет: «Ака тума карѹм та, хам тавѹрниччен пѹрте шыв тултарнѹ», – тесе калать тет. Ун шѹтѹкне сѹмѹр суманран шыв янѹ пулнѹ тет»* (Будто в старину один [человек] видел сон. Во сне видел своего умершего отца. Отец говорит, будто: «Пахать ходил, к моему возвращению дом заполнили водой», – говорит, будто. В его мигу воду налили, говорит, от того, что нет дождя) [8]. Из современных записей есть текст, когда ослепшей бабушке, задумавшей умереть от невыносимых мук от своей слепоты и приготовившейся к смерти (после очищения в бане оделась в чистую белую одежду и прилегла отдохнуть), в сновидении явились черти с хомутом и другими принадлежностями для упряжи и бросили их к кровати. Услышав грохот от падения хомута, от испуга проснулась [и одумавшись, вскрикнула]: «Ах, меня уже запрягают!» и передумала наложить на себя руки [9, с. 349].

Народные повествования о превращениях заложенных покойников в лошадь, на наш взгляд, носят дидактический характер: надо жить столько, сколько на роду написано, своим честным трудом, несмотря на страдания и трудности. Легкие деньги, полученные от черта, до добра не доводят. За них нужно расплатиться своей душой – посмертное существование души будет находиться во власти нечистой силы/чертей. Тексты таких повествований встречаются у всех этнографических групп: как у низовых, средненизовых, так и у верховых чувашей. Хронологические рамки зафиксированных текстов охватывает конец XIX – начало XXI вв. Народные повествования о превращении удавленников в лошадь отражают чувашское мировидение, понимание о трудной жизни души человека после неестественной смерти. Представленное исследование важно для воссоздания картины *леш тёнче* того мира в представлении чувашей.

Литература

1. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки / Вст. ст. Н.И. Толстого; подготовка текста, коммент., указат. Е.Е. Левкиевской. – М.: Индрик, 1995. – 432 с.
2. Зиновьев В.П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. – Новосибирск: Наука; Сибирское отделение, 1987. – С. 305–320.
3. Левкиевская Е. Мифы русского народа. – М.: АСТ: Астрель, 2000.
4. НА ЧГИГН (далее Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук). Фонд Н.В. Никольского. I. 179. С. 79. Записано в 1911 г. в д. Оточево Ядринского уезда Казанской губернии (ныне – Моргаушский район Чувашской Республики).
5. НА ЧГИГН. Фонд Н.В. Никольского. I. 151. С. 125–127. Записано в 1904 г. в д. Яргунькино Ядринского уезда Казанской губернии (ныне – Аликовский район Чувашской Республики) С. Филимоновым.
6. НА ЧГИГН. Фонд Н.В. Никольского. I. 232. С. 352–353. Записано в 1912 г. в с. Старо-Ганькино Бугурусланского уезда Самарской губернии (ныне – Похвистневский район Самарской области) М. Даниловым.
7. НА ЧГИГН. Фонд Н.В. Никольского. I. 144. С. 65. Записано в 1904 г. в д. Юрмекейкино Ядринского уезда Казанской губернии (ныне – Моргаушский район Чувашской Республики) Н.В. Никольским.
8. НА ЧГИГН. Фонд Н.В. Никольского. I. 243. С. 87–88. Записано в 1913 г. в д. Стюхино Бугурусланского уезда Самарской губернии (ныне – Похвистневский район Самарской области) Е. Шамброткиной.
9. Чувашское народное творчество. Приметы и поверья. Сновидения / Сост., автор предисловия и комментариев Е.В. Федотова. [На чувашском языке]. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. – С. 349. – Записано в 2007 г. в с. Якушкино Нурлатского района Республики Татарстан Е.В. Федотовой от Т.Ф. Максимовой, 1921 г. р. (рассказала о своей бабушке по материнской линии – Ендеби Максимовой).

Федулов Михаил Игоревич

Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

**РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЧГУ ИМ. И.Н. УЛЬЯНОВА 2017–2018 гг.**

Аннотация: статья посвящена масштабным работам по обследованию современного состояния археологических памятников Чувашской Республики. Мониторинг позволил локализовать памятники на местности, проверить и систематизировать имевшиеся сведения, уточнить границы, оценить риски и угрозы их утраты в результате природного и антропогенного характера. В результате археологической разведки были выявлены новые памятники от эпохи бронзы до позднего средневековья. Уточнение сведений о памятниках определяет новые направления для исследований.

Ключевые слова: археологические разведки, мониторинг, курганы, городища, поселения, керамика.

Fedulov Mikhail Igorevich

I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary

**RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL STUDIES
OF THE I.N. ULYANOV CHUVASH STATE
UNIVERSITY IN 2017–2018**

Abstract: the article discusses large-scale projects to survey the current condition of archeological sites in the Chuvash Republic. Monitoring has made it possible to fix the location of artifacts on site, to correct and systematize available information, to delineate boundaries and assess risks of loss as a result of natural and man-made factors. As a result of the investigations it was possible to discover new artifacts dating from the Bronze Age to the late Middle Ages. Refinement of data on archeological artifacts determines the direction of new research.

Keywords: archeological investigations, monitoring, burial mounds, fortified settlements, villages, ceramics.

В 2017–2018 г. археологической экспедицией Чувашского государственного университета были проведены масштабные полевые работы по выявлению и изучению археологического наследия Чувашской Республики. Обследования проводились на территории 12 районов республики⁶¹

⁶¹ Маршрут проходил по территории Алатырского, Аликовского, Вурнарского, Канашского, Козловского, Красноармейского, Красночетайского, Мариинско-Посадского, Поречского, Цивильского, Чебоксарского и Ядринского районов Чувашской Республики.

и были направлены на мониторинг современного состояния памятников, их локализацию на местности и уточнение границ.

Основная цель разведок заключалась в определении точных координат археологических объектов с помощью приборов глобального позиционирования (GPS) и составлении планов. Среди них были памятники, выявленные в 1950–1970-х гг. которые в дальнейшем не обследовались. Даже при наличии относительно точных описаний месторасположений памятников их поиск на местности был затруднён в силу произошедших изменений природного и хозяйственного характера. Если хозяйственная деятельность человека (строительство, распашка полей) не так часто отражается на состоянии памятника, то природное воздействие (овражная эрозия, оползни, зарастание лесом) проявляется более выражено.

Экспедиция была организована совместно с региональным отделением Всероссийской общественной организацией «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (ВООПИиК возобновляет свою деятельность в Чувашской Республике с 2014 г.). Общее руководство экспедицией осуществлял М.И. Федулов. На разных этапах работ в состав экспедиции входили председатель совета ВООПИиК М.Ю. Прокопьев, член общества А.А. Семёнов, старший научный сотрудник отдела истории Чувашского государственного института гуманитарных наук Е.П. Михайлов и др.

Всего осмотру было подвергнуто 102 памятника, входящих в список охраняемых государством. В 2017 г. были обследованы 37 городищ раннего железного века, пять поселений, 14 одиночных курганов и курганных могильников эпохи бронзы, пять средневековых могильников. На 20 памятниках собран подъёмный материал.

В 2018 г. обследовано 10 городищ раннего железного века, 17 разновременных поселений, 14 одиночных курганов и курганных могильников эпохи бронзы. На 22 памятниках собран подъёмный материал.

В ходе работ выявлено четыре новых городища раннего железного века и пять поселения эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья.

Курганные группы абашевской культуры

Среди памятников эпохи бронзы особый интерес представляют курганные группы абашевской культурно-исторической общности (2-е тыс. до н.э.) у селений Таушкасы Цивильского района, Тохмеево и Пикшики Чебоксарского района. Все они известны в литературе и неоднократно раскапывались, однако в результате уточнения количества насыпей с помощью системы глобального позиционирования получены интересные результаты (рис. 1).

Таушкасинская курганная группа известна с дореволюционных времён. Раскопками 1927, 1947–1948, 1986 г. изучено 14 курганов с 28 погре-

бениями. В археологической литературе считалось, что количество курганов не превышает 40–50. В ходе мониторинга выявлено большое количество ранее неизвестных насыпей. Составлен новый план группы, состоящий из 253 курганов. Группа густо заросла кустарником, что сильно осложняет их поиск и объясняет неточность всех подсчетов численности предыдущих лет. В связи с этим допускаем возможность обнаружения новых насыпей при дальнейших исследованиях. Однако имеющихся данных достаточно, чтобы считать группу самой многочисленной из известных.

Большая часть курганов расположена в лесу на правом коренном берегу р. М. Цивиль. Группа вытянута с С на Ю на 800 м, а с З на В на 550 м. Схематически можно выделить несколько групп курганов отделенные оврагами и сухими балками (естественные понижения). Наиболее многочисленная группа расположена в центре.

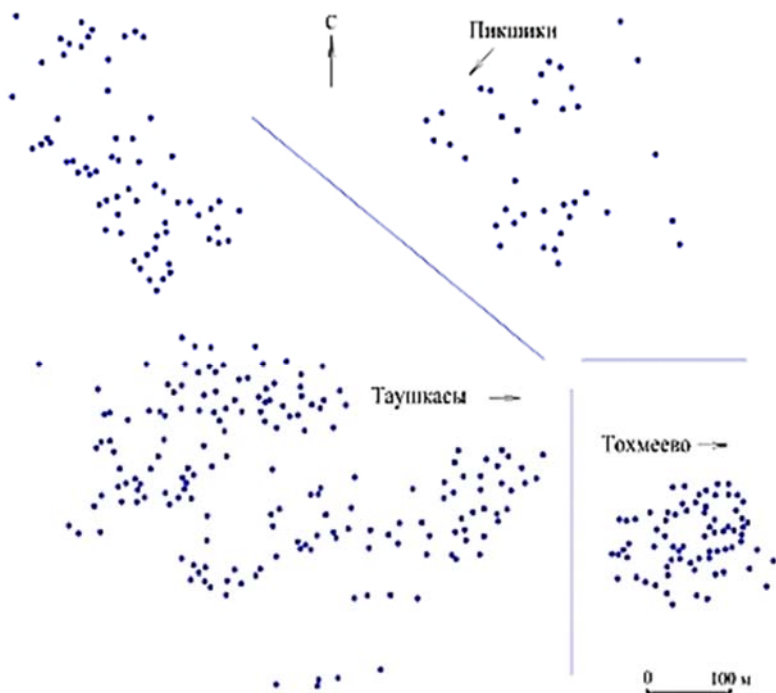

Рис. 1. Карта-схема курганных групп у селений Тохмеєво, Пикшики и Таушкасы

Форма насыпей бывает круглой и вытянутой (овальной). Высота насыпей колеблется в пределах 0,5–1,4 м, но есть один курган высотой 4–5 м. Часть насыпей соприкасаются подошвами.

В 2018 г. обследованы группы абашевских памятников у д. Пикшики и Тохмеево Чебоксарского района. Пикшикская группа состоит из 36 курганных насыпей (в литературе указывалось 27–30). Она расположена в лесу, кустарник и большое количество поваленных деревьев сильно осложняют локализацию на местности. Многие насыпи сильно расплылись. Расположенные на распаханном поле курганы уже не имеют чётких очертаний.

Выделить локальные группы насыпей здесь сложнее. Курганы расположены на значительном удалении друг от друга, на площадке 250 × 250 м. Слияние подошв курганов наблюдается редко. Преобладает округлая форма насыпей, реже вытянутая (овальная), с размерами от 8 до 25 м.

В курганной группе у д. Тохмеево удалось зафиксировать 71 насыпь, тогда как в литературе указывалось число от 24 до 50. Следует учитывать, что после вырубки леса в данной местности тракторами пропаханы широкие борозды для восстановления насаждений. Очертания и форма курганов частично нарушены. Из трех рассматриваемых групп здесь наблюдается самая сильная скученность, все курганы расположены площадке 150 × 200 м.

Инвентаризация насыпей позволила составить уточнённые планы курганных групп. Большое число насыпей однозначно ставит их на первое место среди аналогичных памятников абашевской культуры. Такое количество указывает на долговременность существования могильников. Их дальнейшие раскопки позволят уточнить периодизацию и хронологию культуры.

Поселения эпохи бронзы

Поиск курганных насыпей привёл к открытию новых поселений. Они фиксировались благодаря подъёмному материалу на распаханых полях. Следует отметить, что увеличение пахотных площадей в последнее десятилетие благоприятствует эффективному выявлению подъёмного материала. Среди находок преобладала керамика и фрагменты костей животных. В этой связи, при дальнейшем изучении эпохи бронзы следует ставить вопрос о закономерностях расположения могильников и поселений и установлении их гравитационных моделей.

Синьял-Караевское поселение Красноармейского района. Поселение расположено в 300 м к ЮЗ от Кюльхиринского городища, в 100 м к В от северной оконечности д. Синьял-Караево. В верховьях оврага, у запруды, на распахке найдены многочисленные фрагменты керамики. Площадь распространения керамики составила 100 × 50 м. Керамика не орнаментирована, плохого обжига, с шамотом в тесте.

Малояушское поселение Вурнарского района. В 600 м к З от д. М. Яуши, 200 м к С от асфальтной дороги найдены многочисленные обломки керамики. Поселение располагается на возвышении, в непосредственной близости от кургана (или сильно сnivelированной курганной группы?). Керамика плохого обжига, с шамотом в тесте. Несколько фрагментов имеют орнамент в виде наклонных линий и насечек, аналогичных орнаменту на керамике балановской культуры.

Мамалаевское поселение Вурнарского района. В 1,4 км к ЮЗ от д. Мамалаево у вершины оврага найдены многочисленные фрагменты керамики. Поселение расположено в 400 м от курганной группы (два кургана) балановской культуры. Керамика сильно фрагментирована, плохого обжига, с примесью шамота, орнамент отсутствует.

Городища раннего железного века

Вурманкас-Осламасское городище Ядринского района. Городище расположено в 650 м к ЮВ от деревни у колхозного сада. Оно занимает площадку 90×25 м и выходит мысовой частью к р. Штранга. Мысовая часть разрушена оползнем. От napольной части городище ограждено высоким шишкообразным валом без проезда. Ров выражен слабо. Культурный слой незначителен, в нём фиксируются угольки.

Пандиковское городище Красночетайского района расположено на длинном мысу коренной террасы правого берега р. Сура, в 700 м. к ЮЗ от урочища Пандиковское. Длина городища около 200 м, максимальная ширина внутренней площадки составляет 20 м. Укрепления состоят из napольного рва и вала и двух мысовых валов. Шишкообразный napольный вал длиной около 25 м, шириной –17 м. Он имеет высоту до 6 м от дна рва и около 3 м от площадки городища. У северной оконечности рва и вала, вдоль обрыва, имеется явно выраженный въезд на городище. Шурф в центральной части городища находок не дал, культурный слой имеет незначительную мощность 5–7 см.

Дубовское II городище Красночетайского района расположено на выступе коренной террасы правого берега р. Сура. Длина городища составляет около 80 м. Napольные укрепления представлены дугообразным napольными рвом и валом. Исследование городища шурфами пока не проводилось.

Чебаковское III городище Ядринского района расположено на мысу коренной террасы правого берега р. Сура. Ограждено одним napольным валом и рвом. Заложённый шурф обнаружил многочисленные фрагменты керамики эпохи бронзы и раннего железного века. Из фрагментов удалось восстановить плоскодонную чашу.

Данный памятник дополнил картину распространения городищ Чувашского Присурья. В случае с Чебаковскими памятниками следует уже рассматривать не только парность расположения береговых городищ, но

и выделить целый археологический комплекс из трех укрепленных пунктов и одного поселения⁶².

Памятники средневековья

Ичиксинское поселение Алатырского района. В 4,5 км к Ю от с. Ичиксы имеется большой овраг «Горбачи» с многочисленными мысами. На одном из мысов, к северу от известного Ичиксинского городища, найдены фрагменты керамики. Площадь подъёмного материала составила 90 × 80 м. Керамика имеет грубую поверхность и крупный шамот в тесте. По керамике поселение предварительно датировано ранним средневековьем, и, вероятно, относится к именьковскому кругу памятников.

Ивановское поселение Цивильского района. В 2,1 км от д. Иваново в верховье оврага собраны многочисленные фрагменты керамики и стекла, железные предметы и свинцовая пуля. Керамика представлена гончарными сосудами серой, красной, бурой окраски с несколькими типами венчиков, орнаментации (линии, волна) и лощения. По керамическому материалу поселение предварительно датировано XVII–XVIII вв.

Раскопки Козловского городища

Небольшие раскопки проведены на территории Козловского городища в Ядринском районе. Оно было открыто М.И. Федуловым в 2016 г.⁶³ На его территории зафиксированы многочисленные жилищные западины, хозяйственные объекты и выявлен могильник⁶⁴. В 2018 г. совместной экспедицией под руководством Б.С. Соловьева и М.И. Федулова исследования могильника были продолжены⁶⁵.

Могильник располагается на территории внутренней площадки городища. На площади 45 м² исследовано 14 погребений, совершенных по христианскому обряду. Все погребения были ориентированы головой на З с небольшими отклонениями на С и Ю. Могильные ямы имели прямоугольные очертания с закруглены углами. Глубина их достигала 50–60 см, а стенки ям значительно сужались ко дну могилы.

⁶² Федулов М.И. Пространственный анализ расположения и топография городищ раннего железного века Чувашского Присурья / М.И. Федулов, А.А. Семёнов // Поволжская археология. – 2018. – №1 (23). – С. 137–149.

⁶³ От лица всех участников экспедиции хотелось бы выразить огромную благодарность главе Персиранского сельского поселения М.В. Казанбаеву и предпринимателю А.Г. Григорьеву, оказывавших всемерную поддержку экспедиции.

⁶⁴ Федулов М.И. Отчёт о результатах археологической разведки на территории Ядринского и Порещкого районов Чувашской Республики в 2016 году // Архив Института археологии РАН. – 2017. – 97 с.

⁶⁵ В составе экспедиции были представители разных учреждений Чувашской Республики: Чувашского национального музея (А.П. Пушина, Н.А. Григорьева, А.С. Григорьев), Чувашского исторического архива (Т.А. Соловьева, В.А. Карамова) и студенты историко-географического факультета ЧГУ им. И.Н. Ульянова и др.

Зафиксированы два случая перекрытия могильных ям и два парных захоронения. В одном из парных погребений найден костяк лежащий в анатомическом порядке, но у черепа был помещен ещё один череп, а у костей ног кучкой уложены берцовые и бедренные кости. В другом погребении кости ног помещены у черепа погребённого, кости которого также лежали в анатомическом порядке.

Из инвентаря найден только железный крючок, располагавшийся у черепа погребённого.

В результате раскопок городища были найдены керамика, металлические изделия, глиняное пряслице и другие предметы. Предварительно, найденный комплекс предметов датирован XIV–XV вв. и относится к эпохе русской колонизации Среднего Поволжья. Однако этническую принадлежность памятника ещё нужно уточнить, т.к. в керамическом комплексе есть так называемая «славяноидная керамика». «Славяноидная керамика» по внешним формам аналогична русской посуде, но в составе глиняного теста имеет примесь дробленной ракушки, что характерно для средневожского финно-угорского населения. Данные раскопки являются началом большого проекта по изучению средневекового населения Чувашского Поволжья.

В результате проведенной экспедиции были уточнены сведения о местонахождении археологических памятников и их современном состоянии. В большинстве случаев приходилось уточнять не только месторасположение объектов, но и их размеры, форму и границы.

Осмотр современного состояния памятников позволил сделать несколько выводов. Курганы, расположенные на распахиваемых полях, сильно с nivelированы, насыпи расплылись и едва заметны на поверхности. В сравнении с описаниями 1960–1970-х гг. высота насыпей уменьшилась от 0,5–1,5 до 0,2–0,5 м. На поверхности многих из них имеются фрагменты керамики, что, возможно, свидетельствует о разрушении внутренних погребальных конструкций. Городища, в силу особенности расположения на мысу оврагов, в меньшей степени подвергаются хозяйственному воздействию, но практически все – разграблению «черных копателей».

Обследование памятников также обозначило новые направления для исследований: определение пространственных связей между памятниками одной эпохи, например, поселений с захоронениями (курганами) и укрепленными поселениями (городищами); изучение раскопками археологических комплексов культур (например, напластований на городищах слоев эпохи бронзы и раннего железного века); целенаправленный поиск средневековых памятников в Чувашском Присурье.

Литература

1. Федулов М.И. Пространственный анализ расположения и топография городищ раннего железного века Чувашского Присурья / М.И. Федулов, А.А. Семёнов // Поволжская археология. – 2018. – №1 (23). – С. 137–149.

2. Федулов М.И. Отчёт о результатах археологической разведки на территории Ядринского и Порецкого районов Чувашской Республики в 2016 году // Архив Института археологии РАН. – 2017. – 97 с.

Черноярова Марина Юрьевна

Чувашская государственная
сельскохозяйственная академия
г. Чебоксары

**ДЮЛА МЕСАРОШ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЧУВАШСКОГО НАРОДА
О ЗНАХАРЯХ И КОЛДУНАХ**

Аннотация: в статье исследуется научная деятельность известного венгерского этнографа Д. Месароша, который изучал особенности представлений чувашского народа о знахарях и колдунах. Учёный выявил генетическую связь между чувашским знахарством и тюрко-алтайским шаманством. Он считал, что когда-то шаманы (языческие жрецы) были посредниками между людьми и духами, руководили жертвоприношениями, произносили заклинания для того, чтобы умиловить языческих божеств, исцеляли от болезней, предсказывали будущее. Однако с течением времени под влиянием новой веры они превратились в колдунов и знахарей. Учёный отмечает, что в дальнейшем под влиянием христианства произошло четкое разделение функций знахарей и колдунов. Знахари, в отличие от колдунов, не прибегают к помощи злых духов – в своих заговорах они обращаются к Богу или Богоматери за помощью для излечения болезней.

Ключевые слова: этнограф, знахари, колдуны, чувашские, колдовство, заговоры, превращения, предводители, обряды, магия, ритуалы, Месарош.

Marina Yurievna Chernoyarova

Chuvash State Agricultural Academy
Cheboksary

**GYULA MÉSZÁROS AS A SCHOLAR OF CHUVASH IDEAS
REGARDING HEALERS AND SORCERERS**

Abstract: the article explores the scholarly activities of the famous Hungarian ethnographer Gyula Mészáros, who studied the distinctive features of Chuvash ideas regarding healers and sorcerers. Mészáros discovered a genetic link between Chuvash healers and Turkic-Altai shamanism. He believed that at one time shamans (pagan priests) had served as intermediaries between people and spirits. they led sacrifices, pronounced spells to appease pagan deities, cured diseases, and predicted the future. However, over time, under the influence of the new faith, they turned into sorcerers and healers. the scholar noted that in the Chuvash tradition, due to the influence of Christianity, a clear separation developed between the functions of healers and sorcerers. Healers, unlike

sorcerers, do not resort to the help of evil spirits – in their incantations they turn to God or the Mother of God for help in healing the sick.

Keywords: ethnographers, healers, sorcerers, Chuvash, witchcraft, incantations, transformations, leaders, ceremonies, magic, rituals, Mészáros.

Дюла Мессарош – выдающийся венгерский фольклорист и этнограф, труды которого были известны не только в Венгрии, но и за рубежом. В Чувашской Республике работы учёного до сих пор востребованы, поскольку исследователь занимался изучением традиционной чувашской культуры. Несмотря на анализ отдельных идей учёного, его научная деятельность как фольклориста и этнографа изучена недостаточно [2], впрочем, как и других исследователей народного искусства XIX–XX вв. [5; 6; 8; 11]. Научная деятельность Д. Мессароша по изучению традиционных представлений о знахарях и колдунах Чувашии ещё не становился предметом отдельного всестороннего исследования.

Д. Месарош в 1908 г. по заданию Венгерского комитета Международного общества Средней и Восточной Азии приехал в Казанскую и Симбирскую губернию для собирания и изучения этнографических сведений о жизни чувашского народа, его фольклорного наследия и языка. По результатам своей поездки он написал отчет «Среди чувашей и татар Поволжья» [3], с которым выступил в Венгерской академии наук в 1908 г.

Он находился в Чебоксарском, Козьмодемьянском, Цивильском и Ядринском уездах, где собирал сведения об особенностях чувашских наречий, о старинных языческих обрядах чувашского народа и, в том числе, о знахарстве и колдовстве: «Различными путями мне удалось сойтись со многими знахарями, которые посвятили меня в свою науку, и я записал около 100 заклинаний и магических молитв» [4, с. 65]. Д. Месарош в предисловии к книге «Памятники старой чувашской веры» [4] пишет о том, что основная задача его исследования – выявить особенности традиционных языческих представлений чувашского народа. Одна из глав этой книги была посвящена знахарству и колдовству. В ней автор книги, прежде всего, попытался выявить генетическую связь между чувашским знахарством и тюрко-алтайским шаманством.

В частности, он пишет о том, что когда-то шаманы (языческие жрецы) были посредниками между людьми и духами, руководили жертвоприношениями, произносили заклинания для того, чтобы умилостивить языческие божества, исцеляли от болезней, предсказывали будущее. Однако с течением времени под влиянием новой веры превратились в колдунов и знахарей. Учёный отмечает, что они до сих пор остаются посредниками между духами и людьми, но уже не руководят обрядами жертвоприношений. Однако далее, противореча сам себе, анализируя способы наведения порчи, Д. Месарош отмечает, что чувашские колдуны, прибе-

гая к помощи Киреметя, просили тех, кто обращался к их услугам, приносить жертвы злему духу, то есть фактически руководили жертвоприношением. В то же время он утверждает, что знахарки участвуют в обряде приношения полевой жертвы, которая необходима для того, чтобы повысить плодородие и предотвратить падеж скота.

Таким образом, приведенные учёным факты лишний раз доказывают, что колдуны и знахари были когда-то языческими жрецами-шаманами, которые ещё в начале XX в. продолжали руководить отдельными обрядами и жертвоприношениями. Ещё одним доказательством этого является тот факт, что чувашки верят в особую силу знахаря, который может победить ту или иную болезнь, поскольку наделен способностью вступать в контакт с духами тех болезней, которые поселяются в человеке, и разговаривать с ними.

Чувашские знахари и колдуны, по мнению учёного, перестали практиковать вызывание экстатических состояний с помощью теургии, исчезли и внешние атрибуты, отличающие их от других людей: специальный халат, шаманский посох. Д. Месарош считал основными потомками шаманов пузыристов и мельников, многие из которых занимались колдовством, поскольку, в отличие от крестьян, имели гораздо больше свободного времени. Пузырь, по его мнению, когда-то являлся средством вызывания духов, подобно бубну сибирского шамана. В доказательство былой шаманской деятельности пузыристов исследователь приводит следующий пример. Они до сих пор принимают участие в свадебном обряде, куда их приглашают как руководителей всеобщего моления до того, как свадебный поезд тронется в дом невесты. Именно в обязанности пузыристов входит нейтрализация возможной порчи на свадьбе.

Еще одним доказательством былой шаманской деятельности знахарей он считает следующий факт. В заговорах, которые они используют в магических ритуалах и практиках, присутствуют следы былых представлений о том, как душа впадающего в транс знахаря попадает в мир богов. Поэтому в заклинаниях присутствует описание образов надземных миров, заселенных духами и небесными телами.

Д. Месарош отмечает, что в чувашской традиции, по-видимому, под влиянием христианства, в дальнейшем произошло четкое разделение функций знахарей и колдунов: «Чувашский колдун в глазах народа – провидец, который по своему желанию имеет непосредственную связь со злыми духами, и с их силой и по тайному поручению разгневавшихся за плату может навести на людей порчу, в отличие от целителя, имеющего такую же власть над духами, однако использующего свои знания для раскрытия причин отдельных болезней, ублажающих мелкими подарками злых духов, наславших болезни. Его призвание – исцеление» [4, с. 205]. Знахарь, по его мнению, «в отличие от колдуна, не прибегает к соучастию

злого духа, напротив, в большинстве своих заклинаний он обращается за помощью в предотвращении определенной болезни к Богу или Богоматери, молит из за отстранение причиняющего болезнь злого духа» [4, с. 217]. Ошибочным является мнение учёного о том, что колдуну, в отличие от шамана, не приходится обращаться к злым духам, поскольку они всегда находятся рядом с ним. И в то же время, как мы уже упоминали, учёный приводит сведения о том, как часто в чувашских деревнях колдуны призывали на помощь злобного духа Киреметь.

Исследователь справедливо отмечал, что в некоторых районах жители «отождествляли знахаря с колдуном, приписывая ему сатанинскую власть и сговор с шайтаном» [4, с. 218]. Для Д. Месароша этот факт является доказательством того, что когда-то знахарь и колдун были одним лицом: «Когда круг действий шамана свелся, с одной стороны, к порче, с другой – к излечению, понемногу начали вырисовываться образ бесноватого колдуна и образ знахаря, могущего хорошо приспособиться к разным религиям, очень часто, в зависимости от потребностей жизни, он исполнял то одну, то другую роль: тут колдун занялся лечением, а там знахарь брался за колдовство» [4, с. 218].

Исследователь отмечает противоречивое отношение чувашского народа к знахарям и колдунам. С одной стороны, люди верят в силу их искусства и часто обращаются к ним за помощью. С другой стороны, осуждают за мошенничество и махинации: некоторые знахари и колдуны обманывают суеверных крестьян, обогащаясь за их счет.

Исследователь приходит к выводу, что упоминание в заклинаниях Бога, Богоматери и ангелов свидетельствует о влиянии христианской религии, которая постепенно разрушает языческие представления. Оценивая последнее утверждение учёного, мы можем констатировать тот факт, что вера в силу знахарей и колдунов до сих пор существует, поэтому говорить о полном разрушении языческих представлений преждевременно.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. Д. Месарош внес заметный вклад в изучение традиционной культуры Чувашии. В его трудах дается достаточной подробный анализ деятельности чувашских знахарей и колдунов.

Однако необходимо отметить тот факт, что исследование мифологических рассказов и поверий Чувашии, малых жанров фольклора изучено ещё недостаточно и ограничивается лишь отдельными публикациями [1; 7; 9; 10; 12]. Всестороннее их изучение – дело будущего.

Литература

1. Иванова Е.Н. Об особенностях компонента приметы как носителя этнокультурной информации // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 3. – № 5. – С. 149–151.

2. Матвеев Г.Б. Дюла Месарош – исследователь верований, праздников и обрядов чувашей (к 125-летию со дня рождения) // Взаимодействие традиционных и инновационных процессов в социокультурной сфере: Мат. межрег. науч.-практ. конф. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т культуры и искусств, 2009. – С. 116–121.

3. Месарош Д. Отчет члена Венгерского комитета о поездке к чувашам и приволжским татарам // Известия состоящих под высочайшим Его Императорского Величества покровительством Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. – СПб., 1909. – №9. – С. 60–66.

4. Мессарош Д. Памятники старой чувашской веры. – Чебоксары: ЧГИГН, 2000. – 360 с.

5. Черноярова М.Ю. Исследование демонологических рассказов и поверий о знахарях Чувашии в трудах ученых XIX в. // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2012. – №1. – Ч. 2. – С. 186–193.

6. Черноярова М.Ю. В.К. Магницкий как собиратель и исследователь русских преданий Чувашии // Вестник Чувашского университета. – 2012. – №1. – С. 324–330.

7. Черноярова М.Ю. «Межевые» пространственные точки в хронотопической структуре мифологических рассказов Чувашской республики // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филологическое образование». – 2014. – №1. – С. 95–101.

8. Черноярова М.Ю. Научная деятельность В.К. Магницкого по изучению и собиранию устной религиозной прозы русского населения Чувашии // Вестник Чувашского университета. – 2012. – №2. – С. 371–375.

9. Черноярова М.Ю. Образ домашнего духа в русских мифологических рассказах Чувашии // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2018. – №2 (98). – С. 128–141.

10. Черноярова М.Ю. Образ лесного духа в русских мифологических рассказах Чувашии // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. – 2017. – №1. – С. 76–83.

11. Черноярова М.Ю. Собрание демонологических рассказов и поверий русского населения Чувашии в XX–XXI вв. // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2012. – №2. – Ч. 2. – С. 169–174.

12. Черноярова М.Ю. Сравнительная характеристика водных духов в русском и чувашском фольклоре (на материале мифологической прозы Чувашии) / М.Ю. Черноярова, О.В. Зарубкина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. – 2017. – №1. – С. 84–98.

Шульгов Евгений Николаевич

аспирант отдела этнографии и этнологии
Научно-исследовательский институт
гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия
г. Саранск

К ИСТОРИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ: ПО МАТЕРИАЛАМ СМИ

Аннотация: в статье впервые сделана попытка рассмотреть некоторые вопросы истории межнациональных культурных связей в ближнем зарубежье по материалам СМИ – публикациям в газетах «Красная Мордовия» (1.11.1930–19.06.1951), «Советская Мордовия» (20.06.1951–30.03.1994). В которых можно проследить причины миграций населения Мордовии в ближнее зарубежье, создание в них рабочих мест и условий проживания для приезжего населения, в труде которого они нуждались для развития республик; содружестве разных национальностей СССР. Вопросы социокультурных явлений времени в условиях полиэтничного общества регулярно освещались в рубриках «По родной стране», «Новости дня» и др., ТАСС, размещались статьи, посвященные дружбе народов – основе могущества Советского государства. В рубрике «В братской семье народов СССР» размещались статьи о достижениях в области экономики и культуры Белорусской, Украинской, Молдавской, Литовской, Латвийской, Эстонской, Азербайджанской, Грузинской, Туркменской, Таджикской, Киргизской, Казахской ССР. Участвуя в развитии ударничества, социалистического соревнования, печать способствовала укреплению морально-политического единства, патриотизма и росту творческой активности населения республики.

Ключевые слова: история, культурные связи, миграция, ближнее зарубежье, материалы СМИ – публикации в газетах «Красная Мордовия» (1.11.1930–19.06.1951), «Советская Мордовия» (20.06.1951–30.03.1994).

Evgeny Nikolaevich Shulgov

Graduate Student, Department of Ethnography
and Ethnology Government Research Institute
for the Humanities Republic of Mordovia
Saransk

THE HISTORY OF INTERETHNIC CULTURAL RELATIONS ON THE BASIS OF MATERIAL FROM THE MASS MEDIA

Abstract: this article attempts for the first time to examine some issues in the history of international cultural ties with the CIS republics on the basis of

material from the mass media, i.e. publications in the newspapers «Red Mordovia» (1.11.1930–19.06.1951) and «Soviet Mordovia» (20.06.1951–30.03.1994). It is possible to trace in these sources the reasons for migration of the population of Mordovia to the near abroad: the creation of jobs and the living conditions for the incoming population, demand for labor for the development of the republics; the commonwealth of the different nationalities of the USSR. Issues related to sociocultural phenomena of the time in conditions of a multi-ethnic society were regularly covered under the headings «All Around our Native Land», «News of the Day», etc., TASS ran articles on the friendship of peoples – the basis of the power of the Soviet state. Under the heading «in the brotherly family of the peoples of the USSR» articles were published on achievements in the the economy and culture of the Belarusian, Ukrainian, Moldavian, Lithuanian, Latvian, Estonian, Azerbaijani, Georgian, Turkmen, Tajik, Kyrgyz, and Kazakh Soviet Socialist Republics. Participating in the development of shockwork in socialist competition, the press contributed to the strengthening of moral and political unity, patriotism and the growth of creative activity of the population of the Republic.

Keywords: history, cultural links, migration, the near abroad, media reports, Newspaper publications, «Red Mordovia» (1.11.1930–19.06.1951), «Soviet Mordovia» (20.06.1951–30.03.1994).

Информационная модель действительности, создаваемая региональной прессой и адресуемая массовой аудитории, зависит от публицистического мироощущения и мирозерцания этнической картины мира, которая отличается необычайной экономической, социальной, культурной, демографической пестротой. Региональную прессу в этнической картине мира (например, Поволжья) интересуют две четко выраженные тенденции: с одной стороны, происходит содержательно идеологическое обогащение (в силу межкультурной интеграции) протекающих в этом пространстве этнокультурных процессов, стремящихся вобрать в свое поле и рефлексивно адаптировать на ментальном уровне все материально-культурные и духовнокультурные достижения мировой цивилизации, причем делать это не порознь, отдельными народами, а сообща, всем межнациональным сообществом [11, С. 7] На таком подходе к межнациональным культурным связям настаивают, к примеру, газета «Красная Мордовия» (до 1951 г.) «Советская Мордовия» (с 1951 г.). В этой статье впервые сделана попытка рассмотреть некоторые вопросы истории межнациональных культурных связей в ближнем зарубежье по материалам СМИ – публикациям в газетах «Красная Мордовия» (1.11.1930–19.06.1951), «Советская Мордовия» (20.06.1951–30.03.1994 г.). В них прослеживаются причины миграций населения Мордовии в ближнее зарубежье (публикации о расцвете экономики и культуры, развитии промышленности в братских республиках СССР в Казахской, Таджикской, Узбекской, Грузинской,

Армянской, Азербайджанской, Литовской, Латвийской, Эстонской, Украинской ССР), создание в них рабочих мест и условий проживания приезжего населения, в труде которого они нуждались для развития республик; содружестве разных национальностей СССР. Вопросы социокультурных явлений времени в условиях полиэтничного общества: к вопросу миграций населения Мордовии в ближнее зарубежье по материалам СМИ регулярно освещались в рубриках «По родной стране», «Новости дня» и др., ТАСС, учёными, работниками органов власти и др.

Регулярно в СМИ размещались статьи, посвященные дружбе народов – основе могущества Советского государства [30], чтобы подчеркнуть важность этого направления. Например, «Дружба народов СССР – воплощение идей социалистического интернационализма» [7], «Советский народ стремится жить в мире и дружбе со всеми народами» [23], «Дружба народов СССР – источник силы и могущества Советского государства» [8].

В рубрике «В братской семье народов СССР» размещались объемные и краткие статьи о достижениях в области экономики и культуры Белорусской, Украинской, Молдавской, Литовской, Латвийской, Эстонской, Азербайджанской, Грузинской, Туркменской, Таджикской, Киргизской, Казахской ССР. Например, статьи: «Советская Белоруссия – цветущая социалистическая республика» [19], «Советская Латвия на подъеме» [14], «Советская Грузия» [32], «Дружба народов – источник несокрушимой силы Советского Союза» (Эстония) [33], «Социалистическая Литва» [17], «Советский Азербайджан – могучая индустриально-колхозная республика» [6], «Национальный праздник белорусского народа» [5], «Советская Украина» [22]. В другой газете под заголовком «Мы по праву гордимся индустриальной силой республики... Валовая продукция Украины в 1956 г. возросла по сравнению с 1913 годом в 18 раз. А теперь посмотрим карту республики – на Волынь... теперь это шахтерский край... здесь построены десятки шахт...» [31]. В рубрике «В братской семье» в статье «Азербайджан за годы Советской власти» Байрамов А. – секретарь ЦК КП Азербайджана пишет, что Азербайджанская ССР, равная среди равных советских республик, за 37 лет своего существования добилась замечательных успехов в хозяйственном и культурном строительстве... «Азербайджан превратился в крупный индустриальный район страны. По сравнению с 1913 годом производство промышленной продукции республики возросло в 13 раз. Азербайджан – республика нефти» [2]. Итоги экономики, культуры и солидарности народов по республикам ССР размещались статьи в рубрике «Да здравствует и крепнет нерушимое единство и братская дружба народов СССР» [21]. Дурдыева Н. – секретарь ЦК КП Туркменистана докладывала, об успехах Туркменистана «За годы Советской власти построены крупнейшие ирригационные сооружения ... сейчас ведется широкое наступление на пустыни: строится Кара-Кумский ка-

нал. ... Республика получит 100 тыс. га новых плодородных земель, отвоеванных упорным трудом от природы. А это даст дополнительные тысячи тонн «белого золота», а также мяса, молока, шерсти и др. продуктов животноводства. Одной из характерных черт сельского хозяйства является его механизация. ... В 1956 г. колхозы и совхозы Туркменистана успешно выполнили планы заготовок хлопка, молока, шерсти, каракуля, шелковичных коконов, овощей, винограда и других с/х продуктов. В республике крупнейшие в Средней Азии нефтепромыслы...» [9]. «Благодаря национальной политики и содружеству советских народов казахский народ обрел свою государственность и достиг небывалого расцвета экономики и культуры». В невиданных масштабах шло строительство промышленных предприятий, в корне изменивших облик республики. В Казахстане создана первоклассная индустрия, оснащенная самой передовой техникой. В ходе развития промышленности и транспорта сотни тысяч казахов и казашек, приобщаясь к индустриальному труду, учились у русских рабочих и инженеров... Гигантские преобразования произошли и в сельском хозяйстве... В республике имеется 2996 колхозов. Их обслуживает 474 машинно-тракторных и других специализированных станций. Посевная площадь с/х культур республики в 1952 г. увеличилась по сравнению с 1913 годом на 219,4%... казахи и русские, украинцы и татары, узбеки и уйгуры – рука об руку боролись за установление и укрепление Советской власти... умножают успехи в экономическом и культурном строительстве Казахстана [24]. В публикациях просматривалась информация об оплате по трудовым дням. Например, Кишинев, 2 сентября (ТАСС). «Сотни колхозов Молдавии приступили к выдаче авансов за трудовые дни. В сельхозартелях Чадыр-Лунгского района на каждый трудовой день авансом выдается по 2 кг зерна. По 20–30 центнеров пшеницы получают семьи колхозников сельхозартеля им. Ленина. Высоко оплачивается трудовой день в Слободзейском районе... В колхозе им. Ленина, кроме хлеба, ... выдается по 3 руб. деньгами» [25].

В рубрике «По родной стране» публиковали материалы о достижениях в честь памятных или юбилейных дат. Например, в честь 38-й годовщины Октября, (ТАСС) «Последний гидроагрегат Каховской ГЭС поставлен на испытание» [18] или к событиям по завершению масштабной стройки. Например, «Полным ходом идут работы на строительстве Орто-Токейского водохранилища (Фрунзе, Киргизия)» [27]. На «Слово трудящихся Эстонии» Таллин, 22 июня (ТАСС) «...электромашиностроительный завод «Вольта»... сейчас на заводе все рабочие выполняют нормы на 150–170%. Завод ежемесячно дает сверхплановую продукцию» [28]. В статье «Массовое цветение хлопчатника» говорится, что на всех полях Узбекистана хлопчатник вступает в массовое цветение... За четвертую пятидневку июня тракторами обработана на десятки тысяч гектаров посевов

больше, чем в предыдущие дни. Повсеместно широко развернулась четвертая междурайонная обработка плантаций» [12]. Хроники о достижениях в колхозах, совхозах, на стройках содержатся в других номерах газеты «Советская Мордовия». Например, «Микроудобрения в колхозах Грузии», «Подготовка к уборке урожая на Украине (Винница)» [26]. В рубрике «Сорок славных лет» в статье «Великое единство» отмечается «С созданием союзного многонационального государства все нации и народности нашей страны объединились в единую братскую семью» [1]. К 25-летию со дня восстановления Советской власти в Литве, Латвии, Эстонии в рубрике «В великой семье народов-братьев» под разными заголовками статей печатаются сведения о достижениях в области экономики, промышленности, культуре в этих республиках. Например, Ю. Палецкис отмечает, что за минувшие послевоенные годы в корне изменилась жизнь литовского народа. В 16 раз по сравнению с 1940 г. увеличилось производство промышленной продукции. ... Теперь слово безработица забыто, ежедневно в газетах помещаются объявления, приглашающие на работу в любых отраслях хозяйства. Объединение крестьян в коллективные хозяйства, широкое применение машин, электричества на селе облегчило труд земледельца. Значительно увеличилось производство сельского хозяйства. Велики достижения литовского народа в области образования, культуры» [15]. Эстония. «За годы советской власти восстановлено, реконструировано и вновь построено более 380 крупных предприятий и цехов. Сейчас республика выпускает промышленной продукции в 17 раз больше, чем раньше. Что же касается продукции машиностроения и металлообработки, то их производство по сравнению с 1945 г. возросло в 44 раза. Советская Эстония стала одной из основных энергетических баз северо-запада... Повышение же продуктивности сельского хозяйства, рост денежных доходов колхозов и совхозов положительно сказались на благосостоянии крестьянских семей. Колхозники строят новые дома, покупают автомашины, мотоциклы, телевизоры» [13]. Латвия. «Ни один трактор, ни одна автомашина, выпускаемые промышленностью страны, не обходится без точных приборов латвийских заводов... В Латвии появились предприятия большой химии. ... Быстрыми темпами развивается у нас жилищное строительство. Только за последние два года в республике построено около 1 млн 300 тыс. кв. м. жилой площади или 34 тысячи квартир. В них справили новоселье примерно 134 тыс. человек» [10].

Р. Беспалова заслуженная артистка Мордовской АССР, депутат Верховного Совета СССР, участвуя во второй сессии Верховного Совета СССР шестого созыва, поделилась впечатлением «Виданное ли дело – в высшем органе власти страны – представители моего народа. Радостно, что хочется петь, а петь я очень люблю... А певицей я стала с братской помощью великого русского народа. Именно его представители – представители самой передовой в мире вокальной школы, помогли мне стать

певицей. Училась я в мордовской национальной оперной студии при Саратовской государственной консерватории имени Собинова» [3]. «В Мордовском государственном университете учатся дети разных народов ... татары и чувашы, эстонцы и литовцы, украинцы и белорусы, армяне и азербайджанцы... Иван Поплюйко – украинец, служил в Армии в Мордовии. – Вместе со мной, – рассказывает он, – служили татарин Сабирзян Сафин, армянин Сердо Шамунян, ленинградец Николай Прохоров и эстонец Селлер. Все мы восхищались трудолюбием мордовского народа, его гостеприимством. По окончании службы я поступил в Мордовский университет [29]. В СМИ, начиная с газеты «Красная Мордовия», содержится множество объявлений с приглашением на работу. Например: «Приезжайте к нам работать!» Мордовская республиканская контора по организованному набору производит набор рабочих разных квалификаций и не имеющих специальности для работы на предприятиях Министерства металлургической промышленности; Министерства лесной и бумажной промышленности; Министерства угольной промышленности; Министерства строительства тяжелой промышленности; Министерства топливных предприятий. За справками обращаться к районным уполномоченным по найму рабочих по адресу: гор. Саранск, старый вокзал; в районах – райисполкомы» [20]. Это находило отражение в миграциях населения из Мордовии. Так, соб. корр. 3.-Полянского района пишет: «Всем классом – на целину! Всего по 3.-Полянскому району экзаменовалось 360 десятиклассников и 480 семиклассников (1958 г.). «Учащиеся 10 класса «Б» Анаевской средней школы решили после сдачи экзаменов всем классом выехать на работу на целинные земли», – пишет соб. корр. 3.-Поляна) [4].

На полосах газеты «Советской Мордовии» размещались фотографии о стройках, заводах, строительстве домов. Так, в рубрике «По Советской стране» размещались не только статьи о достижениях в сельском хозяйстве, но и фотографии техники: уборочных машин, другой техники и др.

Таким образом, социокультурное явление времени в условиях полиэтничного общества – вопросы миграций населения Мордовии в ближнее зарубежье широко отражались в материалах СМИ. Здесь же сохранились сведения о развитии братских республик, дружбе, взаимопомощи и солидарности с российским народом. Пресса Мордовии помогала управлять трудовыми и материальными ресурсами для осуществления экономических преобразований, помогала в организационном и хозяйственном укреплении промышленных предприятий, колхозов и совхозов, широко обсуждала на своих страницах планы хозяйственного развития. Участвуя в развитии ударничества, социалистических соревнований, печать способствовала укреплению морально-политического единства, патриотизма и росту творческой активности населения республики. Периодические издания помогали установлению новых производственных отношений в

экономике Мордовии, газеты оказывали помощь в проведении культурных преобразований [16, с. 3].

Литература

1. Багликов Б. Великое единство // Советская Мордовия. – 30.12.1962.
2. Байрамов А. Азербайджан за годы Советской власти // Советская Мордовия. – 26.10.1957.
3. Беспалова Р. С братской помощью // Советская Мордовия. – 30.12.1962.
4. Всем классом – на целину // Советская Мордовия. – 04.06.1958.
5. Горбунов Т. Национальный праздник белорусского народа // Советская Мордовия. – 31.12.1958.
6. Джафаров С. Советский Азербайджан – могучая индустриально-колхозная республика // Советская Мордовия. – 07.07.1954.
7. Дружба народов СССР – воплощение идей социалистического интернационализма // Советская Мордовия. – 21.08.1955.
8. Дружба народов СССР – источник силы и могущества Советского государства // Советская Мордовия. – 20.03.1955.
9. Дурдыева Н. Расцветает Советский Туркменистан // Советская Мордовия. – 14.08.1957.
10. Калнберзин Я. Большие перемены. Латвия // Советская Мордовия. – 16.06.1965.
11. Киричек П.Н. Печать и этнос / П.Н. Киричек, П.Ф. Потапов. – Саранск, 2005. – С. 7.
12. Массовое цветение хлопчатника (ТАСС) // Советская Мордовия. – 24.05.1950.
13. Мюрисеп. А. Дорога длиною в четверть века. Эстония // Советская Мордовия. – 16.06.1965.
14. Озолинь К. Советская Латвия на подъеме // Советская Мордовия. – 6.03.1954.
15. Палецкис Ю. Совершеннолетие. Литва // Советская Мордовия. – 16.06.1965.
16. Потапов П.Ф. История мордовской журналистики (1917–1984). – Саранск, 1994. – С. 3.
17. Прейкшас К. Социалистическая Литва // Советская Мордовия. – 17.04. 1954.
18. Рубрика «По родной стране» // Советская Мордовия. – 24.09.1956.
19. Советская Белоруссия – цветущая социалистическая республика // Советская Мордовия. – 29.12.1953.
20. Советская Мордовия. – 07.01.1949.
21. Советская Мордовия. – 06.10.1962
22. Советская Украина // Советская Мордовия. – 25.12.1957.
23. Советский народ стремится жить в мире и дружбе со всеми народами // Советская Мордовия. – 10.08.1955.
24. Сужиков М. Социалистический Казахстан // Советская Мордовия. – 17.03.1964
25. ТАСС. Первые авансы за трудодни (Кишинев, Молдавия) // Советская Мордовия. – 04.09.1953.
26. ТАСС. Микроудобрения в колхозах Грузии, Подготовка к уборке урожая на Украине (Винница) // Советская Мордовия. – 24.05.1950.
27. ТАСС. На строительстве Орто-Токойского водохранилища // Советская Мордовия. – 24.07.1953.
28. ТАСС. Слово трудящихся Эстонии // Советская Мордовия. – 24.05.1950.
29. Федоткин А. Дети разных народов // Советская Мордовия. – 30.12.1962.

30. Хлябич И. Дружба народов – основа основ могущества Советского государства // Советская Мордовия. – 29.09.51.
31. Цюпа И. Обновленная Украина // Советская Мордовия. – 25.12.1957.
32. Чубинидзе М. Советская Грузия // Советская Мордовия. – 21. 02.1954.
33. Якобсон А. Дружба народов – источник несокрушимой силы Советского Союза // Советская Мордовия. – 15.06.1954.

Янгайкина Татьяна Ивановна
Научно-исследовательский
институт гуманитарных наук
при Правительстве
Республики Мордовия
г. Саранск

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОСТЮМА МОКШАНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Аннотация: в статье приводятся результаты исследования похоронной одежды и украшений мокшанской женщины с. Адашева Кадошкинского района Республики Мордовии. Данная реконструкция является предположительной, так как многие составляющие мокшанского костюма не могут быть в полном объеме восстановлены, однако представления расположении украшений и сохранности одежды создает основу для последующей смысловой интерпретации костюма. Привлечение этноархеологических источников позволяет реконструировать особенности украшений и костюма.

Ключевые слова: этноархеология, погребальная одежда, украшения, реконструкция, обычаи, традиции.

Tatiana Ivanovna Yangaikina
Government Research Institute
for the Humanities
Republic of Mordovia
Saransk

RECONSTRUCTION OF THE FUNERARY COSTUME OF MOKSHA WOMAN

Abstract: the article conveys the results of a study of the funerary costume and decoration of Moksha women from the village of Adasheva in the Kadoshkinskii District of the Mordova Republic. This particular reconstruction is tentative since many elements of the Moksha costume could not be recreated in their full scale, however ideas about the placement of jewelry and the preservation of clothing creates a basis for the semantic interpretation of the costume

that follows. Consultation of ethnoarcheological sources makes it possible to reconstruct the distinctive features of decoration and costume.

Keywords: ethnoarcheology, funerary costume, jewelry, reconstructions, customs, traditions.

С древних времен у различных этносов важное значение имела похоронная одежда умершего человека. Не является исключением мокшанское одеяние покойного *кулома одежат*, различные украшения, вещи и предметы. Рассмотрим погребальный наряд мокшанки с. Адашева по археологическим находкам П.Д. Степанова [11]. Эти находки являются единственным достоверным источником для воссоздания украшения для волос пулокеря, лопастных украшений и т.д.

Гардероб покойника – это не просто вещи, прикрывающие тело, они несут в себе особый ритуал и традицию. Мы не знаем дату кончины и заранее не готовим погребальную одежду, об этом заботятся родственники, потерявшие близкого человека. Мордва всегда старалась одевать покойного в новую одежду, однако, учитывая финансовую сторону, допускались и ношенные вещи. И. Лепехин информирует: «...женский пол снаряжают во гроб во все то платье, какое нашивали в праздничные дни» [5, с. 177]. Солидарен с такой точкой зрения Ю.А. Зеленев: «умерших людей хоронили, как правило, в праздничной одежде» [4, с. 254]. Данная тенденция сохранилась и в наши дни. Когда уходит в мир иной молодая незамужняя девушка, то чаще всего её хоронят в подвенечном платье. Так было и у мордвы, особый своеобразный колорит вносили в погребальный гардероб девушки: «...ее наряжали в лучшие одежды, повязывали платком, надевали украшения: бусы, браслеты, серьги» [10, с. 55]. Изучая погребальный обряд марийцев, Н.С. Попов писал: «У мари и мордвы умершей девушке клали в гроб женский головной убор» [9, с. 161].

Мы не имеем возможности представить или реконструировать костюм мокшанки как целый образ, так как в погребении он не сохранился, однако сопоставляя этнографические и археологические данные и сведения информаторов, можно смело утверждать, что мокшанскую женщину хоронили в национальной одежде. Для подтверждения этого приведем воспоминания информатора В. Шиндяковой: «В с. Адашеве в 1994 г. в комплект похоронной одежды Пелагеи Парфеновны Рождайкиной (1912 г.р.) входила белая холщевая рубаха, была с вышивками на рукавах и на подоле бледно-розового цвета. Внизу подола сшита бледно-красная тесьма «кайтан» или «покронка». Поверх панара одели сапоню с рукавами темных тонов. На голову повязали белый нижний и темный верхний платки. На ноги одевали чулки и тапочки. В гроб никаких предметов не клали» [8]. Есть примета, что украшения умершего человека принято не снимать, родственники боялись их носить, чтобы не привлечь на себя

смерть или какой-нибудь недуг. Нужно отметить, что сегодня такой ритуальный костюм в данной местности не совсем вышел из обихода, старое поколение предпочитает придерживаться традиции.

Переходим к описанию украшений, присутствующих в погребении и их расположение в порядке ношения, исходя из того, что их достаточно много в могиле. Как правило, женская рубаха имеет треугольный вырез на груди спереди. Для застегивания этого разреза применяли различные сюлгамы – нагрудные и нашейные. Нагрудные застёжки – сюлгамы бывают двух типов: круглопроволочные и лопастные. Наиболее распространенный тип сюлгам «кольцевые с завернутыми в виде колец концами» [2, с. 152]. Целый набор сюлгам присутствует в погребении, описанном в отчете П.Д. Степанова: «Сюлгама лопастная, литая, бронзовая, с ярко выраженным веревочным орнаментом. Рисунок обычный, боковых петель не имеет – с обратной стороны сохранился вдоль края рисунок веревочки размером общей длиной 6,9, лопасти 2,9, ширина 4,2 кольца. Сюлгама лопастная литая бронзовая с обычным орнаментом и 6-ю петлями. Размер общей длины – 4,5, лопасти 2,5, ширина 3,5, кольца 1,8. Сюлгама лопастная, литая, бронзовая, с обычным рисунком и 6-ю петлями без язычка. Размер общей длины 4,8, лопастей 2,8, шириной 3,6, кольца 2,0. Сюлгама кольцевая овальной формы с глазками по концам, из гладкой проволоки. Глазки из темно-синего стекла в бронзовых футлярчиках, укрепленных при помощи скобочек на расплющенных концах. На игле сохранились остатки нагрудной вышивки по холсту из черной и красной шерсти, причем к самому разрезу располагалась вышивка черной шерстью. На нижней части сюлгамы остатки бронзовой проволоки, которой были прикручены железные цепочки. Длина – 7,5, ширина – 6,8. Сюлгама кольцевая проволочная железная. Концы расплющены, и в обоймочки вставлены половинки голубоватых бусинок. Лежала на нижней части груди. Сохранность плохая. Сюлгама кольцевая проволочная железная. Концы расплющены и завиты трубочкой. Сохранность плохая. Обломки скипевшихся железных проволочных цепочек от украшения нагрудного сюлгама и разные бусы в количестве 69 штук, целых 3 штуки, изломанных и 1 штука сломанной «кумбрия». Бусы преимущественно стеклянные. Часть сплюснутых продолговатых, часть в форме малины, часть граненных из желтого стекла и часть круглых разноцветных, одна бусина с волнистым орнаментом белого цвета. Здесь же черная пуговица ботиночного типа без ушка. Кроме сюлгам в погребении имеются и другие украшения: привеска, ленточка в виде тесьмы, разноцветные бусы. Привеска в виде кисточки из пучка красных ниток, обмотанная бронзовыми нитками. Длина 6,5. Остатки расшитой черной и красной шерстью ткани, с остатками плетённая из шерстяных ниток и канителей (очень тонкая металлическая нить для вышивания) в виде тесьмы. Четыре различные по форме бусины,

черная, красная, серая, зеленоватая. Найдены у левой руки под пулокерью. Бусы продолговатой сплюснутой формы из зеленого стекла, покрытые патиной, 5 штук. Лежали около сюлгамы. Бусы разные по форме и из разного материала 16 штук. Лежали на правой стороне нижней части груди поблизости от сюлгамы. Здесь же лежала вещь из белого и темно-синего бисера. Всего собранного бисера около 50 грамм» [11].

Статус женщины определяет наличие различных украшений. Однако «не всегда авторы раскопок могли определить в полевых условиях возраст погребенных. Сложности с выделением возрастных групп не позволяют, например, провести точную грань между костюмом девочки-подростка и девушки...» [7, с. 209]. По этнографическим данным известно, что костюм и украшения различались в зависимости от возраста человека, материального положения семьи и предназначения самого костюма. Ношение полного комплекта украшений было характерно лишь для определенного периода в жизни женщины, например, в нашем случае мы можем утверждать, что погребенная женщина является молодой незамужней девушкой, на что указывает наличие украшения для волос – *пулокеря*. Как известно, «накосник был символом девичества. Перевести девушку в социальную группу женщин можно было путем перемены прически и изъятия накосника, который затем передавался (иногда вместе с клоком волос) младшей сестре» [12, с. 247]. В прошлой жизни девушки обычно плели одну косу, выпуская её на спину, украшая фигурными привесками, лентами. И. Ястребов писал: «У девиц коса убирается плоскими медными пуговицами, начиная от корня косы до самого конца так, чтобы пуговицы были неодинаковой величины, а постепенно коими пуговицами коса унизывается в виде чешуи, накладывая край меньшей пуговицы на большую. Унизанную косу привязывают на спине к поясу» [6, с. 8]. Нужно отметить, что Адашевский могильник имеет аналогии с Русско-Маскинским захоронением, относящимся к XVII–XVIII вв. (так, в составе вещевого инвентаря в наличии пулокерь) [1, с. 67]. П.Д. Степанов определяет пулокерь как разновидность головного убора. Это ошибочное мнение. Не только мы, но и многие учёные (Т.А. Шигурова, И.М. Петербургский, В.И. Вихляев, Ю.А. Зеленева и др.) выделяют пулокерь в группу украшений для волос. Говоря современным языком, данная вещь предназначается для убранства волос. «Пулокери (накосники) представляли собой различную в сечении проволоку, которую навивали на лубяной или кожаный футляр, в котором, в свою очередь, находилась коса. Иногда футляр обматывался кожаным ремешком, который также, в свою очередь, был обмотан тонкой бронзовой проволокой» [3, с. 26].

Выше нами отмечено, что пулокерь является украшением незамужней женщины. Об этом заявляет Ю.А. Зеленева: «В Ефаевском могильнике наблюдается любопытная закономерность обряда – при наличии пу-

локеря (накосника) глиняная посуда ставилась в ногах у погребенной женщины (таким же образом помещен сосуд в погребении №290 Кельгининского могильника, в котором пулокерь присутствовал), в захоронениях без пулокеря глиняная посуда ставилась у головы. Видимо, есть какие-то различия в погребальном обряде незамужней женщины (с пулокерем) и замужней женщины (без накосника)» [4, с. 254]. С уверенностью можно констатировать, что пулокерь предназначалась для не замужней девушки.

По описанию П.Д. Степанова, пулокерь выглядит следующим образом: «деревянный футляр в виде трубки с расширяющимися концами, составлен из двух половинок. Расширенные концы снаружи сбиты были мелкими гвоздиками. С наружной стороны футляр был обмотан сплошь в один ряд тонкой медной проволокой. С одного конца в футляр был вставлен конец толстого пучка толстых шерстяных ниток черного цвета, привязанных к деревянной палочке, служившей как бы клином. Наружу выходили два пучка тех же ниток, заплетенные в косы в три пряди. Длина сохранившейся части прядей около 16,0, часть, сохранившаяся в футляре, имеет длину 8, а длина кольщика 14,5. Одна часть футляра была пустая. Длина футляра 18,0, толщина стенки на концах 1,5, в середине 0,5. Диаметр конца трубки 30,0, в середине 14,6. «Пулокерь» лежала вдоль левой плечевой кости. Продолжением его в сторону затылка была масса шерстяных ниток, заплетенных в такие же косы, как и около концов футляра. Поперек всей массы сверху лежала тесьма, плетенная елочкой из красной шерсти, обшитая сверху полоской канители, плетеной елочкой» [11].

Таким образом, сравнивая археологические, этнографические сведения и воспоминания информаторов, мы представили реконструкцию находок из древнего мордовского могильника «Сире Калма». Основными характерными этнографическими чертами костюма мокши до XIX в. являются головной убор, украшение косы – пулокерь, сюлгамы и бусы.

Литература

1. Аксенов В.Н. Новые археологические памятники Примокшанья / В.Н. Аксенов, В.Д. Артемова, В.И. Вихляев, Ю.А. Зеленева // Краеведческие записки / Мин-во культуры Мордов. АССР, Респ. краев. музей Мордов. АССР. – Саранск, 1987. – Вып. 1. – С. 50–106.

2. Аксенова Т.В. Поселение Шаверки IV / Т.В. Аксенова, Ю.А. Зеленева, А.Г. Шакиров // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тысячелетия до н.э. – I тысячелетия н.э. – Йошкар-Ола, 1990. – С. 147–165.

3. Вихляев В.И. Мордва / В.И. Вихляев, И.М. Петербургский // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и лит. УрО РАН, 1999. – С. 119–160.

4. Зеленева Ю.А. Очерки этнокультурной истории Поволжья XIII–XV вв.: Моногр. / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2013. – 328 с.

5. Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и Академии Наук адъютанта И. Лепехина по разным провинциям Российского государства, в 1768 и 1769 году. – СПб., 1771. – Ч. 1. – С. 136–177.

6. О народностях Европейской России // И. Ястребов. Мокша или этнографическое описание мордвы Пензенской губернии Нижнеломовского уезда села Муромки. 1854 г. 23 л. // Архив Русского Географического общества. Разр. 53. Опись 1. Дело 47.

7. Павлова А.Н. Реконструкция элементов костюма волжских финнов по археолого-этнографическим материалам как основа семантического исследования // Изв. Алтайского гос. ун-та. – 2008. – 4/3. – С. 205–210.

8. ПМА: Шиндякова Валентина Викторовна, 1939 года рождения, с. Адашево Кадошкинского района Республики Мордовия, записи 2014 г.

9. Попов Н.С. Погребальный обряд марийцев в XIX – начале XX вв. // Археология и этнография Марийского края. – Йошкар-Ола, 1981. – Вып. 5. – 208 с.

10. Секторов П. Погребальные обычаи мордвы. XXVIII, 10, 1856. Пенз. губ. вед., Мокшанский у., с. Вазерок.

11. Степанов П.Д. Краткий отчет о работе Археологической экспедиции Мордовского научно-исследовательского института социалистической культуры, производившей разведки в Ковылкинском, Инсарском и Кадошкинском районах МАССР. 25 мая – 6 июня 1940 г.

12. Шигурова Т.А. Этносоциальные функции традиционной женской одежды в обычаях и обрядах мордвы: Дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2002. – 321 с.

СЕКЦИЯ 3

НАРОДЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Абдуганиев Назиржон Насибжонович
аспирант отдела этнографии и этнологии
ГКУ РМ «Научно-исследовательский
институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия»
г. Саранск

К ИСТОРИИ КЛУБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МОРДОВИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ СМИ

Аннотация: досуг как деятельность обладает обширной типологией и может рассматриваться с разными задачами в контексте исторических и социальных наук. Местом реализации социально-культурных, досуговых инициатив выступают учреждения культуры: КДЦ, библиотеки, музеи, клубы. В статье впервые предпринята попытка рассмотреть аспекты реализации социально-культурных, досуговых инициатив учреждениями культуры по публикациям в газетах «Красная Мордовия» (далее «Советская Мордовия», ныне – «Известия Мордовии») (1947–1970 гг.). Содержащаяся в них информация об условиях, осуществляющих досуговую деятельность (открытие и работа клубов, изб-читален, сельских библиотек и т. д.), характер художественной самодеятельности и её репертуар, активность участников и т. д. показывает, что культурно-досуговые учреждения неустанно пропагандируют идеи мира, дружбы и сотрудничества между всеми народами многоэтничной Мордовии.

Ключевые слова: учреждения культуры, история, досуг, деятельность, газета, «Красная Мордовия», «Советская Мордовия», мир, дружба.

N.N. Abduganiev
Government Research Institute
for the Humanities
Republic of Mordovia
Saransk

ON THE HISTORY OF CLUBS AND CULTURAL INSTITUTIONS IN MORDOVIA BASED ON MASS MEDIA MATERIALS

Abstract: leisure as an activity has an extensive typology and can be viewed for various purposes in the context of the historical and social sciences. Cultural institutions – cultural centers, libraries, museums and clubs – are the

main sites for the realization of socio-cultural and leisure initiatives. the article for the first time attempts to consider aspects of the implementation of socio-cultural and leisure initiatives by cultural institutions on the basis of publications in the newspapers “Red Mordovia” (1947–1970), which later became “Soviet Mordovia” and is now “News of Mordovia.” the information contained in these publication about the conditions of leisure activities (opening and activities of clubs, reading rooms, rural libraries, etc.), the nature of amateur art and its repertoire, the activity of participants, etc.) shows that cultural and leisure institutions constantly promote the ideas of peace, friendship and cooperation among all the peoples of multiethnic Mordovia.

Keywords: cultural institutions, history, leisure, activity, newspaper, «Red Mordovia», «Soviet Mordovia», peace, friendship.

Основное внимание учёные уделяют культуре в связи с её функциональной ролью в жизнедеятельности человека, преследующего свои интересы. Они считают, что культура есть результат, воплощение в ценностях имманентной способности человека придавать смысл своему «рацио». Исследователи указывают, что цивилизованность общества зависит от состояния социокультурной системы, культурного уровня народа [5, с. 4]. Слово «культура» в переводе с латинского означает возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание, т.е. совокупность созданных человеком в ходе его деятельности и специфических для него жизненных форм, а также самый процесс их созидания и воспроизводства. Региональная культура (сельская культура) – это пространство, местность, связанная с историей живущего там народа, опирающегося на материнскую культуру. В первой половине XX столетия сельская культура России менялась, перестраивалась неоднократно. К середине XX в. стало ясно, что самой незащищенной в условиях исторических ломок оказалась деревня и её жители. Культура региона любого ранга (в данном случае села Мордовии) уникальна. Поэтому период 1945–1985 г. у учёных вызывает особый интерес, именно в это время в Советском Союзе были достигнуты высокие результаты в развитии экономики, науки, культуры [5, с. 3]. В последние годы по вопросам деятельности культурно-просветительских учреждений стали публиковаться монографии, отдельные статьи, в которых в определенной мере находят отражение культурные процессы, происходящие на селе [3–5; 10–12]. Но по-прежнему важным составным компонентом исследования происходящих в стране социально-культурных процессов является учёт исторического опыта её национальных регионов. В этом плане особого внимания заслуживает анализ развития культуры и выявление особенностей социально-культурного облика сельского населения Мордовии к исторической перспективе [5, с. 3].

Профессор, этнограф В.К. Малькова пишет: «Этническая информация, передаваемая СМИ, может выполнять очень гуманную, толерантную

миссию. Она просвещает людей, информирует их, развлекает, организовывает на добрые дела и выполняет ещё ряд других полезных функций. Из этого источника люди узнают много нового о других народах, и это воспитывает у читателей, слушателей, зрителей интерес и уважение к ним, к их жизни и достижениям. Позитивная этническая информация о собственном народе также важна: она способствует формированию этнического самосознания, уважительного отношения к своей этнической общности, к своему этническому или национальному достоинству. Кроме того, толерантная этническая информация способствует формированию массовых позитивных представлений людей в области межнациональных отношений» [9, с. 137]. Нередко в российских республиках журналисты показывают об успехах «своих» этносов в прошлом и об их интересах в настоящем и будущем, реконструируется или романтизируется их историческое прошлое [9, с. 139, 140]. И нам это высказывание понятно, так как традиции народов Республики Мордовия продолжают свое развитие и приобретают особую ценность. Общество заинтересовано в эффективном использовании свободного времени людей в целях социально-экономического развития духовного обновления жизни. На содержание и «формы культурной деятельности в сфере досуга существенное влияние оказывают принадлежность человека к определенной социальной и национальной группе. Если обратится к современной социально-культурной ситуации, досуг предстает как общественно осознанная необходимость. Досуг как деятельность обладает обширной типологией и может рассматриваться в контексте исторических и социальных наук с рассмотрением разных задач. Местом реализации социально-культурных, досуговых инициатив постоянно выступали и выступают учреждения культуры: КДЦ, библиотеки, музеи, клубы.

В этой статье впервые предпринята попытка рассмотреть аспекты реализации социально-культурных, досуговых инициатив учреждениями культуры по публикациям в СМИ (1947–1970 г.). Информация газеты «Красная Мордовия» (далее «Советская Мордовия», ныне – «Известия Мордовии») посвящена развитию культуры села в различные периоды социалистического строительства. В них прослеживаются условия, осуществляющие досуговую деятельность (открытие и работа клубов, издательств, сельских библиотек и т. д.), характер художественной самодеятельности и её репертуар; активность участников и т.д. Вопросы по досуговой деятельности в сельской и городской среде регулярно освещали селькоры, фотокорреспонденты, работники органов власти и т. д. Извлеченный материал расположен по хронологии.

1947 год. «Краснослободск. Клубы и избы-читальни становятся центром культуры села...» [13]. В мордовском с. Кечушево Козловского р-на отстроен новый клуб [14].

1949 год. «16 сельских драматических кружков Ардатовского района готовятся к смотру сельской художественной самодеятельности, который будет проходить в конце января. ... В селах района идёт подготовка к республиканскому смотру художников-самоучек. К смотру готовятся новые картины и разнообразные рукоделия» [2].

1950 г. Из выступления А. Киселёва – Заместителя председателя Совета Министров МАССР в докладе, посвященном 20-летию Мордовской АССР «Культурное строительство Советской Мордовии» (Сов. Мордовия), говорится, что культурно-просветительная работа является неотъемлемой частью работы по воспитанию трудящихся. Дома культуры, клубы, избы-читальни, библиотеки, кинотеатры и радиовещание активно содействуют выполнению хозяйственно-политических задач. В 1914 г. на территории Мордовии было всего лишь 6 киноустановок, 5 клубов и 4 библиотеки. В 1949 г. Мордовская АССР имеет 32 районных дома культуры, 6 городских клубов, 3 музея, 432 избы-читальни, 129 государственных библиотек. Книжный фонд библиотек составляет 700 тыс. томов. ... В 1949 г. при культпросветучреждениях работали 389 кружка, в т.ч. они проводят информацию о достижениях науки и культуры. При избах-читальнях ведут работу 475 агрозоветкружков. Ими охвачено 3116 труженников колхозного полеводства и животноводства. В 1940 г. было 6 городских, 30 сельских и колхозных кинотеатров и 30 кинопередвижек. В 1949 г. стало 9 городских, 60 сельских и колхозных кинотеатров. 137 звуковых передвижек и 9 ведомственных киноустановок. Республика имеет мощную радиовещательную станцию. 56 радиоузлов и десятки тысяч радиоточек и эфирных установок. Рост сети культурно-просветительных учреждений, кино и радио является ярким выражением повышения культурного уровня и удовлетворения духовных потребностей запросов трудящихся... На территории Мордовии в настоящее время издается 3 республиканские газеты, 1 городская, 32 районных и 1 многотиражка с разовым тиражом 109525 экз. Кроме того, издаются альманахи: «Сяськома» («Победа»), «Изнямо» (Победа) и «Литературная Мордовия» [7].

1950 год. «Из года в год растет культура села Енгальчева Дубенского района. В этом году в селе открыта сельская библиотека, она уже насчитывает 337 читателей. Есть свой сельский клуб на 300 мест.. в клубе и избы-читальне стало больше посетителей. Там можно культурно отдохнуть, послушать радио, почитать газеты, поиграть в настольные игры. При клубе созданы хоровой и драматический кружки [17]. «Большой, на 250 мест клуб в с. Бабеево Темниковского района – любимое место отдыха сельчан. По вечерам колхозники слушают здесь радио, играют в бильярд, шашки, домино. Лекции устраиваются 4–5 раз в месяц и у них большое количество слушателей. ... Значительно улучшилась за время конкурса работа самодеятельности» [1].

1954 год. Из выступления Министра культуры МАССР И. Кшнякина: «... Чем выше культурный уровень и сознательность рабочих, колхозников и интеллигенции, тем плодотворней их созидательный труд. Вот почему необходимо резко улучшить культурный уровень народа. ... Создана широкая сеть учреждений культуры на селе. Только в системе Министрства культуры Мордовии сейчас работает 32 районных дома культуры, 440 сельских клубов... Более года назад всеми учреждениями культуры объединено в одно Министерство культуры МАССР. Это дало несколько улучшить культурное обслуживание населения республики. В республике учреждениями культуры проведено 2 крупных мероприятия: смотры сельской художественной самодеятельности, а также районные и городские праздники песни, в которых участвуют около 30 тыс. чел. Благодаря этому более 15 тыс. чел сейчас принимают участие в драматических, хоровых, музыкальных, хореографических кружках и духовых оркестрах» [8].

1957 год. До революции на территории Мордовии культурно-просветительных учреждений почти не было. Тогда насчитывалось шесть кинотеатров, четыре библиотеки, и пять клубов. ... Сейчас – 34 районных дома культуры, 610 клубов, 460 библиотек и более 300 киноустановок, состоящих на государственном бюджете. Кроме этого, имеются профсоюзные клубы, киноустановки, ведомственные библиотеки. В 1957 г. в саранском кинотеатре «Октябрь» оборудована широкоформатная киноустановка. Сеть культпросветучреждений с каждым годом расширяется не только за счет государственного строительства, но и за счет местных средств. Рост экономики колхозов позволяет в корне улучшить культурно-бытовые условия населения. Только в 1955 г. построено 35 колхозных клубов, а в 1956 – ещё 50. В 1957 колхозы развернули строительство 100 клубов... Всего в республике насчитывается 1523 самодеятельных коллектива, объединяющие свыше 193 тыс. чел. [15].

1963 год. Т. Зуева – Министр культуры РСФСР: «Народы Российской Федерации вместе со всеми советскими народами, спаянные нерушимой дружбой, самоотверженно борются за новый подъем промышленности и сельского хозяйства, за дальнейшее повышение материального состояния и культурного уровня трудящихся». Во всей культурно-воспитательной работе большая роль принадлежит клубным учреждениям. В РФ насчитывается 65 тыс. дворцов и домов культуры, сельских и колхозных клубов. Они неустанно пропагандируют идеи мира и сотрудничества между всеми народами [6].

Фотоснимки показывают события культурной жизни многоэтнической Мордовии. В рубрике «Хроника культурной жизни» приводится фотоснимок: «Учащиеся 7–8 классов Аксельской школы Пурдошанского района исполняют молдавский танец» [19]. «На днях Татарский государственный театр оперы и балета поставил в Саранске балет Ф. Яруллина «Шурале»...

Творческий коллектив театра сумел донести до зрителя, что главным героем в балете «Шурале» является народ-победитель» (1953 г.) [16]. На другой фотографии члены хореографического кружка: Сидорова, Чигирев и Есина исполняют украинский танец [20]. Фото Ш. Базаева красочно погружает нас в мир мордовского танца [18].

Таким образом, в первой половине XX столетия сельская культура России менялась, перестраивалась. Изучаемый период вызывает особый интерес: именно в это время в Советском Союзе были достигнуты высокие результаты в развитии культуры. В последние годы по вопросам деятельности культурно-просветительских учреждений публикуются монографии, отдельные статьи, в которых в определенной мере находят отражение культурные процессы, происходящие на селе. Но по-прежнему важным составным компонентом исследования происходящих в стране социально-культурных процессов является учёт исторического опыта её национальных регионов. Культурно-досуговые учреждения неустанно пропагандируют идеи мира, дружбы и сотрудничества между всеми народами. Региональные газеты подтверждают события культурной жизни многоэтничной Мордовии (например, в рубрике «Хроника культурной жизни» и др.), где приводятся статьи, фотоснимки не только исполнения песен, но и танцев народов разных национальностей. Народы Мордовии издавна живут в добрососедстве. В этом заслуга культурно-досуговых учреждений, история становления которых отражена в публикациях газеты «Красная Мордовия» (ныне – «Известия Мордовии»).

Литература

1. Брейкин С. Культурный центр села // Советская Мордовия. – 25.06.1950.
2. Егоров Н. В сельских клубах и избах-читальнях готовятся к смотру художественной самодеятельности // Красная Мордовия. – 12.01.1949.
3. Житаев В.Л. Вопросы ликвидации неграмотности в Мордовии // Историко-культурное развитие народов Среднего Поволжья. – Саранск, 2004. – С. 222–226.
4. Житаев В.Л. Развитие культуры в Мордовии (1960–1971 г.). – Саранск, 1985.
5. Житаев В.Л. Культура советской деревни Мордовии (1945–1985 г.) / В.Л. Житаев, А.В. Ломшин, В.А. Ломшин, Т.И. Макайкина. – Саранск, 2014.
6. Зуева Т. Расцвет культуры народов Российской Федерации // Советская Мордовия. – 25.02.1963.
7. Киселёв А. Культурное строительство Советской Мордовии // Красная Мордовия. – 05.01.1950.
8. Кшнякин И. Повысить уровень работы сельских учреждений культуры // Советская Мордовия. – 28.09.1954.
9. Малькова В.К. Этничность и толерантность в современных российских СМИ // ЭО. – 2003. – №5. – С. 137.
10. Маресьев В.В. Роль средств массовой информации Мордовии в развитии национальной культуры // Историко-культурное развитие народов Среднего Поволжья. – Саранск, 2004. – С. 320–322.

11. Никонова Л.И. Библиотеки в гармонизации межэтнических отношений и развитии национальных культур // Матер. V муниц. науч.-практ. конф. с респ. участием «Образование и воспитание школьников в условиях поликультурного региона» (18 декабря 2016 г., МБОУ «СОШ №9»). – Рузаевка, 2016. – С. 2–10.

12. Никонова Л.И. Культурно-познавательная анимация в гармонизации межэтнических отношений и развитии национальных культур: к перспективе деятельности библиотек Республики Мордовия // Социально-культурная анимация: от идеи к воплощению: Матер. X Междунар. форума (22–23 апреля 2016 года, Москва). – М., 2017. – Вып. 10. – С. 156–165.

13. Оживилась работа клубов и изб-читален // Красная Мордовия. – 26.11.1947.

14. Отстроен новый клуб // Красная Мордовия. – 16.02.1947.

15. Рубрика «Хроника жизни». Театры, клубы, печать, радио... // Советская Мордовия. – 20.10.1957.

16. Татарский национальный балет. Фото // Советская Мордовия. – 29.07.1953.

17. Толстов Д. Культурные очаги готовы к зиме // Красная Мордовия. – 10.10.1950.

18. Фото Базаев Ш. // Советская Мордовия. – 03.12.1957.

19. Фото: молдавский танец // Советская Мордовия. – 27.06.1954.

20. Фото: украинский танец // Советская Мордовия. – 12.02.1954.

Блиняев Семен Николаевич

Широков Олег Николаевич

Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

ИМЕННЫЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ КАЗАНСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

Аннотация: в статье дается краткий обзор региональной историографии проблемы благотворительности именных комитетов. Предмет исследования рассматривается на основе неопубликованных архивных и опубликованных печатных источников, дающих исчерпывающе полное представление о создании и благотворительной деятельности именных комитетов императорской династии, частных лиц на территории Чувашии в годы Первой мировой войны. Уделено внимание направлениям, видам и формам их деятельности.

Ключевые слова: комитеты императорской фамилии, благотворительность, Дамский комитет, государственные и общественные благотворительные учреждения, Российский Комитет Красного Креста, милосердие, инвалиды.

Semen Nikolayevich Blinyaev

Oleg Nikolayevich Shirokov

I.N. Ulyanov Chuvash State University

Cheboksary

**IMPERIAL NAMED CHARITY COMMITTEES
IN KAZAN AND SIMBIRSK PROVINCES
DURING THE FIRST WORLD WAR**

Abstract: the article gives a brief overview of the regional historiography of the problem of imperial named charity committees. the subject of the study is considered on the basis of unpublished archival and published printed sources, giving a comprehensive picture of the establishment and charitable activities of the named committees of the Imperial dynasty, as well as the charitable work of private individuals in the territory of Chuvashia during the First World War. Attention is paid to the directions, types and forms of these activities.

Keywords: Committees of the Imperial family, charity, the Ladies' Committee, state and public charitable institutions, the Russian Committee of the Red Cross, charity, and invalids.

В научной среде нет специальных работ, посвященных деятельности именных благотворительных организаций императорской фамилии, частных лиц и учреждений опеки, находившихся под покровительством царственных особ на территории Чувашского края в годы Первой мировой войны. Имеются лишь отрывочные сведения в работах А.Г. Николаева, А.В. Изоркина, сотрудников чувашского здравоохранения М.А. Бреткиной, Е.А. Ванюшкина, В.Ф. Шибяевой и коллективной монографии, посвященной истории города Чебоксары под редакцией И.И. Бойко. Незнученность вопроса придает новизну исследованию данной проблематики и делает её весьма актуальной. Цель настоящей статьи авторы видят в попытке рассмотреть на основе архивных и опубликованных печатных источников вопрос о масштабах, формах и сроках предоставления благотворительной помощи инвалидам, раненым, больным, беженцам, воинам действующей армии именованными комитетами императорской фамилии и частных лиц. В научный оборот были введены многочисленные архивные документы фондов №46, 79, 82, 86, 507 ГИА ЧР, фондов 76 и 636 Государственного архива Ульяновской области, позволившие написать данную статью. Данное исследование осуществлено на основе анализа законов, указов и циркуляров центральной власти, входящих и исходящих документов именованных комитетов императорской фамилии, отношений и распоряжений городских, земских управ и волостных правлений.

Милосердная деятельность представительниц правящей династии дома Романовых в Российской империи, сближая власть и народ в испытаниях военного времени, являлась мощной нравственной и консолидирующей силой [10. С. 84]. В рассматриваемый период на территории Чувашии были организованы и действовали множество именных благотворительных комитетов Императорской фамилии. 14 сентября 1914 г. был основан особый именной комитет под председательством «Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны», дочери последнего императора династии Романовых Николая II, целью которого было оказание помощи беженцам, их регистрация, размещение, трудоустройство и содействие отправлению на родину или в другое место постоянного жительства. Татьянинский Комитет оказывал временную помощь беженцам, открывал сиротские приюты и другие благотворительные организации для перемещенных лиц, утративших трудоспособность, содействовал устройству их в богадельни. Попадали в сферу его деятельности также раненые солдаты. Комитет учредил Центральное Всероссийское Бюро по регистрации беженцев, создав в провинции отделения из местных землевладельцев, учителей и священников. Так, например, уездное отделение в г. Алатыре возглавил П.Ф. Соловьев, председателем Буинского уездного отделения стал В.Л. Персиянинов. В сельской местности при Буинской земской управе возникли волостные комитеты: на ст. Батырево (председатель Г.Т. Степанов), Муратовский на ст. Тучаево (председатель К. Васильев), Турганкасинский (В.Е. Нелидов), Хомбусь – Батыревский на ст. Ибреси (Г. Мамонтов), Шихиардановский на ст. Батырево (Бурнашев); при Алатырской земской управе – Кладбищенский (Н.Я. Астафьев) и Промзинский (М.М. Андреев) [1. Д. 1153. Л. 3, 55, 58]. Розыском потерявшихся детей беженцев занимался Особый отдел Комитета. Согласно выписке из доклада председателя Комиссии об удовлетворении нужд беженцев А.О. Кони Особому Совещанию по устройству беженцев полная несогласованность действий военных и гражданских властей по эвакуации и направлению беженцев в определенные места жительства и «резкие беспорядки» на железных дорогах, выразились в огромном количестве детей, потерявших родителей в местах стоянки поездов, отходивших со станций без всякого предупреждения. По сведению Бюро Латышской национальной организации в Риге, Валке, Вендене за «первые 7 недель движения беженцев» было сделано 2504 заявления о пропавших детях, в результате розысков которых за тоже время были найдены родители в 1070 случаях [1. Д. 1153. Л. 20]. Всего до 18 января 1916 г. в стране было произведено 12649 розыска потерявшихся детей, из которых Особым отделом Татьянинского комитета найдено 6299 человек, а Бюро Городского и Земского Союзов – 3696 [1. Д. 1153. Л. 30–30 об]. Вскоре в Алатыре Комитетом был открыт городской детский приют [Там же. Л. 58]. На свои средства Комитет выпускал справочник, где содержалась информация обо

всех правительственных, общественных и частных организациях, оказывавших помощь беженцам [5. Д. 1383. Л. 26; 6. Д. 1008. Л. 153]. Комитет организовывал выставки «беженских изделий», выполненных кустарным способом в мастерских, на заводах и других промышленных предприятиях. Одна из таких выставок должна была пройти 1 января 1917 г. На ней были собраны «всевозможные предметы, изображающие скорбный путь беженца под напором врага» и его водворение на новом (временном) месте жительства, т. е. различные фотографии, альбомы, диаграммы и картограммы, в особенности по школьной, санитарной и строительной отраслям. Перечень образцов работ беженцев на выставку по тематике был следующим: 1) женское рукоделие; 2) белье и одежда; 3) обувь из кожи, дерева, веревок, лыка; 4) переплетное и картонажное дело; 5) столярное и токарное ремесла; 6) ткацкое и текстильное дело; 7) слесарное и кузнечное дело; 8) корзиночное и кулечное ремесла; 9) злаки и семена с ферм и участков, нанятых для беженцев; 10) военная оборона; 11) произведения искусства и учебные пособия [5. Д. 1387. Л. 221–223 об]. Для ведения своей деятельности комитет использовал пожертвования, субсидии губернских отделов комитета и суммы, полученные от продажи открыток, флагов, лотерей и показа спектаклей. Уже 31 октября 1914 г. Цивильская городская дума перевела 100 руб. из запасного капитала города на лицевой счет Татьянинского комитета по оказанию помощи «пострадавшим от военных бедствий» [4. Д. 364. Л. 306]. Чебоксарская городская управа в январе 1915 г. сделала отчисление Комитету в размере 25 рублей [5. Д. 1358. Л. 133]. Такое же пожертвование в 25 рублей сделала в пользу комитета Чебоксарская городская дума в сентябре 1915 г. [5. Д. 1358. Л. 387]. Всего же с 20 октября 1915 г. по 1 января 1918 г. на счет Чебоксарского уездного отделения Всероссийского комитета помощи пострадавшим поступило денежных средств на сумму 6497 руб. 28 коп. [5. Д. 1424. Л. 1]. Источниками финансирования были следующие организации и их благотворительные акции: 1) Казанское губернское отделение Комитета выделило 5998 руб. 80 коп. на оказание первой помощи беженцам, содержание школы для их детей и закупку белья и одежды; 2) Чебоксарская земская управа назначила пособий на сумму в 100 рублей; 3) Мариинско-Посадский комитет помощи беженцам постановкой концерта 12 января 1916 г. выручил от продажи билетов 83 руб. 34 коп.; 4) заведующие Икковским двухклассным, Карачевским двухклассным училищами и член Чебоксарского отделения Комитета А.И. Морозов организовали постановку спектаклей и литературно – музыкального вечера, которые принесли благотворительных сборов на сумму 219 руб. 29 коп.; 5) Покровское волостное правление отправило Комитету 23 января 1917 г. сумму в размере 88 руб. 11 коп., полученную от продажи хлеба и холста; 6) личное пожертвование беженки Федосии Кондратьюк – 8 руб. 64 коп. [5. Д. 1424. Л. 8 об.–9]. Уже с зимы

1914 г. во всех волостях Алатырского уезда шел добровольный сбор денег, хлеба (ржи, овса, муки), холста, белья (нательных рубах), обуви, одежды (полушубков), обмундирования, перчаток и полотенец в помощь жертвам войны и в благотворительные кассы Красного Креста. Одновременно во всех церквях уезда во время литургии производился кружечный сбор деньгами [2. Д. 4. Л. 3–28, 37]. Благотворительная деятельность шла и в Козьмодемьянском уезде. Так, 5 января 1916 г. Козьмодемьянское отделение Комитета просило Янгильдинское волостное правление «собрать в сбор «Ковш зерна» рожь, ячмень и пшеницу размолоть в муку ... и направить в Козьмодемьянск ... картофель и капусту направить в распоряжение Акрамовского и Сундырского попечительств, которые распределят её между беженцами» [3. Д. 531. Л. 15, 17]. Курмышское отделение комитета имело на балансе к февралю 1917 г. 9802 руб. 50 коп., а Цивильское – 7183 руб 40 коп., из которых на денежные пособия за 2,5 года было выделено 3460 руб. 65 коп. Эти мизерные средства, которыми располагали уездные отделения комитета, не способны были серьезно повлиять на тяжелое финансовое положение беженцев [8. с. 15].

15 января 1915 г. товарищ председателя Скобелевского Комитета, «стоявшего под высочайшим покровительством Его Императорского Величества», генерал-лейтенант Данилов просил П.Ф. Ефремова оказать содействие в распространении иллюстративного издания «Календарь» – «II Отечественная война по рассказам её героев». Комитет занимался выдачей пособий солдатам, потерявшим на войне способность к труду, и весь доход издания шел на устройство и содержание инвалидов домов. Целью издания было «дать действительно художественное, популярно и правдиво изложенное описание текущей великой освободительной войны против германизма, выпавшей на долю исторической защитницы и собирательницы славян, нашей великой родины – России». Текст издания составлялся по подлинным рассказам участников войны известными русскими литераторами, рисунки были выполнены лучшими Петроградскими иллюстраторами и художниками, на основании имевшихся фотографий, по «наброскам и другим бесспорным документам с театра военных действий» [5. Д. 1358. Л. 48–49 об]. Комитет распространял большой календарь с художественно исполненными иллюстрациями «по способу глубокой печати» с портретом «Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича» ценой в 1 руб. 50 коп [5. Д. 1359. Л. 301]. Комитет также выпускал альбом под названием «Зверства противника», издавая его «по образцу лучших английских изданий». Стоимость одного экземпляра составляла 15 рублей [5. Д. 1387. Л. 136–136 об]. По распоряжению П.Ф. Ефремова Чебоксарская городская управа «выкупила» у Скобелевского Комитета четыре «Календаря II Отечественной войны», а полученную сумму в размере 4 руб. 50 коп. перевела на её лицевой счет [5. Д. 1358. Л. 460]. С разрешения губернатора Земским начальником

3-го участка Козьмодемьянского уезда 21–23 апреля 1916 г. был произведен кружечный сбор пожертвований на устройство лечебных здравниц для больных и раненых воинов и приобретение подарков для солдат. Было собрано в пользу больных и раненых воинов 11 руб. 35 коп., а на постройку Дома инвалидов в Казани 16 руб. и «ожидается в текущем году 50 рублей» пожертвований [3. Д. 531. Л. 18, 20].

19 июня 1915 г. крестьянами с. Старые Айбеси и д. Малое Чеменово той же волости было пожертвовано 3 руб. 10 коп. на имя председательницы Комитета по содержанию санитарного поезда имени Русского солдата Татьяны Петровны Мятлевой. Устав Комитета был учрежден 31 октября 1914 г. Петроградским Градоначальником генерал-майором А.Н. Оболенским. Комитет занимался перевозкой с передовых позиций раненых воинов, предоставляя им в пути при санитарной эвакуации уход, «удобства» и профессиональную врачебную помощь. К маю 1916 г. поездом Русского солдата было перевезено около 5 тыс. раненых и больных воинов [7. Д. 36. Л. 72–74]. Из доклада Особого Комитета по усилению военного флота – морского и воздушного, составленного статским советником Андреевым и капитаном 1-го ранга Верховским, от 29 марта 1916 г. видно, что они получили пожертвование от сельских жителей шести волостей Буинского уезда в размере 1300 руб (ныне – Батыревский, Комсомольский, Шемуршинский и Яльчикский районы Чувашской Республики). Председатель Комитета Великий Князь Александр Михайлович сделал распоряжение наградить Муратовскую волость, пожертвовавшую 600 руб. на создание военного воздушного флота, золотым нагрудным знаком, учрежденным 25 июня 1912 г., а Батыревскую, Тархановскую, Шамсинскую, Шемуршинскую и Шихиарданскую волости, собравших по 100 руб., серебряным нагрудным знаком [7. Д. 46. Л. 100–101]. Делались городскими властями пожертвования и на укрепление обороноспособности страны. Так, например, 16 августа 1915 г. Цивильская городская дума ассигновала «из остатков свободного кредита» 100 руб. на «оборудование» в г. Казани завода, занимавшегося изготовлением предметов военного снаряжения [4. Д. 364. Л. 281].

К 21 апреля 1916 г. в г. Симбирске «под Августейшим покровительством Великой Княгини Марии Павловны» были организованы портняжная и сапожная лазаретные мастерские при «трудовом пункте» с привлечением к работам увечных воинов, потерявших одну или обе ноги. Комитет Великой Княгини Марии Павловны занимался заготовкой предметов одежды для увольняемых на родину воинов и учреждением лазаретных мастерских, первые из которых появились в г. Петрограде. Опыт обучения увечных воинов сапожному и портняжному мастерству давал плодотворные результаты: продукция их ремесла находила сбыт при хорошем заработке, возвращая «доблестных защитников родины ... к новой полезной деятельности, ... имеющей огромное экономическое значение» [7. Д. 20. Л. 45–47]. Как видно из

переписки Буинского Воинского Начальника с Тархановским волостным правлением от 2 ноября 1916 г., в уезде шёл набор инвалидов, комиссованных от службы, на двухмесячные курсы при Казанском Промышленном училище по мыловарению и приготовлению колесной мази, ваксы и чернил. «Уволенным вовсе от службы» предлагались также должность учителя гимнастики при Арском высшем начальном училище с окладом жалованья в 160 руб. в год при 4-х часах занятий в неделю и должность сторожа с окладом жалованья в 240 руб. в год «при готовой квартире» с отоплением и освещением. Позже появилась вакантная должность истопника при Казанском Университете с жалованьем 21 руб. в месяц с квартирой для проживания. Здание университета отапливалось централизованно жидким топливом; каждому нижнему чину выдавалась «рабочая пара»: пиджак и шаровары [7. Д. 20. Л. 94].

В Цивильске действовал также «Ольгинский детский приют трудолюбия», названный в честь Великой княжны Ольги Николаевны. В аренду ему был сдан без торгов участок пашенной земли за 30 рублей. Такие обособленные убежища для призрения детей обоего пола, оставшихся без надзора и пристанища, стали организовываться по всей Российской империи после издания Николаем I указа в 1895 г. К 1910 г. в Империи действовало уже 36 приютов. Основной целью созданного приюта было сделать из детей преступников и круглых сирот трудолюбивых и честных людей, знающих «какую-либо отрасль хозяйства или ремесло». Обучали здесь детей грамоте, земледельческим, преимущественно огородным, работам и несложным ремеслам [9]. С 1 января 1915 г. по 1 января 1916 г. в Цивильский приют поступило пожертвований на сумму 771 руб. 39 коп.: пособий от Цивильской уездной земской управы – 250 руб., Цивильской городской управы – 280 руб. 61 коп., волостных правлений – 117 руб. 78 коп., пожертвований от 23 Действительных членов приюта – 115 руб., от председателя Цивильской земской управы Н.А. Абальмова – 5 руб. [4. Д. 380. Л. 57; 16].

Таким образом, в рассматриваемый период на территории Чувашского края филантропической деятельностью занимались, кроме государственных и общественных организаций, именные комитеты императорской династии. Они старались оказывать действенную помощь всем категориям нуждающегося населения, являясь организационными и координирующими центрами в сфере благотворительной деятельности. Подводя итоги, необходимо отметить, что центральная власть и императорская династия, создав благотворительные организации в ходе войны, из-за значительного роста числа нуждавшихся в помощи оказывались нередко не в состоянии финансировать их, опираясь в данной сфере деятельности на общественную и частную инициативу, выразившуюся в многочисленных благотворительных акциях и сборах пожертвований. Хорошо налаженная

координация деятельности местных отделений именных комитетов с центральными органами учреждений позволила наладить бесперебойную на ниве благотворительности работу практически до конца войны.

Литература

1. Государственный архив Ульяновской области (далее ГАУО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 1153.
2. ГАУО. Ф. 636. Оп. 1. Д. 4.
3. ГИА ЧР. Ф. 46. Оп. 1. Д. 531.
4. ГИА ЧР. Ф. 79. Оп. 1. Д. 364, 380.
5. ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1358, 1359, 1383, 1387, 1424.
6. ГИА ЧР. Ф. 86. Оп. 1. Д. 1008.
7. ГИА ЧР. Ф. 507. Оп. 1. Д. 20, 36, 46.
8. Николаев Г.А. Организация помощи семьям солдат и беженцам в годы Первой мировой войны (1914–1917 г.) (по материалам Чувашии) // Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства в Чувашии. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. – С. 5–18.
9. Ольгинский приют трудолюбия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.izh.ru/info/16527.html (дата обращения: 26.05.2018).
10. Шibaева В.Ф. Милосердные сестры августейшей семьи / В.Ф. Шibaева, М.А. Бреткина, Е.А. Ванюшкин // Здравоохранение Чувашии. – 2014. – №3. – С. 84–86.

Блиняев Семен Николаевич
Широков Олег Николаевич
Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

КОМИТЕТЫ ПОД АВГУСТЕЙШИМ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЧУВАШИИ)

Аннотация: в статье на материалах Казанской и Симбирской губерний изучен такой немаловажный аспект проблемы благотворительности, как филантропическая помощь инвалидам, раненым, больным, беженцам, солдатам действующей армии, нетрудоспособным категориям населения и детям со стороны Российского Комитета Красного Креста и Чебоксарской уездной комиссии Дамского комитета. Рассмотрен вопрос о видах благотворительной деятельности данных организаций и формах их взаимодействия с общественными учреждениями и частными лицами.

Ключевые слова: благотворительность, раненые, Дамский комитет, Российский Комитет Красного Креста, инвалиды, кружечный сбор, лазарет.

Semen Nikolayevich Blinyaev

Oleg Nikolayevich Shirokov

I.N. Ulyanov Chuvash State University

Cheboksary

COMMITTEES UNDER IMPERIAL PATRONAGE IN CHUVASHIA DURING THE FIRST WORLD WAR

Abstract: the article, based on the materials from Kazan and Simbirsk provinces, examines important aspects of charitable work carried out by the Russian Committee of the Red Cross and the Cheboksary District Commission of the Ladies' Committee. Such activities include philanthropic assistance to the disabled, wounded, sick, refugees, soldiers of the army, disabled categories of the population and children. the article considers the types of charitable activities implemented by these organizations and forms of their interaction with public institutions and individuals.

Keywords: charity, the wounded, the Ladies' Committee, the Russian Committee of the Red Cross, invalids, fund raising, infirmary.

В уездах Чувашского края наряду с именными комитетами императорской династии и общественными учреждениями на ниве благотворительности работали также комитеты Красного Креста, занимавшиеся непосредственной помощью раненым и больным воинам. Они находились под «высочайшим покровительством» овдовевшей императрицы Марии Федоровны, супруги императора Александра III и матери Николая II. Комитет специализировался на оказании медицинских услуг: вел строительство лазаретов, инфекционных, перевязочных, и хирургических отделений. На территории довоенной Чувашии Чебоксарский уездный комитет Российского общества Красного Креста (РОКК) впервые появился в апреле 1904 г. Его председателем назначен был судебный следователь Н.И. Самарцев, заместителем – священник Благовещенской церкви В.П. Добронравов, казначеем – П.Е. Комлев. В руководстве уездного комитета, который должен был выполнять медицинские функции, не оказалось, таким образом, ни одного профессионального врача или фельдшера. Членами Комитета Чебоксарского уезда состояло 25 человек, в подавляющем большинстве своем земские врачи, фельдшера, акушерки и ветеринары. Комитет работал без определенного плана, а его руководство не озаботилось проведением мероприятий по борьбе с бытовыми и социальными болезнями, эпидемиями, охраной здоровья населения, лечением инфекционных больных, организацией лазаретов и учреждением фельдшерских пунктов [2, с. 10]. За счет пожертвований, главным образом, формировался бюджет и местных отделений РОКК. Средства, собранные с населения в результате «кружечных сборов», расходовались без целевого назначения. Комитет в

Чебоксарах оказался, к сожалению, лишь казенной филантропической организацией, руководили которой представители земской администрации. Поэтому общество не стало массовой организацией, а медицинские работники играли в нём второстепенную роль [2, с. 11]. Пособия семьям мобилизованных ими выдавались крайне редко: только по случаю религиозного праздника или какой-либо знаменательной даты. Благотворительный фонд организаций пополнялся отчислениями из зарплат служащих местной администрации. Уже 15 августа 1914 г. председательница (попечительница) Казанской общины сестер милосердия Красного Креста Елизавета Николаевна Боярская, жена Казанского губернатора, обращается «к Милостивому Государю Федору Прокопьевичу Ефремову ... с усердной и покорнейшей просьбой предложить подведомственным Вам чинам на время войны делать ежемесячные отчисления в пользу раненых и образовавшуюся от этого сумму ... направлять на мое имя на расходы по госпиталю для офицеров и нижних чинов, который будет открыт при общине Красного Креста» [8. Д. 1331. Л. 366.]. В связи с этим 30 сентября 1914 г. служащие Чебоксарской городской управы направили в Чебоксарский Земско – Городской Соединенный Комитет по оказанию помощи больным и раненым воинам и их семьям денежный взнос в размере 4 руб. 10 коп., составляющий % отчисления от жалованья следующих лиц: Городского головы Ф.П. Ефремова – 2% (1 руб. 33 коп.), членов управы А.Н. Ключева и П.С. Таврина – 2% (по 1 руб. с каждого), секретаря управы Н.И. Смирнова и писца канцелярии управы П.К. Виноградова по 1% (50 и 27 коп. соответственно) [8. Д. 1331. Л. 413.]. 28 февраля 1915 г. служащие ЧГУ отправили на счет Российского Общества Красного Креста 82 коп. благотворительных отчислений [8. Д. 1331. Л. 88.]. 2 августа 1914 г. Ядринское общественное управление перечислило в кассу Ядринского комитета РОКК 7 руб. 12 коп. [9. Д. 989. Л. 95.]. Е.Н. Боярская организовала массовую подготовку противогазов и марлевых повязок. На эти цели поступали особые пожертвования. Так, 2 августа 1914 г. Ядринское общественное управление перечислило в кассу Ядринского комитета РОКК 7 руб. 12 коп. [9. Д. 989. Л. 95.]. 26 августа 1915 г. Цивильская городская управа отослала Е.Н. Боярской 56 руб. на изготовление противогазов и марлевых повязок – респираторов, пропитанных химическими составами «против разрушающего действия газов» [7. Д. 364. Л. 197.]. Всего же только к концу 1915 г. было изготовлено и отправлено на передовую 146949 противогазов [13, с. 281.]. После инспекции лечебных учреждений Казани 27 января 1916 г. верховным начальником эвакуационной и санитарной службы Российской империи принцем А.П. Ольденбургским Е.Н. Боярская была награждена за образцовое содержание лазарета при общине и «труды» золотой медалью на Анненской ленте [13, с. 279.]. Ширилось благотворительное движение в пользу Красного Креста и на селе. Уже к 2 сентября 1914 г. сельские жи-

тели Стундырской волости Козьмодемьянского уезда собрали в пользу раненых воинов 209 руб., 17 калсон, 119 аршин холста [5. Д. 1298. Л. 32, 81]. 14 сентября 1914 г. Чандровское, Яушевское, Малокатрасинское, 1-е и 2-е Янгильдинские, Сархорнское, Кибеккасинское и Авинское общества передали РОКК 68 нательных рубашек и 12 руб. 17 коп. денежных пожертвований [6. Д. 531. Л. 4–6, 8–14]. По сообщению чиновника для особых поручений при Симбирском губернаторе Г.Ф. Борисенко 29 сентября 1914 г. в г. Симбирске был устроен В.А. Ружицким концерт с участием артистов Е.А. Попелло–Давыдовой и Л.Ш. Любошиц, чистая выручка которого в размере 194 руб. 83 коп. поступила почтовым переводом на счета Московского Склада имени императрицы Александры Федоровны для помощи больным и раненым воинам действующей армии. Заведующим складом был приближенный к императорской семье чиновник высокого ранга Н.К. фон Мекк [4. Д. 1948. Л. 17–22]. 9 октября 1914 г. Симбирское местное управление РОКК получило от Симбирского Мещанского Общества уведомление с его приговором о предоставлении ему деревянного флигеля «под госпиталь в бесплатное пользование» для раненых и больных [4. Д. 1948. Л. 15]. Но головной организации РОКК требовалось привлечение и содействие всего населения страны, «особенно промышленного класса» и благотворительных организаций. В телеграмме от 8 сентября 1914 г. на имя Казанского и Симбирского губернаторов говорилось: «Лечебные учреждения испытывают большую нужду в белье и перевязочном материале. ... Требуется содействие организациям Красного Креста ... путем личного труда и пожертвований, ... приисканием материалов по умеренным ценам [12. Д. 1358. Л. 1–7; 4. Д. 1948. Л. 5]. К 25 июня 1915 г. Всероссийский союз городов, «озабоченный всесторонней подачей помощи» ассигновал на содержание больных и раненых воинов 250 тыс. руб. [7. Д. 364. Л. 184]. Особую активность на территории Чувашии в сборе добровольных пожертвований проявляли преподаватели и учащиеся учебных заведений. По распоряжению попечителя Казанского учебного округа И.А. Базанова от 25 августа 1914 г. в учебных заведениях для сбора пожертвований в пользу Красного Креста были установлены специальные кружки [13, с. 283]. 2 ноября 1914 г. в 1 час дня в здании 1-го Симбирского высшего начального училища было отслужено молебствие по случаю открытия лазарета РОКК, учрежденного чинами Казанского учебного округа, служащими в Симбирской губернии. Согласно рапорту Курмышского уездного исправника 6 декабря 1914 г. в день святителя Николая Чудотворца в г. Курмыш и прилегающем уезде был организован однодневный сбор денежного пожертвования в пользу Особого комитета для оказания помощи раненым и больным под председательством Великой княгини Ксении Александровны. Сбор производился с согласия инспектора народных училищ по Курмышскому уезду и при содействии народных учительниц. Ими была собрана сумма в размере 819 руб. 10 коп., а всего с города и уезда в адрес

Симбирского правление РОКК направлено пожертвований на 1300 руб. [4. Д. 1948. Л. 35, 46–46 об]. В годы войны ежемесячные пожертвования в РОКК (в г. Симбирске) поступали и от преподавателей и учащихся Алатырского реального училища: с 21 января по 22 декабря 1915 г. сумма чистого сбора на содержание лазарета составила 605 руб. 5 коп. 11 ноября 1916 г. педагогический совет Алатырского реального училища в своем заседании принял решение об отчислении 1% из жалованья педагогов в течение 3-х месяцев на нужды лазарета; организации 2 декабря платного спектакля с отделениями музыки, пения, литературного чтения, танцами и платным чаепитием; устройстве учащимися кружечного сбора около Никольской церкви в пользу учреждающегося «Всероссийского общества памяти воинов русской армии, павших в войну 1914–1916 г. с Германией, Австрией и Турцией». По результатам благотворительных вечеров Д.П. Чирихиным была отправлена на имя Татьянинского Комитета сумма в размере 221 руб. 92 коп [1, с. 314–318, 320, 324–326, 336–337, 342]. Также в конце 1915 г. в Алатыре под председательством Е.А. Гриссака был организован Еврейский Кружок помощи жертвам войны, оказывавший содействие членам диаспоры, эвакуированным из прифронтовой зоны [3. Д. 1153. Л. 60]. В 1914–1917 г. учителями, реалистами и гимназистками г. Ядрина было проведено полтора десятка благотворительных мероприятия в пользу красного Креста. Они готовили музыкальные вечера, ставили платные спектакли, проводили кружечные сборы в пользу русских военнопленных и раненых воинов [11, с. 117].

Активно работали в регионе помимо филиалов общественных организаций российского масштаба и учреждения местного значения. Оказывали благотворительную помощь беженцам различные частные организации, создававшиеся при органах местного самоуправления. Большую помощь оказывали воинам 308-го Чебоксарского пехотного полка, сформированного в г. Симбирске из ратников запаса ряда уездов Казанской и Симбирской губерний, шефы – чебоксарские женщины, объединенные в Чебоксарский дамский комитет (ЧДК), созданный 2 ноября 1914 г. и состоявший из 127 дам Чебоксарского общества и нескольких женщин г. Мариинский Посад, объединенных одной целью и думой – помочь солдатам на передовой. Комитет был причислен к Чебоксарской уездной комиссии Казанского отделения Комитета Вел. Княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, которая была создана 24 октября 1914 г. при земской управе. Социальный состав ЧДК был разнообразным: в него входили представители мещанского, купеческого, дворянского и разночинского сословий – жены чиновников и учительницы. Общее собрание членов, являвшееся руководящим органом, возглавлялось бессменным председателем – уездным предводителем дворянства Л.В. Эннатским, который направлял деятельность распорядительниц, жен чиновников: Ю.П. Краснопольской,

М.Г. Григорьевой, В.А. Слюсаренко, А.В. Танкеевой. Бюджет, которым ведал казначей, пополнялся из коллективных пожертвований волостных сходов, правлений, потребительских обществ, членских взносов, выручки от розыгрыша благотворительных лотерей, концертов, спектаклей, кинематографа. ЧДК, взаимодействуя с органами местного самоуправления и Татаринским комитетом, получал от них денежную помощь. Партнерами ЧДК были учителя и ученицы женской гимназии, принимавших активное участие в организации кружечных сборов и подготовке подарков для солдат на передовой. [14, с. 177–178]. Дамы Чебоксарского комитета, кроме помощи 308-му Чебоксарскому полку, шефствовали над лазаретом, где лечились раненые [10]. Задачей этой благотворительной организации было изготовление, заготовка одежды и белья для армии и лазаретов, денежная помощь семьям мобилизованных и их детям, отправка подарков в части действующей армии. Первая посылка с подарками для воинов полка (325 комплектов белья) была отправлена 15 ноября 1914 г. и с этого дня солдатские посылки на фронт стали регулярными. Организация пошива солдатского белья была следующей: у торговцев покупались ткани на собранные средства, из которой портнихи шили за плату белье при помощи двух швейных машинок, предоставленных бесплатно чебоксарским агентом фирмы «Зингер». 30 ноября и 1 декабря 1914 г. представительницами Чебоксарского Дамского Комитета под руководством его председателя Эннатского была разыграна в здании Чебоксарского Благородного Собрания благотворительная лотерея. Оценка вещей, разыгрываемых в лотерее, производилась присяжными оценщиками Чебоксарской городской управы [8. Д. 1331. Л. 487]. Такая же лотерея была проведена 15 февраля 1915 г. Чебоксарским уездным казначейством [8. Д. 1358. Л. 55]. ЧДК, действовавший до осени 1917 г., проводил и другие благотворительные акции: раздавал подарки новобранцам, угощение раненым и больным солдатам в лазаретах города, изготавливал армейские респираторы для защиты от удушающих газов, опекал сирот, снабжал обувью и одеждой беженцев, оказывал помощь в их трудоустройстве [14, с. 178].

Таким образом, в рассматриваемый период на территории Чувашского края филантропической деятельностью занимались кроме именных комитетов императорской династии и общественных организаций, Российское Общество Красного Креста и Чебоксарский Дамский Комитет. Они занимались непосредственной помощью раненым и больным воинам, учреждая лазареты, организовывали изготовление и заготовку белья, одежды, противогазов и марлевых повязок для действующей армии, участвовали в судьбе беженцев, семей мобилизованных, опекали сирот. В своей разносторонней деятельности они опирались на пожертвования и благотворительные акции самых различных слоев населения. Война привела и к становлению женской благотворительности, которая имела ярко

окрашенную практическую сторону. Конечно, из-за масштабности проблем, с которыми пришлось столкнуться государству и обществу в годы войны, в должном объеме были решены далеко не все проблемы.

Литература

1. Алатырь. Летопись города. Факты, события, воспоминания, фотографии 16 – начало 20 вв. / Отв. ред. И.И. Бойко. – Алатырь, 2002. – Ч. 1. – С. 319.
2. Алексеев Г.А. Красный Крест в Чувашии. – Чебоксары: АУ Чувашия «ЧУВ», 2014. – 152 с.
3. Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 1153.
4. ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 1948.
5. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее ГИА ЧР). Ф. 44. Оп. 1. Д. 1298.
6. ГИА ЧР. Ф. 46. Оп. 1. Д. 531.
7. ГИА ЧР. Ф. 79. Оп. 1. Д. 364.
8. ГИА ЧР. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1331, 1358.
9. ГИА ЧР. Ф. 86. Оп. 1. Д. 989.
10. Дамский Комитет. 308-й Чебоксарский пехотный полк 77-й пехотной дивизии Русской Императорской армии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studwood.ru/941986/istoriy> (дата обращения: 20.05.2018).
11. Изоркин А.В. Ядрин. Исторический очерк. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. – 191 с.
12. НА РТ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1358.
13. Федотова О.В. Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Электрон. сб. – Самара, 2014. – Вып. 2. – С. 276–284 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sbornik.lib/smr.ru>
14. Чебоксары: исторический очерк / И.И. Бойко [и др.]; отв. ред. И.И. Бойко. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 511 с.

Галимова Лилия Надиповна

Ульяновский институт гражданской
авиации имени Главного маршала
авиации Б.П. Бугаева
г. Ульяновск

ВОПРОС ТРАНСФОРМАЦИИ ЭЛИТНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация: пореформенный период в отечественной истории внес существенные коррективы в сословную составляющую нашего общества, в последствии давшую толчок к трансформации статусно-ролевого порядка и содержания социальных слоев и классов, где особый интерес сегодня вызывает трансформация элитных социальных групп.

Ключевые слова: элита, сословия, классы, социальные слои, социальная группа, трансформация, эволюция.

Liliya Nadipovna Galimova

Marshal B.P. Bugaev

Institute of Civil Aviation

Ulyanovsk

**THE ISSUE OF THE TRANSFORMATION
OF ELITE SOCIAL GROUPS IN RUSSIA
IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH
TO THE EARLY TWENTIETH CENTURY**

Abstract: the post-reform period in Russian history saw significant adjustments to the estate composition of our society, which as a result provided an impetus for the transformation of the status hierarchy and the structure of social strata and classes. Today there is a special interest in the transformation of elite social groups.

Keywords: elite, estates, classes, social strata, social group, transformation, evolution.

Трансформационный период представлен определенным своеобразием развития и утверждения социальной структуры. Капиталистическая эволюция пореформенной России в конце XIX – начале XX в. привела к существенным изменениям традиционных социально-экономических, политико-правовых, культурных основ структуры общества. В результате окончательно оформились новые элитные социальные группы: интеллигенция, чиновничество, состоятельные предприниматели, представляющие новые формы социальных отношений, как внутри групп, так и между ними. Явные изменения требовали пересмотра дальнейших условий взаимодействия всех социальных институтов.

Характеризуя последствия социальных изменений пореформенного периода (до установления Советской власти), можно провести аналогию и обозначить закономерность и неизбежность аналогичной трансформации и появления уже новых элитных социальных групп в советский и постсоветский период Отечественной истории.

Данный вопрос представляет возможным раскрыть специфику и особенности элитных групп общества в переходные периоды, прослеживая их преемственность, характерные черты и статусно-ролевую компетенцию слоев и классов. Кроме того, поможет выявить основные тенденции и закономерности, свойственные российскому обществу в «кризисные» моменты его развития. Изучение элитных социальных групп позволит выделить их традиционные основы, обозначив при этом положительные тенденции трансформационного процесса, а также раскрыть значительную роль представленных отечественных элитных групп в политическом, социально-экономическом, хозяйственно-бытовом плане в укреплении российской государственности, и главное дать представление о глубоких

культурных традициях «людей дела» в России. Сохранение и воспитание в будущих представителях элиты склонности к созидательной деятельности представляется делом исключительной важности.

Вопрос предполагает теоретическое научное исследование основополагающих социальных явлений связанных с видоизменением структуры российского общества, в частности элитных групп в условиях перехода от одной формации (политического строя) к другой во второй половине XIX – конце XX века. Особое внимание уделено узловым моментам российской истории (реформы Александра II; падение монархии и формирование Советского государства; распад СССР и его ближайшие последствия), оказавшим наиболее сильное влияние на социальную структуру в стране.

Одной из фундаментальных задач исследователи ставят поиск закономерностей протекания процессов социальной вариативности традиционной элиты: императора, дворянства, купечества, духовенства в новые элитные социальные группы: интеллигенция, чиновничество, состоятельные предприниматели в новых социально-политических, экономических условиях, но сохраняющие форму, структуру и свойства посредством преемственности, с одной стороны, и вынужденной необходимости государства (власти) в данных социальных элементах с другой.

Немало важным является раскрытие цели исследования вопроса. И это прежде всего возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учётом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития с учётом применения методов гуманитарных и социальных наук.

В результате анализа современного состояния исследований в данной области можно сделать выводы о том, что предлагаемая тема является новой. На сегодняшний день не представлено работ, раскрывающих характеристики трансформации традиционных элитных групп в новые, в условиях перехода из одной формы социально-политического устройства в другую (монархическую, социалистическую, демократическую).

Имеются определенные работы по истории отдельных социальных сословий, классов и слоев в том или ином аспекте, также представлены труды, анализирующие общие тенденции в области политического, социально-экономического и социокультурного развития нашего общества [5].

История мещанства, его образовательный и профессиональный уровень как важная основа модернизации общества представлены в исследовании Л.В. Кошмана [6], которое является одной из первых работ о социокультурном развитии города пореформенного периода.

Эволюция правового статуса сословий, в том числе мещанства, социально-сословная структура российского общества в конце XIX в. подвергнуты анализу Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой [3].

Проблемы формирования и развития российской элиты конца XX в. нашли отражение в фундаментальной работе О.В. Крыштановской. В данном исследовании проводится сравнение четырех поколений отечественной социальной элиты, при этом в фокусе внимания автора находятся вопросы формирования элиты, внутренних конфликтов в её среде, её психологии. Что же представляют из себя люди, как представители конкретных слоев (классов), находясь уже в новом социальном облике. Как отмечает О.В. Крыштановская, отличие обусловлено психологическими характеристиками, интеллектом, складом ума [7].

Политическая элита стала объектом исследования политолога О.В. Гаман-Голутвиной [2]. Под руководством О.В. Гаман-Голутвиной также был реализован масштабный проект «Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты центра и регионов». В результате исследования была выявлена доминирующая роль представителей предпринимательских кругов в процессе рекрутирования постсоветской политической элиты.

Попытки историографического обобщения рассматриваемой проблемы приводят современных историков к постановке более сложных исследовательских задач – изучению проблемных моментов модернизации российского общества, многофакторному анализу её различных аспектов, трансформационных реформистских и революционных изменений [4; 8; 1; 9].

Таким образом, и отечественная, и зарубежная литература в большинстве своем посвящена отдельным социальным сословиям, классам, слоям, различным, нередко довольно узким хронологическим периодам и многим частным вопросам. В связи с этим целеполагание вопроса позволит обозначить и охарактеризовать социальную мобильность и связи внутри классово-слоевого общества современности с опорой на специфику и особенности эволюционных процессов элитных социальных групп общества в переходные периоды с учётом преемственности их черт и особенностей.

Литература

1. Ананьич Б.В. Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, В.М. Панеях. – СПб.; М.: Олма-Пресс, 1996. – 734 с.
2. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. – М.: РОССПЭН, 2006. – 448 с.
3. Иванова Н.А. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века / Н.А. Иванова, В.П. Желтова. – М.: Наука, 2004. – 574 с.
4. Каспэ С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. – М.: Росс. полит. энциклопедия, 2001. – 256 с.
5. Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии) / отв. ред. А.В. Семенова. – М.: РОССПЭН, 2002. – 560 с.
6. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. – М.: Росс. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 450 с.

7. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – 384 с.
8. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / Отв. ред. академик В.В. Алексеев. – М., 2000. – 246 с.
9. Россия в XX веке: Реформы и революции: в 2 т. Т. 2 / Под общ. ред. Г.Н. Севостьянова. – М.: Наука, 2002. – Т. 1. – 657 с.

Гецевич Андрей Казимирович
Кергет Игорь Леонидович
Гродненский государственный
университет имени Я.Купалы
г. Гродно

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДВОРЯНСКИХ СЕМЕЙ
XIX – НАЧАЛА XX в. В АРХИВАХ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Аннотация: в статье представлен обзор фондов исторических архивов Беларуси, касающихся генеалогии дворянства белорусских губерний Российской империи.

Ключевые слова: генеалогия, дворянство, Беларусь, архивы, архивный фонд, семья.

Andrei Kazimirovich Hetsevich
Igor Leonidovich Kerget
Yanka Kupala State University
Grodno

**SOURCES ON THE HISTORY OF NOBLE FAMILIES
IN THE NINETEENTH AND TWENTIETH CENTURIES
IN THE ARCHIVES OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

Abstract: the article presents an overview of the collections of historical archives of Belarus related to the genealogy of the nobility of the Belorussian provinces of the Russian Empire.

Keywords: genealogy, nobility, Belarus, archives, archival collections, family.

Корпоративная организация российского дворянства, в состав которого после разделов ВКЛ и Речи Посполитой было инкорпорировано и шляхетство, учреждалась «Жалованной грамотой» от 21 апреля 1785 г. Российское законодательство предусматривало погубернскую организацию высшего сословия. Формально, все его члены, проживающие в той или иной губернии, составляли отдельное губернское дворянское общество, которому от имени верховной власти передавалась на хранение копия «Жалованной грамоты дворянству» 1785 г. [1]. Данный документ кон-

ституйровал также предводителей дворянства в качестве выборных дворянских органов, возложив на них ряд функций по внутрисословному и административному управлению. На предводителей дворян возлагалось наблюдение за ведением родословных книг, составление списков дворян, имевших право участвовать в собраниях и в дворянских выборах, контроль за поведением членов общества и др. Кроме того, предводители дворянства возглавляли депутатские собрания, дворянские опеки, они же в значительной мере были и исполнителями постановлений дворянства, представляя от лица общества в правительственных инстанциях. Таким образом, спектр обязанностей предводителей дворянства был весьма широк – от хозяйственных до инспекторских и полицейских.

Высшими органами дворянских обществ были уездные и губернские собрания, на которых решались все важнейшие корпоративные вопросы.

Исходя из содержания и информационной ценности, источники, хранящиеся в выше перечисленных архивных фондах, могут быть распределены на следующие группы:

- генеалогические книги дворян (отложились лишь в НИАБ в г. Минске);
- родословные книги дворян;
- списки дворян и шляхты по уездам губерний и списки имений с указанием землевладельцев;
- дела об установлении дворянского происхождения;
- свидетельства о дворянском происхождении;
- указы Сената о причислении шляхты к дворянскому сословию Российской империи.

Документы, отложившиеся в фондах канцелярий Витебского [4], Минского [10], Могилёвского [6] гражданских губернаторов, Витебского, могилёвского и смоленского генерал – губернатора [3], и в канцелярии гродненского губернатора [26], характеризуют политику российского правительства в отношении шляхты и дворянства присоединённых губерний и заключают в себе массу сведений по социально – экономической, политической и культурной истории шляхты. Примечательно, что большая часть документов, касающаяся шляхты и дворянства, идёт под грифом «Секретно».

Из материалов данных фондов наибольшей репрезентативностью выделяются дела о численности дворян и шляхты присоединённых губерний. Они представлены как в виде общих статистических сведений по губерниям края, так и в виде отдельных списков. Например, в фонде канцелярии гродненского губернатора имеются именные списки лиц, принявших подданство России за 1810 г. (данные по г. Гродно, Брестскому, Пружанскому поветам и Кобринскому уезду) [27], алфавитный список шляхетских деревень Кобринского уезда за 1810 г. [28], именные

списки владельцев имений по уездам губернии с указанием названий имений и числа крестьян, вольных людей, принадлежащих имениям на 1823 г. [29].

Укажем для примера, что данный именной список включает в себя сведения по Лидскому, Гродненскому, Слонимскому, Кобринскому, Волковысскому, Брестскому и Новогрудскому уездам губернии с указанием количества дымов и душ по ревизии 1816 г. Состав владельцев имений очень пёстрый: встречаются те, у кого не указано ни количество дымов, ни количество душ, или же эти цифры были весьма мизерны [29, л. 9–10]. Здесь же можно встретить фамилии и тех, чьи предки составляли элиту ВКЛ: Тышкевичи [29, л. 4, 43], Александр Ходкевич [29, л. 7], Людвиг Пац [29, л. 9], Рудольф Тызенгауз [29, л. 5], Франц Сапега [29, л. 21, 26], Рафал Слипень [29, л. 21, 41].

Значительная часть дел, содержащая сведения о численности дворян и шляхты, датируется 30–60 г. XIX в., что тесным образом связано с ужесточением дворянско – шляхетской политики самодержавия после подавления восстаний 1830–31 и 1863–64 г. Такие дела содержатся практически во всех вышеперечисленных фондах. В качестве примера можно привести следующие дела: «Указы Сената о конфискации имений лиц, самовольно отлучившихся за границу» [30], «Дело о запрещении дворянам носить старинную одежду» [31], дела о конфискации имений участников восстаний и ссылке последних на каторжные работы.

В НИАБ в Гродно представлены три таких фонда: Ф. 3 – Гродненская военно – следственная комиссия по политическим делам, учрежденная рескриптом от 14 января 1863 г. [38]; Ф. 4 – Гродненская губернская комиссия для определения степени «вины» участников восстания 1830–1831 г., созданная по указу Сената от 17 июля 1831 г. [39]; Ф. 5 – Гродненская губернская ликвидационная комиссия о делах, касающихся конфискованных имений участников восстания 1830–1831 г. [40].

Значительную часть дел вышеперечисленных фондов (равно как и в НИАБ в Минске) составляют списки участников восстания, ведомости и реестры имений дворян и шляхты, принимавших участие в военных событиях. Так, «Наряд статейным списком о лицах, находившихся под следствием за участие в восстании 1863 г.» содержит ведомости дворян, находящихся под следствием в Гродненской следственной комиссии в 1864 г. [41, л. 162]. Упоминаются: Сигизмунд Врублевский, 19 лет, бывший студент Киевского университета, Михаил Воллович, 50 лет, граф, уроженец Августовской губернии [41, л. 162 об], Франц Богушевский, 27 лет, шляхтич Августовской губернии, Эразм Злотницкий, 32 лет, помещик Волковысского уезда [41, л. 168 об.] и др.

В этом же фонде имеется печатный «Алфавитный список политическим преступникам, имущества которых подлежат конфискации в казну по

1 октября 1864 г.», в который внесено 2048 человек по Виленской, Ковенской, Минской, Витебской, Гродненской и Могилёвской губерниям [42].

Одними из самых содержательных являются фонды губернских дворянских депутатских собраний, губернских и уездных предводителей дворянства, а также фонды канцелярий губернских и уездных предводителей дворянства.

В НИАБ в Минске находятся: фонды канцелярий Минского губернского предводителя дворянства [14] и Витебского губернского предводителя дворянства [9]; фонды Минского [13], Могилёвского [7] и Витебского [8] губернских дворянских депутатских собраний.

В НИАБ в Гродно отложились материалы Гродненского губернского дворянского депутатского собрания [32], а также материалы Брестского [33], Гродненского [34], Пружанского [35] и Кобринского [36] уездных предводителей дворянства.

Информационные возможности родословных книг обширны. Как правило, в них содержатся достаточно полные родословные своды отдельных ветвей выводящихся родов. Здесь же перечисляются документы, представленные для оформления дворянских прав.

В качестве примера приведём данные из родословной книги дворян Гродненской губернии за 1875 г. [37]. В книгу внесены роды на буквы «Б» и «В» по Белостокскому, Бельскому, Гродненскому, Брестскому, Слонимскому, Волковысскому уездам, а среди них: Бабецкие без герба, Военские герба «Задора» и герба «Пул – Козич», Вещеровичи герба «Порай», Волковицкие герба «Любич», Волловичи герба «Багория», Володкевичи герба «Радван» и герба «Лебедь», Вольские герба «Побог», Врублевские герба «Слеповрон», Высоцкие герба «Остой» и др.

Представители данных родов для доказательства своего дворянского (шляхетского) происхождения представляли самые разнообразные документы: выписки или свидетельства о владении землёй, именными как с крестьянами, так и без, акты купли-продажи земли, имений, выписки из завещаний о наследовании земельной собственности, выписки из метрических книг о рождении, крещении и смерти, привилеи, дарственные грамоты от великих князей литовских и королей польских, от российских властей об различного рода пожалованиях, о назначении в должность, о зачислении на военную службу. Прилагались сведения о переписях и ревизских сказках. Важными были документы о состоянии или не состоянии в окладе, о причислении к разряду однодворцев и горожан.

Фонды губернских, уездных предводителей дворянства и дворянских депутатских собраний располагают значительным количеством дел, содержащих списки дворян и шляхты по определённым годам конца XVIII – начала XX в. Информационные возможности таких списков разнообразны и во многом обусловлены теми причинами, которые вызвали их составление. Это посемейные [11], алфавитные [12] или просто списки

дворян и шляхты по различным уездам губерний края, а также списки с указанием имений [25].

В архивных фондах также отложились списки дворян, имеющих право участвовать в дворянских выборах. Так, в список дворян Минской губернии, допущенных к участию в выборах 1820 г., внесено по Минскому повету 180 человек, по Виленскому 148, по Дисненскому 133, по Борисовскому уезду 136, по Игуменскому повету 110, по Бобруйскому уезду 70, по Мозырскому уезду 51 и по Пинскому повету 76 человек.

Одна из главных разновидностей документов фондов губернских депутатских собраний, губернских и уездных предводителей дворянства представлена делами об установлении дворянских прав или, другими словами, делами о дворянстве. В состав таких дел входят подлинники и копии фрагментов родословных и первоисточников: прошений, свидетельств, посемейных и послужных списков и др., подаваемых представителями родов в депутатские собрания для доказательства своего дворянства. Иногда они переплетаются с фрагментами родословных схем, которые составлялись делопроизводителями и самими же просителями для доказательства сопричастности рода или отдельных его представителей к основному дереву. Понятно, что дела о дворянстве не следует рассматривать как родословную того или иного рода, а только как материал к ней. Ибо такие сведения в большинстве случаев отличаются своей фрагментарностью и не полностью.

Из документальных комплексов, которые содержат данные по истории шляхетства, особое место занимают архивы отдельных шляхетских родов или так называемые фамильные фонды. Особенность их комплектования в том, что собирание документальных свидетельств преследовало прагматические цели. В фамильных архивах хранились важные юридические документы, подтверждающие права шляхты на их земельные владения и привилегии, всевозможные финансово-административные документы, фамильные реликвии. Вместе с тем в таких собраниях содержатся не только документы данной фамилии, но и других представителей других шляхетских родов, с которыми они общались, заключали браки, вступали в конфликты и прочие отношения. Поэтому в таких фамильных архивах заключено значительно обширнее информации, чем это может показаться на первый взгляд.

По истории шляхты ВКЛ исследуемого периода выделяются следующие фонды: Булгаки [15], Друцкие – Любецкие [2], Любомирские [16], Плятер – Зиберги [5], Радзивиллы [24], Слизни [43], Быховцы [44].

Наиболее значимым, как по объёму заключённой информации (порядка 25 тыс. ед. хр. за XVI – XX вв.), так и по содержанию выступает фамильный фонд Радзивиллов – старинного литовского княжеского рода, ведущего свою родословную с XIV в. Исключительное положение, которое занимали его представители в жизни ВКЛ, обусловило концентрацию

в данном фамильном фонде самых разнообразных материалов, относящихся не только к деятельности данного рода, но и характеризует основные стороны общественно – политической, социально – экономической и частично культурной жизни ВКЛ и Беларуси.

Например, в данном фонде представлены следующие дела: родовая князей Радзиллов [17], князей Сапегов [18], князей Илиничей [19], князей Сангушко, Вишневецких, Гольшанских [20]; документы рода Завишей [22] и Флемингов [23]; грамоты польских королей [109]. Подавляющая часть дел представлена многочисленными имуществом – хозяйственными, бытовыми материалами, документами личного характера, имеющими большой научный интерес для исследователей истории рода Радзивиллов.

Представленные источники по семейной истории XIX – начала XX в. позволяют получить максимальную информацию о составе и истории семей различных групп и сословий, проживавших на территории Беларуси и представляют обширный материал для последующего изучения различных аспектов жизни общества. Вместе с тем, отметим, что представленные источники обладают не только высоким уровнем информации, они зачастую имеют высокий уровень взаимодополняемости друг друга, что обеспечивает возможность подтверждения генеалогической информации.

Литература

1. Корелин А.П. Российское дворянство и его сословная организация (1861–1904 г.)// История СССР. – 1971. – № 5. – С. 57.
2. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 1030. Друцкие – Любецкие (фамильный фонд). Д. 1689, 1699, 1728 –1785 г.
3. НИАБ. Ф. 1297. Канцелярия генерал-губернатора Витебского, могоилёвского и смоленского. 1802–1856 г.
4. Национальный исторический архив Беларуси НИАБ. Ф. 1430. Канцелярия Витебского гражданского губернатора. 1797–1917 г.
5. НИАБ. Ф. 1503. Плятер – Зиберги (фамильный фонд). 1519–1847 г.
6. НИАБ. Ф. 2001. Канцелярия Могоилёвского гражданского губернатора. 1803–1917 г.
7. НИАБ. Ф. 2066. Могоилёвское губернское дворянское депутатское собрание. 1787–1884 г.
8. НИАБ. Ф. 2512. Витебское губернское дворянское депутатское собрание. 1785–1917 г.
9. НИАБ. Ф. 2626. Канцелярия Витебского губернского предводителя дворянства. 1811–1917 г.
10. НИАБ. Ф. 295. Канцелярия Минского гражданского губернатора. 1794–1917 г.
11. НИАБ. Ф. 319. Оп 1. Д. 34. Посемейные списки дворян бобруйского уезда за 1803 г.; НИАБ. Ф. 902. Оп 1. Д. 7. Посемейный список дворян. 1835 г.; НИАБ. Ф. 2066. Оп 1. Д. 10. Решение Могоилёвского депутатского собрания о приёме в русское дворянство бывшей польской шляхты из поветов: Копысского, Минского, Быховского, Могоилёвского, Оршанского, Рогачёвского, Чаусского, Витебского, Чериковского, Белицкого (1802–1808 г.).

12. НИАБ. Ф. 319. Оп 1. Д. 322. Алфавитный реестр дворянских родов, утверждённых Герольдией; НИАБ. Ф. 319. Д. 790. Алфавитный список шляхты Новогрудского уезда. 1796 г.; Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (далее – НИАБГр.). Ф. 92. Оп 1. Д. 257. Алфавитный список жителей г. Гродно и Гродненского уезда.

13. НИАБ. Ф. 319. Минское губернское дворянское депутатское собрание. 1795–1919 г.

14. НИАБ. Ф. 320. Канцелярия Минского губернского предводителя дворянства. 1792–1918 г.

15. НИАБ. Ф. 3250. Булгаки (фамильный фонд). 1630–1915 г.

16. НИАБ. Ф. 3258. Любомирские (фамильный фонд). 1576–1912 г.

17. НИАБ. Ф. 694. Оп 1. Д. 1. Родословная князей Радзивиллов и материалы к ней. 1366–1870 г.

18. НИАБ. Ф. 694. Оп 1. Д. 2. Родословная князей Сапегов. 1422–1877 г.

19. НИАБ. Ф. 694. Оп 1. Д. 4. Родословная князей Илиничей и материалы к ней. 1454–1541 г.

20. НИАБ. Ф. 694. Оп 1. Д. 34. Родословная князей Сангушко, Вишневецких, Гольшанских.

21. НИАБ. Ф. 694. Оп 1. Д. 170. Грамоты польских королей Казимира, Августа II, Августа III и Сигизмунда. XVI – XVIII вв.

22. НИАБ. Ф. 694. Оп 5. Документы рода Завишей. 1500–1885 г.

23. НИАБ. Ф. 694. Оп 6. Документы рода Флемингов. 1575–1896 г.

24. НИАБ. Ф. 694. Радзивиллы (фамильный фонд). XVI в. – 1937 г.

25. НИАБ. Ф. 902. Оп 1. Д. 4. Список дворян уезда с указанием их имений, размера казённых податей. 1829 г.; НИАБГр. Ф. 92. Оп 1. Д. 254. Списки дворян с принадлежащими им именьями. 1796 г.; НИАБГр. Ф. 987. Оп 1. Д. 3. Списки дворян с принадлежащими им именьями. 1796 г.

26. НИАБГр. Ф. 1. Канцелярия гродненского губернатора. 1802–1917 г.

27. НИАБГр. Ф. 1. Оп 1. Д. 187. Списки лиц, принявших подданство России в 1810 г.

28. НИАБГр. Ф. 1. Оп 1. Д. 188. Алфавитный список шляхетских деревень Кобринского уезда Гродненской губернии за 1810 г.

29. НИАБГр. Ф. 1. Оп 2. Д. 98.

30. НИАБГр. Ф. 1. Оп 1. Д. 206.

31. НИАБГр. Ф. 1. Оп 2. Д. 402.

32. НИАБГр. Ф. 332. Гродненское губернское дворянское депутатское собрание. 1820–1917 г.

33. НИАБГр. Ф. 89. Брестский уездный предводитель дворянства. 1832–1915 г.

34. НИАБГр. Ф. 92. Гродненский уездный предводитель дворянства. 1796, 1818, 1827–1918 г.

35. НИАБГр. Ф. 987. Пружанский уездный предводитель дворянства. 1864–1898 г.

36. НИАБГр. Ф. 1062. Кобринский уездный предводитель дворянства. 1834–1895 г.

37. НИАБГр. Ф. 332. Оп 2. Д. 1. Родословная книга дворян Гродненской губернии на букву «Б» и «В». 1875 г.

38. НИАБГр. Ф. 3. Гродненская губернская военно-следственная комиссия по политическим делам. 1863–1866 г.

39. НИАБГр. Ф. 4. Гродненская губернская комиссия для определения степени «вины» участников восстания 1830–1831 г. 1831–33 г.

40. НИАБГр. Ф. 5. Гродненская губернская ликвидационная комиссия о делах, касающихся конфискации имений участников восстания 1830–1831 г. 1833–44 г.

41. НИАБГр. Ф. 3. Оп 1. Д. 8. Наряд статейным спискам о лицах, находившихся под следствием за участие в восстании 1863 г.

42. НИАБГр. Ф. 3. Оп 1. Д. 46. Алфавитный список лиц, занимавшихся политической деятельностью, имущество которых подлежит конфискации в казну.

43. НИАБГр. Ф. 1663. Слизни (фамильный фонд). 1559, 1562, 1579, 1601–1938 г. 101.

44. НИАБГр. Ф. 1664. Быховцы (фамильный фонд). 1511–1938 г.

Евдокимова Анжелика Николаевна

Чувашский государственный
университет имени И.Н.Ульянова
г. Чебоксары

КЛИРОВЫЕ ВЕДОМОСТИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК О ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА ЧУВАШСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация: в статье раскрываются особенности клировых ведомостей как материалов статистического учёта приходского населения и документальных свидетельств принадлежности служителей культа к сословию приходского духовенства, отмечается надёжность исторических источников применительно к изучению практики культурно-просветительской деятельности клира в Чувашском крае в первой половине XIX века.

Ключевые слова: клировая ведомость, приход, проповедничество, исторический источник, православное духовенство.

Anzhelika Nikolaevna Yevdokimova

N.I. Ulianov Chuvash State University
Cheboksary

CLERICAL SERVICE REGISTERS AS A HISTORICAL SOURCE ON THE EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE PARISH CLERGY IN THE CHUVASH REGION IN THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

Abstract: the article explores the qualities of clerical service registers (klirovye vedomosti) as material for a statistical account of the parish population and as documentary evidence of the membership of religious servitors in the estate of the parish clergy. the article highlights the reliability of these his-

torical sources in connection with the study of the cultural and educational activities of the clergy in the Chuvash region in the first half of the nineteenth century.

Keywords: clerical registers, parish, preaching, historical source, Orthodox clergy.

Общие задачи, которые преследовались церковью в отношении формально православного населения России в первой половине XIX в, были достаточно просты и состояли, в частности, в приучении приходским духовенством к посещению чувашского народа храма и исполнению долга исповеди и причастия, исправлению некоторых христианских треб, соблюдению постов и в отлучении от языческих молений. С 1829 г. сведения о проповеднической деятельности священников, окончивших богословский курс семинарий, стали составной частью клировых ведомостей, которые изначально, ещё с 1769 г., являлись необходимым документальным доказательством принадлежности служителя церкви к духовному сословию [3, с. 26]. Клировая ведомость именно в первой половине XIX века по сравнению с предшествующим и последующим периодами детально раскрывала особенности функционирования прихода: первая часть касалась церкви и материальных условий жизни причта, основная часть посвящена каждой отдельной личности служителя, третья описывала состав населения. Следует также учитывать, что данные клировых ведомостей о священнослужителях практически не отличались содержательно от других видов церковных документов (например, отчетов благочинных, следственной документация, «обозрений архиереем епархии»), поэтому могут считаться в целом достоверным историческим источником.

Если в первой трети XIX в. публичные проповеди были распространены в основном среди прихожан соборов, то к середине столетия они стали проводиться периодически и с привлечением большего числа иереев. Например, по данным ведомостей, в Чебоксарском уезде по состоянию на 1830 г. только 12 настоятелей занимались подобной деятельностью, да и то они прочитывали их достаточно редко: четыре иерея провели подобную работу только единожды за год, шестеро священников прочитали по две проповеди, один священник – 4, выделился поп с. Карамышево Рудинский – в его послужном списке 6 проповедей [2, Оп. 1. Д. 117. Л. 8–164].

Спустя двадцать лет уже 28 священников из 33 имеющих богословское образование стали включать в приходскую жизнь поучения. По одной проповеди говорили 4 священника, по 2–трое, по 3 проповеди – шестеро, по 4 – двое, по 6 – трое, по 7 – двое, по 8 – двое, 9 проповедей – 1 иерей. По 10 проповедей рассказали священники с. Карамышево И.Я. Смирнов и с. Сотниково Ф.Н. Целлеричский. В клировых ведомостях указывали и другие формы приобщения чувашей к православию, например, Целлеричский возглавлял местную школу, где бесплатно обучал мальчиков [2, Оп. 1. Д. 257. Л. 176].

Но максимальное количество проповедей – 13 – прочитали иереи с. Карачево П.Я. Дмитриев, совмещавший пастырскую деятельность с должностью духовного депутата, и с. Тимирчи К.И. Болдырев, духовник округа. Некоторые пастыри говорили поучения на различные темы и беседовали об основах православной веры, «как печатные поучения, так и своего творчества» [2, Оп. 1. Д. 257. Л. 3–176]. Темы же проповедей достоверно невозможно определить. К сожалению, так же сложно определить результативность проповеднической деятельности по количественным показателям.

Не являлись первоначально проповеди распространенным явлением среди причтов других чувашских уездов. Лишь в семи соответствующих графах клировых ведомостей гражданских священнослужителей отмечена проповедь, из них наибольшее количество – шесть – прочитал иерей трехштатного прихода с. Татмышево Матвей Яснитский, достаточно известный миссионер и благочинный [подсчитано по: 2, Оп. 1. Д. 117. Л. 179–356]. Спустя двадцать лет число гражданских иереев возросло до 26 священников из 35 служащих и имеющих полное семинарское образование. Данное образование предполагало в практической области обязательное чтение проповедей. Священники сел Багильдино, Татмышево, Можарки (в последнем проживали и старообрядцы) прочитали 11–13 проповедей за один 1850 год, возможно, не так часто, но практически ежемесячно [подсчитано по: 2, Оп. 1. Д. 257. Л. 184–330].

В Ядринском уезде в 1830 г. проповеди прочитаны 15 священниками, или половиной из имеющих семинарское образование. Они в основном ограничивались чтением редких единичных проповедей [подсчитано по: 4, Ф. 4. Оп. 62. Д. 36. Л. 146–319]. В 1850 г. их число выросло до 30 священников, из 35 имевших богословское образование. Как видно, были и те, кто отлынивал от своих прямых обязанностей. Два иерея прочитали по 1 проповеди, два – по 3 проповеди, трое священников – по 2 проповеди, четверо – по 4, шесть человек – по 5 проповедей, один – 6 проповедей, двое – по 7 проповедей, один – 8 проповедей, двое – по 9 проповедей. Были и те, кто, как в соседнем уезде, отметился большим числом поучений и проповедей: это настоятели приходов сел Убеево, Торбиково, Абызово, Алманчино, Норусово, Торбиково, Малая Шатьяма. Священник с. Убеево Рождественский провел, к тому же, 26 бесед [4, Ф. 4. Оп. 62. Д. 36. Л. 146–319].

Существенным отличием середины XIX в. стало то, что многие священники стали проповедовать на родном для прихожан языке, среди них в Чебоксарском уезде – 14 человек, в Ядринском уезде – 12, в Цивильском уезде – только один [4, Оп. 82. Д. 212. Л. 435, 447, 583; 2, Оп. 1. Д. 257. Л. 10–311]. В христианском просвещении немалая роль принадлежала и церковным школам. К 1861 г. во многих чувашских приходах они были открыты, по крайней мере в клировых ведомостях об этом прямо сказано. Данные клировых ведомостей о преподавательской деятельности иереев

и более низших служителей церкви подтверждаются многочисленными документами духовно-учебных заведений [2, Оп. 1. Д. 388. Л. 11; 4, Оп. 93. Д. 28. Л. 16–61].

Многие священники совмещали настоятельскую службу с преподавательской в местных школах и в уездных народных училищах, расположенных за пределами приходов. По состоянию на 1830 г. в Чебоксарском уезде из 35 штатных священников восемь прежде занимались учебной деятельностью: пятеро – в духовном училище Чебоксар, двое – в Казанском духовном училище, один – в Казанском приходском училище, среди них Е. Пальмов, священник городской Успенской церкви Чебоксар, замещал некоторое время должность ректора Чебоксарского духовного училища, а с 1817 по 1830 г. являлся цензором училища. Священник Вознесенской церкви И. Огнев в 1821–1825 г. был законоучителем Чебоксарского народного училища. Таким образом, число священнослужителей, соприкоснувшихся в той или иной степени с образованием, возрастает до десяти. По состоянию на 1850 г., в Чебоксарском уезде священников-учителей уездных училищ и семинарии было 9 человек, в Цивильском – 7, в Ядринском – 10 [2, Оп. 1. Д. 257. Л. 4–316; 4, Оп. 82. Д. 212. Л. 402–549].

Духовные лица, служившие в Чувашском крае, работали среди специфического населения, формально крещенного, но фактически продолжавшего придерживаться традиционного вероучения. В Чебоксарском уезде широкую известность своей деятельностью получил благочинный священник с. Сундырь И.О. Коршунов. В 1825 г. он был перемещен в приход из с. Сотниково этого же уезда «для успокоения волновавшихся против священника Соловьева прихожан и причта», в 1843 г. он в своем доме открыл школу, в которой учительствовал. В с. Кошки с 1823 г. служил иерей И.В. Золотницкий, получивший право ношения набедренника «за успешное обращение чуваш крещенных от языческих заблуждений», с 1840 г. возглавивший приходское училище [2, Оп. 1. Д. 203. Л. 47–48; Д. 257. Л. 118–119].

С 1848 г. во Введенском соборе г. Чебоксары служил А.И. Кроковский, являвшийся первоначально учителем духовного училища г. Чистополь, а с 1846 г. – законоучителем в г. Чебоксары. После должности «увещевателя для назидания ссылаемых в Сибирь преступников и находящихся в тюрьмах Чебоксар», в 1852 г. был назначен директором Чебоксарского попечительства о тюрьмах.

Другими деятелями просвещения в Чебоксарском уезде были: проповедник на чувашском языке А. Данилов из с. Яндашево (с 1848 г.), Т.Л. Богородицкий из с. Кошки; М.И. Кедров, в 1845–1950 г. являвшийся наставником Яндашевского училища, с 1850 г. – Сундырского. С 1859 г. наставником училища в Мариинском Посаде являлся Г.В. Покровкий, составитель поучений на чувашском языке и переводчик молитв на марийский язык; здесь же при Троицкой церкви длительное время (с 1826 г.,

предположительно до конца 60-х г.) служил благочинным М.В. Самуилов, после окончания богословского курса некоторое время являвшийся учителем русского языка в Казанской духовной академии. Последний получил почти все награды, установленные для белого духовенства, включая и Анну 3-й степени, и ему четыре раза была объявлена признательность церковного начальства за деятельность, связанную со сбором средств «в пользу изгнанных греков и молдаван и духовенства», за обращение новокрещенных от язычества к православию и крещение чувашей [2, Оп. 1. Д. 203. Л. 42–499].

На плечи священников также легла пропаганда прививок. Помощь в борьбе с холерой в Чебоксарах в 1831 г. оказывал Г.Ф. Молчановский. Впоследствии иерей был награжден набедренником за принятие исповеди и причастия у прихожан в любую погоду, и в любое время суток. Его пастырская работа началась в 1814 г., служение в городе в качестве священника Покровской церкви продолжилось до 1842 г., он был членом духовного правления. В 1816 г. он принимал участие и в организации Чебоксарского духовного училища [1, Оп. 1. Д. 427. Л. 217–219; 2, Оп. 2. Д. 105].

В Цивильском крае известность получил священник Г.Т. Хрусталева из с. Шакулово (с 1826 г.), духовный депутат (это своеобразный общественный защитник приходского духовенства в церковных и светских делах), креститель нескольких чувашей. В Троицком соборе г. Цивильска длительное время являлся настоятелем протоиерей М.А. Никольский (с 1807 г.), законоучитель Цивильского народного училища, член оспенного комитета и попечительства о тюрьмах и депутат. Во время отступнического движения 1829–1830 г. проявил себя в «утверждении прихожан из чуваш в вере». В этом же приходе служил с 1848 г. И.П. Романовский, бывший учитель латыни, катехизиса, церковного устава, нотного пения и чувашского языка Чебоксарского приходского училища [2, Оп. 1. Д. 117. Л. 169–170; Д. 203. Л. 43; Д. 257. Л. 265–266].

В Ядринском уезде таких примеров было также немало. Известным учителем являлся духовный депутат с. Шуматово П.П. Золотницкий. При приходской деревне Солтыганово прихода Богатырево с 1845 г. учителем являлся З.Е. Ливатов, проповедник и опытный проводник православия, в с. Торбиково – М.П. Вишневецкий (с 1836 г.), в с. Чурашево – Я.Т. Ходяшев (с 1855 г.).

В с. Шуматово, после ухода с учительской должности Золотницкого в 1857 г. ввиду преклонных лет, его дело продолжил К.Е. Магнитский, одновременно депутат. В с. Оточево ряд должностей, наряду с благочиннической, выполнял А.П. Паленин: с 1834 г. сотрудник Казанского духовного попечительства, в 1840–1847 г. он был наставником училища, в 1849 г. получил признательность военного губернатора за оказание помощи в борьбе с холерой, охватившей Чувашский край в 1848 г. В с. Ал-

манчино с 1828 г. священником служил А.И. Ямбиков, выпускник низшего отделения Казанской духовной академии, в 1812 г. поступивший в народное ополчение, а по возвращении в родные края назначенный дьяконом с. Торбиково. Был награжден серебряной медалью за взятие Парижа. В 1828 г. стал священником с. Алманчино, с 1840 г. – духовником округа [1, Оп. 1. Д. 427. Л. 126–241; 4, Оп. 82. Д. 212. Л. 467–527]. В с. Анат-Киняры Козьмодемьянского уезда с 1813 г. служил А.Я. Земляничкий, обучавший чувашскому языку русских священнослужителей ближайших приходов, в с. Янгильдино – Г.А. Аристовский, переведший на чувашский язык произведение «День святой жизни» [1, Оп. 1. Д. 427. Л. 59–61; 4, Оп. 82. Д. 212. Л. 303–304].

Некоторые священники не просто в силу специфики наследственности духовного статуса занимали должности, но и повторяли и подтверждали заслуги отцов. В Троицком соборе г. Цивильска с 1831 г. служил И.А. Гальбанский, занявший место отца. Некоторое время, с 1841 г. по 1854 г., был депутатом с духовной стороны, в 1854 г. по своему желанию перевелся в с. Абашево Чебоксарского уезда и стал учителем Чебоксарского народного училища. Его отец, протоиерей А.И. Гальбанский, происходивший из протоиерейской семьи, с 1795 г. по 1831 г. служил в Цивильске. Здесь он был благочинным, сотрудником оспенного комитета и духовного попечительства. В 1828–1829 г. «увещевал» отпадших в ислам татар [2, Оп. 1. Д. 117. Л. 170–172, Д. 286. Л. 119].

В разных селах Чувашского края служили представители семьи Бальбуциновских. Н.И. Бальбуциновский, по окончании семинарии с получением первого разряда в 1828 г. стал учителем, а затем инспектором Чебоксарского духовного училища, был священником городских церквей, депутатом, членом оспенного комитета и Чебоксарского духовного правления. Его брат, А.И. Бальбуциновский, также окончивший семинарию с первым разрядом, в 1828 г. был назначен в с. Шихазаново Цивильского уезда, с 1841 г. – благочинный, сотрудник духовного попечительства. Оказывал помощь в борьбе с холерой [2, Оп. 1. Д. 203. Л. 43, Д. 257. Л. 265–266].

Незаметными старания и усердия священнослужителей не оставались, что непременно отражалось в клировой ведомости. Впрочем, наряду с высоким поощрением в документах встречались и наказания за совершенные проступки, что впоследствии могло бы отразиться на карьере духовного лица: как правило, имеющий одновременно и награды, и взыскания священнослужитель не мог получить в будущем более доходное или престижное место в приходе, так как в таких случаях консистория с опаской смотрела на провинившуюся когда-то в далеком прошлом кандидатуру. И примерно у четверти священнослужителей, имеющих награды, есть и штрафы, или в характеристике личности указано «поведения худого».

Со второй трети XIX в. награды и благодарственные слова получали не только священники, но и более низшие служители алтаря Господня. Например, дьякон с. Тимирчи Чебоксарского уезда П.И. Ронгин дважды, в 1839 г. и 1843 г., был отмечен признательностью казанской консистории за крещение татар. Весь причт с. Большая Шатъма Ядринского уезда за пожертвование личных средств в годы Восточной войны в 1855 г. получил «благодарственные слова». В с. Татмышево Цивильского уезда дьякон Н.А. Аристовский за чтение прихожанам в доступной форме основ вероучения в 1838 г. был отмечен архиереем, в 1848 г. оказывал содействие чувашам в ликвидации холеры. В Чувашской Сорме Ядринского уезда в 1847–1851 г. учителем являлся дьякон Г.И. Дроздов, оказывавший помощь правлению Казанской духовной семинарии и прихожанам в борьбе с пожарами [2, Оп. 1. Д. 257. Д. 282–283, Д. 286. Л. 145–146, 436–437].

Одной из самых важных наград, которой отмечали рядовых прилежных деятелей церкви в процессе христианизации, был набедренник. Этой наградой поощряли и иереев, занимавшихся общественной работой. Его надевали при выполнении особо торжественных религиозных обрядов. Пожалуй, первым, кто получил награду, был настоятель Введенского собора И. Протопопов. Это поощрение стало своеобразным стимулом с ещё большей отдачей проходить служение, и даже при наличии отрицательных характеристик поведения или штрафов священник теоретически получал больше шансов остаться в людном приходе и получать более высокие доходы. Особенно актуальным это становится именно во второй трети XIX в., поскольку приходов новых открывалось мало, рождаемость в среде приходского духовенства оставалась высокой и государство часто избавлялось от клириков путем отправки их в рекруты через так называемые разборы. Им подлежали в первую очередь не получившие приходское место сыновья духовных лиц или неблагонадежные персоны. Таким образом, вознаграждение отличало усердно проводивших свою пастырскую деятельность от неисправимых и нерадивых, поднимало авторитет церкви и христианства. К концу 50-х г. XIX в. из 35 священников Чебоксарского уезда набедренник имели 7 человек, из 42 священников Ядринского уезда – 14 [подсчитано по: 2, Оп. 1. Д. 286. Л. 2–506 Об.].

Следующими по значению наградами были скуфья и камилавка – фиолетовые шапочки, надеваемые и в обычное время. Не существовало строгих правил при награждении ими, в большинстве случаев скуфья выдавалась «за беспорочное служение Алтарю Господня», а если оно в течение длительного времени не было омрачено негативными случаями и руководство консистории желало выразить благосклонность или лояльность, священник мог получить и камилавку. В 1859 г. три священника Чебоксарского и девять Ядринского уездов имели данный знак отличия. В личных делах духовенства также отражены «признательность», «благословление», «благодарность» гражданских и церковных местных и центральных

властей. Таким поощрением отмечены пять священников Чебоксарского и шесть – Ядринского уездов [подсчитано по: 2, Оп. 1. Д. 286. Л. 2–506 Об.]. Все священники России получили в память Отечественной и Крымской войн бронзовый крест на владимирской ленте для ношения на персях (на груди), носились они на шее, как и прочие кресты священнослужителей. Подобного рода поощрения, владения местными языками, характеристики поведения, проступки и взыскания являлись необходимым элементом данных свидетельств о личности, и сокрытие какой-то информации или преувеличение непременно приводило к серьезным наказаниям в отношении их составителей и благочинных. Таким образом, клировые ведомости как материалы учёта и фиксации социального статуса приходского духовенства достаточно информативны и позволяют раскрыть не только этапы карьеры духовного лица, но и оценить его личные качества, выявить типичные правонарушения и проступки, и, самое главное, оценить вклад священно и церковнослужителей в дело христианского просвещения народов Среднего Поволжья

Литература

1. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 172. Оп. 1.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 225.
3. Евдокимова А.Н. Приходское духовенство и прихожане Чувашского края в конце XVIII – первой половине XIX веков: Дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2004. – 384 с.
4. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 4.

Зыкина Алевтина Петровна

Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

НАЧАЛЬНАЯ И СРЕДНЯЯ ШКОЛА ЧУВАШСКОГО КРАЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ⁶⁶

Аннотация: система школьного образования России рубежа XIX–XX вв. была представлена разными типами учебных заведений, что прежде всего было характерно для начальной школы. Это приходские, земские, городские, церковноприходские училища, школы грамоты и др. Система среднего образования включала в себя гимназии и реальные училища. В статье дана подробная характеристика отдельных типов школ и показано их развитие на территории Чувашского края в рассматриваемый период.

Ключевые слова: школьное образование, начальная и средняя школа, типы школ, уровень грамотности и образования, полиэтнический регион, Чувашский край, социально-экономическое развитие.

⁶⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кабинета министров Чувашской Республики в рамках научного проекта №17-46-210691 p_a

Alevtina Petrovna Zykina

I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary

**PRIMARY AND SECONDARY SCHOOLS
OF THE CHUVASH REGION AT THE TURN
OF THE NINETEENTH AND TWENTIETH CENTURIES**

Abstract: the system of school education in Russia at the turn from the nineteenth to the twentieth century encompassed different types of educational institutions, particularly on the level of the primary school. these included parish, zemstvo, and town schools as well as seminaries, grammar schools, etc. the system of secondary education included gymnasiums and technical schools. the article gives a detailed description of some types of schools and shows their development in the territory of the Chuvash region in the period under review.

Keywords: school education, primary and secondary school, types of schools, literacy and education level, polyethnic region, Chuvashia, socioeconomic development.

В настоящее время наблюдается повышенное внимание к вопросам регионального управления в Российской Федерации. Данная проблема привлекает представителей разных наук (историков, экономистов, политологов, юристов и др.). Её наиболее актуальными аспектами на сегодняшний день являются: социально-экономическое и культурное развитие регионов, формирование национальной элиты, преподавание национальных языков в России. В связи с этим возрастает внимание к истории отдельных регионов, состоянию национального вопроса в определенные эпохи. Важной составляющей в истории каждого народа и региона было развитие системы школьного образования. Власть очень часто использовала сферу образования в своих интересах, для администрации она являлась одним из методов управления территорией. Данная статья посвящена характеристике системы начального и среднего образования в Чувашском крае на рубеже XIX–XX вв.

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. из 125640 тыс. жителей, охваченных переписью, грамотных оказался всего 21,1%. Среди мужчин этот показатель равнялся 29,3 женщин – 13,1%. Неодинаков был уровень грамотности среди городских и сельских жителей: 45,3 и 17,4% соответственно. По данным переписи образование выше начального в стране имело всего 1,3 млн чел. или 1,1% населения. На рубеже веков в России менее половины населения страны составляли русские. Фактор многонациональности Российской империи оказывал серьезное влияние на сферу образования. Уровень грамотности населения был неодинаковым среди различных народов и по регионам. Средний показатель по Европейской части страны равнялся

22,9%, на Кавказе он составлял 12,4, в Сибири – 12,35, в Средней Азии – 5,26% [6, с. 139, 145, 151, 163, 169, 175]. Такая тенденция сохранилась и в начале XX в. По данным на 1 января 1911 г. в России проживало 163919000 чел. (без данных по Финляндии). Из этого количества учебной в начальной школе было охвачено всего 4, 04% населения [7, с. 2]. Данный показатель был разным в отдельных губерниях. Местами он был гораздо выше, например, 6,25% в Рижском учебном округе, а где-то значительно ниже – 0,17% в Средней Азии.

В Казанской губернии средний показатель грамотности населения равнялся 17,86%. В Казани он составлял 51,36% – самый высокий показатель по губернии, а в чувашских уездах был значительно ниже: в Цивильском – 10,35%, Чебоксарском – 14,13%, Ядринском – 8, 09% [8, с. 12–14, 22–25].

По официальным данным Министерства народного просвещения (далее – МНП), на 1 января 1897 г. в стране насчитывалось 78737 начальных училищ, в которых обучалось 3801977 учащихся, что составляло около 3% от всего населения страны [5, с. 5]. Такая удручающая картина была результатом, прежде всего, недостаточного финансирования сферы образования. Например, данные сборника «Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи за 1896 год» свидетельствуют, что из общего количества начальных училищ ведомства МНП – 31594 лишь 3094 (т.е. менее 10%) содержались за счет казны. Основную массу школ – 27373 (86,6%) финансировали «земства, общества и сословия» [13, с. 230–231]. Большая часть бюджетных средств направлялась на развитие учебных заведений, подчинявшимся духовному ведомству. Необходимо подчеркнуть, что здесь имеются в виду не те учебные заведения, которые давали духовное образование, а выполнявшие функцию общеобразовательной школы, и находившиеся под контролем Синода (церковноприходские училища и школы грамоты). В 1896 г. 34836 училища, контролируемые Синодом, получили всего 4713569 руб. 93,5 коп. Из этой суммы 3041119 руб. 53,5 коп. (64,5%) составили «местные средства» (т.е. земские и городские), а 1150162 руб. 42 коп. (24,4%) вложил сам Синод. Кроме названных основных источников финансирования в развитие школ деньги направляло ещё Министерство земледелия и государственных имуществ и др.) [13, с. 248–249].

Структура начального образования в России на рубеже XIX–XX вв. по сравнению со второй половиной XIX в. больших изменений не испытала. Её отличительной чертой была многоотипность, что было обусловлено подотчетностью отдельных типов начальной школы различным ведомствам, характерные для каждого из них уставы и образовательные программы, уровень преподавания и т.д. Основная часть учебных заведений подчинялась МНП и Синоду. В 1903 г. начальных школ, находящихся под контролем МНП, насчитывалось 42597, что составляло 48, 4% общего

количества школ этого звена, в ведении Синода состояло 43994 начальных школ – 50, 0%. Наряду с этими данными статистика, касающаяся контингента учащихся, была совершенно иная. В том же 1903 г. в начальных школах, подведомственных министерству, обучалось 3126359 человек (61,4%), в подчиненных Синоду – 1888610 (37,2%) [4, с. 127].

Одним из распространенных типов являлись училища МНП. Они были одноклассные (трехлетний курс обучения) и двухклассные (пять лет обучения). Учебные заведения этого типа преобладали в сельской местности. Из общего количества 42597 школ, действовавших в 1903 г. в России, 6592 были в городах, а 36005 в селах [4, с. 126]. Судьба этих школ была довольно сложной, так как вопросы их финансирования министерство решало чисто символически. Основную часть денежных средств для их развития должны были выделять местные земства, сельские общества, частные лица.

В министерских школах учили читать, писать, считать, и, самое главное, быть политически благонадежными гражданами. В одноклассных училищах изучали закон божий, русский язык с чистописанием, арифметику. Курс двухклассных усложнялся за счет истории, географии, естествоведения. Наряду с ними проходили ещё церковное пение и черчение. Помимо указанных предметов по желанию родителей и возможностях школы могли вводиться гимнастика, обучение ремеслам и мастерству (для мальчиков) и обучение рукоделию (для девочек).

Другим типом учебных заведений начального звена конца XIX – начала XX вв. были церковноприходские школы и школы грамоты. Они также были одноклассными и двухклассными (3 и 4 года обучения соответственно). В школах грамоты учились 2 года. Открывать церковноприходские школы право имели приходские священники. Основной целью этих учебных заведений, согласно «Правилам о церковноприходских школах» от 1884 г., было религиозное воспитание [10, с. 229]. Образовательная программа церковноприходских школ включала закон божий, церковное пение, чтение книг церковной и гражданской печати и письмо, начальные сведения из арифметики. В качестве учителей этих школ выступали местные священники.

Оценивая качество работы этих школ, следует подчеркнуть, что они уступали министерским училищам, и земским школам как по материальному обеспечению, так и уровню подготовки учащихся. Ещё более низким был уровень обучения в школах грамоты. Здесь изучались закон божий, церковное пение, книг церковной и гражданской печати и письмо, счет.

Двухклассных церковноприходских школ было значительно меньше, чем одноклассных. Например, по данным на 1903 г., двухклассных насчитывалось 569, одноклассных – 43425, т.е. в 77 раз больше. Неравномерным было распространение этих учебных заведений по городам и селам. Большинство церковноприходских школ находилось в сельской

местности. К 1903 г. на селе имелось 41617 церковноприходских школ, в городах – 2377 [4, с. 126].

Выше было отмечено, что МНП чаще всего поддерживало именно данный тип начальной школы. Безусловно, поощряя её развитие, правительство преследовало конкретные цели, ставя на первое место воспитание молодежи с такими характеристиками, как политическая благонадежность, лояльность, преданность и верность власти. В начале XX в. самодержавие особенно было заинтересовано в подданных с такими качествами. Следует отметить и положительную роль этих школ в деле распространения грамотности среди нерусского населения России.

Наиболее распространенным типом начальной школы в городах являлись городские училища по Положению 1872 г. Их цель заключалась в «доставлении детям всех сословий начального умственного и религиозно-нравственного образования» [9, с. 1]. Они состояли в ведении МНП, могли открываться и содержаться за счет правительства, земских и городских органов самоуправления, также частных лиц. Городские училища были одноклассные и многоклассные (до VI классов). Здесь преподавались закон божий, чтение и письмо, русский язык и церковнославянское чтение, общеобразовательные предметы представляли арифметика, геометрия, черчение и рисование, отечественная история и география, естествоведение. Их программа также включала пение и гимнастику. «Кроме этих предметов учащиеся в городских училищах, по желанию местных обществ, в случае ассигнования ими не менее половины необходимых на то средств, могут быть в внеклассное время обучаемы ремеслам» [9, с. 3].

С 1 июля 1912 г. началась реформа городских училищ по Положению 1872 г. – на их основе стали создаваться высшие начальные училища, которые предусматривали четыре года обучения. Курс высших начальных училищ должен был включать алгебру, геометрию и физику. Изменялся статус рисования, черчения, пения и гимнастики. Если они раньше были предметами внеклассными, то теперь превращались в классные занятия. Помимо функции общеобразовательной подготовки, высшие начальные училища могли заниматься профессиональной. В них дополнительно могли открываться педагогические, почтово-телеграфные, бухгалтерские, строительные, электротехнические, сельскохозяйственные, ремесленные и др. курсы [3, с. 11].

Система начального образования Чувашского края на рубеже XIX–XX вв. включала все названные выше типы школы. В силу принадлежности различным ведомствам (от чего зависело финансирование конкретной школы) в их деятельности не было стабильности. Более того, их принадлежность к тому или иному ведомству не была постоянной. Школы нередко преобразовывались или вовсе закрывались. В связи с финансированием из разных источников и разными ведомствами суммы их содержания отличались значительно. Большинство начальных школ региона

деньги на свое развитие получали от земств и сельских обществ. В Цивильском уезде в 1890 г. насчитывалось 95 начальных школ: 1 уездное училище, 2 городских приходских училища, 3 министерских училища, 24 школы Братства св. Гурия, 24 земских, 11 церковноприходских училищ и 30 школ грамоты. В Ядринском уезде в 1897 г. было 113 школ, из них школ духовного ведомства (церковноприходские училища, школы грамоты и школы Братства св. Гурия) – 76, земских – 34, министерских – 3 [1, с. 478, 243].

В 1894 г. в Чувашском крае функционировало 108 министерских школ, в которых обучалось 11213 чел., в т.ч. в 5 городах края (Алатырь, Чебоксары, Мариинский Посад, Цивильск и Ядрин) – 1115 учащихся; в 100 церковноприходских школах – 3307 детей, в 119 школах грамоты – 3081, в 108 в земских училищах – 6702. К началу XX в. наблюдалось дальнейшее расширение системы начального образования края. В 1904 г. школ, состоявших под ведомством МНП и Синода, было 535, учащихся в них 24809, из них в 5 городских училищах обучалось 469 детей, в 12 двухклассных сельских училищах – 1632, в 167 начал. училищах – 11109, в 351 школах, подведомственных Синоду, – 11599. В 1911 г. в сельской местности на территории края насчитывалось 670 начальных учебных заведений, из них 272 были подведомственны МНП, 398 – Синоду. В них обучалось более 32 тыс. учащихся [1, с. 479].

Такие серьезные изменения в школьном образовании Чувашского края напрямую были связаны с распространением системы просвещения Н.И. Ильминского. Реализовывал её среди чувашей И.Я. Яковлев. Именно благодаря ему чувашский народ получил в 1871 г. букварь на родном языке, также он организовал Симбирскую чувашскую школу, которая готовила учителей для чувашских школ.

Среднюю школу страны на рубеже XIX–XX вв. представляли гимназии и реальные училища. Друг от друга они отличались не только содержанием образования, но и социальным составом учащихся и отношением официальной власти. По данным на 1894 г., классических гимназий в стране было 177, реальных училищ – 104. К 1913 г. насчитывалось уже 434 классических гимназий и 276 реальных училищ. Обстановка в области среднего образования в рассматриваемый период продолжала оставаться сложной. Несмотря на наметившуюся тенденцию к росту числа средних школ, их было все равно крайне мало. Результаты переписи 1897 г. показали, что среднее образование в стране имело 1, 3 млн чел., т.е. 1,1% населения [6, с. 139].

На протяжении XIX в. в гимназии преобладали дети представителей высшего сословия. С началом XX столетия в социальном составе гимназистов произошли некоторые изменения. К 1 января 1914 г. в гимназиях и прогимназиях обучалось 152110 человек, из них дети дворян и чиновников составляли 31,9%, т.е. их стало заметно меньше, чем раньше, и увеличилась

численность городских сословий – 36, 89%, крестьян – 19,9% [2, с. 52–53]. Что касается состава учащихся реальных училищ, то почти половину как в конце XIX в., так и в начале XX в. составляли представители городских сословий.

В реальные училища в основном поступали дети средних городских слоев. Они не давали права их выпускникам поступать в университеты, в то же время и не выпускали специалистов с завершенной профессиональной подготовкой. В силу данных недостатков правительству в лице МНП постоянно приходилось терпеть критику со стороны общественности. В связи с этим в 1888 г. были внесены изменения в устав реальных училищ. Они превращались в средние общеобразовательные школы с семилетним сроком обучения. Из них шесть были основными (V и VI делились на два отделения: основное и коммерческое). Кроме основных имелся VII дополнительный класс, в котором учащиеся готовились к поступлению в высшие специальные учебные заведения. Изменения коснулись и содержания образования. Например, в учебных планах было увеличено количество часов на изучение новых иностранных языков, математики, физики, естественной истории, географии.

Преобразования в реальных училищах продолжились с началом XX в. В 1902 г. был разработан общий курс первых двух классов реальных училищ и классических гимназий, что давало возможность некоторым выпускникам реальной школы после первых двух лет обучения поступать в III класс классической гимназии. В 1906 г. для них был утвержден новый учебный план, который действовал до 1918 г. [11, с. 314].

В структуре среднего образования России начала XX в. важное место продолжали занимать женские министерские гимназии. Они находились в сложных условиях в основном по причине недостаточного финансирования. Например, в 1910 г. на содержание 700 министерских женских гимназий, существовавших в стране, было израсходовано около 11 млн руб. Из них 870 тыс. руб. вложила казна [12, с. 224]. Остальную сумму составили средства общественности и плата за обучение.

Женские гимназии состояли из семи классов. Предметы, изучаемые в них, делились на обязательные и необязательные. К первым относились закон божий, русский язык, арифметика, география всеобщая и русская, история, основы естественной истории, физики, гигиены, чистописание, рукоделие, гимнастика. К числу необязательных – французский и немецкий языки, рисование, музыка, пение и танцы. Судя по перечню изучаемых предметов, программа женской средней школы была несколько уже мужской. По этой причине общественность выступала с требованием поднять их образовательный уровень.

Развитие среднего образования в Чувашском крае берет начало только с XX в. В регионе были представлены оба типа средней школы, которые су-

ществовали в Российской империи. Открытию гимназий способствовало появление ранее четырех женских прогимназий: в Алатыре – 1870 г. (на базе женского училища II разряда), Чебоксарах – 1904 г., Ядрине – 1906 г., Цивильске – 1910 г. Одна мужская прогимназия была открыта в Алатыре в 1876 г. Прогимназии представляли собой четырехклассное учебное заведение, соответствовавшее 4 младшим классам гимназий. Здесь изучали основы православной религии, русский язык, латинский, греческий, французский и немецкий языки, математику, географию и историю. После завершения курса прогимназии можно было поступить на работу (преимущественно учителями и чиновниками) или продолжить учёбу дальше [1, с. 479].

Из пяти названных выше прогимназий четыре женские в начале XX в. были преобразованы в гимназии. По-другому сложилась судьба Алатырской мужской прогимназии. Она была закрыта в 1897 г. по причине недостаточного финансирования и малого количества воспитанников. Таким образом, гимназическое образование в регионе было представлено исключительно женскими учебными заведениями. Они возникли в Алатыре в 1908 г., Чебоксарах – 1910 г., Ядрине – 1911 г., Цивильске – 1913 г.

Обучение в гимназиях было платным (от 27 до 45 руб. в разные годы). В 1912 г. в Чебоксарской гимназии насчитывалось 160 учениц, Ядринской – 183, Цивильской – 271, в 1911 г. в Алатырской – 275 чел. Социальное происхождение гимназисток было разнообразным. Здесь обучались дети мещан, крестьян, духовенства, купцов, дворян и т.д. В Чебоксарской и Алатырской гимназиях в основном преобладали дети мещан, в Цивильской и Ядринской – крестьян. Абсолютное большинство выпускниц гимназий и прогимназий работали учителями в начальных школах региона [1, с. 480].

На территории Чувашского края работали и реальные училища, их было два: в Алатыре (1902–1918) и Ядрине (1908–1918). Здесь изучались русский, два иностранных языка, математика, история, география, естествознание, химия, физика, астрономия, рисование, черчение, чистописание, законоведение, музыка, гимнастика. Дополнительно вводились садоводство, полеводство и др. Обучение также было платным и составляло 60 руб. в год. Среди учеников преобладали дети крестьян. В Алатырском училище они составляли 40%, в Ядринском – 60%. В 1911 г. в Алатырском реальном училище было 174 ученика, в Ядринском в 1911 г. – 109, в 1917 г. – 240. Их выпускники пополняли ряды инженерно-технических кадров и студентов институтов.

Таким образом, оценивая развитие начального и среднего образования на территории Чувашии на рубеже XIX–XX вв. необходимо подчеркнуть, что произошло значительное увеличение как количества учебных заведений, так и численности учащихся. Особенно стремительно этот процесс развивался в начале XX столетия. Однако их все равно не хватало.

Литература

1. Арсентьева А.В. Учебные заведения в образовательном пространстве Чувашии конца XVIII – начала XX века / А.В. Арсентьева, А.П. Петрянкина. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – 504 с.
2. Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 г. – Пг.: Сенатская типография, 1916. – 251 с.
3. Закон о высших начальных училищах, одобренный Государственным Советом, Государственной думой и высочайше утвержденный 25 июня 1912 года. – Одесса: Школа, 1913. – 23 с.
4. Записка по вопросу о всеобщем начальном обучении с приложением сведений о начальном образовании в России за 1903 г. – СПб., 1906. – 131 с.
5. Краткий обзор деятельности МНП за время управления покойного министра народного просвещения Н.П. Боголепова. – СПб.: В.С. Балашев и К, 1901. – 83 с.
6. Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. 2. – СПб.: Паровая типо-литография Н.Л. Ныркина, 1905. – 417 с.
7. Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г. Вып. XVI. Итоги по империи / Под ред. В.И. Покровского. – Пг.: Типо-литография М.П. Фроловой, 1916. – 147 с.
8. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел; Под ред. Н.А. Тройницкого. – Т. XIV. – Казанская губерния. 1904. – 284 с.
9. Положение о городских училищах. – М.: Тип. класс при Набилк. учеб.-ремесл. уч.-ще, ценз., 1875. – 16 с.
10. Правила о церковно-приходских школах // Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях / Сост. П. Аннин. – 3-е изд-е. – СПб., 1890. – Ч. I. – С. 228–239.
11. Сборник постановлений и распоряжений по реальным училищам Министерства народного просвещения за 1875–1909 г. В 3 ч. / Сост. Д. Кузьменко. – М., 1910. – 503 с.
12. Сперанский Н. Кризис русской школы: торжество политической реакции. Крушение университетов. – М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1914. – 271 с.
13. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи за 1896 год. – Вып. 1. – СПб.: Издание Департамента народного просвещения, 1898. – 303 с.

Иванова Татьяна Николаевна

Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

**А.И. ЯКОВЛЕВ В КОММУНИКАТИВНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ НАУКИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

Аннотация: в статье исследуется место А.И. Яковлева (1878–1951 г.) в научных коммуникациях между исследователями, научными, учебными, общественно-просветительскими организациями в первой половине XX века. Определена роль А.И. Яковлева как деятеля, служившего соединительным звеном в межпоколенческом, межрегиональном и межинституциональном общении. Подчеркивается значение его деятельности по сохранению и преемственности традиций в отечественной исторической науке и образовании.

Ключевые слова: А.И. Яковлев, И.Я. Яковлев, ученики В.О. Ключевского, научные коммуникации, Московский университет.

Tatyana Nikolaevna Ivanova

I. N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary

**A.I. YAKOVLEV IN THE COMMUNICATIVE SPACE
OF RUSSIAN SCIENCE IN THE FIRST HALF
OF THE TWENTIETH CENTURY**

Abstract: the article explores the place of A.I. Yakovlev (1878–1951) in scholarly communications between researchers and academic, educational, and public cultural organizations in the first half of the twentieth century. A.I. Yakovlev is described as a person who played a role as a connecting link in intergenerational, interregional and interinstitutional communication. the importance of his activities for the preservation and passing on of traditions in the national historical sciences and education is emphasized.

Keywords: A.I. Yakovlev, I.Y. Yakovlev, the students of V.O. Klyuchevsky, scientific communications, Moscow University.

В 2018 г. исполняется 140 лет со дня рождения Алексея Ивановича Яковлева (1878–1951 г.), члена-корреспондента АН СССР, доктора исторических наук, известного учёного, педагога и общественного деятеля. В Чувашии он более известен как сын великого просветителя И.Я. Яковлева. В связи с этим в региональной историографии хорошо изучен тот аспект его деятельности, который связан с семьей, сотрудничеством Алексея с отцом, и его огромными усилиями по сохранению наследия

И.Я. Яковлева [2; 5; 8; 10; 12 и др.]. Российские историки из Москвы, Челябинска, Санкт-Петербурга и других городов исследовали стороны деятельности Алексея Ивановича, связанные с его принадлежностью к школе В.О. Ключевского его научно-преподавательской деятельности, его вкладом в изучение различных проблем исторической науки [4; 6; 11; 13 и др.]. Наиболее разносторонняя и комплексная оценка А.И. Яковлева содержится в трудах В.В. Тихонова [17 и др.]. В то же время малоисследованным остается вопрос о роли А.И. Яковлева в становлении научных коммуникаций своего времени и, в целом, в коммуникативном пространстве российской культуры XX в.

О важной роли коммуникативного пространства для развития науки писали М. Полани, Т. Кун, А.П. Огурцов и др. Так, М. Полани, изучая структуру и законы функционирования научных сообществ, обращал особое внимание на так называемые «свободные научные коммуникации», которые способствуют сохранению научных традиций и преемственности в науке. Коммуникативное пространство можно представить как некую сеть сообществ, связанных между собой социальным, физическим, психологическим и интеллектуальным общением. В этом сетевом пространстве присутствуют некие константы, «скрепы», «узлы», связывающие между собой не только социальные группы, но и отдельных индивидуумов. Эти связующие элементы (индивиды или группы) придают целостность коммуникативному пространству. Не стоит упускать и факт контаминации, «наложения», различных социальных сообществ друг на друга. Отсутствие между ними четких границ приводит к тому, что отдельный индивид и даже социальная группа могут относить себя одновременно к разным сообществам.

На наш взгляд, важным связующим звеном, скреплявшим различные научные сообщества в коммуникативном пространстве отечественной культуры первой половины XX в., является А.И. Яковлев. По воспоминаниям коллег и учеников, он обладал способностью с первого взгляда располагать людей к себе, вызывать симпатию и доверие. Его поступки свидетельствуют о преданности по отношению к своим учителям, коллегам и ученикам, стремлению помогать людям, оказавшимся в непростой ситуации.

А.И. Яковлев играл особую роль в системе научных коммуникаций, способствуя преемственности научных традиций дореволюционной и советской исторической науки; в то же время, он выступал связующим звеном между «столичной» и «провинциальной» историографией. В разные периоды своей жизни учёный работал в различных организациях (Московский университет, Румянцевский музей, Московские Высшие женские курсы, Чувашский институт народного образования, Высшие литературные курсы, библиотека ВСНХ, Институт истории РАНИОН, Картографический трест, Институт истории АН СССР, Государственная библиотека

СССР им. В.И. Ленина, Московский государственный библиотечный институт и др.) [9, с. 92–93]. В связи с этим он выступал актором межинституциональных коммуникаций, связывая ученых разных организаций и поколений. В рамках небольшой статьи трудно полностью раскрыть многообразные связи на конкретных фактах, поэтому ограничимся выделением основных сообществ, в которые входил А.И. Яковлев и которые он соединял в своей коммуникативной деятельности.

Хронологически первым сообществом является семья и окружение Ивана Яковлевича Яковлева. Здесь мы видим связи с казанской профессурой, с симбирским сообществом. Важную роль в его судьбе сыграли тесные связи между его отцом и И.Н. Ульяновым. Алексей ещё в симбирский период своей жизни знал и В.И. Ульянова-Ленина, и его брата Дмитрия, с которым учился не только в одной гимназии, но и в Московском университете. Позже он встречался с Лениным в Швейцарии, а в 1918 г. использовал личное знакомство с вождем Советского государства для того, чтобы спасти от преследований своего отца [19]. В том же году он просил о прекращении преследований со стороны советских властей философа И.А. Ильина и своего коллеги С.В. Бахрушина. Однако личное знакомство с вождем к концу 1920-х г. перестало предохранять Алексея Ивановича от репрессий.

Благодаря связям своего отца в Московском университете у А.И. Яковлева появился первый покровитель – профессор И.В. Цветаева. Через симбирцев он стал вхож и в квартиру ректора университета Д.Н. Зернова [21, с. 394–395]. Позже он всегда будет отстаивать среди коллег доброе имя И.В. Цветаева [16, с. 294].

В студенческие годы А.И. Яковлев стал членом большого сообщества историков Московского университета. Его учителями были такие известные профессора, как В.И. Герье, П.Г. Виноградов, М.С. Корелин, Н.И. Стороженко, к памяти которых он почтительно относился всю жизнь. Так, именно по его ходатайству в 1930-е г. была сохранена могила В.И. Герье [7, с. 34].

Особую роль в судьбе А.И. Яковлева сыграл В.О. Ключевский, который уже на первом курсе заметил способного студента. Затем Василий Осипович добился, чтобы Яковлев, исключенный за участие в студенческих беспорядках, был восстановлен в университете (кроме того, за студента хлопотали И.В. Цветаев и В.И. Герье), а в 1900 г. ходатайствовал об оставлении учёного на факультете для подготовки к профессорскому званию [17]. Сообщество учеников Ключевского сыграло большую роль в жизни Алексея Ивановича.

Среди формальных учеников Ключевского, защитивших диссертации под его руководством (П.Н. Милуков, Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский), А.И. Яковлев выделялся особым отношением к учителю. А.Н. Савин считает, что он «из них ближе к Ключевскому» [16, с. 179].

Действительно, А.И. Яковлев принимал активное участие в изучении юбилейного сборника в честь профессора, его жена художница Ольга Петрова, писала в 1907 г. портрет В.О. Ключевского на квартире Яковлевых [3].

После смерти учителя именно А.И. Яковлев стал одним из инициаторов организации своеобразных неформальных собраний соучеников. При жизни Ключевского это были поминки по его другу, рано умершему учёному А.А. Шахову. С 1911 г. «поминки по Шахову» превратились в поминки по Ключевскому [16. С. 204]. В декабре 1912 г. по инициативе А.И. Яковлева эти поминки стали проводиться не дома у Бориса Ключевского, а в ресторане «Прага» [16. С. 266–267]. Этим неформальным общением оказался охвачен широкий круг московских профессоров (Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтер, С.К. Богоявленский, С.Б. Веселовский, С.А. Котляревский, А.Н. Савин, С.Ф. Фортунатов, М.К. Любавский и др.). Со многими из них Яковлев вместе преподавал на Московских Высших женских курсах. С Ю.В. Готье он вместе работал в Румянцевском музее. Сближала ученых и совместная работа в Московском городском народном университете (университет Шанявского).

Велика роль А.И. Яковлева в реабилитации имени В.О. Ключевского в советской марксистской историографии. В 1946 г. он напечатал большую статью о своем учителе, которая подверглась жесткой критике за «безудержное восхваление» буржуазного историка, за то, что она «чужда марксистской историографии» [20]. Следует обратить внимание на отношения Яковлева и М.К. Любавского, которые начинались как общение «учитель – ученик» (в чувашском архиве хранится отзыв М.К. Любавского на магистерскую диссертацию Яковлева [9, с. 94]), а затем переросли в сотрудничество коллег. Общие профессиональные интересы, совместные публикации сблизили трех молодых ученых А.Я. Яковлева, С.Б. Веселовского и С.В. Бахрушина. Так, Л.В. Черепнин занимался в домашнем семинаре Бахрушина.

Научные интересы Яковлева, который с молодых лет проявлял интерес к археологии и был близок «к культу источника», способствовали его сближению с С.Ф. Платоновым. Этот известный представитель Петербургской школы лично приезжал на защиту магистерской диссертации Яковлева. Так молодой учёный стал связующим звеном между Петербургской и Московской школами.

Особую роль в системе научных коммуникаций играли ученики Яковлева (Л.В. Черепнин, А.А. Новосельский, В.И. Авдиев, Б.Б. Кафенгауз, Л.Н. Пушкарев). Большинство из этих ученых были аспирантами А.И. Яковлева в Институте истории РАН ИОНА. Там же работал М.М. Богословский, с которым Яковлев сотрудничал с первых лет своей преподавательской деятельности в университете [15, с. 158]. Наверное, наиболее близок к учителю был Л.В. Черепнин. Он вместе с Яковлевым попал в 1930 г. под колесо

репрессий, затем они совместно издали ряд работ (в их числе переиздание «Русской правды»). Л.В. Черепнин покровительствовал дочери Алексея Ивановича Ольге Алексеевне, которая также стала историком [8]. Именно Черепнин написал некролог учителю, опубликованный в 1951 г. [1].

Своеобразным «гордым узлом» научных коммуникаций в 1930 г. стало так называемое «академическое дело». «Подельниками» Яковлева стали такие учёные из разных университетов, как С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, Д.Н. Егоров и др. С одной стороны, выжившие после ссылок и лагерей учёные стали неформально поддерживать друг друга в дальнейшем; с другой стороны, как справедливо заметил современный исследователь А.А. Кузнецов, в 1930–1950 г. они избегали эпистолярного общения друг с другом по цензурным соображениям [13, с. 265].

Научные коммуникации не ограничивались Москвой, а имели значительную пространственную протяженность. Ещё до революции 1917 г. А.И. Яковлев читал научно-популярные лекции в Ярославле, Вязьме, Нижнем Новгороде и других городах Центральной России [2, с. 342].

Важное значение для А.И. Яковлева имело общение с чувашскими учёными В.Г. Егоровым, С.П. Горским, М.О. Сироткиным, А.С. Канюковым, П.Г. Григорьевым. Это была и переписка, и личное общение. Связано это было прежде всего с деятельностью по сохранению памяти и наследия отца И.Я. Яковлева. [18]. Алексей Иванович оказывал помощь провинциальным учёным и в бытовых вопросах. В его московской квартире всегда проживало много гостей, о чем вспоминали его дочь Ольга [14. Ф. 2. Ед. хр. 36] и ученик Л.Н. Пушкарев [15, с. 157].

Большую помощь А.И. Яковлев оказывал мордовским учёным. Как известно, свою Сталинскую премию за книгу «Холопство и холопы в Московском государстве XVII века» он в 1943 г. передал детским домам Чувашии и Мордовии. Под руководством А.И. Яковлева защитили свои диссертации такие мордовские учёные, как Г.Я. Меркушкин, В.Н. Самаркин, Т.Е. Купряшкин и К.А. Котов.

Тесное профессиональное и личное общение связывало А.И. Яковлева с нижегородскими учёными – его сокурсником по Московскому университету С.И. Архангельским и его ученицей Н.И. Приваловой. С последней состояла в многолетней переписке дочь А.И. Яковлева Ольга, через которую учёный передавал приветы, дарил свои книги [13].

Следует отметить, что самой верной ученицей А.И. Яковлева стала его дочь Ольга, которая в своей научной деятельности продолжила и методологически, и методически, и тематически исследования отца по истории XVI–XVII вв. О.А. Яковлева позже вспоминала, что начала работу в архивах с 14 лет, что, несомненно, произошло при участии её отца [14. Ф. 2. Ед. хр. 36].

Таким образом, А.И. Яковлев способствовал научным коммуникациям внутри обозначенных выше сообществ. При этом отметим, что учёный никогда не стремился к лидерству в научных сообществах, но в силу своих личностных качеств способствовал сплочению его членов и установлению устойчивых научных коммуникаций как внутри, так и между этими сообществами. В.В. Тихонов, отмечая заметный след, оставленный в исторической науке А.И. Яковлевым, пишет: «Его жизнь и научная деятельность помогли донести ценности московской исторической школы до следующего поколения исследователей, сгладив тем самым разрыв между эпохами в отечественной историографии» [17, с. 17].

В своей научной, педагогической и общественной деятельности Алексей Иванович не изменял нравственным принципам: вставал на защиту своих коллег, подвергшихся репрессиям; несмотря на критику марксистских ученых, отстаивал позиции своих учителей; способствовал сохранению наследия И.Я. Яковлева. Хотелось бы, чтобы об этом замечательном человеке вспоминали не только в годы юбилеев.

Литература

1. Яковлев А.И. [Некролог] // Вопросы истории. – 1951. – №9. – С. 168.
2. Александров Г.А. Прекрасный работник для русской науки и школы // Учёные. – Чебоксары, 2006. – С. 339–348.
3. Государственный исторический архив Чувашской республики (ГИА ЧР). Сдаточная опись. Материалы о семье Яковлевых.
4. Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. – Челябинск: Энциклопедия, 2010. – 288 с.
5. Димитриев В.Д. Алексей Иванович Яковлев // Чувашская энциклопедия. – Чебоксары, 2011. – Т. 4: Си-Я. – С. 715–716.
6. Душинов С.М. К истории отечественной археографии (издания, подготовленные А.И. Яковлевым) // Археографический ежегодник. – 1976. – М., 1977. – С. 111–120.
7. Иванова Т.Н. В.И. Герье в оценке А.И. Яковлева, сына чувашского просветителя // Вестник Чувашского университета им. И.Н. Ульянова. – 2010. – №2. – С. 34–38.
8. Иванова Т.Н. Сохранение наследия И.Я. Яковлева и его семьи в ЧГУ имени И.Н. Ульянова / Т.Н. Иванова, О.О. Дмитриева // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова). – Чебоксары, 2017. – Т. 2. – С. 22–29.
9. Иванова Т.Н. А.И. Яковлев: научно-педагогическая и общественная деятельность по данным неопубликованных источников, хранящихся в г. Чебоксары / Т.Н. Иванова, И.С. Васильева // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева. – Чебоксары: ИД «Среда». – С. 92–95.
10. Историки Чувашии – доктора наук / Авт.-сост. Т.С. Сергеев. – Чебоксары, 2002. – 156–164.
11. Клапиюк В.Т. А.И. Яковлев – историк, педагог, библиотекарь, библиограф: (к 60-летию великой победы и 75-летию МГУКИ) // Вестник МГКУИ. – 2005. – №2. – С. 144–150.

12. Краснов Н.Г. Иван Яковлев и потомки. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. – 480 с.
13. Кузнецов А.А. Сведения к биографии историка О.А. Яковлевой / Мининские чтения: Тр. участн. Междунар. науч. конф. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.). – Н. Новгород: Редакционно-издательский отдел Центрального архива Нижегородской области, 2010. – С. 263–270.
14. Научно-исследовательская лаборатория имени И.Н. Ульянова – И.Я. Яковлева.
15. Пушкарев Л.Н. Три года работы с А.И. Яковлевым // Историографический сборник. – Саратов, 2001. – Вып. 19. – С. 157–170.
16. Савин А.Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 524 с.
17. Тихонов В.В. В истории так мало незыблемых истин... (к 130-летию со дня рождения Алексея Ивановича Яковлева) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cliohvit.ru/view_post.php?id=70 (дата обращения: 03.05.2018).
18. Яковлев А.И. Иван Яковлевич Яковлев / Под ред. Ф.Н. Петрова. – 2-е изд. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1958. – 119 с.
19. Яковлев А.И. Четыре встречи с В.И. Лениным // Исторический журнал. – 1944. – №1–2. – С. 160–162.
20. Яковлев А.И. В.О. Ключевский (1941–1911) // Записки научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР. – Саранск, 1946. – Вып. 6. – С. 94–131.
21. Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания. – М.: Республика, 1997. – 694 с.

Ласточкин Вячеслав Борисович
Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЧУВАШИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: в статье рассмотрены особенности учебно-воспитательного процесса, нравственно-политического, патриотического воспитания учащихся школ Чувашии в период Великой Отечественной войны, роль учителей и школьников в общественно-политической и культурной жизни республики, их участие во всенародной помощи фронту, работа советских и партийных органов ЧАССР по руководству просвещением, партийных, комсомольских и пионерских организаций школ, помощь эвакуированным гражданам, в том числе детям и подросткам, и семьям фронтовиков.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Чувашия, школьное образование, школы, педагоги, учащиеся.

Vyacheslav Borisovich Lastochkin

I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary

SCHOOL EDUCATION IN CHUVASHIA DURING THE TIME OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract: this article examines the particular qualities of the educational process and of moral, political and patriotic education for those who attended school in Chuvashia during the period of the Great Patriotic War. the author considers the role of teachers and pupils in the socio-political and cultural life of the Republic and their participation in the all-national movement of assistance to the front. the leadership work of the Soviet and Party organs of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic Party in the area of education is considered along with the work of Party, Komsomol and Pioneer school organizations in directing assistance to evacuated citizens, including children and adolescents, and to families of front-line soldiers.

Keywords: the Great Patriotic War, Chuvashia, primary education, schools, teachers, students.

К началу Великой Отечественной войны школьное образование в Чувашской АССР достигло значительных количественных и качественных показателей. По состоянию на 1 июня 1941 г. в Чувашии было 1037 школ, из них 553 начальные, 351 неполная средняя (семилетняя) и 133 средних. В них обучались 188, 4 тыс. человек, в том числе 108 тыс. в первых-четвертых, 63,9 тыс. в пятых-седьмых и 16,5 тыс. в восьмых-десятих классах [4, с. 67–68].

К началу 1941/42 учебного года были приняты меры по дальнейшему упорядочению сети школ, установлен план по обучению 183091 школьника, в том числе 104432 учащихся первых-четвертых, 63856 – пятых-седьмых и 14803 – восьмых-десятих классов [7, с. 156].

Война внесла в эти планы неизбежные коррективы, связанные прежде всего с эвакуацией в Чувашию 28 предприятий вместе рабочими, специалистами и членами их семей, в том числе с детьми-школьниками, а также беженцев. К 1 января 1942 г. в ЧАССР насчитывалось 17085 эвакуированных детей, 906 из которых прибыли в составе детских учреждений. Для них были открыты новые детские дома, общее число которых достигло 12 [8, с. 166].

Однако требовалось организовать не только проживание и быт, но и школьное образование детей и подростков.

Обеспечение нормального функционирования школ, других детских учреждений, детдомов, укрепление их материальной базы с самого начала войны стало предметом первой заботы и внимания партийных, правительственных органов Народного комиссариата просвещения ЧАССР.

Ещё более основательной была подготовка к введению с 1944 г. всеобщего обязательного обучения детей с семилетнего возраста. С этой целью в сентябре 1943 – апреле 1944 г. были решены вопросы о возвращении школам зданий, используемых не по назначению, о подготовке школ республики к новому учебному году, обеспечение их учебно-наглядными и школьно-письменными принадлежностями, реставрации и издании школьных учебников и т. д. Было запланировано принять в начальные классы 125812 детей, в том числе 47048 мальчиков и девочек в возрасте 7–8 лет [4, с. 289–290].

1 августа 1944 г. СНК ЧАССР утвердил план расширения двенадцати действовавших детдомов, проведения ремонта и строительства мастерских при них. В конце того же года при детских домах функционировали 18 мастерских, в том числе 5 столярных, 3 пошивочных, 1 сапоговаляльная и 1 слесарная. За ними были закреплены земельные участки, подсобные хозяйства [7, с. 167].

В стороне от этого важнейшего дела не могли, конечно, оставаться не только органы государственной власти, но и общественность. Благородный пример, как всегда, показал комсомол. 5 июня 1944 г. Чувашский обком ВЛКСМ в телеграмме И.В. Сталину сообщил, что к тому времени комсомольцы и молодежь республики из средств, заработанных на воскресниках и вечерах самодеятельности, собрали в помощь детям фронтовиков 1459206 руб. [2].

Член-корреспондент АН СССР, сын великого чувашского просветителя А.И. Яковлев перечислил в мае 1943 г. Сталинскую премию на обустройство детдомов в Чувашии и Мордовии [1].

Под влиянием настоятельных требований времени кардинальному преобразованию было подвергнуто и содержание учебно-воспитательного процесса, ориентированное в первую очередь на потребности обороны. Уже в 1941/42 учебном году при всех школах были организованы группы самозащиты из учителей, служащих и учащихся старших классов численностью по 30–35 бойцов в каждой группе.

Учащиеся работали и на строительстве оборонительных рубежей. Например, старшеклассники Семеновской средней школы Порецкого района трудились в течение месяца на земельных работах, выполняя нормы выработки на 200% [6, с. 18–19].

Школьники продолжали помогать взрослым на протяжении всей войны. Одним из их конкретных дел стал сбор лекарственных растений, в том числе для госпиталей. Только в 1944 г. они сдали государству 210 кг шиповника, 1213 кг рябины, 150 кг черники, 38 кг липового цветка и т. д. [6, с. 135].

Развернулось и тимуровское движение, направленное на помощь семьям фронтовиков, детдомам, госпиталям. Три тимуровских команды Че-

боксарской средней школы №1 помогали подшефному госпиталю: убирали помещения, давали спектакли. С первых дней развертывания Чебоксарского эвакогоспиталя №3056 шефство над ним взяли пионеры школы №4. Они шили для бойцов салфетки, кисеты, приносили в палаты цветы, помогали ремонтировать и красить мебель, читали раненым, писали для них письма домой [8, с. 155–156].

Школа становилась не только очагом просвещения и распространения знаний, но и центром культурной общественно-политической жизни округа. В отчете Народного комиссариата просвещения ЧАССР об итогах работы школ республики в 1941/42 учебном году были приведены следующие факты. «Школа, – говорилось в этом документе, – стала проводником антифашистских идей в широкие слои взрослого трудящегося населения и активным участником мероприятий партии и правительства по оказанию помощи фронту и укреплению тыла».

Особенно занимательными и волнующими источниками по интересующей нас теме являются живые свидетельства тех, кто испытал и пережил эти события, – самих школьников военных лет, «детей войны», многие из которых стали в дальнейшем известными и заслуженными людьми. Космонавт Адриан Николаев, которому в начале войны было 12 лет, вспоминал: «Я втянулся в работу по-настоящему, наравне со старшим братом Иваном. В войну все подростки очень рано повзрослели. Уже, будучи учащимся шестого класса, в дни каникул мне приходилось вывозить на поля навоз, бороновать вспаханное поле. А через год мне уже доверяли пахать. Осенью мы возили хлеб в районный центр, водружая над телегами красные транспаранты «Все для фронта, все для победы!» Каждый из нас чувствовал свой, пусть и небольшой, но посильный вклад в дело приближающейся Победы... Каждый из нас хотел быть или Гастелло, либо Маресьевым, панфиловцем или Матросовым» [5, с. 10–12].

Таким же было и военное школьное детство Петра Владимировича Денисова, юбилею которого посвящена конференция. Мемуаров он не оставил, но его ученики и биографы А.П. Данилова и Л.А. Таймасов пишут об этом периоде его жизни вот что: «Родители Петра работали в колхозе и, несмотря на сложные материальные и бытовые трудности, старались с ранних лет прививать своим детям любовь к труду и образованию. Но началась Отечественная война, изменившая весь уклад деревенской жизни. Большинство мужчин ушло на фронт защищать Родину, в том числе отец и старший сын семьи Денисовых. Работа в колхозе, забота об урожае, рубка леса для железнодорожного транспорта и много других хозяйственных дел легли на плечи женщин и детей. Тринадцатилетний подросток Петр Денисов, ставший старшим в семье, вместе с односельчанами как мог помогал колхозу, вносил свою посильную лепту в общее дело. Однако трудности суровых военных лет не ослабили его тягу к знаниям. Он учился с большим увлечением и считался в числе лучших учеников

класса. Любимым занятием его было чтение книг. Прочитав все, что хранилось в школьной библиотеке, в летние месяцы он работал почтальоном и получил возможность читать газеты и журналы, поступавшие в местное отделение связи. Успешно окончив школу в 1944 г., с трудом убедив родителей, он с мешком сушеного картофеля за спиной добрался до железнодорожного разезда Буинск, а оттуда в товарном вагоне прибыл в Казань. Шестнадцатилетний юноша из чувашской глубинки добился своей цели – стал студентом историко-филологического факультета Казанского государственного университета» [3, с. 5].

Таковы портреты замечательных представителей того поколения, которому дала путёвку в жизнь советская школа в Чувашии военные годы. Они – пример для нас.

Следует отметить также роль в воспитании этого поколения комсомольских и пионерских организаций школ Чувашии, которую В.И. Соколова оценивает так: «На 1 октября 1944 г. 386 ученических комсомольских организаций объединяли 4522 комсомольцев, действовало 370 учительских комсомольских организаций численностью 1105 человек. Во всех средних и семилетних школах были созданы пионерские дружины, игравшие важную роль во внеклассной и внешкольной воспитательской работе» [6, с. 137].

В труднейших условиях военного времени школы Чувашии с честью выполняли свою задачу по образованию и воспитанию молодого поколения.

Литература

1. ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 11. Д. 147. Л. 94.
2. ГАСИ ЧР. Ф. 6. Оп. 5. Д. 418. Л. 87.
3. Данилова А.П. Слово об учителе / А.П. Данилова, Л.А. Таймасов // Чувашия глазами этнографа: поиски и находки. Статьи, очерки, рецензии. – Чебоксары: Новое время, 2008. – С. 4–19.
4. Культурное строительство в Чувашской АССР: сб. документов / Сост. В.В. Кашагогин, В.Л. Кузьмин, А.М. Мурышкина, В.И. Шевнина; Введ. В.Л. Кузьмина. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. – Кн. 2. (1938–1967 г.). – 420 с.
5. Николаев А.Г. Притяжение Земли. Записки космонавта. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1999. – 160 с.
6. Соколова В.И. Молодежь Чувашии в годы Великой Отечественной войны, восстановления народного хозяйства (1941–1953 г.). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. – 304 с.
7. Степанов Н.С. Очерк истории советской чувашской школы. – Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. – 232 с.
8. Сухова Е.В. Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны (на материалах Чувашской АССР). – Чебоксары: ГБОУЛ Л.А. Наумов, 2008. – 212 с.

Лысенко Екатерина Григорьевна

Чувашская государственная
сельскохозяйственная академия
г. Чебоксары

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МАРГИНАЛЬНОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация: статья посвящена изучению критериев окраинного положения индивида, находящегося на границе различных конфессиональных и национальных групп. Противопоставляются понятия «свой» – «чужой» в границах традиционного общества.

Ключевые слова: маргинал, маргинальное положение индивида, стратификация общества.

Ekaterina Grigoryevna Lysenko

Chuvash State Agricultural Academy
Cheboksary

THE DEFINITION OF INDIVIDUAL MARGINAL STATUS IN A POLYETHNIC REGION

Abstract: the article is devoted to the study of the criteria determining the marginal position of an individual located on the border of various confessional and national groups. The concepts of “native” vs “alien” are contrasted in the context of traditional society.

Keywords: marginal, marginal position of the individual, social stratification.

Термин «маргинальность» используется при определении окраинного положения различных социальных групп. Однако одна из групп более всего соответствует определению и толкованию промежуточного положения человека, данного создателем термина, Р.Э. Парком. «Без сомнения, периоды перехода и кризиса в жизни большинства из нас сравнимы с теми, которые переживает иммигрант, когда он покидает родину, чтобы искать фортуны в чужой стране. Но в случае маргинального человека период кризиса относительно непрерывный. В результате он имеет тенденцию превращаться в тип личности» [1, с. 882]. Кто более чужеземцев и странников, истинных чужаков, «других», соответствует данному понятию?

В современном полиэтническом обществе проблема определения образа «чужого» является актуальной. Взаимоотношение народов, культур и религий в прошлом является причиной проблем их сосуществования в настоящее время. Стремление и умение войти в «чужую» духовную жизнь имеет огромное значение для развития и самоидентификации собственной культуры. Симбиоз различных цивилизаций обязательно порождает осмысление неожиданного возникновения «чужих», связывание

их с личной историей, поиск для них необходимой ниши. В соответствии с позицией Д. Харитонович, отношения «свой – чужой» определяют: «свои», истинные, традиционные члены социума. Могут быть «свои – чужие», «чужие – свои» и «чужие – чужие». «Свои – чужие» – это зачастую соседи. Наиболее контрастное деление на своих и чужих проявилось в отношении к «чужим–своим», инноверам [7].

Социальная среда представляет каждого человека как тип, к которому он принадлежит в силу своей особенности, общество мысленно подводит его под некую общую категорию, однако, индивид полностью её не охватывает. В процессе познания личности социум наблюдает не чистую индивидуальность, но то, как его поддерживает, возвышает либо унижает тот всеобщий тип, к которому его приписывают [3]. Если индивид не соответствует той позиции, что ему предлагает общественная система, он становится Другим.

В любом социуме присутствует некий механизм, контролирующий процесс мобильности социальных групп. Этот аппарат анализирует индивидов для определения адекватного выполнения ими социальных функций; распределяет членов групп для особых социальных позиций, по различным общественным слоям. Эти институты в обществе могут быть представлены церковью, политическими и профессиональными организациями, семьей.

«Они являют собой не только каналы социальной циркуляции, но, в то же самое время, и «сито», которое тестирует и просеивает, отбирает и распределяет своих индивидов по различным социальным стратам и позициям» [6, с. 407]. Нарушившие дозволенные границы «зоны общественного обитания» человек или группа людей определяются как «аутсайдеры» или могут занимать «маргинальное положение», если соответствуют особым признакам.

Данные институты стали главными критериями оценок общих и конкретных свойств личности для уточнения её статуса. Для уточнения маргинальных групп используются различные критерии: экономические, идеологические, социальные, политические [5, с. 80]. Маргинальные объекты меняются в зависимости от необходимого критерия дифференциации общественного пространства, следовательно «маргинальность» – особое пространственное понятие, которое характеризуется социальным контекстом и системой отношений [2, с. 174].

Носитель этноцентричного традиционного сознания считает, что культурным статусом обладают исключительно представители «своей» традиции. Исключительно язык «своей» культуры является полноценным и подходящим для человеческого общения. При уточнении статуса Чужого важно и наличие ортодоксальной веры, принадлежность к ней. Во взгляде носителя традиционной культуры на «чужую» веру, присутствует

не истинное знание, а фольклорно-мифологические представления, созданные внутри собственной традиции, для которой критерий этноцентризма является фундаментальным. Принадлежность к конфессии-доминанте является для представителя этногруппы главным условием того, что он выступает неотъемлемой частью «своего» народа. Вследствие этого в фольклорных представлениях о «личной» вере и «личном» народе знак конфессиональности отождествляется с признаком этничности, а осознание конфессиональной принадлежности определяется над этническим сознанием [4, с. 80].

Промежуточное понятие «маргинальность» определяется положением групп личностей, находящихся на границе двух и более культур, вступающих во взаимодействие друг с другом, но не смешивающихся. Маргиналы и маргинальная культура появляются при миграциях, образующихся межэтнических и межнациональных браках, этнических смешениях, колонизациях.

Литература

1. Park R.E. Human migration and the marginal man // American Journal of Sociology. – Chicago, 1928. – Vol. 33. – №6. – P.881–893.

2. Галсанамжилова О.Н. К вопросу о структурной маргинальности в российском обществе // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – №4.

3. Зиммель Г. Как возможно общество // С.П. Баньковская Теоретическая социология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ssu.samara.ru/~philosophy/exlibris/zimmel.html>

4. Лысенко Е.Г. Проблема маргинальности в западноевропейском средневековом обществе в исследованиях отечественных авторов середины XIX–XX вв. // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – №1. – С. 77–81.

5. Лысенко Е.Г. Традиционная и промежуточная роль индивида в социальной группе // Теоретические и прикладные вопросы науки и образования: Сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. – Тамбов, 2015.

6. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.

7. Харитонович Д.С. Что есть человек // Легенды и мифы европейской истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lectures.edu.ru/default.asp?ob_no=13217

Павлова Алена Андреевна
Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В ЧУВАШИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА:
К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА⁶⁷**

Аннотация: в статье рассматривается политическая элита местного самоуправления в городах Чувашии. В качестве объекта исследования выбраны представительные органы местного самоуправления – городские собрания депутатов как основные политические институты на муниципальном уровне. Автор, систематизируя данные периодических изданий за 1994–2015 гг., характеризует корпус депутатов с точки зрения гендерных, возрастных и профессиональных различий и дает общую оценку местной политической элите в городах Чувашской Республики.

Ключевые слова: местное самоуправление, местная политическая элита, депутаты представительных органов городов Чувашии.

Alena Andreevna Pavlova
I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary

**LOCAL SELF-GOVERNMENT AND THE POLITICAL ELITE
IN THE CITIES OF CHUVASHIA AT THE END
OF THE TWENTIETH INTO THE TWENTY-FIRST CENTURY:
A FORMULATION OF THE QUESTION**

Abstract: the article examines the political elite in local administration in the cities of Chuvashia. the study focuses on representative organs of self-government – city assemblies of deputies – as the fundamental political institution on the municipal level. the author, in analyzing data from the periodical press from 1994 to 2015, characterizes the deputy corps in terms of gender, age and professional distinctions and provides a general assessment of the local political elite in the cities of the Chuvash Republic.

Keywords: local self-government, local political elite, deputies of representative organs of the cities of Chuvashia.

Местное самоуправление в России имеет глубокие исторические корни и особенный путь развития. Его эффективность во многом зависит

⁶⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кабинета министров Чувашской Республики в рамках научного проекта №17-46-210691 p_a.

от управленческого состава кадров и политической элиты местных сообществ.

Известно, что представительные органы власти являются главным звеном в современной системе местного самоуправления. Формируясь прямым волеизъявлением граждан, они все более расширяют свои полномочия, тем самым укрепляют позиции муниципальной власти, которая приобретает независимость и самостоятельность, для чего ей необходима внутриэлитарная интеграция. Для эффективной деятельности политической элиты внутри нее, безусловно, необходим консенсус. Он может быть достигнут в том числе и при общности социального происхождения, социальной базы, профессиональных достижений и каналов её рекрутирования. Все это является основой для повышения политического ресурса представительных органов власти.

Изучение данных характеристик политической элиты позволяет сделать вывод о наличии схожих принципов восприятия и реакции на политические события, принятие управленческих решений, о конфликте поколений и капиталов. Динамика качественного состава парламента может являться показателем преемственности политического курса и политической стабильности либо, наоборот, застоя и политической неопределенности.

Таким образом, анализ состава местного представительного органа позволяет узнать, насколько эффективно исполняются его представительские функции, сделать вывод о гомогенности или фрагментации политической элиты и оценить работу местного парламента.

Предметом исследования явились составы депутатов Чебоксарского городского Собрания I созыва (1994–1996 г.), II созыва (1996–2001 г.), III созыва (2001–2005 г.), VI созыва (2005–2010 г.), V созыва (2010–2015 г.) и VI созыва (2015–2020 г.), а также г. Новочебоксарска, Канаша, Шумерли и Алатыря.

Выборы Чебоксарского городского Собрания депутатов (ЧГСД) I созыва проходили по одномандатным избирательным округам 13 марта 1994 г. при низкой явке избирателей. Так, в г. Чебоксары она составила 19,3%, в г. Новочебоксарске – 15,7%, в г. Шумерля – 33%. Повторные выборы проводились 27 марта, 26 мая, 2 июня, 27 ноября, 4 декабря 1994 г. [10]. Вероятно, причинами неактивности населения на выборах явились низкий уровень политической культуры, недоверие к власти, недовольство работой органов местного самоуправления. В декабре 1996 г. во всех городах Чувашии был избран новый корпус депутатов, в г. Чебоксары приняли участие в голосовании 33,17% избирателей. На выборах в январе 2001 г. – в г. Чебоксары – 38,35%, в г. Канаше – 43,6% [4], в г. Новочебоксарск – 30,1% [3]. В 2015 г. в г. Чебоксары – 39,11%, в г. Канаше – 40,33%, в г. Алатыре – 46,28%, в г. Новочебоксарск – 34,56% [7]. Политическая активность избирателей постепенно возрастает, что является показателем эффективной деятельности депутатов.

Одной из доступных характеристик депутатов городских собраний является гендерное представительство (табл. 1).

Таблица 1

Возрастной и гендерный состав ЧГСД

Годы работы	Общее кол-во депутатов	Мужчины (чел.)	Женщины (чел.)	18–26 лет (%)	26–35 лет (%)	36–45 лет (%)	46–55 лет (%)	Старше 55 лет (%)
1994–1996	15	10	5		13,4	60	26,6	
1996–2001	45	28	17			40	46,7	13,3
2001–2005	45	33	12		11,1	37,8	46,7	4,4
2005–2010	45	41	4	4,4	24,4	37,7	17,7	8,8
2010–2015	33	31	2	3,2	30,3	24,0	42,5	
2015–2020	43	40	4	4,6	13,9	48,8	27,9	9,3

В 1994 г. в г. Новочебоксарске из 12 депутатов городского Собрания было избрано 5 женщин (41,7%) [1], в г. Канаше – 2 (18,1%) из 11 человек [9]. В 1996 г. в следующем депутатском созыве в г. Новочебоксарске из 14 депутатов – 7 женщин (50%), в г. Канаше из 15 депутатов – 1 женщина (6,6%) [5]. Данная тенденция сохранилась и на выборах в январе 2001 г. Так, в г. Новочебоксарске из 14 депутатов – 8 женщин (57,2%) [3]. На выборах в ЧГСД в 2005 и 2010 г. было избрано меньшее число женщин, что, вероятно, связано с увеличением числа депутатов – руководителей крупных промышленных предприятий и снижением количества депутатов, занятых в социальных сферах. По итогам выборов 2015 г., в г. Канаше из 21 депутата – 5 женщин (23,8%), в г. Новочебоксарске из 25 депутатов – 5 (20%), в г. Алатыре из 20 депутатов – 3 (15%), в г. Шумерля из 20 депутатов – 4 (20%) [6]. Таким образом, в политической элите городов Чувашии женщины занимают определенную позицию, что дает возможность городским парламентам представлять интересы общества в целом, с учётом его гендерного различия.

Следует отметить, что в составе большинства городских собраний Чувашии преобладают депутаты среднего возраста – 36–45 лет и 46–55 лет – имеющие жизненный опыт и сформированные нравственные и политические ценности. Также отмечается постепенное увеличение числа молодых депутатов. Старшая возрастная группа (55 лет и старше) представлена в

наименьшем количестве. Присутствие депутатов в возрасте до 35 лет свидетельствует о заинтересованности молодого поколения в политическом процессе. Молодые депутаты чаще всего избираются на второй и третий сроки. Так, ЧГСД V созыва на 63% состояло из депутатов IV созыва. Это является признаком их успешной профессиональной деятельности, ответственности и последовательности направлений политического курса депутатского корпуса, учитывающего в своей работе интересы и ценности поколений.

Анализ уровня образования показывает увеличение количества депутатов с высшим образованием, с высшим управленческим образованием и учёной степенью. Так, в г. Чебоксары из 33 депутатов, избранных в 2010 г., 29 имеют высшее образование, 13 чел. – два и более высших образования, ученую степень кандидата наук имеют 4 чел., доктора наук – 1 [6]. Профильное образование «государственное и муниципальное управление» имеют 4 чел. В 2015 г. из 43 депутатов 41 – с высшим образованием, два и более высших образования имеют 15 чел., профильное образование «государственное и муниципальное управление» – 11 чел.

В городских собраниях Чувашии (1994, 1996 г.) большинство депутатов были заняты в социальной сфере (табл. 2).

Таблица 2

Профессиональный состав ЧГСД, %.

Годы работы	Пед. раб	Мед. раб.	Военные	Руковод. гос. и мун. п/п	Руковод. некоммерч. п/п.	Руковод. городских предпр.	Пр-ли регион/ муницип. власти	Рабочие проф.
1994–1996	13,3	40	13		13,3	6,7		13,3
1996–2001	51,1	15,5	2		8,8	13,3		4,4
2001–2005	26,6	15,5	2		2,2	40	6,6	
2005–2010	2,2	13,3		4,4	17,7	63		
2010–2015	4,6	7		4	11	73,4		
2015–2020	7	2,3		4,6	5,7	75,5	4,9	

Однако постепенно увеличивается количество депутатов-руководителей промышленных предприятий и организаций. Так, в 2001 г. в г. Новочебоксарске в 2010 г. – 60% [6], в г. Канаше – 33,3%. Таким образом, большинство современных депутатов – владельцы собственного бизнеса,

руководители крупных городских предприятий и организаций. Они имеют опыт управленческой деятельности, опыт взаимодействия с государственными структурами, а также авторитетное положение в городском сообществе.

Также следует отметить партийную принадлежность депутатов. Начиная с 2010 г. большинство из них входит в состав политической партии «Единая Россия». Так, в г. Чебоксары из 33 депутатов – 17, в г. Канаше из 21 депутата – 16 человек.

Таким образом, формирование и направления деятельности политической элиты в городах Чувашии в целом зависят от политического курса федеральной и региональной власти. Современная местная политическая элита становится все более гомогенной по своему составу, что позволяет принимать консолидированные политические решения и проводить конструктивную совместную работу. Политика, проводимая депутатами городских собраний, носит преемственный характер. Также необходимо отметить рост профессиональной компетентности органов власти и заинтересованности населения в управлении собственной территорией. Однако присутствие среди депутатов большого количества представителей промышленных предприятий, негосударственных коммерческих организаций, бизнеса и недостаточное привлечение работников бюджетных организаций и представителей общественности не позволяют в достаточной мере учитывать интересы всех групп населения.

Литература

1. Грани. – 1994. – № 140. – С. 1.
2. Грани. – 1994. – № 142. – С. 1.
3. Грани. – 2001. – № 8. – С. 1.
4. Канаш. – 2001. – № 6. – С.1.
5. Конохова Л.Е. Об итогах выборов в городское собрание // Канаш. – 1996. – №154. – С. 1.
6. Сведения о проводящихся выборах и референдумах // Центральная избирательная комиссия Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chuvash.izbirkom.ru/arkhiv-vyborov-i-referendumov/> (дата обращения: 10.09.2018).
7. Сведения о проводящихся выборах и референдумах // Центральная избирательная комиссия Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chuvash.izbirkom.ru/arkhiv-vyborov-i-referendumov/2015-god/2015.php> (дата обращения: 10.09.2018).
8. Сведения о кандидатах, выдвинутых по одномандатным (многомандатным) избирательным округам // Центральная избирательная комиссия Чувашской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chuvash.vybory.izbirkom.ru/region/region/chuvash?action=show&root=1&tvд=2212000370707&vrm=2212000370703®ion=21&global=&sub_region=21&prver=0&pronetvd=null&vibid=2212000370703&type=220 (дата обращения: 10.09.2018).
9. Скотников В. Итоги выборов в городское собрание // Канаш. – 1994. – №64. – С. 1.
10. Чебоксарские новости. – 1994. – № 229.

Пазынич Станислав Николаевич

Харьковская государственная
академия дизайна и искусств

Пономарев Александр Семенович

Национальный технический университет
Харьковский политехнический институт
г. Харьков, Украина

**ВИКТОР КОВТУН – ПОСОЛ КУЛЬТУРЫ,
МИРА И ИСКУССТВА МЕЖДУ НАРОДАМИ**

Аннотация: в статье рассмотрены современные проблемы роли художника в развитии и упрочении дружбы между народами.

Ключевые слова: посол, культура, искусство, пленэр, выставка, художник, дружба народов.

Stanislav Nikolaevich Pazynich

Kharkiv State Academy of Design and Arts

Alexander Semenovitch Ponomarev

National Technical University
«Kharkov Polytechnical Institute»
Kharkov, Ukraine

**VIKTOR KOVTUN
AMBASSADOR OF CULTURE, PEACE
AND ART AMONG NATIONS**

Abstract: current problems concerning the role of the artist in the development and strengthening of friendship between nations are considered in the article.

Keywords: ambassador, culture, art, plein air, exhibitions, the artist, friendship of peoples.

Искусство присуще человеку с самых первых попыток осмысления им самого себя и своего места в окружающем мире. Более того, искусство выступает одной из атрибутивных особенностей человека, имманентных его природе наряду с разумом, мышлением, речью, прямохождением и моралью. Хорошо известно, что представители искусства часто могут сделать для мира и дружбы между народами гораздо больше, чем профессиональные политики. Ведь их идеи и творения, отмеченные печатью высокой культуры и духовности, не знают границ, пропагандируя истинные эстетические идеалы и вкусы, утверждая доброту и гуманизм среди людей. Деятели культуры играют важнейшую роль в сохранении и приумножении достижений человеческой цивилизации. Это и позволяет считать их своеобразными послами не только культуры одной страны и одного

народа в других странах, но одних поколений в культуре последующих, обеспечивая реальную преемственность культурно-исторических традиций.

Именно таким своеобразным посланцем, несущим не только своим творчеством, но и активной общественной деятельностью чувство дружбы и взаимопонимания, способствующим взаимообогащению культур, выступает известный современный украинский художник Виктор Иванович Ковтун [1, с. 291]. При этом он не просто художник, он – мыслитель, тонко чувствующий богатый духовный мир человека и природы, активный борец с бездуховностью и пошлостью, с меркантильностью в сфере культуры и искусства. В основе мировоззрения Виктора Ивановича лежит глубокое понимание красоты, правды жизни и преемственности поколений в развитии искусства. Он с полным правом мог бы повторить слова великого И. Ньютона о том, что «если мы чего-то и достигли, то только потому, что мы стояли на плечах гигантов».

Действительно, человек, родившийся в простой крестьянской семье, не только достиг высот в своем мастерстве и творческом профессионализме живописца, но и сформировался как глубокий мыслитель, имеющий свою оригинальную философию творчества, свои мировоззренческие позиции, четкие нравственные принципы и убеждения. Однако мы убеждены, что в их формировании важную роль играет то обстоятельство, что детство и юность будущего Мастера проходили среди неповторимо живописной природы Черниговщины и трудолюбивых людей.

Как яркая неординарная личность Виктор Иванович Ковтун поражает энциклопедической образованностью, эрудицией и кругозором, широтой интересов и искрящейся доброжелательностью. Он помнит и свято чтит своих учителей, известных художников Е.П. Егорова, Л.И. Чернова, А.М. Константинопольского и А.А. Хмельницкого, и в то же время выработал и постоянно совершенствует свою собственную манеру письма. Его неповторимый стиль позволяет безошибочно узнавать работы Мастера.

В то же время он еще и талантливый педагог, тактичный и внимательный наставник. Подготовив многочисленных учеников, Виктор Иванович никогда не стремится навязывать им ни своего мировосприятия, мироощущения и миропонимания, ни стиля работы, требуя от них только честности в своем творчестве, глубины проникновения в те явления жизни, которые становятся предметом их творчества, и стремления к постоянному совершенствованию своего мастерства. Вот почему далеко не случайно на многих выставках, в различных музейных экспозициях можно встретить замечательные работы представителей его творческой школы. Одной из талантливых учениц, безусловно, является Таня Охрименко, участница многих украинских и зарубежных выставок, где ее работы были отмечены высокими наградами.

Большинству наших современников довелось пережить чрезвычайно сложный, интересный и противоречивый период изменений действительно тектонического характера. Они неожиданно, хотя и вполне закономерно обрушились на людей в виде стремительных системных трансформаций как общественно-политической и социально-экономической, так и духовно-культурной сфер жизни. Эти трансформации в сочетании с революционными достижениями в информационно-коммуникационной сфере наложили свой отпечаток на людей, на их психику и систему жизненных целей и ценностей, на характер их отношений к обществу и к другим людям, на стиль общения. Из межличностных отношений исчезли теплота и сердечность, они все более становятся сухими и прагматичными.

Многие забыли об отношениях бескорыстной дружбы и симпатии, место этих чувств занимают партнерство и меркантильное «А что я буду с этого иметь?». Нравственные нормы уступают место логике и морали выгоды. Однако и в этих непростых условиях остались люди, не только верные своим убеждениям, основанным на системе общечеловеческих ценностей, но и неустанно своим трудом и поведением стремящиеся возродить и утвердить их в общественном сознании, привить подрастающим поколениям. Именно они обеспечивают сохранение и дальнейшее приумножение культурно-исторических традиций народа, возрождение духовности и нравственности. Именно благодаря таким людям сформировалась, развивается и постоянно поддерживается, активно влияя на преемственность поколений, система вечных общечеловеческих ценностей.

Одним из ярчайших представителей творческой интеллигенции, тех, кто остался верен себе в самом высоком смысле слова, является Народный художник Украины, лауреат Национальной премии имени Т.Г. Шевченко, действительно выдающийся человек, профессор, академик Виктор Иванович Ковтун. Масштаб его личности определяют даже не его многочисленные должности, звания и награды, а та доброжелательность и неподдельная искренность в отношениях со студентами и коллегами, с каждым человеком, с которым ему приходится общаться. Поэтому вполне закономерны чувства глубокого уважения, настоящей любви и восхищения со стороны всех, кому выпадает счастье не только работать, но и просто общаться с добрым и отзывчивым человеком, каким мы знаем Виктора Ивановича.

Еще одной важной чертой личности художника является отсутствие в нём какой-либо внешней высокопарности, показной значительности. Человеку колоссальной трудоспособности и яркого выдающегося таланта, ему присущи как вдохновение, так и муки творчества. Однако и то, и другое завершается созданием истинных живописных шедевров, про-

должающих лучшие реалистические традиции изобразительного искусства Украины. И при этом он тверд и неуступчив в принципиальных вопросах.

Художники харьковской организации Национального союза художников Украины, все вместе и в одиночку, пытаются постоянно оставлять средствами искусства свой художественно мировоззренческий след в истории города, страны и человечества. А вот что больше всего присуще нашей художественной организации и что ее выделяет среди других, – так это то, что творческий коллектив сосредоточил в себе разных за характером, взглядами, направлениями творчества ЛИЧНОСТЕЙ. У многих людей постоянно возникают вопросы, как это возможно, чтобы такая творческая организация, образованная из уникальных индивидуальностей, успешно, согласованно и плодотворно работала и вообще полноценно существовала. Весь секрет, по нашему глубокому убеждению, заключается в толерантном характере руководства.

Назовем несколько важных факторов этого умения. Во-первых, председатель организации – Виктор Иванович Ковтун, как и все члены правления, постоянно учится быть восприимчивым к разным творческим идеям. Ведь там, где рассуждают одинаково, там никто не мыслит; если это так, то возникает второй вопрос, как сделать так, чтобы рассуждения разных людей и неминуемые мысленные их расхождения не были изнурительными друг для друга? Вот именно в этой, как говорят, процедуре и кроется талант Виктора Ивановича. В области управления организацией буквально господствует ПОЧЁТ И ДОВЕРИЕ к каждому члену союза художников Украины. Будем откровенны перед своей совестью, верно ли мы понимаем и действуем согласно этим двум понятиям. Ведь почёт и доверие – не синонимы. Скажем, когда иной человек принимает наш интерес откровенно и чистосердечно, то мы доверяем этой личности, которая подбадривает наши благосклонности и точки нашего зрения на конкретные проблемы и поступки. Но в то же время мы УВАЖАЕМ художника, у которого учимся, ведь у каждого есть что-то такое, чего у нас нет. Поэтому мы благодарны Богу и судьбе, которые предоставили нам возможность общаться с разными за взглядами, вкусами и идеалами, художниками, философами, и вообще с каждым человеком, который встречается на стезе нашей жизни. Вот именно такая психологическая атмосфера Доверия и Уважения господствует в пространстве нашей прославленной харьковской организации НСХ Украины, атмосфера обогащения друг друга оригинальными, неповторимыми точками зрения, которые закономерно влияют на ее монолитное единство в разнообразии. Заслуга и притом общепризнанная на всех уровнях, конечно, принадлежит Виктору Ивановичу.

Ему, как секретарю Национального союза художников Украины и председателю Харьковской областной организации этого союза, часто

приходится отбирать работы для различных выставок. И здесь Виктор Иванович не признает никаких иных критериев, кроме творческого мастерства и таланта экспонентов, истинной художественной ценности их произведений. Иногда просто поражаемся тому, как при колоссальной и неизменно добросовестной и ответственной организаторской, научно-педагогической и административной деятельности он находит время для творчества. При этом творчество не ограничивается работой над собственными произведениями. Виктор Иванович выступил организатором ежегодных творческих пленэров на родине И. Репина в Чугуеве. В них обычно принимают участие художники не только из Украины, но и России, Чувашии, Беларуси, Польши, Германии. Вместе с братом Сергеем Виктор Иванович успешно реализуют также оригинальный арт-проект «Пленэр братьев Ковтунов» на своей малой родине, в поселке городского типа Короп Черниговской области. По инициативе и при самом активном участии Виктора Ивановича в 2007 г. проведён первый, ставший впоследствии традиционным, Международный Кокелевский пленэр в селе Тарханы, на родине первого профессионального чувашского художника А.А. Кокеля [1, с. 285]. Имя и творчество этого художника являются одним из связующих звеньев в системе плодотворных взаимосвязей между культурой и искусством Чувашии и Украины, в развитие которых он внес значительный вклад [2, с. 67]. Именно поэтому В.И. Ковтун привозит на пленэр и представителей харьковской школы живописи.

Хорошо известно, что Алексей Афанасьевич Кокель длительное время работал профессором Харьковского художественного училища, а затем и организованного на его базе Харьковского художественного института (ныне – Харьковская государственная академия дизайна и искусств). Он был одним из основателей харьковской школы рисунка [3, с. 77–78]. Еще одним его реальным вкладом в развитие художественной культуры Украины стала подготовка А.А. Кокелем целой плеяды прекрасных художников. Действительно, среди его учеников можно назвать такие известные имена, как Б. Косарев, М. Дерегус, В. Сизиков, Л. Шматько, В. Яценко, Л. Чернов, Е. Светличный [3, с. 78].

Память о славном сыне чувашского народа Виктор Иванович Ковтун почтил не только организацией пленэра, но и формированием традиции, в соответствии с которой его участники безвозмездно передают свои картины в музеи, галереи, библиотеки и другие центры современного изобразительного искусства Чувашии. И в этом проявляется не только бескорыстие и истинная щедрость Виктора Ивановича, но и его высокий авторитет педагога, который умело, прививает эти качества своим ученикам. Как вполне справедливо подчеркивает еще один выдающийся представитель чувашского народа, его современной интеллигенции, известный учёный и педагог, доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии образования Л.П. Кураков: «В.И. Ковтун – профессионал

высокого уровня. Бог наградил его высоким интеллектом, богатым внутренним миром, аурой порядочности, совестливости, высоким творческим и духовно-нравственным потенциалом».

Эти слова, как и широкое признание личности и творчества Виктора Ивановича широкой международной общественностью, причем не только творческой, художественной, служат свидетельством высокоразвитой еще одной характерной черты этого в прямом смысле слова уникального человека и педагога. Речь идет о том, что он – исконно украинский человек, искренний патриот своей страны и ценитель ее самобытной культуры – не замыкается лишь в своем национальном коконе. Он – интернационалист в самом лучшем понимании этого неоднозначного термина. Именно это дает нам веские основания считать его представителем мировой художественной культуры, истинным посланцем культуры в самых различных странах, где он представлял свои произведения и учил местную творческую молодежь. Россия и Китай, Беларусь и Польша, Черногория – далеко не вся география его участия в развитии изобразительного искусства, прежде всего живописи, его влияния и вполне справедливого признания.

Виктор Иванович как настоящий философ и художник (сложно сказать, что из этих атрибутов его многогранной личности поставить на первое место) рассматривает культуру как системное, междисциплинарное образование и глубоко понимает ее силу и возможности в воспитании подрастающих поколений на основе духовности и общечеловеческих жизненных ценностей. Он всячески поддерживает развитие эстетического воспитания школьников и студентов, поскольку оно обогащает их духовный мир, активно способствует их личностному и нравственному становлению. Восприятие ими красоты природы способствует формированию понимания необходимости бережного отношения к ней. Поэтому, то особенное, любовно-трепетное отношение к родной природе, которое мы видим в картинах самого Мастера, непосредственно вызывает патристические чувства у зрителей, пробуждает понимание нашего единства с природой, частицей которой является человек.

Огромный творческий потенциал таланта Виктора Ивановича проявляется и в многожанровости его произведений. Пейзаж и портрет, натюрморт и панорамное полотно, даже бытовая зарисовка интерьера крестьянской хаты – отличаются глубиной осмысления художником сущности и предназначения изображаемых им объектов. Это помогает зрителю взглянуть на них под новым углом зрения, как бы беседуя о них с автором произведения. Обращаясь к портретам, Мастер удивительно тонко и точно передает духовный мир человека. Вспоминаются слова замечательного русского поэта Николая Заболоцкого, обращенные к собратьям по перу:

*Любите живопись, поэты!
Ведь ей единственной дано*

*Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.*

Помимо нашей воле кажется, что это о Викторе Ивановиче, у которого каждый портрет живет, дышит, думает, переживает. Это касается и серии портретов маршала авиации И. Кожедуба, и портретов чувашских космонавтов Андрияна Николаева, Николая Бударина и Муссы Манарова.

Виктор Иванович хорошо известен и своей благотворительностью. Он возглавляет благотворительный фонд и всемерно способствует возрождению лучших традиций академической школы, лично предоставляя материальную поддержку талантливой творческой молодежи. Одна из разновидностей такой помощи состоит и в том, что он полностью берет на себя финансовое обеспечение организации пленэров в Коропе и пребывание на них молодых художников. Благородная и бескорыстная деятельность выдающегося художника и педагога в этой сфере была достойно отмечена специальным дипломом за весомый вклад в развитие образования и культуры.

В этом же ключе следует отметить и масштабную целенаправленную творческую деятельность Виктора Ивановича, результатами которой стали поистине знаковые на Харьковщине работы Мастера. Заметное место среди них занимает живописный триптих «Григорий Сковорода», украшающий Харьковский национальный педагогический университет, носящий имя этого выдающегося украинского философа. Виктор Иванович принял активное участие в оформлении живописного видеоряда в музее-мемориале «Высота маршала Конева», в создании масштабных полотен для музея Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина к 200-летию этого вуза.

Не случайно его ректор, доктор социологических наук, профессор, академик Национальной академии наук Украины Виль Савбанович Бакиров подчеркивает такую важную черту, как то, что Виктор Иванович Ковтун – «невероятно образованный человек, до мельчайших подробностей знающий историю харьковской живописной школы. С необычайным почтением и уважением он относится к мастерам прошлого и к своим коллегам». Вполне обоснованно ректор университета утверждает, что «Виктор Иванович – грандиозное событие культурной жизни Слобожанщины. Без его личности и его творчества эту жизнь невозможно представить. Но при этом он прост и доступен, человек доброй и щедрой души, отзывчивый и искренний. От него ощутимо исходит человеческое тепло, согревающее всех, кому выпало счастье работать с ним и дружить».

Вот такой Человек выступает настоящим посланцем украинской культуры, в первую очередь посланцем традиций национальной живописной школы в Чувашии. Подчеркнем, что это – не какое-то навязывание нашей культуры и наших традиций, а продолжение взаимного обогащения культур, начало которому в свое время положил еще А.А. Кокель. Об этом

свидетельствует вся практическая деятельность Виктора Ивановича как во время пребывания на гостеприимной чувашской земле. С присущей ему доброжелательностью Мастер охотно проводит творческие встречи с художниками и студентами, с представителями общественности, организует мастер-классы, на которых щедро делится секретами мастерства. Он дает дельные советы без какой-либо тени проявления своего превосходства.

Все это дает нам весомые основания утверждать, что в процесс развития художественной культуры Чувашии существенный вклад внес не только А.А. Кокель, но и В.И. Ковтун, который с равным правом может считаться выдающимся как украинским, так и чувашским художником. Ведь действительно, в этой республике у Виктора Ивановича формируется своя школа из местных талантливых молодых и перспективных живописцев.

Признанием заслуг В.И. Ковтуна в качестве посла мира в деле упрочения дружбы между народами стали избрание его Почётным гражданином села Тарханы Батыревского района Чувашской Республики, Почётным доктором Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова [4, с. 273].

Литература

1. Васильев В.А. Алексей Афанасьевич Кокель. 1880–1956. Жизнь и творчество. – 2-е изд., испр. и доп. – Чебоксары, 2009. – 336 с.
2. Васильев В.А. Художник как субъект взаимодействия русской и украинской культур в первой четверти XX века // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – №337. – С. 67–71.
3. Васильев В.А. А.А. Кокель (1880–1956) – художник и педагог // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2010. – №2. – С. 75–79.
4. Васильев В.А. Роль художника в процессе взаимодействия культур. Творческая деятельность А.А. Кокеля. – Чебоксары, 2016. – 322 с.

Сараев Андрей Сергеевич
Чувашский государственный
институт гуманитарных наук
г. Чебоксары

КТО И КОГДА ДОКАЗАЛ, ЧТО ЧУВАШИ – БУЛГАРЫ? (ПОИСК КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ФОРМУЛЫ)

Аннотация: в статье исследуется проблема утверждения в научном сознании болгаро-чувашской теории/концепции. Когда и благодаря кому она из одной многих гипотез превратилась в общепринятое мнение? В качестве основного индикатора смены исследовательских представлений избраны энциклопедические статьи в изданиях от словаря Брокгауза и Ефрона до третьего издания Большой советской энциклопедии.

Ключевые слова: Волжская Болгария, болгары, болгарский язык, чуваша, татары, финно-угры, ислам, этногенез, энциклопедии, марризм.

Andrei Sergeevich Saraev

Chuvash State Institute for the Humanities
Cheboksary

WHEN AND BY WHOM WAS IT PROVEN THAT THE CHUVASH WERE BULGARS? (IN SEARCH OF A CONCEPTUAL FORMULA)

Abstract: the article is devoted to the process through which the Bulgar-Chuvash theory/concept was adopted in the scientific milieu. When and due to whom was it transformed from one hypothesis among many to a commonly accepted view? As a key indicator of the shift in scholarly conceptions we have chosen encyclopedia articles in publications from the famous Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary to the 3rd edition of the Great Soviet Encyclopedia.

Keywords: Volga Bulgaria, Volga Bulgars, Bulgarian language, Chuvash, Tatars, Finno-Ugric peoples, Islam, ethnogenesis, encyclopedias, Marrism (Japhetic theory).

«В ряде выступлений участников конференции звучало, что чувашский язык – это язык болгарский, что чувашки – это болгары. Скажите, кто и когда доказал, что чувашки – болгары, а чувашский язык – болгарский. Вопрос о происхождении чувашского народа находится в стадии гипотезы, многие стороны которой нуждаются в подтверждении фактическим материалом» (П.Н. Саростин, 1965) [17, с. 300].

Каждое «общее место» в науке когда-то «общим» не было. Понять, как из неизвестного явление становится «всем очевидным», найти момент перехода из одного состояния в другое, а также автора «очевидности» подчас бывает нелегко. Однако без саморефлексии наука развиваться не может. Данная статья не претендует на то, чтобы дать ответы на вынесенные в заглавие вопросы. Наша задача скромнее – проследить на выборочных данных сам процесс становления ныне «всем очевидной» концепции.

Однако, материалом для нас будут не специальные исследования. В качестве индикатора смены исследовательских парадигм мы избрали энциклопедические статьи, а также некоторые учебные издания. Выбор объясняется тем, что в энциклопедиях (и учебниках) представлены консенсусные мнения даже по тем вопросам, по которым в науке единая точка зрения отсутствует. Кроме того советские энциклопедии давали официальную научную позицию. Однако зачастую позиция оказывалась «официальной» не очень продолжительное время, поэтому одноименные статьи из разных изданий Большой советской энциклопедии (далее – БСЭ) представляют как бы моментальный срез эпохи, когда господствовало то или иное мнение, а в следующем издании – уже другое.

Как показывает приведенная выше цитата, болгаро-чувашская теория/концепция в 1965 г. «общим местом» в исторической науке не была.

Списать ригористский тон П.Н. Старостина только на его принадлежность к казанской школе археологов не получается. В 1967 г. в уже общесоюзном учебнике по археологии Д.А. Авдусина (профессора МГУ) приведено фактически аналогичное суждение: *«Облик материальной культуры волжских болгар наиболее сходен с культурой современных казанских татар. Связь прослеживается по форме ювелирных изделий, устройству жилищ, бытовому орнаменту и т.п. Волжские болгары в XV–XVI вв. приняли полузабытое имя татар – одного из монгольских племен. Считают также, что кроме татар потомками волжских болгар являются чуваш»* [1, с. 277].

Таким образом, можно констатировать, что даже в середине – второй половине 1960-х г. в науке прямыми потомками волжских болгар считались казанские (поволжские) татары, тогда как с чувашами усматривали лишь наличие некоторой косвенной связи. Следовательно, даже после опубликования монографии В.Ф. Каховского «Происхождение чувашского народа» (а она упоминалась в том же обсуждении, в котором выступал П.Н. Старостин [17, с. 279, 291]), немедленного переворота в историографии не случилось. Болгаро-чувашская теория утвердилась в результате комплексных усилий не одного поколения авторов. То, как проходил этот процесс, мы и рассмотрим далее.

Для того чтобы лучше понять истоки болгаро-чувашской теории, начнем обзор с дореволюционных изданий.

В знаменитом «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» имеются статьи «Булгары волжские» (от буквы в названии «бо/улгар» зависело положение одноименных статей внутри энциклопедии) и «Чуваши». В первой чуваше не упомянуты вовсе, а судьба волжских болгар косвенно увязана лишь с татарами [8, с. 896]. В статье «Болгары волжские» (1912 г.) неоконченного «Нового энциклопедического словаря», написанной известным археологом А.А. Спицыным, напротив, болгары связываются лишь с чувашами, но только в части языка мусульманских надгробных надписей [22. Стб. 354].

Статья «Чуваши» впервые дает развернутое изложение болгаро-чувашской теории (автор – казанский этнограф И.Н. Смирнов): *«...мы должны предположить, что ч [чуваши] не в 1551 г. явились между Сурой и Волгой, и если они никем не упоминаются раньше, то только потому, что они принимались древними писателями за одну из трех известных им народностей Поволжья – или за болгар, или за буртас, или за мажар»* [21, с. 934]. В конечном счете, принимая во внимание накопившиеся к тому времени данные лингвистики (в том числе работы Н.И. Ашмарина) И.Н. Смирнов склоняется к болгарской версии. Итоговый вывод относительно происхождения чувашей следующий: *«Родство с булгарами делает ч [чуваши] старейшей тюркской народностью Поволжья и определяет особый интерес, представляемый их культурой. В элементах*

этой культуры... будет со временем искать решения занимающих его вопросов не только тюрколог, но и славист. Через сравнение югославянского фольклора и быта с чувашским могут выясниться те тюркские элементы, которые вошли в него от турок, половцев-куман, болгар и аваров» [21, с. 935]. Как известно, последняя тема стала одной из определяющих в научном наследии П.В. Денисова.

Однако ещё до революции скептическое восприятие концепции Н.И. Ашмарина, выразил академик В.В. Бартольд в статье «Болгары» «Энциклопедии ислама». Принимая во внимание лингвистические аргументы, он напомнил, что с помощью чувашского языка так и не удалось расшифровать предполагаемые числительные в «Именнике болгарских ханов» [3, с. 519]. Ещё большую трудность, по его мнению, представляли исторические аргументы: *«Чуваши... стали известны русским как язычники. <...> Если бы чувашки действительно происходили от волжских болгар, которые были городскими жителями..., то это свидетельствовало бы о невероятном, вряд ли ещё где-либо в мусульманском мире встречающемся, возврате к дикости» [3, с. 520]. Отсюда Бартольдом был предложен компромиссный вывод, который сохраняет научную ценность и поныне: «Современные чувашки, очевидно, могут происходить не от жителей городов на Волге, а только от таких частей болгарского народа, которые всегда обитали в лесах и были мало затронуты мусульманской городской культурой» [3, с. 520].*

Революция внесла существенные коррективы даже в такую, казалось бы, узкоспециальную проблему, как этногенез чувашей. В силу того, что первое издание БСЭ выходило в течение двадцати лет, статьи из разных томов, имеющие отношение к болгарам и чувашам, демонстрируют значительное разнообразие подходов и оценок.

Первой рассмотрим статью «Болгары волжские». По содержанию она ближе всего к предшествующей историографической эпохе. Автор статьи – А.И. Яковлев, сын просветителя И.Я. Яковлева, ученик В.О. Ключевского и сам крупный историк. Собственно, влияние идей Ключевского (торговая теория) и его продолжателей – М.Н. Покровского и Н.А. Рожкова с их «вульгарно-социологическим» подходом – сказалось на содержании данной статьи. Несмотря на немалый объём, статья малоинформативна: в ней нет ни одной конкретной даты, ни одного имени исторического деятеля (за исключением «нашествия Тамерлана в 15 в.»), а Волжская Болгария представлена лишь как государство-посредник на торговых путях [31. Стб. 774]. Не сообщается также о принятии болгарскими или хотя бы их правителями ислама, вместо этого почему-то говорится о «памятниках христианского искусства, открытых в Волжской Болгарии», которые «относятся к эпохе, предшествующей принятию христианства на Руси» [31. Стб. 776]. Тем не менее А.И. Яковлев напрямую связывает бол-

гар и чувашей: «Прямыми потомками Б[олгар] в[олжских] исследователи (Куник, Радлов, Н.И. Ашмарин и др.) считают современных чувашей» [31. Стб. 774].

Статья «Булгарский язык», уже из следующего тома, представляет собой слепок того времени, когда насаждавшийся повсеместно марризм ещё не одержал окончательную победу над классическим языкознанием. Под одним заголовком мы фактически имеем две разных статьи. Одна написана тюркологом Н.К. Дмитриевым с классических позиций, другая – непосредственно Н.Я. Марром. В части Н.К. Дмитриева сжато приведены все основные факты, касающиеся болгарского языка, сказано, что болгарский язык «вместе с чувашским образует особую, т.н. «булгарскую» группу» [6. Стб. 30].

Марровская часть, что было возможно, пожалуй, только в 1920-е г., попросту отрицает содержание первой части статьи. В одном, довольно бессвязном, предложении нашлось место буквально всему: «*Не касаясь пока взаимоотношений названного языка <булгарского> с турецкими, в признании одним из к[ото]рых отказывают ему ныне и не-яфетидологи, по новому учению, самое отождествление булгарского с чувашским возможно лишь при подходе к булгарскому как классовому языку, наравне с хазарским, среды иного быта (военного, торгового) и иного религиозного мышления, чем чувашши, землеробы и лесники, сохранившие по сей день, вместе с финскими народами волжско-камского окружения – мариями (черемисами), мордвинами, удмуртами (вотяками) и коми (зырянами, пермяками), пережитки древнейших культов Европы и Азии, с «йомызом» (ютеј), разновидностью на Востоке – шамана, на италийской почве Запада – Карменты*» [6. Стб. 30]. В результате подобных словесных «упражнений» Марр приходит к выводу о родстве чувашского с мегрельским и скифским, «до иранизации» последнего [6. Стб. 31].

Роль чувашского языка во всем учении Марра была настолько значительной, что одно время его выделяли в особую группу в лингвистических классификациях [23. Стб. 368]. Приведем также пример из статьи «Чуваши» (автор вводной части – С.С. Кутяшов) первого издания Малой советской энциклопедии (далее – МСЭ): «*По мнению Н.Я. Марра, Ч[уваши] – яфетический народ, язык к [ото]рого представляет переход от яфетической системы к тюркской и финской. В средние вв. <века> Ч[уваши] были активными участниками и творцами ряда восточноевропей[ейских] гос[ударственных] образований, в частности – волжско-болгарского*» [28. Стб. 842].

Статьи «Чуваши», «Чувашская АССР», «Чувашский язык» БСЭ, вышедшие в 1934 г., фиксируют усиление идеологической борьбы в науке. Так, хотя приписка лично от Марра статья «Чувашский язык» не получила, но её автор – чувашский лингвист В.Г. Егоров – нужные оговорки

сделал сам: «По мнению большинства ученых, они <чуваши> раньше входили в состав Волжско-Камского болгарского ханства (7–14 вв.) и известны были под общим названием болгар. В новейшее время академик Н.Я. Марр указал на связи Ч[увашского] я[зыка] (и болгарского) с яфетическими языками. По его разысканиям Ч[увашский] я[зык] принадлежит к сибилантной ветви, к шиплящей её группе, но имеет общие слои и с языками свистящей группы» [13. Стб. 720]. Такое механическое смешение классической науки с марризмом выглядит теперь неестественно, но тогда было необходимым.

Статья «Чуваши» не подписана. В полном соответствии с марровской теорией автохтонизма, отрицавшей даже очевидные миграции народов в прошлом, чувашаи в ней выводятся напрямую от местного первобытного населения: «Чуваши сформировались в эпоху феодализма из многочисленных родовых групп, к[ото]рые издавна обитали в Поволжье. <...> Из этих групп позднее сформировался... и ряд других народов..., напр[имер] мари, татары и др. Единством исторического процесса у этих народов и объясняется их сходство по языку и по этнографическим особенностям. Такое в корне правильное объяснение этого сходства впервые дано акад. Н.Я. Марром» [26. Стб. 699–700].

Впервые именно в этой статье болгаро-чувашская теория не просто критикуется, а агрессивно отрицается, причем ей придается острополитический подтекст: «Буржуазные историки и лингвисты искали прародину Ч[увашей] в Азии, говорили о переселении Ч[увашей] в Поволжье из казахстанских степей и т.д. В 1860-х г. миссионер Ильминский создал теорию о тождестве Ч[увашей] с древними болгарами, носителями «высокой» феодальной культуры в Среднем Поволжье. Эта теория, «прославлявшая» православных Ч[увашей] и «унижавшая» мусульман казанских татар, в виду её политического значения пользовалась поддержкой ученых, обслуживавших царское правительство. Усиленно культивировала эту теорию и чувашская буржуазия, а после Октябрьской революции буржуазные националисты протащили её в учебники истории для чувашских школ. Национал-демократы тоже видели в древних болгарях «великих предков» Ч[увашей]. Лингвистические и исторические исследования Н.Я. Марра и чувашских историков-марксистов разоблачили политическую сущность этой теории» [26. Стб. 699].

Мы видим, что здесь не осталось и следа от обычной энциклопедической объективности. Отметим ещё одну странность, присутствовавшую и в статье «Болгары волжские» А.И. Яковлева: полностью игнорируется принятие болгарями ислама и косвенно предполагается их принадлежность православию.

Исторический очерк статьи «Чувашская АССР» (автор – И.Д. Кузнецов; вероятно, он и автор статьи «Чуваши») составлен в более сдержанном стиле, но по оторванности от фактов превосходит все прежде цитированные статьи:

«В 8–10 вв. чуваши входили в состав Волжской Болгарии. <...> Трудящиеся массы Вост[очной] Болгарии – чуваши в т.ч. – жили в юртах, занимались гл[авным] обр[азом] охотой, бортничеством, скотоводством, частично земледелием... Они обязаны были платить... натуральную дань мехами, кожами и лошадьми. Большое развитие имело рабовладение» [29. Стб. 710].

Поскольку выход первого издания БСЭ чрезвычайно затянулся, последние его тома отражали уже иную историографическую реальность. В этом смысле не «повезло» статьям о татарах. Так, в первом издании МСЭ (т. 8, 1931 г.) о происхождении татар ничего не говорилось, а в статье «Татарская АССР» просто отсутствовал исторический очерк. Во втором издании МСЭ исторический очерк при статье «Татарская АССР» появился, в нём болгары названы «предшественниками» татар [25. Стб. 628]. Том первого издания БСЭ (т. 53) со статьями о татарах и Татарской АССР вышел только в 1946 г. Для сравнения со статьями о болгарях и чувашах этот материал уже не репрезентативен, поскольку всецело принадлежит другой эпохе.

Однако не менее примечательно, что второе издание БСЭ, отделенное считанными годами от последних томов первого издания, также знаменует совершенно новый этап в историографии, поскольку на годы его издания выпало сначала изгнание марризма из науки (1950–1951 г.), затем смерть Сталина и начало реабилитации жертв репрессий, среди которых были многие учёные.

Для того чтобы лучше понять, что представлял собой короткий, но чрезвычайно насыщенный переходный период рубежа 1940–1950-х г., обратимся к двум разделенным несколькими годами публикациям ведущего археолога-булгароведа А.П. Смирнова. В вышедшей в 1951 г. монографии «Волжские булгары» нашли место все главные историографические тенденции трех предшествующих десятилетий. Так, собственно булгар вполне согласно идеям Н.Я. Марра А.П. Смирнов считал *«автохтонами степей Приазовья»*, которые *«входили в число алано-сарматских племен, долгое время... называвшихся скифами»* [19, с. 10–11]. Признавая язык надгробных надписей XIV в. родственным чувашскому, А.П. Смирнов парадоксально заключает: *«Сопоставление данных эпиграфики, позволяющих считать чувашей наследниками древних булгар, с бытовым материалом городищ, показывает, что чувашки являются потомками абorigенов, оставивших нам городища рогожской керамики... Эти древние племена послужили основным компонентом чувашского народа...»* [19, с. 85–86]. Таким образом, автор, кажется, незаметно для самого себя, называя надписи «важнейшим памятником» болгарского языка, тут же отрицает их болгарскую принадлежность и приписывает их непосредственно чувашам – «местным аборигенам» края [19, с. 84; с. 27, 83–84, 85–86]. Единственными прямыми потомками булгар А.П. Смирнов называл казанских

татар: *«Если провести сравнение культуры болгаро-татарской с культурой Казанского ханства и современных татар, то не трудно будет убедиться в том, что основой культуры казанских татар является болгарская»* [19, с. 76].

Все приведенные положения были в той или иной степени пересмотрены А.П. Смирновым всего три года спустя – в написанном совместно с Н.Я. Мерпертом научно-популярном очерке. Ещё не совсем отказавшись от отождествления болгар (в этом издании везде с буквой «о») с алано-сарматами, А.П. Смирнов признал их тюркоязычность: *«По характеру своей материальной культуры болгары были тесно связаны с алано-сарматским населением Приазовья. Однако по языку они входили в состав тюркоязычных племен. Это явилось результатом сложной политической обстановки, сложившейся на юге со времени гуннского нашествия»* [20, с. 36]. Татары по-прежнему названы прямыми потомками болгар, но и чувашаи указаны в числе их наследников: *«Имя болгар долго сохранялось в народной памяти. Казанские татары – прямые потомки болгар – называли себя булгарами ещё в XIX веке. Однако наследниками болгарской культуры являются не одни татары, а также и часть других современных народов Поволжья: чувашей, мордвы и удмуртов»* [20, с. 45].

Такая быстрая смена исследовательских парадигм привела к тому, что даже в сравнении с работами конца 1940-х г. второе издание БСЭ отражает новый этап, в ходе которого и произошло оформление «классических» концепций чувашского и татарского этногенезов (все статьи второго издания не подписаны, лишь для наиболее крупных в ряде случаев указаны авторы).

Переходный этап отразился в статье «Болгария Волжско-Камская» (теперь государство, а не народ, как в первом издании) в двух аспектах: 1) прошло всего несколько месяцев с падения марризма, поэтому этноязыковая принадлежность болгар не указана вовсе, 2) с другой стороны, как и в 1920–1930-е г., проигнорирован факт принятия болгарами ислама. Завершается статья указанием, что *«наследниками культуры болгар являются татары и чувашаи»* [5, с. 452].

Статья «Булгарский язык» (по понятной причине, оказавшаяся в другом томе) уже не содержит следов марризма, и в ней без каких-либо оговорок отмечено, что *«б[улгарский] я[зык] имеет много общих черт с современным чувашским языком, с которым он и составляет болгарскую группу тюркских языков»* [7, с. 260]. Вероятно, автором статьи был Н.А. Баскаков, учитывая её текстуальную схожесть с разделами его монографии «Тюркские языки» [4, с. 33, 104].

Статьи «Чуваши» и «Чувашская АССР» имеют также двойственный характер. С одной стороны, они по-прежнему держатся автохтонизма, с другой – в них возвращена болгаро-чувашская теория. Так, в статье «Чу-

ваши» говорится: *«Формирование чувашского народа происходило на занимаемой им в настоящее время территории в результате сложного процесса ассимиляции местных племен булгарами и родственными им сувазами. Процесс формирования был в основном завершён в 15 в.»* [27, с. 446].

Еще полнее автохтонизм представлен в историческом очерке статьи «Чувашская АССР» (авторы – В.Н. Любимов и В.Л. Кузьмин): *«Чуваши являются одним из народов Среднего Поволжья, предки к [ото]рых с древнейших времён (начиная с позднего палеолита) населяли междуречье рр. Волги, Суры и Свияги. <...> С начала 1-го тысячелетия н.э. здесь происходил процесс складывания этнич [еских] групп и племенных объединений»* [30, с. 448]. Почему у чувашского народа должны быть палеолитические предки на территории современной Чувашии, никто никогда не аргументировал. Мнение это исходило из безусловного принятия взглядов Н.Я. Марра и поскольку раздражавших всех «яфетических» терминов не содержало, удержалось в историографии дольше лингвистической части теории.

Схема собственно чувашского этногенеза (без палеолита) следующая: *«Впервые... название «чуваши» в форме «суваз» или «саваз» упоминается у... Ахмеда ибн-Фадана, побывавшего на берегах Волги в 922 [г]. В русских источниках упоминание о чувашах впервые появляется в 16 в. <...> В 10–15 вв. на территории современной Ч[увашии] сложилась чувашская народность в результате ассимиляции волжскими булгарами местного финно-угорского населения»* [30, с. 448].

Таким образом, в статье второго издания БСЭ была не просто возвращена в прежнем общем виде болгаро-чувашская теория, но она пополнилась результатами опубликованного в те же годы (1954 г.) исследования А.П. Ковалевского («Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана»), в котором чувашаи связываются с племенем суваз. Несмотря на то, что в энциклопедических статьях это напрямую не артикулировалось, но практически немедленное включение в официальную формулировку хода чувашского этногенеза сувар/сувазов было связано не только с отдаленным созвучием с «чуваши», но в немалой степени и с тем, что, согласно ибн-Фадлану, племя суваз отказалось принимать ислам. Тем самым снималось, пусть и игнорируемое, но всем специалистам понятное противоречие – чувашаи мусульманами, в отличие от болгар, никогда не были.

В рамках второго издания БСЭ, благодаря отсутствию хронологического разрыва между томами, у нас есть возможность сравнить статьи о чувашах и татарах. Автором статьи «Татары» стал крупный казанский этнограф Н.И. Воробьев. В статье отмечено различное происхождение татар, а также самого этнонима. О конкретно казанских татарах сказано: *«Основной компонент в этногенезе казанских Т[атар] составляли тюркоязычные болгарские (булгарские) племена, пришедшие в 7–8 вв. из Приазовья. <...> Известное участие в этногенезе Т [атар] принимали*

также кипчаки, к[ото]рые в течение всего золотоордынского периода проникали с юга на территорию Болгарии...» [9, с. 3].

Статья «Татарская АССР» (автор – татарский историк Х.Г. Гимади) в силу большого объема второго издания БСЭ попала в предшествующий том. Об этническом составе предков татар сказано абсолютно то же, но формирование казанско-татарского этноса отнесено, подобно чувашам, к XV в.: *«Во 2-й четверти 15 в. в результате феодального распада Золотой Орды возникло Казанское ханство. К этому периоду относится формирование современной народности казанских татар на этнич[еской] основе волжских болгар с участием кыпчаков» [24, с. 644].*

Таким образом, во втором издании БСЭ отразился этап оформления двух концепций этногенеза народов Поволжья – *болгаро-сувазской* для чувашей и *болгаро-кыпчакской* для татар. Прямых потомков у болгар как будто бы не осталось. Признание этого могло бы стать выходом из нарастающей полемики между чувашскими и татарскими историками. К этому призывал в те же годы (1956 г.) И.Д. Кузнецов, некогда сам клеймивший болгаро-чувашскую теорию [15, с. 10]. Однако на нейтральных позициях ни он сам, ни его казанские коллеги удержаться тогда не смогли. Например, Н.И. Воробьевым в ряде работ была ещё полнее сформулирована концепция финно-угорского при незначительном влиянии болгар происхождения чувашей [10, с. 68]. Эта концепция встретила немедленную и резкую реакцию со стороны того же И.Д. Кузнецова [14].

Тем не менее, судя по учебнику Д.А. Авдусина и выступлению П.Н. Старостина, именно позиция болгаро-татарская с середины 1950-х г. и до конца 1960-х г. считалась в науке наиболее предпочтительной.

В действительности, ни после выхода второго издания БСЭ, ни после выступления П.Н. Старостина десятилетием спустя новых фактов, подтверждающих происхождение чувашей от болгар (равно – и татар), не появилось. Скорее, в это время происходило переосмысление многих ранее известных фактов. Какие именно работы повлияли на утверждение в научном сознании болгаро-чувашской теории, сказать сложно. Однако А.П. Смирнов в статье 1971 г., встав в жесткую оппозицию ко всей казанской исторической школе и поддерживая именно болгаро-чувашскую теорию, сам сообщает, что переосмысление его взглядов происходило в указанный период 1951–1958 г. [18, с. 499]. Несомненно, сыграли свою роль и монографии В.Ф. Каховского и П.В. Денисова.

В конечном счете П.В. Денисову было поручено написание статьи «Чуваши» для Советской исторической энциклопедии. Затем в неизменном виде эта статья попала в третье издание БСЭ. Именно в формулировке П.В. Денисова болгаро-чувашская теория приобрела свой ныне классический вид: *«Основную роль в этногенезе Ч[увашей], по мнению большинства исследователей, сыграли тюркоязычные болгары волжско-камские, заселившие в последней четверти 1-го тыс. н.э. лесостепные районы*

правобережья Волги, где смешались с местными финно-угорскими племенами. Массовое переселение болгар-суваров (сувазов, к названию которых восходит этноним Ч[увашей]) на правобережье Волги в 13–14 вв., вызванное разгромом Болгарии Волжско-Камской монголо-татарами, усилило тюркизацию местных племён. <...> Чувашская народность в основном формировалась в 15 в.» [12. Стб. 86–87; 11, с. 239].

Отметим, что публикация в 1976 г. статьи «Чуваши» в Советской исторической энциклопедии очень точно отражает время смены исследовательской парадигмы. Так, напомним, в 1967 г. Д.А. Авдусин прямыми наследниками волжских болгар называл только татар, добавляя, что *«считают также, что кроме татар потомками волжских болгар являются чуваш»*. В возвращенной в третье издание БСЭ статье «Болгары волжско-камские» (автор – Н.Я. Мерперт), что важно, 1970 г., говорится ещё очень обтекаемо, что с болгарами *«связано происхождение ряда народов Поволжья и Прикамья (чувашей, казанских татар и др.)»* [16, с. 506]. Уже в новом издании учебника Д.А. Авдусина в 1977 г. читаем: *«Облик материальной культуры волжских болгар наиболее сходен с культурой современных казанских татар и чувашей. Связь особенно с культурой татар прослеживается по форме ювелирных изделий, устройству жилищ, бытовому орнаменту и т.п. Волжские болгары в XV–XVI вв. приняли полузабытое имя татар – одного из монгольских племен, прямого отношения к ним не имевшего»* [2, с. 257]. Изменение абзаца минимальное, но имеющее принципиальный характер.

Таким образом, отвечая на недоумение П.Н. Старостина в 1965 г., необходимо отметить, что близость чувашей и болгар по языку была очевидна большинству исследователей уже во второй половине XIX в. Однако законченная формулировка концепции чувашского этногенеза в рамках высказанной в том же XIX в. болгаро-чувашской концепции сложилась действительно после 1965 г. благодаря усилиям многих ученых, и не только из Чувашии. Ставшая классической формулировка концепции/теории дана П.В. Денисовым в статьях для Советской исторической и Большой советской энциклопедий во второй половине 1970-х г.

Литература

1. Авдусин Д.А. Археология СССР. – М., 1967.
2. Авдусин Д.А. Археология СССР. – М., 1977.
3. Бартольд В.В. Болгары / В.В. Бартольд // Сочинения. Т. V. – М., 1965. – С. 509–520.
4. Баскаков Н.А. Тюркские языки. – М., 1960.
5. Болгария Волжско-Камская // Большая советская энциклопедия. Т. 5. Березна – Ботокуды. – 2-е изд. – М., 1950.
6. Булгарский язык // Большая советская энциклопедия. Т. 8. Буковые – Варле. – М., 1927.
7. Булгарский язык // Большая советская энциклопедия. Т. 6. Ботошани – Вариолит. – 2-е изд. – М., 1951.

8. В.Р. [Рудаков В.Е.] Булгары волжские // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IVА (8). Бос – Бунчук. – СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1891.
9. Воробьёв Н.И. Татары // Большая советская энциклопедия. Т. 42. Татары – Топрик. – 2-е изд. – М., 1956.
10. Воробьёв Н.И. Этногенез чувашского народа по данным этнографии // Советская этнография. – 1950. – №3. – С. 66–78.
11. Денисов П.В. Чуваши // Большая советская энциклопедия. Т. 29. Чаган – Экс-ле-Бен. – 3-е изд. М., 1978.
12. Денисов П.В. Чуваши // Советская историческая энциклопедия. Т. 16. Чжан – Яштух. – М., 1976.
13. Егоров В.Г. Чувашский язык // Большая советская энциклопедия. Т. 61. Ч – Шахт. – М., 1934.
14. Кузнецов И.Д. Заметки по этнографии чувашского народа / И.Д. Кузнецов // Очерки по истории и историографии Чувашии. – Чебоксары, 1960. – С. 344–360.
15. Кузнецов И.Д. К вопросу о происхождении чувашской народности / И.Д. Кузнецов // Очерки по истории и историографии Чувашии. – Чебоксары: Чувгосиздат, 1960. – С. 7–15.
16. Мерперт Н.Я. Болгары волжско-камские // Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – Т. 3. Бари – Браслет. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – С. 506 (стб. 1505).
17. Происхождение марийского народа: материалы научной сессии, проведённой Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 г.). – Йошкар-Ола, 1967.
18. Смирнов А.П. [Рец.] Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Поволжья. Казань, 1971 // История и культура Чувашской АССР: Сб. ст. ЧНИИ. – Вып. 1. – Чебоксары, 1971. – С. 481–506.
19. Смирнов А.П. Волжские булгары. – М., 1951.
20. Смирнов А.П. Из далекого прошлого Среднего Поволжья / А.П. Смирнов, Н.Я. Мерперт // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. – М., 1954. – С. 9–64.
21. Смирнов И. Чуваши // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXVIIIа (76). Человек – Чугуевский полк. – СПб., 1903.
22. Спицын А. Болгары волжские // Новый энциклопедический словарь. Т. 7. Бобровников – Брачное право. – СПб., 1912.
23. СССР // Малая советская энциклопедия. Т. 8. Скульптура – Тугарин. – М., 1931.
24. Татарская АССР // Большая советская энциклопедия. Т. 41. Стилтон – Тартаруп. – 2-е изд. – М., 1956.
25. Татарская АССР // Малая советская энциклопедия. Т. 10. СССР. – 2-изд. – Ульяновск. – М., 1940.
26. Чуваши // Большая советская энциклопедия. Т. 61. Ч – Шахт. – М., 1934.
27. Чуваши // Большая советская энциклопедия. Т. 47. Цуруока – Шербот. – 2-е изд. – М., 1957.
28. Чуваши // Малая советская энциклопедия. Т. 9. Тугендбунд – Шверник. – М., 1931.

29. Чувашская АССР // Большая советская энциклопедия. Т. 61. Ч – Шахт. – М., 1934.

30. Чувашская АССР // Большая советская энциклопедия. Т. 47. Цуруока – Шербот. – 2-е изд. – М., 1957.

31. Яковлев А.И. Болгары волжские // Большая советская энциклопедия. Т. 6. Бессарабия – Больм. – М., 1927.

Соколова Валентина Ивановна
Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

МОЛОДЕЖЬ ЧУВАШИИ В 1960-х – СЕРЕДИНЕ 1980-х ГОДОВ: ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА, НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ, СОЦИАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ⁶⁸

Аннотация: в статье на основе переписей населения и других источников и литературы рассмотрены социально-экономические и демографические характеристики молодежи Чувашии в 1960-х – середине 1980-х годов, проанализированы ее политические приоритеты. Итоги исследования показали, что в жизни молодого поколения Чувашии изучаемого периода произошли позитивные перемены, что выразилось, в первую очередь, в изменении его половозрастной структуры, национального состава и социальной принадлежности. Юношам и девушкам Чувашской АССР, как составной части всего населения советского государства, были присущи толерантные идеи, межэтническое согласие и сотрудничество. В этой связи отмечено, что опыт служения молодого поколения Чувашии своему отечеству может стать примером для сохранения гражданского мира и межнационального согласия в полиэтническом регионе в современных условиях.

Ключевые слова: молодежь Чувашии, политические приоритеты, половозрастная структура, национальный состав, социальная принадлежность, толерантные идеи, межэтническое согласие и сотрудничество, полиэтничный регион.

⁶⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кабинета Министров Чувашской Республики в рамках научного проекта №17-46-210691 p_a

Valentina Ivanovna Sokolova

I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary

**YOUNG PEOPLE OF THE CHUVASH REPUBLIC FROM THE 1960s
TO THE MID-1980s: AGE AND GENDER STRUCTURE, ETHNIC
COMPOSITION, SOCIAL CLASS AND POLITICAL PRIORITIES**

Abstract: the article examines, based on censuses and other sources and literature, the socio-economic and demographic characteristics of young people of the Chuvash Republic from the 1960s to the mid 1980s, and analyses their political priorities. the results of the study show that positive changes took place in the lives of young people in Chuvash Republic in the period in question, which were manifested primarily in changes to their age structure, ethnic composition and social identification. Boys and girls in the Chuvash Autonomous Republic as an integral part of the entire population of the Soviet state, were characterized by a tolerant outlook, ethnic harmony and cooperation. In this regard, it is noted that the experience the young generation of the Chuvash Republic in serving their country can stand as an example for the preservation of civil peace and ethnic harmony in a polyethnic region in modern conditions.

Keywords: youth of the Chuvash Republic, political priorities, gender and age structure, ethnic composition, social class, tolerance, ethnic harmony and cooperation, multi-ethnic region.

Изучение возрастно-половой структуры, национального состава, а также социальной принадлежности и иных демографических характеристик молодого поколения является важным звеном в исследовании прошлого народов и определения перспектив их дальнейшего развития. В распределении населения по полу, возрасту, социальной и национальной принадлежности и иным демографическим признакам отражается история развития народов, поскольку основными факторами, влияющими на формирование половозрастного и национального состава общества, являются процессы рождаемости, смертности, миграции, ассимиляции представителей тех или иных этносов. В современном мире низкая рождаемость и старение населения являются одной из острых проблем государств, особенно в высокоразвитых странах Запада, и вызывают большую озабоченность общества. Несколько иные проблемы, связанные с не контролируемым ростом населения, стоят перед такими странами, как Китай, Индия, Япония, развивающиеся страны Африки, Азии, Латинской Америки и др. Российской Федерации с ее огромной территорией предстоит как можно быстрее решить совершенно иную проблему – постоянно растущую убыль населения. Это связано с тем, что именно молодые люди являются главным воспроизводственным потенциалом народа. Известно, что при одинаковой интенсивности рождаемости и смертности общество,

в котором доминирует доля лиц старшего возраста, будет расти медленней или даже сокращаться по сравнению с тем, в котором превалирует молодое поколение. Поэтому государству важно учитывать информацию о возрастном и национальном составе населения, чтобы глубже понять причины, последствия старения населения и найти правильный вариант решения проблемы. В нашей работе исследуются вопросы дифференциации возрастной структуры, национального состава и социальной принадлежности, главным образом, молодежи Чувашской АССР в 1959–1985 гг., а также ее политические приоритеты и рассматриваются социально-экономические характеристики советского общества на основе материалов переписей населения.

В СССР к концу 1950-х гг. произошли важные изменения в социальной структуре общества. Проведенная в 1959 г. Всесоюзная перепись населения показала рост численности жителей страны. Если по переписи 1939 г. в советской стране проживали 190,7 млн чел., то в 1959 г. их численность достигла 208,8 млн чел. [4. С. 316]. В 1960-е гг. по своей возрастной структуре население Чувашской АССР продолжало оставаться довольно молодым. Анализ данных о составе населения по возрасту и полу показывает, что в Чувашской АССР в 1959 г. проживало 1097859 чел. По возрастным категориям они были распределены следующим образом: до 9 лет – 279082 чел., от 10 до 19 – 172856, от 20 до 24 – 100799, от 25 до 29 – 95559, от 30 до 34 – 91181, от 35 до 39 – 54302, от 40 до 44 – 54479, от 45 до 49 – 61008, от 50 до 54 – 51509, от 55 до 59 – 40729, от 60 до 69 – 54656, от 70 лет и старше – 41663, возраст не указан – 36 [4, с. 316].

Молодежь до 30 лет, включая детей, составляла 59% населения Чувашии. Эти данные свидетельствуют о преобладании в республике в 1960-х гг. молодых жителей. Для того, чтобы определить долю молодых людей от 15 до 29 лет в структуре населения республики, необходимо от численности молодежи в возрастной группе от 10 до 19 лет (172856 чел.) взять половину ее количества (86428 чел.) и к этой сумме прибавить численность юношей и девушек в возрастных группах от 20 до 24 лет (100799 чел.) и от 25 до 29 лет (95559 чел.). Таким образом, молодежь от 15 до 29 лет по переписи 1959 г. составила 282786 чел., т.е. 25,7% населения Чувашской АССР. Это немного меньше, чем по переписи 1926 г. (27,4%), но все же молодежная группа представлена значительным показателем [9, с. 320–321].

Одной из основных особенностей республики являлся стабильно высокий процент коренного населения. Общие сведения о распределении жителей Чувашии по полу и национальному признаку по переписи 1959 г. показывают, что на 15 января 1959 г. в Чувашской АССР проживали 1097859 чел.: женщин – 628987 (57,3%), мужчин – 468872 (42,7%). Из них

чувавшей насчитывалось 770351 (70,2%), русских – 263692 (24%), татар – 31357 (2,8%), мордвы – 23863 (2,2%), украинцев – 3837 (0,3%), прочих – 4759 (0,5%) чел. [4, с. 316]. По сравнению с другими автономными республиками Среднего Поволжья (Татарская, Марийская, Мордовская республики) Чувашия имела наиболее однородный состав и наибольший процент лиц титульной нации.

Средняя продолжительность жизни населения с 1938–1939 по 1958–1959 гг. в целом по СССР возросла с 47 до 69 лет (с разницей на 22 года), в Чувашской АССР – с 37 до 65 лет (с разницей на 28 лет), что свидетельствует о некотором улучшении условий жизни населения страны и республики [1, с. 271]. Однако по численности городского населения Чувашия все еще продолжала отставать от многих других регионов страны. Об этом свидетельствуют следующие данные. Если по итогам Всесоюзной переписи населения 1959 г. в СССР городские жители составляли 48%, сельские – 52%, в РСФСР – соответственно 52% и 48%, то Чувашская АССР по степени урбанизации намного уступала общесоюзным, а еще более – общероссийским показателям. Здесь на момент переписи в городах проживало 24% населения, в сельской местности – 76% [4, с. 316].

Что касается характеристики политических приоритетов молодежи, то следует отметить, что в изучаемый период молодые люди были вовлечены в комсомол. Никакой альтернативы организации ВЛКСМ в советской стране в изучаемый период не существовало. Попытки малочисленных активистов молодежного движения противостоять генеральной линии правящей партии жестко пресекались карательными органами государственной власти. В 1960-х гг. политическое развитие СССР было сложным и нестабильным. Продолжалась «холодная война», усиливалось идеологическое противостояние социалистической и капиталистической систем. Молодежная политика осуществлялась с учетом социально-экономического и политического развития страны и ее международного положения. Начиная со второй половины 1960-х гг. в атмосфере отношений СССР со странами Запада наметились некоторые подвижки в сторону сближения, дала о себе знать так называемая «разрядка» напряженности. Это положительно сказывалось на самочувствии молодежи: активизировались связи со сверстниками из зарубежных стран, участились поездки за границу, менялись ценностные ориентации в пользу активной жизненной позиции и т.д.

В конце 1959 г. в Чувашской областной комсомольской организации на учете состояло 74503 чел. С учетом небольшой погрешности из-за того, что перепись была произведена в начале 1959 г., а сведения о членах ВЛКСМ приведены на конец года, можно констатировать, что комсомольская прослойка в Чувашской АССР составляла 26,3% общей численности молодежи комсомольского возраста. По социальному составу они были распределены

следующим образом: рабочие составляли 15%, колхозники – 31%, служащие – 11%, учащиеся – 43% [2. Л. 59]. Самыми активными членами ВЛКСМ становились подростки, юноши и девушки 14–15 – 22–23 лет, то есть учащиеся и студенты. Молодежи старшего возраста насчитывалось меньше. Вне комсомола большей частью оставались сельские юноши и девушки. Следует особо отметить, что в эти годы членство в комсомоле являлось необходимым условием для продвижения юношей и девушек по служебной лестнице, поэтому молодými выдвиженцами на руководящие должности в промышленности, сельском хозяйстве, социальной сфере становились прежде всего комсомольцы.

Таким образом, сравнительные данные о степени урбанизации, средней продолжительности жизни населения свидетельствуют о том, что в рассматриваемый период Чувашия по уровню жизни продолжала отставать от общесоюзных и общероссийских показателей. Это значит, что качество жизни молодежи республики все еще оставалось более низким, чем в целом по стране.

Однако в 1960-е гг. рождаемость в РСФСР, в том числе и Чувашии, начала довольно быстро снижаться. Какие причины могли повлиять на снижение рождаемости в Советском Союзе? Думается, это было связано с тем, что после смерти И.В. Сталина в 1954 г. был отменен запрет на аборты [8, с. 162]. До принятия этого документа женщины были лишены права самостоятельно решать вопросы рождаемости, аборты разрешались только по медицинским показаниям, а получить их было очень сложно. Тем не менее, в 1960-х гг. осуществлялись мероприятия по повышению благосостояния народа. Для подростков устанавливался 6-часовой рабочий день. Для остальных рабочих и служащих он сокращался на два часа в субботные и предпраздничные дни. Была отменена плата за обучение в школах и вузах. Увеличились темпы жилищного и коммунального строительства. Начиная с 1967 г. рабочие и служащие были переведены на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями. Это положительно сказалось на уровне жизни населения. Но это не коснулось жителей села, так как сельскохозяйственное производство требовало постоянного присутствия на работе. Настоящей революцией можно назвать введение пенсий для колхозников (мужчинам в возрасте 65 лет, женщинам – 60 лет).

Период с 1965 по 1985 г. характеризуется стабильным развитием демографических процессов в мирных условиях, не прерываемых социальными и политическими катаклизмами. Отсутствие такого рода факторов дает возможность наблюдать естественное течение демографических процессов, переход к новому типу воспроизводства населения с его малодетной семьей, снижением смертности, рождаемости, увеличением продолжительности жизни населения.

На 1 января 1980 г. доля молодых людей в возрасте от 14 до 29 лет составляла 29,2% населения Чувашской АССР [10. Л. 1–7]. В последние

пять лет изучаемого периода количество молодых людей несколько сократилось, но все равно оставалось достаточно высоким. На 1 января 1985 г. численность населения Чувашской АССР составляла 1 млн 308 тыс. чел. обоего пола, в том числе молодежи в возрасте от 14 до 29 лет насчитывалось 355147 чел., или 27,2% общего числа жителей республики [10. Л. 1–7].

Говоря о национальном составе населения следует отметить, что в Чувашии продолжалась тенденция к сокращению мононациональности. По переписи 1979 г. чуваша составляли 68,4% жителей республики [5, с. 17]. Молодежи Чувашской АССР исследуемого периода были присущи толерантные идеи, межэтническое согласие и сотрудничество.

С каждым годом численность областной комсомольской организации увеличивалась. На начало 1985 г. в ее рядах насчитывалось 186858 членов ВЛКСМ. Удельный вес комсомольцев составил более 56% общего числа юношей и девушек комсомольского возраста (332273 чел.), проживающих в Чувашской АССР в 1985 г. Менялось и социальное положение молодежи [5, с. 17]. К примеру, в 1974 г. в республике проживали 310 тысяч молодых людей от 14 до 29 лет. Из них 165 тысяч чел. (53,2%) работали в народном хозяйстве, остальные 46,8% являлись служащими и учащимися. К концу 1985 г. молодежь от 14 до 29 лет насчитывалось 350574 чел.: рабочие составляли 32,3%, колхозники – 9,1%, служащие – 17,2%, учащиеся – 41,4%. Что касается взрослого населения республики, то в 1985 г. в промышленности работал каждый второй, в сельском хозяйстве – каждый четвертый житель республики [3. Оп. 19. Д. 41. Л. 59; Оп. 30. Д. 5. Л. 9, 26; Оп. 32. Д. 5. Л. 10, 12, 25]; [7. С. 22]; [11. С. 39].

Говоря о соотношения полов, состоящих в комсомоле, то необходимо отметить, что на 1 января 1985 г. юношей в возрасте от 14 до 29 лет в Чувашской АССР насчитывалось 181793 чел., или 51,2%, девушек – 173354 чел., или 48,8%. Численность мужчин превышала численность женщин на 8439 чел., или на 2,4%. К концу исследуемого периода 56% населения Чувашии проживали в городах, 44% – в сельской местности. В РСФСР этот показатель равнялся 73% и 27% соответственно, в СССР – 65% и 35% соответственно. По степени урбанизации Чувашия продолжала отставать от общероссийских и общесоюзных показателей [6, с. 5].

Таким образом, итоги исследования показывают, что в 1960-е гг. рождаемость в Чувашии, как в целом по стране, начала быстро снижаться, в 1970-е гг. темпы сокращения несколько замедлились, в 1980-е гг. и вплоть до 1985 г. отмечалось некоторое увеличение показателей рождаемости. Однако в связи с начавшейся перестройкой демографическое положение в республике резко ухудшилось. Что касается национального состава, то в Чувашии на протяжении всего изучаемого периода наблюдалась тенденция к сокращению лиц титульной нации и увеличение пред-

ставителей иного этноса. Социальный состав населения, включая молодое поколение, менялся в сторону сокращения колхозников и увеличения числа рабочих и служащих. Политические приоритеты молодежи пока оставались прежними, за исключением тех прозорливых молодых людей, которые уже понимали, что крах проводимого в стране курса близок и неотвратим.

Литература

1. Алексеев Г.А. Здравоохранение в Чувашии. Исторический очерк. Чебоксары, 1972. С. 271.
2. ГАСИ ЧР. Ф. 6. Оп. 12. Д. 13. Л. 59.
3. ГАСИ ЧР. Ф. 6. Оп. 19. Д. 41. Л. 59; Оп. 30. Д. 5. Л. 9, 26; Оп. 32. Д. 5. Л. 10, 12, 25.
4. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. – М., 1963. – С. 316.
5. Краткая Чувашская энциклопедия. – Чебоксары, 2001. – С. 17.
6. Народное хозяйство СССР в 1985 г. – М., 1986. – С. 5.
7. Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. – М., 1980. – С. 22.
8. Соколова В.И. Молодежь Чувашии в годы социалистического строительства (1953–1965 гг.). – Чебоксары, 2008. – С. 162.
9. Соколова В.И. Молодежь Чувашии в 1917–1985 годы: исторический опыт реализации советской молодежной политики: Дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2010. – С. 320–321.
10. Чувашское республиканское управление статистики. Отдел статистики населения. Ед. хр. 1527-б. Д. 2936. Л. 1–7.
11. Чувашская энциклопедия. – Чебоксары, 2008. – Т. 2. – С. 39.

Судаков Михаил Александрович

Ульяновский институт гражданской авиации
имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева
Центр стратегических исследований
г. Ульяновск

СИМБИРСКАЯ ГУБЕРНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. В ЗЕРКАЛЕ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация: в статье анализируется развитие Симбирской губернии в первой половине XIX в. (численность населения, этнический, конфессиональный состав). Основой для проведения исследования послужили статистические материалы.

Ключевые слова: Симбирская губерния, статистическая литература, уезд, население.

Mikhail Aleksandrovich Sudakov

Marshal B.P. Bugaev Institute of Civil Aviation
The Centre for Strategic Studies
Ulyanovsk

**SIMBIRSK PROVINCE IN THE FIRST HALF
OF THE NINETEENTH CENTURY AS REFLECTED
IN THE STATISTICAL LITERATURE**

Abstract: the article analyzes the development of Simbirsk province in the first half of nineteenth century (population, ethnic composition, confessional composition). Statistical materials serve as the basis for this research.

Keywords: Simbirsk province, statistical literature, county, population.

Изучение региональной истории первой половины XIX в. имеет большое значение, так как позволяет понять на локальном уровне состояние российской государственности, своеобразие социальных отношений и особенности развития экономики в период, предшествующий крупнейшей реформе в Российской империи упомянутого столетия – отмене крепостного права. Одним из важнейших видов источников, позволяющих разобраться в специфике развития российских регионов, являются статистические данные.

В данной статье делается попытка – с опорой прежде всего на статистические исследования – охарактеризовать население Симбирской губернии в первой половине XIX века. Согласно существующей в отечественной исторической науке традиции, мы имеем в виду 1801–1860 г., но иногда выходим за пределы указанного хронологического отрезка.

Явный интерес в рамках названной темы представляет выявление динамики численности населения края. Известно, что в 1810 г. численность населения Симбирской губернии (без учёта дворян и лиц духовного звания, которых было не очень много) составляла 1 017 710 чел. В 1858 г. этот показатель равнялся 1 140 973 чел. [1, с. 136; 2, с. 4; 3, с. 171]. Следовательно, имеющиеся данные позволяют сделать вывод о росте рассматриваемого показателя с 1810 до 1858 г. в 1,12 раза. При этом необходимо отметить, что сопоставление данных за период до 1850 г. с данными за последнее предреформенное десятилетие имеет здесь и далее некоторую условность, так как в первом случае учитываются сведения по Ставропольскому и Самарскому уездам, позднее вошедшим в состав Самарской губернии.

Ещё одним значимым аспектом рассматриваемой проблемы является распределение населения по уездам губернии. Сведения за 1850 г. приведены в табл. 1 [2, с. 5]. Распределение населения по уездам в 1858 г. отражено в табл. 2 [3, с. 171].

Таблица 1

Численность населения в уездах Симбирской губернии в 1850 г.

	Уезд	Общая численность населения
1	Симбирский	143 243
2	Алатырский	111 260
3	Ардатовский	142 680
4	Буинский	108 100
5	Карсунский	162 368
6	Курмышский	98 737
7	Сенгилеевский	111 566
8	Сызранский	146 332
Итого		1 024 286

Таблица 2

Численность населения Симбирской губернии в 1858 г.

	Уезд	Численность населения		
		Мужского пола	Женского пола	Всего
1	Симбирский	76 745	80 581	157 326
2	Алатырский	59 466	66 016	125 482
3	Ардатовский	73 990	78 516	152 506
4	Буинский	61 357	63 081	124 438
5	Карсунский	85 150	88 298	173 448
6	Курмышский	53 757	57 003	110 760
7	Сенгилеевский	58 468	62 964	121 432
8	Сызранский	86 243	89 338	175 581
Итого		555 176	585 797	1 140 973

Сравнение данных за 1850 и 1858 г. позволяет сделать определённые выводы. Если в 1850 г. наибольшая численность населения была характерна для Карсунского уезда, то в 1858 г. в этом отношении доминировал Сызранский уезд, Карсунский же отошёл на второе место. Наименее населённым и в 1850, и в 1858 г. был Курмышский уезд.

Плотность населения по данным за 1858 г. была наибольшей в Ардатовском (2,104 чел. на 1 кв. милю, или 0,81 чел. на 1 км²), а наименьшей – в Сызранском (1,018 чел. на 1 кв. милю, или 0,39 чел. на 1 км²) уезде [3, с. 171].

Вообще, для приволжских уездов была характерна более низкая плотность населения по сравнению с уездами присурскими. Это можно объяснить неравномерностью заселения территорий (освоение последних происходило раньше) [4, с. XXVI].

Плотность населения в губернии в целом составляла 1,291 чел. на 1 кв. милю, или 0,5 чел. на 1 км². В момент проведения X ревизии Симбирская губерния занимала по плотности населения 22-е место среди 49 губерний Европейской России. Она уступала по этому показателю Пензенской и Казанской, но превосходила Самарскую (10-е, 18-е и 41-е место соответственно) [3, с. 188–189].

Особо следует остановиться на выявлении удельного веса городского населения изучаемого региона. Материалы IV ревизии (1782 г.) свидетельствуют о том, что на территории края было 39 055 горожан. Всего на территории Симбирского наместничества было зафиксировано 759 277 человек [5]. Следовательно, удельный вес городского населения составлял 5,14% общей численности населения края.

Мы располагаем также сведениями, относящимися к концу рассматриваемого периода. По данным за 1860 г., удельный вес горожан в Симбирской губернии составлял 6,12% [4, с. XXIV–XXV]. В соответствии с терминологией статистика А.Б. Бушена, использовавшего данные за 1858 г., названный регион входил в число губерний третьей категории (так называемая «молодая Русь»; здесь степень развития городов была наименее выражена). В этих губерниях удельный вес горожан был менее 7% (тогда как в среднем этот показатель для 49 губерний Европейской России равнялся 9,41%). А.Б. Бушен вполне обоснованно объяснял такое положение дел историческими причинами. По его мнению, медленная урбанизация регионов была прямым следствием относительного позднего освоения этих земель [3, с. 183, 197, 198].

Следовательно, за 1782–1860 г. удельный вес горожан в крае вырос незначительно – всего на 0,98%. Подавляющее большинство населения региона продолжало жить в сельской местности.

Национальный состав региона отличался пестротой. В 1785 г. 76% общей численности населения составляли русские, а 24% – представители других национальных групп (8,8% приходилось на мордву, 8,5% – на чувашей, 5,8% – на татар). Среди других национальных меньшинств значились калмыки и башкиры [6, с. 22–23].

Согласно данным, представленным в «Этнографической карте» П.И. Кёппена (издание 1852 г.) [2, с. 5], в Симбирской губернии проживали мордва – 98 968 чел., чувашаи – 84 714, татары – 67 730, немцы – 158, цыгане – 171 чел. Зная, что общая численность населения губернии, по данным П.И. Кёппена, составляла в 1850 г. 1 024 286 чел., определим долю каждой указанной выше этнической группы. Итак, численность мордвы составляла примерно 9,66%, чувашей – 8,27%, татар – 6,61%,

немцев и цыган – по 0,02% общей численности населения губернии. Совокупный удельный вес нерусского населения равнялся 24,58%. На долю русского населения приходилось, следовательно, 75,42%.

Сведения о национальном составе населения губернии в конце изучаемого периода представлены в табл. 3 [4, с. XXXIV]. (При составлении этой таблицы украинцы («малороссияне») были включены в состав русского населения, а цыгане, евреи, немцы, поляки, французы и англичане не учитывались из-за малочисленности. – М.С.)

Таблица 3

Национальный состав населения Симбирской губернии в 1859 г., %

Уезды	Русские	Мордва	Чуваши	Татары	Всего нерусского населения
Симбирский	81,64	4,23	6,11	8,02	18,36
Алатырский	75,03	24,73	–	0,24	24,97
Ардатовский	58,91	40,23	0,19	0,67	41,09
Буинский	23,73	3,72	36,68	35,87	76,27
Карсунский	86,06	9,38	1,76	2,80	13,94
Курмышский	56,22	3,79	21,86	18,13	43,78
Сенгилеевский	76,21	12,37	6,88	4,54	23,79
Сызранский	90,49	4,53	2,48	2,50	9,51
Итого	70,76	12,78	8,31	8,15	29,24

Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого периода в крае было заметно явное доминирование русского населения. Если в 1785 г. его доля составляла 76%, в 1852 г. – 75,42%, то в 1859 г. – 70,76% общей численности населения региона. Вследствие этого можно сделать вывод о некотором снижении указанного показателя. Среди этнических групп нерусского населения на протяжении всего изучаемого времени преобладала мордва (наблюдалось неуклонное увеличение её доли с 8,8 до 12,78%, т.е. в 1,45 раза). Второе место среди нерусских этнических групп занимали чуваша (их удельный вес отличался заметной стабильностью – 8,5% в 1785 г., 8,27 – в 1852 г. и 8,31 – в 1859 г.). Третье место традиционно занимали татары (при этом проявилась тенденция к увеличению их доли с 5,8 до 8,15%, т.е. в 1,41 раза). Следовательно, наиболее заметным был рост удельного веса мордовского населения.

Преобладание русского населения в конце исследуемого периода было характерно для семи уездов (исключением являлся Буинский уезд, в котором доминировало чувашское и татарское население). Самый большой удельный вес русского населения был зафиксирован в Сызранском уезде (90,49%). Это следует объяснить относительно поздней колонизацией данной территории. В процессе освоения этих мест наибольшая активность была характерна для русского населения. Нерусские этнические группы имели серьёзные позиции в тех уездах, которые были заселены наиболее рано (при этом данные этнические группы являлись первопоселенцами этих мест).

В конфессиональном отношении население Симбирской губернии было не вполне однородно. На всём протяжении исследуемого периода в количественном отношении доминировали представители православной веры. В 1858 г. они составляли на территории губернии 92,45%. Кроме того, для региона был характерен достаточно большой удельный вес мусульман («магометан»). Их было 7,49% общей численности населения (по этому показателю Симбирская губерния уступала только пяти российским губерниям, в том числе Казанской и Самарской) [3, с. 246].

Таким образом, в изучаемый период наблюдался рост численности населения Симбирской губернии. Указанный показатель увеличился с 1810 до 1858 г. в 1,12 раза. В определённой степени это может быть свидетельством возросшего экономического потенциала края. По плотности населения губерния в конце рассматриваемого периода занимала 22-е место среди 49 губерний Европейской России. Большая часть населения края проживала в сельской местности (в 1782–1860 г. удельный вес горожан в регионе вырос незначительно – всего на 0,98%). Низкий темп урбанизации можно объяснить традиционной ориентацией края на аграрное производство. Этнический состав населения края в изучаемое время изменился незначительно: на фоне некоторого снижения численности русских (которые доминировали в количественном отношении) наблюдался рост удельного веса мордвы и татар; доля чувашского населения в рассматриваемый период изменилась незначительно. В конфессиональном отношении население губернии однородностью не отличалось: наряду с явным преобладанием лиц православного вероисповедания в крае была заметна доля мусульман (по этому показателю изучаемый регион в 1858 г. уступал только пяти губерниям России).

Литература

1. Зябловский Е.Ф. Краткое землеописание Российского государства в нынешнем его состоянии. – СПб., 1810.
2. Статистические труды Ивана Федоровича Штукенберга, издаваемые сыном автора, Антоном Штукенбергом, корпуса инженеров путей сообщения подполковником. Статья XXX. Описание Симбирской губернии; Пер. с нем. – СПб., 1859.

3. Бушен А.Б. Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел центральным статистическим комитетом. Наличное население империи за 1858 год / Ред. А. Бушена; предисл. А. Троицкий. – СПб., 1863. – Вып. 2.

4. Списки населённых мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Симбирская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 года. – СПб., 1863. – Т. XXXIX.

5. Масленицкий Т.Г. Топографическое описание Симбирского наместничества 1785 г. // Древности Симбирского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archo73.ru/Russian/18vek/maslenizkiy/index.htm> (дата обращения: 31.08.2018).

6. Клеянкин А.В. Хозяйство помещичьих и удельных крестьян Симбирской губернии в первой половине XIX века. Социально-экономический очерк. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1974.

Сухова Елена Васильевна

Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева
г. Чебоксары

ВКЛАД ЧУВАШСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА В ПОБЕДУ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Аннотация: в статье исследованы работа Чувашской областной организации ВЛКСМ в период Великой Отечественной войны по патриотическому воспитанию молодежи, её мобилизации на защиту Отечества, подвиги чувашских комсомольцев на фронте и в тылу, роль партийного руководства комсомолом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Чувашская областная организация ВЛКСМ, партийное руководство комсомолом, патриотическое воспитание молодежи, подвиги комсомольцев и молодежи на фронте и в тылу.

Yelena Vasilievna Sukhova

I.Y. Yakovlev Chuvash State
Pedagogical University
Cheboksary

THE CONTRIBUTION OF THE CHUVASH REGIONAL ORGANIZATION OF THE LENINIST KOMSOMOL TO THE VICTORY OF THE SOVIET PEOPLE IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract: the article examines the work of the Chuvash regional organization of the Leninist Komsomol during the Great Patriotic War on the patriotic education of young people, their mobilization to defend the Motherland, heroic

deeds of Komsomol members and young people on the front and in the rear, and the role of the Communist party leadership of the Komsomol.

Keywords: The Great Patriotic War, Chuvash regional organization of Leninist Komsomol, party leadership of the Komsomol, patriotic education of young people, heroic deeds of Komsomol members and young people on the front and in the rear.

В год столетия ленинского комсомола мы с гордостью и благодарностью вспоминаем о героических страницах его истории, среди которых одна из самых доблестных – массовый подвиг комсомольцев, юношей и девушек, в том числе наших земляков, в годы Великой Отечественной войны. Маршал Советского Союза В.И. Чуйков так отзывался о героизме 240 тыс. комсомольцев – защитников Сталинграда: «Комсомольцы своим фантастическим бесстрашием и мужеством во имя победы Родины шли на легендарные, неслыханные в истории войн подвиги, прекрасно помогли 62-й армии добиться в защите города тех успехов, о которых сегодня говорит весь мир. Прошу передать Центральному комитету комсомола мое восхищение новым поколением Павлов Корчагиных, считающих за великое счастье очищать родную землю от полчищ фашистских убийц» [1].

Ещё задолго до войны комсомол справедливо считал важнейшей задачей мобилизацию советских юношей и девушек на максимальное участие в укреплении обороноспособности СССР, их военно-патриотическое воспитание, в первую очередь на примере подвига предшествующих поколений соотечественников. Решению этой задачи была подчинена работа комсомола в целом и всех его организаций. Именно она была в центре внимания последнего предвоенного XI съезда ВЛКСМ (1936) и августовского (1939) Пленума ЦК ВЛКСМ, почти одновременно с введением в стране в соответствии со ст. 132 и 133 новой Конституции СССР воинской обязанности специально обсудившего вопрос «Об оборонной и физкультурной работе в комсомольских организациях». Причем речь шла не только об идеологической работе – она дополнялась ещё и спортивно-технической, имевшей сугубо практическую направленность. Уже с 1922 г. комсомол шефствовал над Военно-морским, а с 1931 г. – и над Военно-воздушным флотом. Страна покрылась сетью аэроклубов, готовивших молодых летчиков и парашютистов. Боевым кличем и одновременно директивным руководством к действию стал лозунг «Каждому комсомольцу – военную специальность!»

К началу войны в Красной армии служили 2 млн комсомольцев, т.е. половина воинов была членами ВЛКСМ. За подвиги в советско-финской войне, на Халхин-Голе и Хасане 106 комсомольцев и 250 воспитанников ВЛКСМ были удостоены звания Героя Советского Союза.

В соответствии с постановлением ЦК ВЛКСМ от 23 июня 1941 г. «О мероприятиях по военной работе в комсомоле» вся работа комсомольских

организаций была направлена на мобилизацию молодежи на разгром фашистских захватчиков и самоотверженный труд в тылу. В Красной армии сражались 30–40% всех членов ВЛКСМ, что составляло примерно треть её численности. Кроме того, лучшие воины вступали в комсомол на фронте. За время войны комсомольские организации армии и флота приняли свыше 5 млн новых членов. Ещё более полумиллиона заявлений вступающих не были рассмотрены, поскольку они погибли в боях до комсомольских собраний. Лучшие воины и партизаны-комсомольцы вступали в ВКП(б). За время войны в партию были приняты свыше 2,4 млн комсомольцев, из них 1,4 млн – на фронте.

Не меньший героизм проявили и комсомольцы-труженики тыла. Они участвовали в стахановском, лунинском движениях, движениях многостаночников, двухсотников, тысячников, были зачинателями комсомольских воскресников в помощь фронту, создания фронтовых комсомольских бригад, число которых к концу 1944 г. было доведено до 52 тыс. Инициаторы и активные участники всех этих патриотических начинаний были отмечены званием Героя Социалистического Труда, награждены Сталинскими премиями, орденами и медалями.

Три с половиной миллиона комсомольцев и воспитанников ленинского комсомола были награждены орденами и медалями СССР и зарубежных стран. 3,5 тысячи удостоены звания Героя Советского Союза, 60 – дважды Героя Советского Союза. 14 июня 1945 г. за боевые и трудовые заслуги комсомольцев в годы Великой Отечественной войны комсомол был награжден орденом Ленина [2, с. 186–189].

Достоинный вклад в Великую Победу внесла и Чувашская организация ВЛКСМ, в которой к 1 июля 1941 г. состоял на учёте 35341 человек [12, с. 183]. Беспредельный гнев юношества вызвало подлое вероломство фашистских захватчиков. Комсомольцы и молодежь хлынули в военкоматы, исполкомы местных советов депутатов трудящихся, райкомы и горкомы комсомола с просьбой об отправке на фронт. В первые месяцы войны на фронт ушли 8,5 тысяч комсомольцев, из них 5,2 тысячи – добровольцами или по комсомольской мобилизации. Всего фронтовиками стали 34646 комсомольцев Чувашии, что составляло 90% их общей численности к началу войны. На войну шла и несоюзная молодежь [12, с. 203; 14, с. 11].

Большая часть членов обкома ВЛКСМ, ответственных комсомольских работников во главе с первым секретарем обкома Д. Парятниковым, показали в этом деле пример. Среди них были секретари обкома Р. Хасянов, Г. Хрусталева (в 1939 г. награжденный орденом Ленина за подвиги в боях у озера Хасан), ответственные работники обкома К. Ястребова, А. Куликова, Г. Кузьмин, Т. Скворцов и др., 16 из 29 секретарей горкомов и райкомов. [12, с. 203; 14, с. 12].

Героическая страница истории комсомола военных лет – политбойцы. Они были мобилизованы партией из числа лучших, наиболее подготовленных её членов и активных комсомольцев уже в первые дни войны для политической работы в действующей армии и пользовались только одной привилегией – первыми идти в бой и личным примером увлекать товарищей. Каждый из этих боев мог стать для любого из них последним. Политбойцами стали 500 представителей нашей республики, из которых 100 были комсомольцами. Среди них заведующий отделом обкома комсомола Г. Хрусталеv, инструктор обкома Т. Мидаков, учитель М. Фирсов, студенты пединститута И. Артюшин, П. Белов, В. Дженин, В. Кузьмин, П. Маркарьчев, Г. Ерлаков, П. Миллин, Е. Семенов и др. [3, с. 7, 258; 12, с. 203].

Уже 23 июня 1941 г. 36 первых комсомолок-медсестер из Чувашии были направлены в Ржев и составили большинство среднего персонала прифронтового госпиталя №1145, развернутого там 26 июня. 3 июля убыли на фронт все комсомольцы артели «Социализм» Марпосадского района, лесопромартели Кувакинского района, Батыревского маслозавода. Когда добровольцам отказывали, они часто обращались за десятки и сотни километров в республиканские, областные, краевые центры, там настойчиво требовали отправить их на фронт. Латышка Зента Озоле трижды прошла путь пешком из Чувашии в Горький, чтобы вступить добровольцем в Красную армию. Она все же добилась своего: её отправили на фронт, где она прославилась бесстрашием и погибла в ноябре 1942 г. в бою у Старой Руссы [15, с. 46].

Как воевали посланцы комсомола? Вот только несколько примеров. Гвардии майор В. Уруков дошёл до Одера и посмертно стал Героем Советского Союза. Смертью храбрых погиб в бою, обороняя Смоленск, командир танковой бригады подполковник В. Винокуров, удостоенный звания Героя Советского Союза ещё комсомольцем за подвиги в боях против японских агрессоров. На подступах к Ленинграду бывший вожак комсомольцев с. Кольцовка Вурнарского района А. Доманин командовал ротой автоматчиков. После третьего ранения вернулся в родное село с орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Александра Невского, Отечественной войны и медалью «За оборону Ленинграда». А в мирное время к наградам прибавились новые ордена за трудовые подвиги и Звезда Героя Социалистического Труда [12, с. 206].

Героем Советского Союза стала алатырская комсомолка летчица З. Парфенова, вступившая в партию в возрасте 23 лет в 1943 г. на фронте.

Примером самоотверженности и трудовой доблести комсомольцы, юноши и девушки Чувашии, показывали и в тылу. Это во многом объясняется работой обкома ВКП(б) и партийных организаций всех уровней по воспитанию молодежи, организационно-политическому укреплению комсомольских организаций, которые, в свою очередь, теснейшим образом взаимодействовали с партийными органами. С самых первых дней войны

комсомольские организации и комитеты резко активизировали оборонно-массовую работу, которой успешно занимались и раньше. Комсомол включился во всеобщее военное обучение. Так, в соответствии с постановлением ЦК ВЛКСМ и ЦС Осоавиахима от 21 марта 1942 г. «О военном обучении женщин» на добровольных началах формировались женские комсомольско-молодежные подразделения по специальностям стрелков, радистов-операторов, телефонистов-морзистов, водителей машин. При задании для ЧАССР укомплектовать 1300 бойцов-стрелков, 100 радистов-операторов и 50 телефонистов заявления написали соответственно 4942, 425 и 63 женщины, а по данным на 1 сентября 1942 г. было подготовлено 7400 стрелков, 271 телефонистка, 96 телеграфисток-морзисток. В результате за 1942 г. план подготовки стрелков-женщин из Чувашии был перевыполнен на 57,7% [15, с. 84]. Всего за период войны через систему Всеобуча и комсомольско-молодежные подразделения в Чувашии было подготовлено 75569 бойцов, в том числе 61911 по полной 110-часовой программе, 2054 минометчика, 1151 станковый и 2306 ручных пулеметчиков, 2813 снайперов и т.д. Значительную часть этого контингента составляли женщины и девушки в возрасте от 18 до 26 лет, – в абсолютном большинстве комсомолки [14, с. 70].

Ширились и множились ряды молодых стахановцев – двухсотников, лунинцев. Ярким проявлением комсомольского трудового энтузиазма стали фронтовые молодежные бригады, число которых к февралю 1944 г. достигло 201. Они создавались прежде всего на таких предприятиях, как Чебоксарский завод резинотехнических изделий, Чебоксарский электроаппаратный, Канашский вагоноремонтный, Алатырский паровозоремонтный, Козловский и Шумерлинский авиационные заводы [9]. К маю того же года их число возросло до 348. Они объединяли 2206 юношей и девушек из 4544 комсомольцев, работающих в промышленности и на железнодорожном транспорте. В сводке Совинформбюро от 19 июля 1941 г. сообщалось, что в паровозоремонтное депо г. Канаша вечером поступил для ремонта локомотив. Проработавшие целый день слесари Золотухин, Ефимов, Волков, Абросимов, Толмазов, Сперанский, не желая откладывать срочный ремонт, остались на ночную смену и выпустили паровоз из депо. Утром, отказавшись от отдыха, они досрочно отремонтировали ещё один паровоз. О трудовом героизме комсомольцев свидетельствует такой факт: перед подачей паровоза была обнаружена течь контрольной пробки в топке. Для устранения дефекта требовалось не менее суток. Чтобы избежать задержки отправления поезда, молодой рабочий Н. Жигунов обернулся мокрым плащом, в валенках, шапке-ушанке влез в горячую топку паровоза и заменил неисправную пробку [15, с. 107].

Достоинно несли трудовую вахту и комсомольцы колхозов и МТС, где также показывали пример в работе комсомольско-молодежные бри-

гады и звенья. Число таких звеньев в 1945 г. превысило 1100. Им помогали пионеры и школьники, а также учителя, которые за 1942–1944 г. совместно выработали около 8 млн трудодней. Особенно отличилась Вурнарская районная комсомольская организация, дважды (в 1943 и 1944 г.) награжденная за особые достижения в труде переходящим Красным знаменем ЦК ВЛКСМ. [12, с. 232–233].

Комсомольцы самым активным образом участвовали во всенародном патриотическом движении за помощь фронту. Уже летом 1941 г. начались комсомольско-молодежные воскресники с перечислением заработанных средств в Фонд обороны. На первый такой воскресник 17 августа вышли 138214 человек, которые передали в Фонд обороны 79051 р. и 116235 трудодней. Особенно успешно и организованно этот воскресник прошёл в Чебоксарах, Красночетайском, Октябрьском, Урмарском, Чкаловском и Шихазанском районах [5]. 120490 участников следующего воскресника 7 сентября, среди которых было 18050 комсомольцев, перечислили в фонд обороны 75680 р. и 71545 трудодней [6]. Третий воскресник состоялся в ноябре. Кроме того, комсомольцы делали в фонд обороны индивидуальные взносы, собирали средства на строительство бронепоезда «Комсомол Чувашии», эскадрильи боевых самолетов «Комсомолец Чувашии», авиазвена «Осоавиахим Чувашии» и др., собирали теплые вещи и подарки для красноармейцев. К ним обратился с благодарностью И.В. Сталин, телеграмма которого была опубликована в газете «Правда»: «Передайте комсомольцам и молодежи Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики, собравшим 6 миллионов рублей на строительство боевых самолетов «Комсомолец Чувашии», мой горячий привет и благодарность Красной Армии» [13].

Таким же кровавым делом для комсомольцев Чувашии стало восстановление народного хозяйства на освобожденных территориях СССР. Уже в апреле 1943 г. на восстановление Сталинграда выехали 267 комсомольцев-добровольцев, было отправлено 17490 пудов зерновых культур, картофеля, овощей. 4 апреля того же года 23 тысячи человек, из них 13730 комсомольцев, приняли участие в новом комсомольско-молодежном воскреснике в помощь освобожденным районам, заработали 59670 р., 819 трудодней, 1541 пуд зерна, которые отправили по назначению. Весной 1944 г. комсомольцы Чувашии собрали в Фонд помощи детям Донбасса около 1 млн 460 тыс. р. [8].

Комсомольцы заботились о детях военнослужащих, шефствовали над ними. На их попечении находилось более 40 тыс. семей бойцов и командиров Красной армии, в помощь которым в феврале 1944 г. были проведены ещё два комсомольско-молодежных воскресника. Широкое развитие получило в школах тимуровское движение [15, с. 239].

Комсомольские организации были душой не только политической, но и культурно-просветительной работы. Умело и инициативно занимались культурным и политическим просвещением односельчан члены агитколлектива колхоза «Дружба» Урмарского района, состоявшего из 11 комсомольцев. Только за 1944 г. они провели свыше 400 докладов, лекций и бесед, выпустили десятки стенных газет и 146 боевых листов [4].

Комсомол Чувашии внес достойный вклад в победу советского народа над фашизмом. Сегодня мы все обязаны помнить о подвиге предков – источнике нашей духовной силы. Это наш первейший нравственный долг. Размывание исторической памяти может привести и начинает приводить к самым неблагоприятным последствиям. Права профессор В.И. Соколова, которая предупреждает: «К сожалению, большая часть современной молодежи и детей за рубежом плохо знает историю Второй мировой войны и не в состоянии по достоинству оценить вклад Советского Союза в победу над фашизмом» [14, с. 7]. К сожалению, есть признаки того, что эта эпидемия беспамятства начинает распространяться и в нашей стране.

Так будем же помнить комсомольцев тех огненных лет! В нашей верности этой памяти – самый надежный залог, самая лучшая гарантия будущего России, нашего будущего.

Литература

1. Бовкун В. Новое поколение Павлов Корчагиных. Комсомол и Великая Отечественная война // Советская Россия. – 2018. – 5 июля.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 г.: Энциклопедия. – М.: Сов. энцикл., 1985. – 832 с.
3. Вспоминают политбойцы / Сост. В.Л. Кузьмин. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. – 281 с.
4. ГАСИ ЧР. Ф.1. Оп. 23. Д. 1225. Л. 60.
5. ГАСИ ЧР. Ф.1. Оп. 65. Д. 154. Л. 33, 34.
6. ГАСИ ЧР. Ф.6. Оп. 5. Д. 196. Л. 4.
7. ГАСИ ЧР. Ф.6. Оп. 5. Д. 329. Л. 156.
8. ГАСИ ЧР. Ф.6. Оп. 5. Д. 329. Л. 158.
9. ГАСИ ЧР. Ф.6. Оп. 5. Д. 416. Л. 29.
10. ГАСИ ЧР. Ф.6. Оп. 5. Д. 469. Л. 58.
11. ГАСИ ЧР. Ф.6. Оп. 11. Д. 3. Л. 7.
12. Очерки истории Чувашской областной организации ВЛКСМ. – Чебоксары: Чуваш. книжн. изд-во, 1978. – 544 с.
13. Правда. – 1943. – 27 янв.
14. Соколова В.И. Молодежь Чувашии в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства (1941–1953 г.). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. – 304 с.
15. Сухова Е.В. Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны (на материалах Чувашской АССР). – Чебоксары: ПБОЮЛ Л.А. Наумов, 2008. – 212 с.

Сухова Елена Васильевна

Чувашский государственный педагогический
университет имени И.Я. Яковлева
Радиченко Алексей Николаевич
г. Чебоксары

**СЛОВО О БИЧУРИНОВЕДЕ, ПРОФЕССОРЕ
ПЕТРЕ ВЛАДИМИРОВИЧЕ ДЕНИСОВЕ**

Аннотация: статья посвящена исследованию огромного вклада профессора П.В. Денисова в бичуриноведение, являющегося результатом его многолетней научной работы.

Ключевые слова: П.В. Денисов, бичуриноведение, китаеведение.

Yelena Vasilievna Sukhova

I.Y. Yakovlev Chuvash State
Pedagogical University
Cheboksary

Alexey Nikolaevich Radichenko
Cheboksary

**THE TALE OF A BICHURINOLOGIST:
PROFESSOR PETR VLADIMIROVICH DENISOV**

Abstract: the article is devoted to the major contribution of professor P.V. Denisov to Bichurin studies which resulted from his tireless scholarly work over the course of many years.

Keywords: P.V. Denisov, Bichurin studies, Sinology.

Крупнейший историк-этнограф Чувашии последней четверти XX – начала XXI в. доктор исторических наук профессор Пётр Владимирович Денисов (1928–2014) был также одним из виднейших, получивших признание в учёном мире не только на Родине, но и за рубежом, бичуриноведов России и Чувашии, труд которого «Жизнь монаха Иакинфа Бичурина» в 1998 г. был удостоен Государственной премии Чувашской Республики.

И это, разумеется, не случайность. Интерес к проблемам истории и этнографии не мог не вызвать у Петра Владимировича интереса к судьбе знаменитого земляка, добившегося великих, признанных буквально всем миром достижений именно в этой сфере науки. В чем-то схожи и личности самого Никиты Яковлевича Бичурина и исследователя его биографии и деятельности, занимавшегося этими проблемами на протяжении сорока лет.

Оба происходили из чувашских крестьянских семей, для обоих началом пути в большую науку стала учеба в Казани, обоим повезло на этом пути с прекрасными наставниками, обоим всю жизнь отличали огромное

трудолюбие и страстная, всепоглощающая жажда знаний – качества, которые принесли поистине замечательные плоды.

Тема жизни и деятельности Н.Я. Бичурина заняла одно из ведущих мест в научной работе П.В. Денисова. Первая его книга по бичуриноведению «Никита Яковлевич Бичурин» была издана в Чебоксарах в 1977 г. к 200-летию великого учёного. Профессор В.Д. Димитриев так отозвался о ней: «Книга представляет собой популярный рассказ о жизни и кипучей напряженной научной деятельности замечательного учёного. Она написана с использованием почти всей имеющейся на русском языке литературы и большого количества источников о Бичурине».

П.В. Денисов в своей книге убедительно показывает, что Н.Я. Бичурин своими замечательными трудами выдвинул российское востоковедение на первое место в мире.

Рецензируемая книга, написанная в увлекательной форме, живым, сочным языком шаг за шагом прослеживает сложную и трудную судьбу одного из крупнейших ученых и деятелей культуры России первой половины XIX века. Книга имеет не только познавательное, но и воспитательное значение. Целеустремленность, упорство, напряженнейший труд, постоянная учеба и неустанные поиски – вот путь к успехам в науке, как и в любой области человеческой деятельности – такой вывод, к которому придет каждый читатель, прочитав книгу П.В. Денисова» [4].

Результатом дальнейших бичуриноведческих исследований П.В. Денисова стали капитальные монографии «Жизнь монаха Иакинфа Бичурина», «Слово о монахе Иакинфе Бичурине», 42 статьи, рецензия на историческую драму В.П. Романова о Н.Я. Бичурине «Вольнодумец в рясе (Никита Бичурин)».

Прежде всего, Петра Владимировича привлекла сама яркая, интересная личность героя его исследований. Вот как он охарактеризовал Н.Я. Бичурин в предисловии к изданному под его редакцией научно-справочному указателю литературы об учёном: «Это был человек недюжинных способностей и трудолюбия, оригинальная и светлая личность со страстным и твердым характером. Прогрессивные деятели науки и культуры признавали в нём блестящего, талантливого учёного, отдавшего всю свою жизнь без остатка научным изысканиям. Самыми верными друзьями были для него книги, с которыми он не расставался никогда. Главным содержанием его жизни был труд – самая необходимая и естественная основа творческой деятельности. Служение науке – его стезя, его призвание...» [4, с. 6]

В 1997 г. П.В. Денисов издает монографию «Жизнь монаха Иакинфа Бичурина», встреченную положительными рецензиями не только местных авторов, но и ведущих историков Татарстана и Башкортостана. Заслуженный деятель науки РФ и Республики Татарстан, профессор Казанского государственного университета Е.П. Бусыгин оценил этот труд

так: «С первых страниц книги перед читателем открывается жизнь удивительного человека – уроженца Чувашии, внесшего огромный вклад в отечественную и мировую науку, прославившего родной край, показавшего миру, какие самородки могут рождаться в глухих уголках нашей необъятной страны... В целом книга П.В. Денисова о своем знаменитом земляке, о его жизненном пути и научных трудах внесла крупный вклад в историческую науку. Книга, несомненно привлечет внимание не только специалистов, занимающихся изучением истории и этнографии тюркских и других народов Востока, но и широкого круга читателей, интересующихся историей родного края, жизнью своих знаменитых предков [1, с. 259, 265].

Заведующий отделом народов Урала и музей археологии и этнографии Уральского научного центра РАН, академик Академии наук Республики Башкортостан, член-корреспондент РАН, профессор Р.Г. Кузеев и с.н.с. УНЦ РАН И.Г. Петров высказали такое развернутое мнение: «Отечественная и мировая ориенталистика продолжает проявлять огромный интерес к гигантской фигуре Н.Я. Бичурина. Этот интерес сегодня возрастает в связи с тем, что востоковедение в России вступает в новый этап развития и консолидации сил. Именно поэтому на редкость своевременным и актуальным является издание новой фундаментальной монографии профессора П.В. Денисова, посвященной к тому же знаменательной дате – 220-летию со дня рождения Иакинфа Бичурина. В течение 20 лет с момента издания первого исследования о Н.Я. Бичурине П.В. Денисов не прекращал работать над сложной темой о великом земляке и выдающемся российским востоковеде. Некоторое представление о том, какой колоссальный труд проделал П.В. Денисов, дает раздел «Источники и литература». Многие источники приводятся впервые. П.В. Денисов возрождает также многие забытые и полузабытые труды, статьи, письма о Н.Я. Бичурине. Все это позволило автору впервые в истории «бичуринианы» создать и систематизировать впечатляющий корпус источников и литературы. Это источниковая база также позволила П.В. Денисову развернуть логически построенную и убедительно аргументированную панораму становления отечественной синологии, развития востоковедения в России в целом. Главная заслуга П.В. Денисова – в том, что он сумел ярко и убедительно по крупицам восстановить сложную судьбу и сложный образ Н.Я. Бичурина – необычайно талантливого и трудолюбивого человека, который пережил преследования и унижения, творческие взлеты и научную славу, оставил о себе славу археолога, синоведа, востоковеда, выдающегося члена Российской Академии наук» [5, с. 268].

П.В. Денисов обратился и к рассмотрению художественных произведений, посвященных Н.Я. Бичурину. Он напоминает авторам об особой ответственности писателей-историков, об их мировоззренческой миссии, взывает к их гражданскому долгу и совести, – и это, конечно, совершенно

правильно, если учесть ущерб, приносимый легкомысленным, поверхностным подходом авторов к исторической истине ради пустого развлечения, превращающего исторические художественные книги в приключенческие, тем более – спекулятивные манипуляции массовым историческим сознанием в угоду злонамеренным антиобщественным интересам, примеры чего в последние три десятка лет весьма многочисленны. Тогда это проблема ещё не стояла так остро, но, конечно, Петр Владимирович, будучи профессионалом высочайшего класса, уже осознавал ее значение ясно и отчетливо и проявлял в вопросе об исторической достоверности художественной литературы принципиальность.

Тем более значительной представляется его высокая оценка гражданской и научной добросовестности П.В. Романова, впервые в художественной литературе открывшего читателю образ Н.Я. Бичурина. П.В. Денисов отмечал: «О Никите Яковлевиче Бичурине написано немало как в дореволюционной России, так и в советское время. Однако всякий раз, когда исследователи обращаются к наследию великого русского востоковеда, раскрываются новые грани его научного подвига, не имеющего себе равных в мировой синологии. Трудная и ответственная задача воссоздания образа учёного-мыслителя огромных дарований, человека драматической судьбы и передовых взглядов, решается и в исторической драме заслуженного деятеля искусств Чувашской АССР В.П. Романова «Никита Бичурин». Данное произведение следует рассматривать как первую художественную биографию Иакинфа, если не считать неудачную работу А. Таланова и Н. Ромовой «Друг Чжунго», выпущенную в 1955 г. издательством «Молодая гвардия». Отличительная особенность произведения В.П. Романова – документальная достоверность.

Все основные персонажи, окружающие Н.Я. Бичурина, за исключением второстепенных лиц – реальные люди – представители различных слоев общества. Особенно художественно-выразительно изображены в драме друзья основного героя – Александр Корсунский – родственник и друг юности Н.Я. Бичурина, великий поэт А.С. Пушкин, декабрист Н.А. Бестужев. При этом они наделены живыми характерами, они – ярко индивидуальны, а самое главное – удачно передано их общественно-политические воззрения, их резко отрицательные суждения о крепостнических порядках в царской России... Создав яркую художественную биографию учёного-монаха Иакинфа, жившего в тяжелую эпоху крепостнической реакции царизма, В.П. Романов значительно обогатил историческую беллетристику о жизни Н.Я. Бичурина, до последнего дыхания служившего науке [4, с. 281, 286].

Представляют интерес и критические значения П.В. Денисова по поводу соответствия действительности отдельных фактов, дат, мотивов поведения персонажей. Рецензент совершенно правомерно, основывая свое суждение на конкретном знании вопросов, оспаривал версию драматурга

о пострижении Бичурина в монахи якобы из-за неразделенной любви, которую принес в литературу не только В.П. Романов, но и позже В.С. Пиккуль, даже начавший историческую новеллу «Железные четки», именно с красочного описания расставания Никиты Бичурина с Таней Саблуковой перед уходом в монастырь. П.В. Денисов доказывает, что истинные причины столь серьезного, судьбоносного шага Бичурина куда более важны, он принял его осознанно и несколько в более старшем возрасте, чем показывал В.П. Романов: «В «Прологе» драмы В.П. Романов излагает свою трактовку причины пострижения Никиты Бичурина в монашеский сан. Основываясь главным образом на сообщениях Н.С. Моллер «Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внучки», решение молодого семинариста Бичурина о добровольном пострижении в монашество В.П. Романов объясняет причиной его неудачной, неразделенной любви и датирует время такого рокового шага 1797 годом. Заметим, что новейшей литературе о Н.Я. Бичурине убедительно доказаны противоречивость и неубедительность подобной трактовки причин ухода Никиты Бичурина в монашество. По свидетельству современников, находившихся в дружеских отношениях с учёным монахом и знавших его личную жизнь, виновником перехода Бичурина в черное духовенство был его покровитель, видный сановник Русской православной церкви Амвросий Подобедов. Большинство биографов Н.Я. Бичурина указывают, что решение о переходе в монашество он принял под воздействием деятелей Казанской епархии перед самым окончанием духовной академии, а сам обряд пострижения его в монашество был совершен 18 июля 1800 г. Поэтому вряд ли можно события в прологе датировать 1797 г., а достовернее будет отнести их к 1799 г.» [3, с. 282–283]. Таким образом, здесь мы имеем дело с не случайно внезапно нахлынувшим чувством, а с осознанным решением зрелого, по-настоящему взрослого, способного взять на себя самую серьезную ответственность за свою судьбу человека!

Такое требовательное отношение к точности передачи содержания фактов и их трактовки не только в специальной, но и художественной, адресованной массовому читателю литературе – поучительно для рецензентов!

Профессор Пётр Владимирович Денисов внес такой огромный вклад в постижение и историософскую интерпретацию известных и малоизвестных фактов о Н.Я. Бичурине, в привлечение для этого широких массивов источников, который ставит его на одно из первых мест среди современных российских бичуриноведов.

Литература

1. Бусыгин Е.П. Рец.: Жизнь монаха Иакинфа Бичурина. Чувашия глазами этнографа: поиски и находки: статьи, очерки, рецензии. – Чебоксары: Новое время, 2008. – С. 259–265.

2. Денисов П.В. Предисловие // Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853): научно-вспомогательный указатель / Национальная библиотека ЧР; сост. Н.А. Епишина, В.В. Григорьева; науч. ред. П.В. Денисов. – Чебоксары, 2008. – С. 6–8.

3. Денисов П.В. О рукописи исторической драмы В.П. Романова «Вольнодумец в рясе (Никита Бичурин)» // Чувашия глазами этнографа: поиски и находки: статьи, очерки, рецензии. – Чебоксары: Новое время, 2008. – С. 280–286.

4. Димитриев В.Д. Книга о выдающемся востоковеде // Советская Чувашия. – 1978. – 11 марта.

5. Кузеев Р.Г. Рецензия на монографию П.В. Денисова «Жизнь монаха Иакинфа Бичурина», выдвинутую на соискание Государственной премии ЧР в области гуманитарных наук / Р.Г. Кузеев, И.Г. Петров // Чувашия глазами этнографа... – С. 266–268.

Таймасов Леонид Александрович
Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СРЕДИ ЧУВАШЕЙ В ТРУДАХ С.М. МИХАЙЛОВА И Н.В. НИКОЛЬСКОГО

Аннотация: в статье рассмотрено отражение этноконфессиональных процессов среди чувашей под воздействием христианского просвещения во второй половине XIX – начале XX в. Проанализированы жизнь и творчество чувашских исследователей С.М. Михайлова и Н.В. Никольского, которые в разные исторические эпохи сами испытали трансформацию этноидентичности и в научном творчестве отразили особенности этноконфессиональных процессов среди чувашей.

Ключевые слова: религия, язычество, православие, христианское просвещение, этноконфессиональные процессы, этнокультурная трансформация.

Leonid Aleksandrovich Taymasov
I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary

ETHNO-CONFESSIONAL PROCESSES AMONG THE CHUVASH IN THE WORKS OF S.M. MIKHAILOV AND N.V. NIKOL'SKII

Abstract: the article examines the reflection of ethno-confessional processes among the Chuvash under the influence of Christian enlightenment in the second half of the nineteenth and beginning of the twentieth centuries. The lives and works are analyzed of the Chuvash scholars S.M. Mikhailov and N.V. Nikol'skii who, in various historical periods, personally experienced the transformation of ethnic identity and in their scholarly works expressed the distinctive features of ethno-confessional processes among the Chuvash.

Keywords: religion, paganism, Orthodoxy, Christian enlightenment, ethno-confessional processes, ethnocultural transformation.

Этнополитические процессы на постсоветском пространстве заставили обратить пристальное внимание на духовное наследие наших пред-

ков и сделали этнорелигиозную проблематику актуальной в историко-этнографической науке [11, с. 3–23; 13]. В данной статье мы намерены показать влияние религии на этноконфессиональную трансформацию чувашей на основе анализа жизни и творчества С.М. Михайлова и Н.В. Никольского. Выбор этих авторов обусловлен тем, что работы С.М. Михайлова, опубликованные в 40–50-х г. XIX в., дают возможность представить религию чувашей в дореформенный период. Н.В. Никольский, окончивший Казанскую духовную академию и защитивший магистерскую диссертацию в 1912 г., стал первым профессиональным историком из чувашской среды и лидером национального движения.

Жизнь и творчество С.М. Михайлова тесно связаны с Козьмодемьянским уездом Казанской губернии, отличавшимся этническим многообразием [2, с. 18–19; 3, с. 9–13; 4, с. 7–8]. С детских лет он наблюдал за жизнью чувашей и соседних народов: марийцев и русских. Любознательный и наблюдательный мальчик задавался вопросом: почему люди, живущие на одной земле, поклоняются разным богам? У него рано пробудился интерес к таинству букв и письма: «Книги мне казались божеством, а буквы в них драгоценностью» [4, с. 25], – писал С.М. Михайлов. Овладение грамотой для большинства чувашей было тогда недоступным. Крестьянские дети могли обучаться в приходских училищах, однако, по данным 1856 г., в Козьмодемьянском уезде их насчитывалось только четыре: в Ильиной пустыни (1845 г.), Чермышево (1846 г.), Кожваших (1843 г.) и Акрамово (1845 г.) [6]. Детей обучали священники, которые не владели чувашским языком, что препятствовало освоению грамоты.

Переезд в семью русского купца Михеева для семилетнего Спиридона стал гранью, разделившей деревенское прошлое с его традиционным бытом и православно-русское будущее. Мальчику тогда казалось, что впереди, за родительским порогом, его ждет славный и светлый путь: «Сердце мое рвалось из отеческого дома в святую Русь» [4, с. 25]. Отсрочка переезда на год стала большим разочарованием: «Досадно было возвращаться из города в чувашу» [4, с. 25], – напишет он в своей автобиографии. В Козьмодемьянске С.М. Михайлов оказался в непривычной этнокультурной среде. Тяжело привыкал к новым условиям. Жизнь вне родной семьи среди чужих людей, нередко отпускавших в его адрес насмешки и наносивших незаслуженные оскорбления, требовала от него колоссального терпения и выдержки. С.М. Михайлов прошёл все испытания, чтобы осуществить свою мечту – овладеть грамотой. «Теперь ещё живы некоторые свидетели моего детства и пламенных моих молитв», – писал С.М. Михайлов, вспоминая детские годы [4, с. 26]. Чтение христианских книг, церковной истории оставило в юноше неизгладимые впечатления, формировали его религиозное мировоззрение. Несмотря на то, что он никогда не забывал своего чувашского происхождения, но по образу мышления, мировосприятию стал православным, а значит, русским по

духу. Православие он принял умом и сердцем. Только у истинно верующего христианина могли возникнуть сильные чувства от чтения религиозных книг или церковной службы. Например, как ярко и образно иллюстрирует С.М. Михайлов впечатления от прочтения книги «Путешествие Трифона Коробейника в Иерусалим, Египет и на Синайскую гору в 1583 году»: «Живописные горы по набережью реки Суры, по которым я тащился, растроганному воображению моему представлялись священными палестинскими горами: Сионом, Елеоном, Фажором, Ермоном и Синаем, река Сура, бывшая в полном разливе, – рекою Иорданом, а возвышающиеся из-за неё купола ядринских церквей – градом Иерусалимом» [4, с. 29]. Такие же возвышенные чувства вызвала в нём торжественная святительская служба архиепископа Казанского Филарета при его посещении Козьмодемьянска в 1833 г. С.М. Михайлов вспоминал, что готов был последовать за преосвященным архиереем в Казань для продолжения учебы [5, с. 353].

Целеустремленность и упорство принесли свои плоды: он стал одним из немногих чувашей того времени, кому удалось в совершенстве овладеть русской грамотой. Владение русским языком, принятие православия, перемена образа жизни для чувашей XIX в. означало обрусение. В глазах соплеменников такой человек становился «русским». Так, в письме М. Хлебникова В.К. Магницкому (1883 г.) приведено высказывание брата Спиридона Михайловича – Димитрия, который называл его «вырѣс», т.е. русским [5, с. 395]. Да и сам С.М. Михайлов считал себя обрусевшим чувашом. В письме-некрологе от 8 июня 1859 г., опубликованном по случаю смерти крупного востоковеда-арабиста П.С. Савельева, он писал, что в его лице лишился благодетеля и покровителя: «Павел Степанович достаивал меня иногда своими письмами, как любимого им обрусевшего инородца-писателя...» [2, с. 19]. В своих статьях С.М. Михайлов также называет себя русским и православным христианином [5, с. 118, 137]. Подобная самоидентификация характерна и для других чувашей, оставивших традиционную культуру в пользу православия. Например, чувашский просветитель И.Я. Яковлев в докладной записке к директору Симбирской гимназии И.В. Вишневскому от 25 августа 1870 г. отмечал: «...школа научила и воспитала меня в христианской религии, а последующие обстоятельства сделали русским» [13, с. 40].

В годы творческой активности С.М. Михайлова чувашаи ещё находились на религиозном распутье [5, с. 29]. По мнению А. Фукс, чувашаи «от своей религии отстали, а к нашей не пристали» [1, с. 138–139]. В ряде статей С.М. Михайлов вполне однозначно высказывался за утверждение православия и постепенное изживание традиционных верований – «когда буду светилом, буду попирать киреметь чувашскую и возрадую их (чувашей. – *Т.Л.*)» [5, с. 353]. В статье «Как управлять чувашами» он особо вы-

делил пункт, касающийся вопроса религиозного воспитания соплеменников [5, с. 173]. Он считал, что утверждение христианства среди чувашей возможно через христианское просвещение, которым обязаны заниматься приходские священники. В статье «Предания чуваш», сравнивая чувашей и горных марийцев, С.М. Михайлов последних находил более приверженными русским обычаям и православию: «О религии имеют они (горные марийцы. – *Л.Т.*) довольно здравые понятия...» [4, с. 56]. Происшедшие в религии горных марийцев изменения он объяснял близостью русского населения и успешной миссионерско-просветительской деятельностью священников: «На вопрос, отчего так сделались черемисы религиозны, можно отвечать беспристрастно, что посеяли сие семя на добрую землю попечительные духовные их отцы» [4, с. 56]. На основании наблюдений и изучения историко-этнографических источников учёный убеждался, что этноконфессиональные процессы рано или поздно приводят к изменению этнического облика народов. В статье «Историко-статистическое описание села Владимирского-Бусурманова в Козьмодемьянском уезде» Михайлов привёл исторический факт обрусения «служилых новокрещен», происходивших из чувашей и марийцев [4, с. 222]. Описывая этнокультурные сюжеты в Козьмодемьянском уезде, С.М. Михайлов предполагал, что «со временем чуваша сольются с Русью» [5, с. 161]. Он был человеком своей эпохи и придерживался взглядов, господствовавших тогда в обществе.

В следующем разделе работы обратимся к жизни и творчеству Н.В. Никольского, взгляды которого формировались во второй половине XIX – начале XX в., в эпоху буржуазных преобразований и действия просветительской системы Н.И. Ильминского. Н.В. Никольский прошёл все ступени образования, от начальной школы до духовной академии, и, защитив в 1912 г. магистерскую диссертацию, стал дипломированным учёным-историком. К язычеству Н.В. Никольский относился крайне негативно, называя народные верования сбивчивыми, смутными и отрывчатыми. Он писал: «У чувашей не было своей строго определенной религиозной системы» [6, с. 94–103]. В то же время отмечал их толерантное отношение к другим народам и религиям. Одним из первых в Поволжье Никольский осуществил научное исследование истории христианизации чувашского народа и сделал подробный анализ православного миссионерства. Пришёл к заключению, что до внедрения системы Н.И. Ильминского миссионеры увлекались мерами принуждения [7, с. 219–232]. Н.В. Никольский высказал мнение о том, что объем религиозных сведений всецело зависит от умственного уровня обитателей той или иной местности. «Чем шире был кругозор чуваш данной местности, тем возвышеннее и определеннее были и самые верования» [8, с. LIV–LVII], – замечал учёный. Он ратовал за развитие школьного дела на основе родного языка, считая, что школа нового типа «приобрела себе большие симпатии

в среде инородцев» [7, с. 24–44]. Также отмечал, что наряду со школой на изменение конфессиональной ориентации чувашей от язычества к православию оказали переводы христианских книг. По мнению Н.В. Никольского, дети, получившие образование, воздействуют «на взрослых чистотой и искренностью своих поступков и действий» [8, с. 24–44]. Многие чувашки стали чаще посещать церковь, исполнять церковные праздники и обряды. Отражением их конфессионального обновления стало религиозно-православное движение за основание миссионерских монастырей. В начале XX в. действовало пять чувашских обителей: Александрийский чувашский женский монастырь, Александро-Невский чувашский мужской монастырь, Владимирская чувашская женская община, Сараксарская чувашская община, основанная И.Я. Яковлевым, и Никольско-Иверская женская община [10, с. 192–197]. Многие верующие чувашки отправлялись на моления в отдаленные монастыри. Растущую религиозность чувашей Н.В. Никольский заметил в паломничестве, отметив их поездки в Саров, Киев, даже в Иерусалим и на Афон [7, с. 232].

Когда в начале XX в. развернулась кампания по критике системы Н.И. Ильминского, Н.В. Никольский встал в ряды её защитников. Он писал, что «христианская религия, усвояемая инородцами через посредство их родных языков, вызывает в них расположение к русским, а не развивает сепаратизма...» [7, с. 24–44]. По мнению Н.В. Никольского: «Язык, нравы, обычаи и прочие стихии народности дороги теперь инородцам как внешний отпечаток ..., но как скоро последние рухнут, как скоро последует объединение с русским народом в верованиях и убеждениях, то не будет более преграды и к внешнему объединению в языке и во всем прочем» [7, с. 24–44]. Своей просветительской деятельностью он претворял в жизнь идеи Н.И. Ильминского, однако по мере развития чувашского национального движения, в котором учёный выступил как один из его лидеров, его взгляды на этническую будущность чувашей претерпели существенные коррективы.

Исследования С.М. Михайлова и Н.В. Никольского позволяют представить динамику этноконфессиональных процессов среди чувашей с середины XIX до начала XX в. С.М. Михайлов верно определил некоторые факторы, воздействовавшие на утверждение чувашей в православии. На своем жизненном опыте он убедился, что духовное сближение чувашей с русским народом возможно через христианское просвещение. Он предсказал многие просветительские идеи, которые позже нашли воплощение в системе Н.И. Ильминского. Ратую за утверждение православия, он понимал, что вместе с традиционной верой уходят в прошлое многие черты национальной самобытности. В середине XIX в. переход в православие означал для чувашей обрусение, что было связано с их представлениями

о прямой зависимости этноса от веры. Это понимание можно рассматривать как один из сдерживающих факторов перемены их конфессиональной ориентации.

Сочинения Н.В. Никольского отражают иную историко-культурную среду и конфессиональную ситуацию начала XX в. Многие чувашки в условиях буржуазной модернизации и применения миссионерско-просветительской системы Н.И. Ильминского усвоили основы христианского учения через школы, переводную христианскую литературу, богослужение и проповеди на родном языке. Ломка патриархального уклада жизни, расширение этнокультурных контактов, социально-экономические преобразования привели к изменению конфессиональной ориентации большинства чувашского населения от язычества к православию. По мере утверждения в православии многие чувашки убедились, что перемена веры не обязательно ведет к смене этнической идентичности, а, наоборот, может стать локомотивом всестороннего развития народа. Сам Н.В. Никольский под воздействием общественных процессов в начале XX в. превратился в лидера чувашского национального движения. С его именем связано издание первой чувашской газеты «Хыпар» («Весть») (1906–1907 г.). Он стал инициатором создания и председателем Общества мелких народностей Поволжья (1917 г.). Подводя итог исследования, отметим, что научное наследие С.М. Михайлова и Н.В. Никольского до настоящего времени не теряют актуальности, позволяя широкой общественности представить характер этнорелигиозных процессов второй половины XIX – начала XX в., понять исторические истоки современного религиозного возрождения среди чувашей.

Литература

1. Записки А. Фукса о чувашах и черемисах Казанской губернии. – Казань, 1840.
2. Дмитриев В.Д. Спиридон Михайлович Михайлов. Его жизнь и труды // С.М. Михайлов – первый чувашский этнограф, историк и писатель. – Чебоксары, 1972.
3. Егоров Д.Е. С.М. Михайлов: исторический очерк. – Чебоксары, 1967.
4. Михайлов С.М. Собрание сочинений. – Чебоксары: ЧГИГН, 2004.
5. Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. – Чебоксары, 1972.
6. Никольский Н.В. Собрание сочинений. – Т. I. – Чебоксары: ЧГИГН, 2004.
7. Никольский Н.В. Собрание сочинений. – Т. II. – Чебоксары: ЧГИГН, 2004.
8. Никольский Н.В. Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама. – Казань, 1912.
9. РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д.161. Л. 27.
10. Таймасов Л.А. Монастырское движение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начала XX века. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016.
11. Тишков В.А. Российская этнология: статус дисциплины, состояние теории, направления и результаты исследований // ЭО. – 2003. – №3. – С. 3–23.

12. Филиппов В.Р. Чувашия девяностых: этнополитический очерк. – М., 2001.

13. Яковлев И.Я. Письма. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989.

Харитонов Михаил Юрьевич

Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ В ЧУВАШИИ 1920–1930-х гг.⁶⁹

Аннотация: в статье обобщена новейшая историческая литература по истории органов государственного и партийного контроля на территории Чувашии в 1917–1941 гг., изданная после 1991 г. Рассмотрены основные труды по данному вопросу общероссийского и регионального уровня. Освещаются основные идеи проанализированных трудов, их значение для развития исторической науки, выявляется основной круг источников. Определяются имеющиеся проблемы в историографии.

Ключевые слова: историография, Чувашская АССР, государственно-партийный контроль, рабоче-крестьянская инспекция.

Mikhail Yurievich Kharitonov

I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary

CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY ON THE HISTORY OF INSTITUTIONS OF STATE AND PARTY OVERSIGHT IN CHUVASHIA DURING THE 1920s–1930s

Abstract: this article summarizes the recent historical literature on the history of organs of state and party oversight on the territory of the Chuvash Republic in 1917–1941 published after 1991. the major works on this issue, both on the all-Russian and on the regional levels, are reviewed. The main ideas of the analyzed works are highlighted along with their significance for the development of historical science, and the key body of sources is identified. The periodization of the question is constructed, and some existing problems in the historiography are defined.

Keywords: historiography, the Chuvash Autonomous Republic, state-party oversight, the worker-peasant inspection.

Изучение и осмысление истории контрольных органов советского периода представляет сложную исследовательскую задачу. Ученым, при-

⁶⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00467.

ступающим к исследованию истории XX века, приходится решать специфические вопросы источниковедческого характера, среди которых многозначность трактовок, критический анализ источников, закрытый характер некоторых документов, объективный отбор репрезентативных материалов в силу их массовости. Свою специфику имеет и научная литература. Историография советского периода отечественной истории создавалась в рамках особой – советской (коммунистической) – системы ценностей, что находило прямое отражение как в выборе исследовательской проблематики, подборе источниковой базы, выборе методологических принципов и подходов, так и в целом задавало направленность обобщений и выводов. Однако это не должно приводить к отрицанию современными исследователями накопленного в данный период материалов и заключений.

Изучение истории контрольных органов Чувашии невозможно в отрыве от общей истории контрольных органов нашей страны. История органов контроля в 1920–1930 гг. постоянно привлекала внимание многих исследователей советского периода. В целом для советской историографии государственного и общественного контроля характерно безальтернативное признание теоретических положений классиков марксизма-ленинизма о контроле и его функциях, особо отмечались успехи и достижения в деятельности рабоче-крестьянской инспекции, а имеющиеся недостатки в деятельности контрольных органов нередко списывались на влияние внешних факторов. В большинстве трудов советского периода рассматривались работы объединенных органов ЦКК-РКИ в 1923–1934 гг., в то время как труды 1934–1941 гг. (и далее до 1953 г.) практически отсутствовали. Негативные моменты, связанные с репрессиями, не упоминались.

События конца 1980-х – начала 1990-х г. кардинально изменили развитие России и отечественной исторической науки. Переосмыслению подверглось практически все советское прошлое.

Определенное количество трудов, так или иначе затрагивающих деятельность государственно-контрольных органов, было издано в конце 1980-х г., в перестроечный период. Достаточно назвать таких авторов, как О. Шабров, В. Стукач и А. Михель, в трудах которых явно прослеживается критический подход к деятельности органов партийно-государственного контроля [30; 42]. Например, В. Стукач и А. Михель положительно оценивая деятельность органов ЦКК-РКИ в центре и на местах в целом в 1920-е г., тем не менее отмечают, что в период свертывания нэпа началось постепенное свертывание и деятельности ЦКК-РКИ [30, с. 99].

Следует отметить, что в большинстве публикаций, вышедших в конце 1980-х – начале 1990-х было чрезвычайно критичное отношение как к историческим событиям в 1930–1950-е гг., так и их оценке в советской историографии. Деятельность И.В. Сталина и репрессивных органов

признавалась преступной. Многие труды имели публицистический характер. В то же время российским исследователям стали доступны для изучения работы зарубежных историков и политологов, рассматривающих особенности советской политической системы (М. Джиласа, Р. Михельса, Р. Такера, Э.Х. Карра, Х. Арндта, Б. Рассела и др.) [24; 37; 3; 10; 35], изданные в предыдущие годы. Также были опубликованы работы русских исследователей, эмигрировавших за границу [5; 6; 1].

В 1990-е г. количество специальных работ, посвященных исключительно истории контрольных органов, по сравнению с 1970–1980 гг., значительно снижается. В постперестроечный период самостоятельных исследований по данной теме не выявлено, за исключением диссертаций Е.М. Химович, В.И. Харченко и О.Н. Сорокина [40; 36; 41]. Исследователями была предпринята попытка с новых некоммунистических позиций осмыслить опыт деятельности рабоче-крестьянской инспекции. Так, Е.М. Химович, диссертация которой посвящена изучению роли органов государственного контроля в экономической жизни страны в 1926–1934 гг., обосновывает необходимость подобного органа контроля, ссылаясь на деятельность таких учреждений за рубежом, в развитых демократических странах, как Президентский совет по честности и эффективности действий правительства в США и т. д. [41, с. 16].

С конца 1990-х гг. в историографии наметилась тенденция более объективного рассмотрения органов управления в советский период. Среди прочего что было связано с развитием российских контрольных органов, в частности возрастанием роли Счетной палаты РФ [2]. В ряде работ предпринимается попытка проследить преемственность традиций от дореволюционного контроля, контроля советской эпохи до современного этапа развития государственных контрольных органов [8; 39].

Был опубликован ряд исследований по истории революции, процессу формирования политической системы и системы государственного управления большевиков. Их достоинством является отход от традиционных и применение новых методов исследования научных проблем, значительное расширение источниковой базы за счет архивных документов, ранее недоступных для изучения. К таким работам, в частности, относится исследование Е.Г. Гимпельсона [7]. Краткое упоминание о рабоче-крестьянской инспекции имеется в изданиях по истории государственного управления России [22], в которых отмечается «специфическая» роль союзных и республиканских наркоматов Рабкрина, воплощавших «сочетание государственных и общественных начал, выборность и тесную связь с профсоюзами, кооперативами, молодежными и другими массовыми объединениями». При этом выводы авторов основаны на фактическом материале из работ советского периода. В монографии А.В. Макарина «Бюрократия в системе политической власти» [27] был поставлен вопрос о необходимости изучения истоков и процессов формирования советской

бюрократии, выделения ее форм и особенностей. Различным аспектам явления бюрократии в СССР посвящены публикации А.Х. Каратуева, В.П. Макаренко, А.Л. Ермоленко, В.П. Зызы, В.Ф. Лазовского [23; 26; 18].

В 2000-е гг. одним из основных научных трудов, посвященных исследованию деятельности рабоче-крестьянской инспекции на местном уровне, стала работа И.П. Яковлевой [43], в которой, несмотря на положительные моменты, прослеживается определенная направленность и отсутствие современного видения проблемы.

Интересной является диссертация С.А. Ерофеева «Деятельность органов государственного контроля в губерниях Среднего Поволжья в период становления и упрочнения Советской власти (1917–1928 гг.)». Исследование построено на материалах Симбирской (позднее – Ульяновской) губернии, Казанской губернии (позднее – Татарской АССР) [19]. Автором проанализированы основные этапы зарождения и становления местных органов государственного контроля губерний с ноября 1917 по 1928 гг., а также сформулированы их отличительные особенности и характерные черты. Значительное внимание уделено деятельности контрольно-ревизионных органов по соблюдению законности на местах, особенно государственно-контрольных органов в войсковых частях (1918–1923 гг.).

В трудах последних лет наметился новый интерес к контрольным органам [20; 21; 9; 4; 38]. Среди авторов особенно активно работают учёные из Сибири – А.Г. Дианов [12; 13; 14; 15; 16; 17] и из Москвы – Т.Н. Никонорова [31; 32; 33; 34]. Характерной чертой работ этих авторов является обращение к новым архивным материалам, попытка увязать закономерности в развитии контрольных органов с изменениями в обществе в целом, политическими процессами; уделяется внимание восприятию обычными людьми органов власти, в т.ч. контролирующих организаций.

Исследований, непосредственно затрагивающих деятельность органов государственного контроля в Чувашии за последние десятилетия практически нет. В связи этим представляют интерес общие труды по истории Чувашии 1920–1930-х гг., особенно В.Н. Клементьева и Е.К. Миневой [28; 29; 25].

Анализ современной историографии истории органов государственно-партийного контроля показывает, несмотря на то, что проблема создания и функционирования органов государственного контроля в РСФСР – СССР изучалась, однако, она требует дальнейшей разработки. Указанные исследования и публикации, несомненно, обогащают и углубляют наши представления об органах контроля и создают широкие научные предпосылки для дальнейшего изучения проблемы. Вместе с тем в истории государственного контроля, в частности, в деятельности рабоче-крестьянской инспекции, еще много неисследованных проблем и спорных вопросов. Так, следует определить место органов контроля в со-

ветской политической системе в различные периоды ее развития. Очевидно, что не только организационная структура, но и сами задачи государственного контроля существенно менялись исходя из конкретной исторической ситуации. Деятельности РКИ посвящено большое количество научных работ, однако представленные в них данные малочисленны и характеризуются излишней идеологизированностью и догматизмом. Современный этап развития политической и исторической мысли позволяет по-новому подойти к проблеме возникновения и функционирования в СССР органов государственного и партийного контроля с учётом современных методологических подходов и значительно расширенной источниковой базы исследования. В существующей литературе, посвященной обобщению деятельности Коммунистической партии, государственных учреждений, развитию советской общественности в 1920–1930-е годы в Чувашии, в частности, история РКИ, ее органов, их взаимодействие с государственными и общественными структурами, связи с центральным аппаратом РКИ были рассмотрены фрагментарно. Между тем, региональный опыт был по-своему специфичен, богат и разнообразен и ждёт своего исследователя.

Литература

1. Авторханов А. Технология власти. – М., 1991.
2. Андреев А.А. Формы и виды контрольной деятельности РКИ в 1920–1922 гг. // Президентский контроль. – 2000. – №3. – С. 39–46.
3. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. – М., 1996.
4. Булюлина Е.В. «Жалобщики» и «удрученные»: о работе с заявлениями граждан в рабоче-крестьянской инспекции в 1919–1920-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2010. – №2. – С. 98–105.
5. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – Лондон, 1990.
6. Геллер М.Л. Утопия у власти / М.Л. Геллер, А.М. Некрич. – М., 2000.
7. Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 1917–1920 гг. – М., 1998.
8. Голотов Д.Г. Организационно-правовые основы возникновения и деятельности рабоче-крестьянской инспекции в советском государстве в 1918–1923 гг.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2005.
9. Гулько А.Н. Создание и направления деятельности Наркомата рабоче-крестьянской инспекции в борьбе с хозяйственными правонарушениями в начале 1920-х годов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – №61. – С. 98–102.
10. Джилас М. Лицо тоталитаризма. – М., 1991.
11. Дианов А.Г. Взаимодействие местных и центральных контрольных органов в середине 20-х гг. XX в. (на примере Сибири) // Омский научный вестник. – 2015. – №2 (136). – С. 9–12.
12. Дианов А.Г. Взаимодействие Сибирской рабоче-крестьянской инспекции с государственными органами и общественными организациями Сибири в середине 20-х гг. XX в. // Омский научный вестник. – 2015. – №1 (135). – С. 5–9.

13. Дианов А.Г. Внутренняя организация органов рабоче-крестьянской инспекции в Сибири в середине 20-х гг. XX в. Ч. 1 // Омский научный вестник. – 2013. – №5 (122). – С. 5–10.
14. Дианов А.Г. Внутренняя организация органов рабоче-крестьянской инспекции в Сибири в середине 20-х гг. XX в. Ч. 2 // Омский научный вестник. – 2014. – №1 (125). – С. 9–12.
15. Дианов А.Г. Материальное положение сотрудников сибирских рабоче-крестьянских инспекций в середине 20-х гг. XX в. // Омский научный вестник. – 2014. – №2 (126). – С. 15–19.
16. Дианов А.Г. Рабоче-крестьянская инспекция и проблема контроля за деятельностью госаппарата в Сибири в 1920 г. // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – №346. – С. 64–68.
17. Дианов А.Г. Создание объединенных органов партийно-государственного контроля в Сибири // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – №387. – С. 114–120.
18. Ермоленко А.А. Бюрократизм в коллективном производстве / А.А. Ермоленко, В.П. Зыза, В.Ф. Лазовский. – Воронеж, 1989.
19. Ерофеев С.А. Деятельность органов государственного контроля в губерниях Среднего Поволжья в период становления и упрочнения Советской власти (1917–1928 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ульяновск, 2004.
20. Иванов А.А. Материалы инспекции советского строительства Наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР как источник по истории советской доколхозной деревни: к постановке проблемы // Вестник Самарского государственного университета. – 2009. – №1 (67). – С. 77–82.
21. Иванов А.А. Сельские сходы первого и второго козьемодьянских земельных обществ 20-х годов XX века в материалах Наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР // Марийский археографический вестник. – 2008. – №18. – С. 197–211.
22. История государственного управления. – Ростов н/Д, 1999.
23. Каратюев А.Г. Советская бюрократия. Система политического господства и ее кризис (1919–1991). – Белгород, 1993.
24. Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929. – М., 1990.
25. Клементьев В.Н. История национальной государственности чувашского народа. – Чебоксары, 2014. – Кн. 1.
26. Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. – Ростов н/Д, 1989.
27. Макарин А.В. Бюрократия в системе политической власти. – СПб., 2000.
28. Минеева Е.К. Наркомнац и становление Марийской, Мордовской, Чувашской автономных республик: исторический опыт и уроки. – Чебоксары, 2007.
29. Минеева Е.К. Наркомнац РСФСР и становление автономии чувашского народа (1918–1925 годы). – Чебоксары, 2007.
30. Михель А. К истории функционирования органов народного контроля / А. Михель, В. Стукач // Экономические науки. – 1989. – №4. – С. 96–102.
31. Никонорова Т.Н. Делопроизводство Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). 1934–1952 гг. // Вестник архивиста. – 2014. – №2. – С. 104–113.
32. Никонорова Т.Н. Документы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) в Российском государственном архиве социально-политической истории // Вестник архивиста. – 2015. – №1. – С. 89–99.

33. Никонорова Т.Н. Записки и отчеты уполномоченных Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1939–1947 гг.) как исторический источник // Вспомогательные и специальные науки истории в XX – начале XXI в.: призвание, творчество, общественное служение историка: материалы XXVI Междунар. науч. конф. (Москва, 14–15 апреля 2014 г.). – М., 2014. – С. 266–268.

34. Никонорова Т.Н. Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934–1952 гг.) // Российская история. – 2015. – №6. – С. 26–40.

35. Рассел Б. Практика и теория большевизма. – М., 1991.

36. Сорокин О.Н. Деятельность объединенных органов партийного и государственного контроля (ОБЛКК–РКИ) на Урале (1923–1934 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1991.

37. Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1878–1929. – М., 1990.

38. Татаринцев М.Н. Правовое регулирование деятельности рабоче-крестьянской инспекции в годы гражданской войны (1918–1920 годы) // Евразийский юридический журнал. – 2015. – №12 (91). – С. 141–143.

39. Терещук С.В. Становление и развитие органов государственного контроля в РСФСР – СССР: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2005.

40. Харченко В.И. Деятельность ЦКК–НК РКИ УССР по совершенствованию государственного аппарата и делопроизводства в республике (1920–1930 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1988.

41. Химович Е.М. Роль ЦКК–РКИ в проведении режима экономии и рационализации производства и управления: опыт, уроки 1926–1934 гг.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Ярославль, 1992.

42. Шабров О.Ф. Ленинская идея Рабкрина и перестройка // Научный коммунизм. – 1990. – №1. – С. 3–12.

43. Яковлева И.П. Советский общественный и государственный контроль в 1920–1934 гг. На материалах Кубани: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004.

Юманова Ульяна Валерьевна
Чувашский государственный
университет имени И.Н. Ульянова
г. Чебоксары

**ИЗМЕНЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ
БЛАГОСОСТОЯНИЯ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ**

Аннотация: в статье анализируются региональные процессы постарения населения. Приводятся результаты территориальной оценки половозрастной структуры населения Чувашии. Рост доли старших возрастов ведет к дальнейшему увеличению демографической нагрузки на трудоспособное население. Социально-демографические риски, снижающие уровни жизни пожилого населения региона, характеризуются территориальными диспропорциями.

Ключевые слова: пожилое население, социально-демографические условия, ожидаемая продолжительность жизни, пенсионный возраст, благосостояние, регион, территориальное неравенство.

Ulyana Valerievna Yumanova
I.N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary

**CHANGE IN REGIONAL SOCIO-DEMOGRAPHIC CONDITIONS
DETERMINING THE STANDARD OF LIVING OF THE ELDERLY
POPULATION OF CHUVASHIA**

Abstract: the article analyzes regional processes connected with the aging of the population. the results of a territorial assessment of the gender and age structure of the population of Chuvashia are provided. the increase in the proportion of the elderly leads to a further increase in the demographic burden on the working age population. Social and demographic risks that reduce the living standards of the elderly in the region are marked by territorial imbalances.

Keywords: elderly population, social and demographic conditions, life expectancy, retirement age, welfare, region, territorial inequality.

Современный период формирования российского общества характеризуется кардинальными изменениями в подходе к понятию пожилого населения. Россия, наряду с развитыми странами, относится к «старому» обществу, для которого характерна устойчивая тенденция сокращения рождаемости, низкие коэффициенты воспроизводства населения, повышение показателей средней продолжительности жизни и высокий удельный вес пожилых людей в демографической структуре населения. Особый характер носят региональные изменения половозрастной структуры пожилого населения. В развивающихся странах старение населения часто

сопровождается ухудшением материального положения пенсионеров, снижением их уровня и качества жизни. В экономически развитом и социально-ориентированном государстве система пенсионного страхования позволяет пожилому населению сохранять относительно высокий, сравнимый с предыдущим трудовым периодом, уровень и качество жизни. В период повышения пенсионного возраста в России становится наиболее актуальным исследование влияния социально-демографических условий на оценку уровня жизни пенсионеров в целях его эффективного регулирования.

На начало 2018 г. уже более 25% населения России и Чувашии находится в возрасте старше трудоспособного [2]. За последние десять лет численность населения старшей возрастной группы выросла в России на 4% и на 7 миллионов человек (до 37,4 млн человек). Рост доли пожилого населения приводит к целому ряду негативных для экономики региона проблем: увеличивается пенсионная нагрузка на занятое в экономике население, меняется рынок товаров, услуг и труда, усиливается социальное расслоение в обществе.

В соответствии с классификацией ВОЗ, к пожилым людям относится население в возрасте от 60 до 74 лет, к старому возрасту – от 75 до 89 лет, а к долгожителям – старше 90 лет. Возраст выхода на пенсию в большинстве развитых стран – 65 лет, в России планируется увеличение с 60 до 65 лет для мужчин и с 55 до 60 лет для женщин на первичном этапе.

Чувашии, по последним данным, насчитывается почти 370 тыс. пенсионеров (более 30% населения) и их доля постоянно растет (28% в 2016, 26% в 2005, 24% в 1995) [2]. Одновременно с этим увеличивается интенсивность пенсионной нагрузки на занятое в экономике население в Чувашии (с 1,77 в 2010 до 1,85 в 2017). Принято считать оптимальным соотношение три к одному, когда на одного пенсионера приходится не менее трех работающих граждан. Темпы роста числа пенсионеров по муниципальным образованиям республики с 2000 г. варьируют от 0,93 в отдаленных сельских районах до 1,4 в столице.

Так, если в Чувашии за последние несколько лет с 2012 по 2016 г. наблюдался незначительный естественный прирост населения (до 0,9 в 2013 г.), то в 2017 г. мы наблюдаем убыль населения (–1,3%). Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2017 г. составила 72,73 лет (66,99 у мужчин и 78,44 у женщин). В 2005 г. ожидаемая продолжительность жизни у мужчин была 59,89 лет. Всего за 12 лет ожидаемая продолжительность жизни населения Чувашии увеличилась на 6,5 лет (у женщин на 5 лет, а у мужчин – на 8,1). Согласно среднему варианту прогнозов Госкомстата ЧР, к 2030 г. средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении увеличится до 75 лет (до 70,3 у мужчин и до 79,5 лет у женщин, а также 73,1 для сельского населения, 76,1 для городского. Резко

увеличивается доля возрастной группы с 55–59 лет. Однако для обсуждения возраста выхода на пенсию важен показатель именно средней продолжительности жизни в том возрасте, в каком назначается пенсия [1].

Распределение населения старше трудоспособного возраста в Чувашии следующее: в сельской местности их проживает 43,6% от общего числа (308, 2 тыс. человек), в городах соответственно 56,4%. Внутрирегиональное исследование показывает значительные территориальные различия социально-демографических условий формирования благосостояния пожилого населения [3]. Доля пожилого сельского населения в среднем по Чувашии увеличилась за 7 лет на 4% (до 29%): от 36% в периферийных (Алатырский, Поречский, Яльчикский) до 24% в пристольичном Чебоксарском районе. В возрастной структуре пожилого женского населения доля «молодых» пожилых (от 55 до 59 лет) с 2010 по 2016 г. увеличилась на 3,1%. Доля средних пожилых (от 60 до 69 лет) увеличилась на 5,4%, а старших пожилых (70 лет и старше) снизилась на 8,4%. Изменилась также возрастная структура пожилых сельских мужчин: доля молодых пожилых (от 60 до 64 года) увеличилась на 4%. Выросла на 6,1% доля средней группы пожилых мужчин (от 65 до 69 лет), и резко (на 10,1%) снизилась доля старших (70 лет и старше). В половой структуре пожилого сельского населения произошли незначительные изменения. По-прежнему в республике большинство пожилых женщины (70,4%). Структура пожилых в Чувашии и их динамика отличаются от соответствующих по России. Если в регионе продолжается рост доли молодых пожилых, то в России увеличивается доля старших пожилых, т.е. идёт процесс постарения пожилого населения.

Для пожилого населения основным индикатором благосостояния является государственная пенсия. В основе применяемого в настоящее время механизма индексации пенсий лежит прогноз темпов инфляции, роста заработной платы, ряд внеплановых индексаций. Это несколько решило проблему соотношения доходов и прожиточного минимума пенсионеров. В Чувашии средний размер пенсий пожилых на 2018 г. составлял почти 12,3 тыс. руб., превышая прожиточный минимум пенсионера в 1,75 раза (рис.). В 2010 г. превышение было в 1,77 раза, в 2005 г. – в 1,34 раза. Значительное превышение среднего размера пенсии в 2016 г. связано с единовременной денежной выплатой в январе 2017 г. в размере 5000 рублей, назначенной в соответствии с Федеральным законом от 22 ноября 2016 г. № 385-ФЗ [2]. С учётом дополнительной занятости территориальная оценка уровня доходов пожилых показывает более высокие доходы в городах, где умеренные темпы роста доли старших возрастов, и меньшие в центральных и южных районах республики, где темпы роста пожилого населения выше.

Современные демографические трансформации оказывают все большее влияние на социально-экономическое положение разных слоев населения. Увеличение численности пожилых людей сопровождается повышением их ожидаемой продолжительности жизни и незначительным увеличением размера пенсии как основного источника доходов пенсионеров. Одновременно с этим увеличивается демографическая нагрузка на работающее население, что ведет к росту расходов государства и разработке новых пенсионных программ.

Литература

1. Вишневский А. Повышение возраста выхода на пенсию: демографические аргументы и контраргументы // Демоскоп Weekly. – 18 июня – 31 июля 2018. – №775–776 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0775/expertise.php> (дата обращения. 15.09.2018).
2. Официальный портал Госкомстата России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gks.ru>
3. Юманова У.В. Региональная оценка социально-демографических условий формирования уровня благосостояния пожилого населения Чувашии // Муниципальные образования современных регионов: проблемы исследования, развития и управления в условиях геоэкономической и политической нестабильности: Материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2016. – С. 91–94.

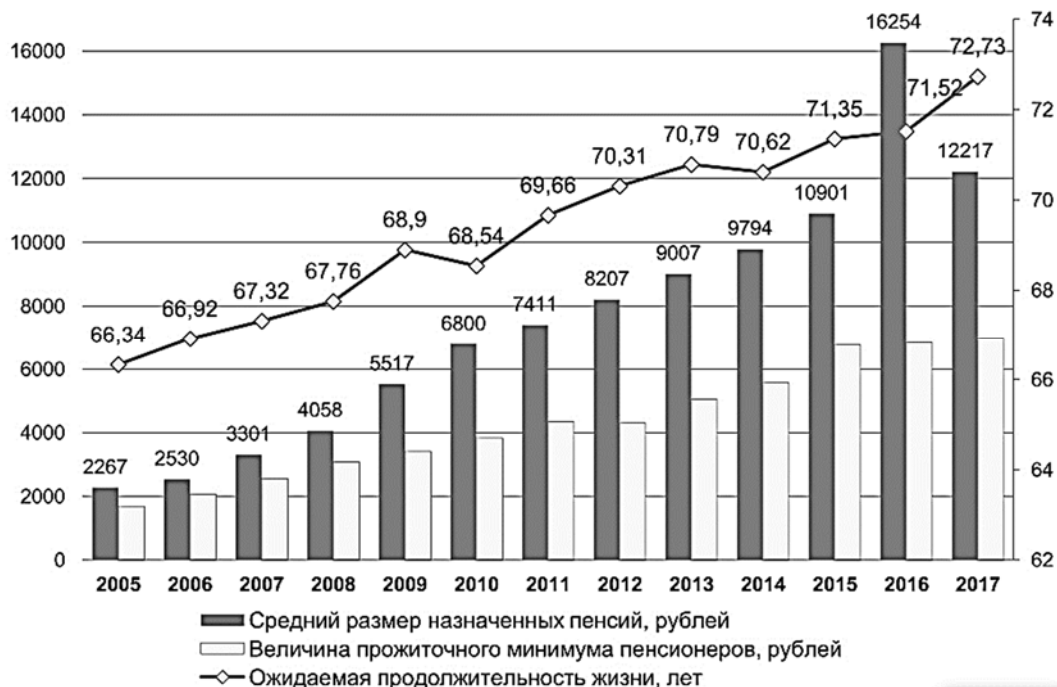

Рис. Изменение показателей уровня благосостояния пожилых и ожидаемой продолжительности жизни населения Чувашии

СОДЕРЖАНИЕ

Кодыбайкин С.Н. Памяти выдающегося учёного: к 90-летию со дня рождения П.В. Денисова 4

СЕКЦИЯ 1. П.В. ДЕНИСОВ:

ЛИЧНОСТЬ УЧЁНОГО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

Денисов П.В. Этнографическое изучение чувашского народа за годы советской власти 10

Таймасов Л.А. Исследования религии чувашского народа: историографический обзор..... 23

Иванов В.П. Ислам и чувашаи: поражение идентичности в цифрах ... 31

Зильберг Н.П. О Петре Владимировиче Денисове. Страницы биографии моего отца 37

Вовина (Денисова) О.П. Воспоминания об отце 59

Найт Н. Воспоминания о Петре Владимировиче Денисове..... 71

Андреев О.В. Замечательный человек и великий труженик науки: штрихи к портрету профессора П.В. Денисова 75

Васильев В.А. Пётр Владимирович Денисов. Штрихи к портрету учёного-педагога 78

Гусаров Ю.В. Аристократ духа..... 85

Данилова А.П., Данилов В.Д. Воспоминания об Учителе 92

Демидова И.И. Слово и дело в наследии П.В. Денисова..... 100

Ефимов Л.А. Ревностный сторонник возрождения национальной культуры и чувашского исторического краеведения (к 90-летию со дня рождения профессора П.В. Денисова) 108

Минева Е.К. Историческое наследие по проблеме формирования чувашского этноса: штрихи к портрету учёного 114

Сергеев Т.С. Двадцать лет рядом с авторитетным наставником (воспоминания о профессоре П.В. Денисове) 119

Смирнова Н.Б. Первое впечатление не обманывает..... 125

Таймасов Л.А. Мой научный руководитель 126

СЕКЦИЯ 2. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Азизов А.Ф., Казаков Н.А. Территориальные различия в обеспеченности населения Чувашской Республики сооружениями религиозного культа.... 132

Алексеева Н.Ю. Этнокультурные связи мордвы с соседними народами (по материалам одежды) 136

Бойко И.И., Харитонова В.Г. Процессы этнокультурного развития и межэтнического диалога: на примере Чувашской Республики 140

<i>Волкова М.С., Якунчева М.Г.</i> Традиционная обрядовая пища мордвы сельского социума (на примере Порецкого района Чувашской Республики) ..	147
<i>Вязова О.Г.</i> Быт сельских жителей современной Чувашии (по материалам обследования 2018 г.).....	151
<i>Егоров Д.В.</i> Опыт мифологической реконструкции небесного божества Кепе	157
<i>Егорова О.В.</i> Трансформация традиционной детской одежды чувашей....	163
<i>Загайнова А.Ю.</i> Орнаментация среднеазиатской штампованной керамики на территории Селитренного городища (по материалам 2017–2018 гг. исследования).....	168
<i>Иванов А.Г.</i> С.М. Михайлов о лесах и лесных промыслах в Козьмодемьянском уезде в середине XIX века.....	172
<i>Идиатуллов А.К.</i> Спортивные игры татар и башкир Среднего Поволжья о Приуралья: традиции и новации.....	177
<i>Кандрина Е.В.</i> Развитие промыслов на территории Поволжья: исторический аспект.....	181
<i>Каукина Р.Н.</i> Развитие художественного творчества населения Мордовии в 1930-е г.	187
<i>Кемаев Е.Н.</i> К вопросу о характерных чертах языческого культа древней мордвы.....	190
<i>Никонова Л.И.</i> К истории миграции населения Мордовии по материалам СМИ.....	195
<i>Огородников А.Д.</i> Об одном из видов рабочей одежды по данным письменных источников и археологических исследований Царевококшайска (Йошкар-Олы) в XVIII–XIX вв.	203
<i>Петров Н.А., Дмитриева И.В.</i> Продуцирующие обычаи и ритуалы в семейной обрядности чувашей.....	208
<i>Салмин А.К.</i> Исламский след в верованиях чувашей	214
<i>Самсонова А.А.</i> Типологическая характеристика сюльгам среднецентинской мордвы в Крюковско-Кужновском, Елизавет-Михайловском и Пановском могильных комплексах VIII–XI вв.	219
<i>Семенова Т.В.</i> Чувашско-марийский Костёр дружбы как фактор активизации межэтнических отношений	223
<i>Сушкова Ю.Н.</i> Проблемы защиты прав человека в рамках этноправоведения как нового научного направления	227
<i>Сытина Т.Ф.</i> Изучение этнокультурных ландшафтов Алатырского района Чувашской Республики	233

Федотова Е.В. Чувашские народные повествования о «жизни» людей после «неправильной» смерти.....	238
Федулов М.И. Результаты археологических исследований ЧГУ им. И.Н. Ульянова 2017–2018 гг.	241
Черноярова М.Ю. Дюла Месарош как исследователь представленный чувашского народа о знахарях и колдунах	248
Шульгов Е.Н. К истории межнациональных культурных связей: по материалам СМИ	253
Янгайкина Т.И. Реконструкция погребального костюма мокшанской женщины.....	260

**СЕКЦИЯ 3. НАРОДЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ В КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Абдуганиев Н.Н. К истории клубных учреждений Мордовии: по материалам СМИ	266
Блиняев С.Н., Широков О.Н. Именные благотворительные комитеты в годы Первой мировой войны (на материалах Казанской и Симбирской губерний).....	272
Блиняев С.Н., Широков О.Н. Комитеты под августейшим покровительством в годы Первой мировой войны (на материалах Чувашии).....	279
Галимова Л.Н. Вопрос трансформации элитных социальных групп в России во второй половине XIX – начале XX века	285
Гецевич А.К., Кергет И.Л. Источники по истории дворянских семей XIX – начала XX вв. в архивах Республики Беларусь	289
Евдокимова А.Н. Клировые ведомости как исторический источник о просветительской деятельности приходского духовенства Чувашского края в первой половине XIX века	296
Зыкина А.П. Начальная и средняя школа Чувашского края на рубеже XIX–XX веков	303
Иванова Т.Н. А.И. Яковлев в коммуникативном пространстве российской науки первой половины XX века	312
Ласточкин В.Б. Школьное образование в Чувашии в период Великой Отечественной войны	318
Лысенко Е.Г. Определение маргинального статуса личности в полиэтническом регионе	323
Павлова А.А. Политическая элита местного самоуправления в Чувашии в конце XX – начале XXI века: к постановке вопроса	326
Пазынич С.Н., Пономарев А.С. В.И. Ковтун – посол культуры, мира и искусства между народами	331

Сараев А.С. «Кто и когда доказал, что чувашаи – болгары?» (поиск концептуальной формулы).....	338
Соколова В.И. Молодежь Чувашии в 1960-х – середине 1980-х годов: половозрастная структура, национальный состав, социальная принадлежность и политические приоритеты.....	350
Судаков М.А. Симбирская губерния первой половины XIX в. в зеркале статистической литературы	356
Сухова Е.В. Вклад Чувашской областной организации Ленинского комсомола в Победу советского народа в Великой Отечественной войне .	362
Сухова Е.В., Радиченко А.Н. Слово о бичуриноведе, профессоре Петре Владимировиче Денисове	369
Таймасов Л.А. Этноконфессиональные процессы среди чувашей в трудах С.М. Михайлова и Н.В. Никольского	374
Харитонов М.Ю. Современная историография истории органов государственного-партийного контроля в Чувашии 1920–1930-х гг.....	380
Юманова У.В. Изменение региональных социально-демографических условий формирования благосостояния пожилого населения Чувашии .	387

Научное издание

**НАРОДЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ В ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЕ РОССИИ**

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции,
посвящённой 90-летию со дня рождения
Петра Владимировича Денисова
(28–29 сентября 2018 г.)

**PEOPLES OF THE VOLGA-URAL REGION
IN THE HISTORY AND CULTURE OF RUSSIA**

Materials of the International Conference devoted to the 90th Anniversary
of the birth of Petr Vladimirovich Denisov
(September 28–29, 2018)

Ответственный редактор *Н.А. Петров*

Компьютерная верстка и правка *С.Ю. Максимова*

Дизайн обложки *Н.В. Фирсова*

Подписано в печать 28.01.2019 г.

Дата выхода издания в свет 30.01.2019 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Times. Усл. печ. л. 23,0175. Заказ К-438. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»

428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12

+7 (8352) 655-731

info@phsreda.com

<https://phsreda.com>

Отпечатано в Студии печати «Максимум»

428005, Чебоксары, Гражданская,

75 +7 (8352) 655-047

info@maksimum21.ru

www.maksimum21.ru